

В.КАРПОВ ЖУКОВ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

**Владимир
КАРПОВ**

**ЖУКОВ НА ФРОНТАХ
ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ**

Владимир
КАРПОВ

**ЖУКОВ НА ФРОНТАХ
ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ**

ЛИТЕРАТУРНАЯ МОЗАИКА

ББК 84Р7
К 26

*Книги разных серий и жанров издательства «Вече»
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.
телефон: 188-16-50, 188-04-59.*

О Владимире Карпове и его трилогии “МАРШАЛ ЖУКОВ”

В блистательной плеяде выдающихся советских военачальников Г.К.Жуков — звезда первой величины. В Великой Отечественной войне не было ни одного полководца, который бы заслонил собой Георгия Константиновича в искусстве организации и ведения фронтовых и стратегических операций, отодвинул бы его на второй план. Много заслуженно добрых слов сказано о Г.К.Жукове в нашем Отечестве. Но не только. «Имя Жукова неразрывно связано с серией побед в эпохальных битвах, изменивших ход второй мировой войны», — отмечают американские историки и справедливо подчеркивают, что — «Жуков — воплощение чести и мужества русского народа, символ великих побед и национальной независимости».

Казалось бы, здесь все ясно и понятно. Какие могут существовать сомнения в отношении национального гения, маршала Победы и величайшего из военных авторитетов? Ан нет, в жизни все сложнее и трагичнее. Вокруг личности и деяний Жукова — море противоречивых суждений и оценок: объективных и тенденциозных, компли-

ментарных и критических, справедливых и лживых, добрых и злобных. Более того, в течение четверти века его имя преднамеренно замалчивалось.

Все эти долгие годы на публикации о маршале накладывалось вето, за соблюдением которого зорко следили надсмотрщики от идеологии из окружения И.Сталина, Н.Хрущева, Л.Брежнева. Подоплекой столь пристрастного отношения к великому полководцу явились три главных, взаимосвязанных между собой фактора. Первый — личная зависть политических и ряда военных лидеров страны к славе Жукова. Второй — недовольство некоторых его прежних сослуживцев, причинами которого послужили некогда нанесенные им в сложной военной обстановке или за упущения в руководстве войсками «обиды». А третий фактор, как образно выразился американский исследователь Уильям Спар, — «шакальи повадки многих офицеров, которые при поощрении ГлавПУРа подкусывали и критиковали полководца, когда это оказывалось выгодным».

В те времена политические круги стремились так манипулировать общественным мнением, чтобы полностью вытравить имя Жукова из памяти советских людей. Но тщетно! Наш народ никогда не забывал своего великого полководца. А слава, ее прошлое и будущее, искали и по крупницам собирали сведения о легендарном маршале, чтобы когда-нибудь рассказать правду о нем. Среди этих патриотов находился и мой верный друг — писатель, участник Великой Отечественной войны, гвардии полковник В.В.Карпов.

Особенно напряженный поиск документов, материалов, фактов и событий из жизни Жукова вел Владимир Васильевич последние 11 лет, то есть с того момента, когда принял решение сказать свое слово о маршале. Он работал в архивах России и многих зарубежных стран, штудировал книги о второй мировой и Великой Отечественной войнах, мемуары военачальников, встречался с сослужив-

цами Георгия Константиновича и таким образом собрал огромное количество документального материала. Но, как известно, сами по себе исторические факты, содержащиеся в источниках, не более как камни и кирпичи: только художник может воздвигнуть из этого материала изящное здание. Вне всякого сомнения, дело обстоит именно так. Вместе с тем, лишь художественного дарования и литературного мастерства в данном случае явно недостаточно.

Дело в том, что книга, которую задумал написать В.Карпов, это не просто биография крупной личности, а настоящее военно-историческое исследование операций, кампаний и Великой Отечественной войны в целом, раскрытие роли и места в них Жукова, анализ взаимоотношений Георгия Константиновича с Верховным Главнокомандующим, членами ГКО, Ставки, правительства, Политбюро и подчиненными. Вследствие этого от автора требуется умение не только изображать события, создавая «из отдельных эпизодов, фрагментов и цитат художественную картину», но и вносить в нее свои личные суждения, объяснения, толкования. Сделать же это, поверьте, очень и очень нелегко.

Причина заключается в том, что на все основные события войны и послевоенного периода у различных полководцев, историков, политических и общественных деятелей существуют свои взгляды, которые зачастую диаметрально противоположны. Официальная же советская историография войны страдает непоследовательностью в оценке великих дел, которые мы смогли совершить, но не сумели достойно и правдиво описать. В результате каждое новое издание, посвященное Великой Отечественной войне, одни и те же факты сплошь и рядом истолковывает по-разному.

В сложившейся ситуации автор не может механически встать на ту или иную точку зрения. Он должен сам определить свою позицию и дать свой комментарий каждому событию, факту или документу. Вот почему ему не-

обходимо обладать не только фантазией художника, но и навыками научного исследователя. От писателя, работающего над такой крупномасштабной темой, требуется широкий оперативно-стратегический и военно-политический кругозор, знание истории военного искусства, умение всесторонне оценивать архивные документы и прочие исторические материалы. Только при наличии этих качеств он может установить истину, разобраться в складывавшейся обстановке и распутать стратагемы прожженных интриганов, порочивших великого полководца. Наконец, он должен иметь и определенное мужество, чтобы выдержать наскоки недругов, которые и сегодня продолжают чернить не только имя Жукова, но и тех, кто распространяет о нем правду.

Обладает ли писатель Карпов вышеназванными качествами?

Чтобы ответить на этот вопрос, воспользуемся столь обожаемой Владимиром Васильевичем мозаикой, с той разницей, что факты возьмем из его собственной жизни. Вот лишь некоторые из них.

В день, когда первые разрывы снарядов и бомб обозначили начало второй мировой войны, 17-летний Владимир приступил к учебе в Ташкентском военном пехотном училище имени В.И.Ленина. Предгрозовая атмосфера на границах отчизны и нависшая над страной опасность нападения со стороны ее врагов требовали от курсантов большой настойчивости и трудолюбия, чтобы освоить премудрости нелегкой офицерской профессии. Владимир хорошо это осознавал и очень старался. В училище он получил твердые знания и необходимые навыки по организации и ведению боя стрелковыми подразделениями. Здесь он закалил свою волю и, кроме всего, стал первоклассным спортсменом-боксером, завоевав звания чемпиона военного округа, чемпиона Узбекистана и чемпиона республик Средней Азии в среднем весе.

Следует заметить, что в те годы соревнования боксеров пользовались огромной популярностью у жителей Ташкента. Проходили они при переполненных залах и зачастую на арене цирка. По рассказам очевидцев, особенную и неизменную любовь зрители проявляли к каждому выступлению курсанта Карпова. Бурей восторга встречали болельщики не только появление на ринге Владимира и каждый его удар, достигший цели, но и умелый маневр с уходом от встречных атак соперника. Нельзя было без восхищения смотреть, как этот молодой, красивый парень с широкими плечами и узкой талией сильнейшими ударами и мгновенной реакцией выигрывает один бой за другим, демонстрируя великолепную технику, умную тактику и большую выносливость.

Да, перспектива жизненного пути у Владимира была многообещающей. Все говорило о том, что в его лице Красная Армия получит хорошо подготовленного, сильного и отважного офицера. Однако судьба распорядилась иначе. Нежданно-негаданно на юношу обрушились тяжелейшие испытания. В конце апреля 1941 года, когда до выпуска из училища оставалось менее двух недель, его арестовали, предъявив стандартное обвинение тех лет — «участие в заговоре против существующего строя» и «компрометация вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина».

В чем же состояла «вина» Карпова?

Готовясь к госэкзаменам, он читал брошюру о работе В.И.Ленина «Что делать?» и, между прочим, подсчитал, что о Сталине в ней говорилось 80 раз, а о Ленине — только 60. «Но когда Ленин писал этот свой труд, он даже не знал, что на свете существует Сталин. Они встретились гораздо позже! Но почему, — недоумевал Владимир, — нужно заслонять Ленина Сталиным?» Этим своим «крамольным» вопросом он поделился с курсантом, который сидел с ним за одним столом, а тот, в свою очередь, немедля донес на Карпова особисту. Как видим, вина его заключалась в критическом складе ума,

что было равносильно инакомыслию. «Грехи» такого рода органы госбезопасности не прощали никому. Вот и без пяти минут лейтенант Карпов был зачислен ими в разряд «врагов народа».

Дальнейшие события развивались по типичному бериевскому сценарию. Одиночная камера... Ночные допросы с пристрастием, на которых заплечных дел мастера выбивали из обвиняемого нужные им показания... К чести Владимира, он, как отважный боксер, обладал способностью не только атаковать, но и держать удары противника. Пятимесячные истязания души и тела не сломили 19-летнего юношу. Особистам НКВД не удалось блеснуть перед «верхами новым «крупным групповым делом», в котором были бы замешаны высокопоставленные военные. Но вот самого Владимира военный трибунал осудил к лишению свободы на 5 лет по самой зловещей тогда 58-й статье.

После оглашения приговора его перевели в общую камеру, и только тут он узнал об огромной беде, свалившейся на страну. Оказывается, уже 3 месяца на нашей земле бушевала война, а он ничего о ней даже не слышал. Лишь теперь он узнал, что фашисты захватили Новгород, Смоленск, Киев и многие другие города. Войска Красной Армии, понесшие большие потери, нуждались в резервах. Но вместо того, чтобы отлично подготовленного в военном отношении человека отправить на фронт, Карпова загнали в Сибирь. Можно лишь представить состояние юноши, который с детских лет мечтал о профессии защитника Отечества и полностью подготовил себя к боям с врагами, а вместо этого его бросили за колючую проволоку и заставили валить лес.

Однако судьба заключенного не сломила Владимира. Раз за разом он обращался в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой отправить его на фронт, чтобы дать возможность бить фашистов и тем самым показать свою преданность Родине. В конце 1942 года просьба была

удовлетворена: Карпова направили в одну из штрафных рот 39-й армии Калининского фронта. По положению боец-штрафник должен быть ранен или убит. Лишь тогда с него снимали вину. Сами же штрафные роты использовались на наиболее тяжелых участках фронта, выполняя самые опасные задания. Для Карпова местом очередных испытаний стал район г.Белый, печально знаменитый обильно пролитой на его земле солдатской кровью. Здесь он участвовал во многих атаках и рукопашных схватках и дрался с врагом так мастерски и смело, что 20 февраля 1943 г. Военный совет Калининского фронта снял с него судимость, возвратив имя честного и чистого перед Родиной человека.

Владимира зачислили рядовым во взвод пешей разведки стрелкового полка. В его составе он участвовал в Ржевско-Вяземской 1943 года, Духовщино-Демидовской, Смоленской и других наступательных операциях, проявив себя лихим и смелым разведчиком. За год войны он прошел путь от красноармейца до старшего лейтенанта. Выполняя задания командования, участвовал в захвате 79 «языков». За свои героические подвиги он получил не только ордена и медали. В июне 1944 года В.В.Карпов был удостоен высшей награды страны — звания Героя Советского Союза.

Осенью того же года, залечив полученные в боях ранения, Владимир стал слушателем Высшей разведывательной школы Генерального штаба, а затем Военной академии имени М.В.Фрунзе. В течение четырех лет он подводил теоретическую базу под свой фронтовой опыт, изучая тактику высших соединений, армейские операции, историю военного искусства и многие другие дисциплины. В стенах прославленной академии, являвшейся крупнейшим центром военно-научной мысли в области тактики сухопутных войск, Карпов привлек к себе внимание хорошим знанием отдельных боев и операций, стремлением критически осмыслить их итоги и делать не только

частные выводы, но и широкие обобщения. Сильной стороной его явилось счастливое соединение качеств исследователя и литератора. Эти две грани таланта слушателя-фрунзенца и определили его будущее. Офицер с такими данными был неоценим для Генерального штаба, где обобщался богатейший опыт Великой Отечественной войны и шла напряженнейшая работа над новыми уставами, наставлениями и трудами по стратегии и оперативному искусству. Служить в Генштабе — высокая честь для офицера. Такой чести был удостоен и Владимир Васильевич. Вместе с дипломом о высшем военном образовании он получил направление на Высшие академические курсы, где готовили кадры разведчиков оперативно-стратегического звена для Генштаба. Окончив их, Карпов в течение шести лет работал в этом главном органе управления вооруженными силами государства, по праву называемому «мозгом армии».

Владимир Васильевич, сочетая службу и литературное творчество, а печатается он с 1945 года, постоянно ощущал отсутствие знаний по теории и специфике литературного труда. Чтобы ликвидировать «кустарничество», он решил поступить на вечернее отделение Литературного института имени М.Горького. Его учеба проходила в условиях постоянного жесткого дефицита времени, ответственных служебных командировок и бессонных ночей. Однако большая любовь к делу, талант, трудолюбие, а также поддержка со стороны его творческих наставников — русских писателей К.Паустовского, признанного мастера лирической прозы, и А.Чаковского, публициста и баталиста, первым крупным произведением которого стала трилогия о подвиге Ленинграда в войне, помогли Карпову преодолеть все трудности. В 1954 году он успешно защитил диплом.

Завершив учебу в институте, подполковник Карпов сразу же подал рапорт с просьбой направить его в войска, решив испытать себя на командных должностях. Кроме

того, он хотел писать не только о войне, но и о повседневной армейской жизни в послевоенный период. Правда, непосредственное начальство, не желая отпускать столь ценного работника, попыталось противодействовать намерению Владимира Васильевича, однако руководство Министерства обороны отнеслось с пониманием к стремлению писателя и направило его в Туркестанский военный округ. В жарких районах Средней Азии Карпов служил еще 10 лет, командовал полком на Памире, в Кара-Кумах, был замкомдивом на Кушке, вплоть до увольнения в запас. В эти и последующие годы он создал целый ряд литературных произведений о Советской Армии. Многие из них были высоко оценены критикой. За свой литературный труд Владимир Карпов удостоивался званий лауреата Государственной премии СССР, премии имени Александра Фадеева, был отмечен «Золотой медалью» лауреата премии Министерства обороны.

Приведенных фактов вполне достаточно, чтобы показать высокий уровень профессионализма Карпова, но, кроме этого, в военном деле его знания оценены званием академика Академии Военных наук, а в писательской среде должностью главного редактора лучшего журнала «Новый мир», который он возглавлял в течение шести лет. В 1986 году Владимир Васильевич избран Первым секретарем Союза писателей СССР. Потому и ответ на вопрос о том, по плечу ли ему создать правдивое и многоплановое полотно, дать объективную оценку деяниям великого русского полководца Георгия Константиновича Жукова, должен быть, без всякого сомнения, положительным. Всей своей жизнью, тяжелыми испытаниями, мужеством, честью, благородством и талантом он завоевал право на создание столь ответственного произведения, которое возвращает легендарной личности маршала то место, что отвела ему история, а суждения и комментарии писателя заслуживают доверие читателей.

Трилогия Владимира Карпова «Маршал Жуков» — наиболее значительный, крупный и достоверный труд в отечественной историографии, труд, в котором события, поступки и качества полководца рассматриваются, анализируются и обобщаются в их преломлении сквозь призму военного искусства. Считаю обоснованным композиционное построение книги, позволившее в логической последовательности проследить основные этапы жизненного пути маршала — становление его личности, расцвет военного гения и несправедливую опалу. Издание такой книги, безусловно, большое событие в ряду исторических исследований, относящихся к периоду Великой Отечественной войны. Она принадлежит к числу произведений, отмеченных объективностью в трактовке событий тех лет, бережным отношением к документам, к свидетельствам участников...

Пересказывать содержание трилогии или пытаться сделать критический анализ ее на нескольких страницах — дело и неблагодарное, и нереальное, а посему ограничусь лишь своим общим впечатлением о личности Георгия Константиновича и поделюсь некоторыми своими суждениями.

Писатель постарался показать Жукова таким, каким в действительности был этот неординарный и удивительно яркий человек, щедро одаренный мудростью и талантом. Среди своих сверстников и сослуживцев он выделялся мощным интеллектом и широкой, почти энциклопедической эрудицией, приобретенной в результате упорного самообразования, энергии, железной воли и целеустремленности. Жуков не был этаким добряком. Порой бывал крайне строг и требователен. Но никогда — ни в большом, ни в малом — не грешил против совести и порядочности. На всех постах, где пришлось ему служить, Георгий Константинович пользовался непререкаемым авторитетом как у подчиненных, так и у старших начальников. Прежде всего, потому что превосходно знал свое

дело. Но еще и потому, что высочайшую требовательность он предъявлял сперва к себе, а уж потом — к своим подчиненным. Глубокое уважение окружающих вызывали его блестящий организаторский талант, прямога суждений, нетерпимость к небрежности или недобросовестности в любом их проявлении.

Эти черты его личности с особой силой проявились в годы Великой Отечественной войны. С большим напряжением, без устали, часто без сна и отдыха трудился Жуков над тем, как лучше решить стоявшие перед войсками задачи. Он был образцом высокой дисциплины, всегда с чувством ответственности подходил к реализации полученных приказов, однако не был слепым исполнителем чужой воли. Осознавая свою правоту в том или ином спорном вопросе, Жуков мог довольно резко возразить Сталину, на что почти никто другой из военачальников не отваживался. Только Жуков ничего не боялся. Он был смельчаком.

В Великой Отечественной войне Жуков отдавал все свои силы, опыт, энергию, весь свой огромнейший талант делу разгрома врага. Он сражался с агрессором, начиная с приграничных операций, когда организовывал контрудары механизированных корпусов Юго-Западного фронта в районе Броды, Луцк, Ровно; успешно провел наступательную операцию под Ельней, а затем как «пожарный» появлялся на всех опасных участках советско-германского фронта, включая Ленинград, Москву и Сталинград, и стабилизировал там положение. С его именем связан прорыв блокады Ленинграда. Он координировал действия фронтов в битвах под Сталинградом, Курском и за Днепр, в Белорусской стратегической и других операциях. Георгий Константинович командовал фронтами под Москвой, на Правобережной Украине, при освобождении западных районов Польши и в Берлинской операции. От имени и по поручению Верховного Главнокомандования в

поверженном Берлине он принял капитуляцию вооруженных сил фашистской Германии...

Шло время... В канун 10-летия Победы над Германией маршал Жуков, назначенный министром обороны СССР после своей первой опалы и «ссылки» во внутренние округа страны, поручил Военно-историческому управлению Генерального штаба определить наиболее выдающуюся операцию минувшей войны. Военные историки, оценив каждую из основных операций, проведенных Красной Армией, пришли к выводу, что таковой, безусловно, следует считать Висло-Одерскую операцию.

Маршал внимательно выслушал аргументы ученых и затем сказал, что с точки зрения достигнутых результатов, размаха, эффективности управления войсками и других факторов эта операция действительно выдающаяся. «Но давайте посмотрим на нее под другим ракурсом, — продолжал Георгий Константинович, — а именно с точки зрения сравнения условий проведения различных операций. Вспомните, к январю 45-го мы уже более двух лет владели стратегической инициативой. На варшавско-берлинском направлении наши войска имели общее 4—8 кратное, а на участках прорыва — 10—11 кратное превосходство в силах и средствах над врагом. Советская авиация господствовала в воздухе. За плечами солдат и офицеров был опыт войны в 3,5 года. Было вполне удовлетворительным и материально-техническое обеспечение. В такой обстановке мы делали что угодно и как нам было выгодно. А вот когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, — сказал после некоторой паузы Жуков, — я всегда отвечаю: битва за Москву. Обстановка здесь была полностью противоположной той, которая сложилась во время Висло-Одерской операции. Германский вермахт имел наибольшее за всю войну преимущество в численности войск и технической оснащенности, а также — в опытности, подвижности и обеспеченности боеприпасами.

Наши войска не смогли выдержать сосредоточенных

ударов врага, который, прорвав тактическую оборону, устремился в оперативную глубину. Совершив глубокий охват с флангов, немцы вышли на тылы и к исходу шестого дня операции окружили в районе Вязьмы значительные силы Западного и Резервного фронтов, а еще через день расчленили и отрезали пути отхода армиям Брянского фронта».

Над Москвой нависла смертельная опасность: стратегический фронт прорван. В обороне образовалась брешь шириной до 500 км, открыв почти все дороги к столице. Свыше 2/3 войск, прикрывших город с запада, попали в окружение. Фронты западного направления оказались не в состоянии преградить врагу путь. Не имела возможности повлиять на ход боевых действий и Ставка, так как свои резервы она использовала для ликвидации последствий разгрома войск Юго-Западного фронта под Киевом.

В такой тяжелейшей обстановке Жуков вступил в командование Западным фронтом, взвалив на свои плечи груз величайшей ответственности за участь столицы. Ему предстояло остановить наступление противника, общее преимущество которого в силах и средствах над войсками фронта достигло 7—9 кратной величины (против 1,4—1,8 кратной в начале битвы, то есть стало подавляющим. Ему предстояло действовать без опоры на Генштаб, который был эвакуирован в Арзамас, за 400 км от Москвы.

Г.К.Жуков первым делом наладил управление войсками, организовал непрерывную разведку и выехал на самый опасный участок фронта, чтобы на месте разобраться в обстановке. Дни и ночи, почти без сна и отдыха, он находился вблизи линии фронта и чутко реагировал на малейшие изменения ритма сражений. Чтобы выиграть время и успеть подготовить оборону на избранных им рубежах до подхода к ним противника, Жуков отдавал распоряжения не только командармам, но иногда и прямо командирам соединений и частей, указывая, что делать, где занять оборону, куда подать транспорт для маневра и т.д.

В этой драматической ситуации особенно рельефно проявился полководческий талант Георгия Константиновича. По свидетельству бывшего начальника штаба Западного фронта в период битвы под Москвой маршала В.Д.Соколовского, «Жуков мог как-то интуитивно, провидчески заглянуть в перспективу хода военных действий в самой сложной ситуации. Его талант в этом отношении был настолько ярким, что одного взгляда на карту ему было иногда достаточно, чтобы оценить обстановку. Ставя себя в положение немецкого командования, он почти безошибочно предугадывал возможные решения и замыслы противника. Это позволяло нам своевременно принимать необходимые контрмеры и осуществлять маневр резервами для того, чтобы парировать возможные удары врага, что в условиях недостатка у нас сил имело решающее значение».

Не вдаваясь в подробности Московской битвы, которые общеизвестны, отмечу лишь следующее. Советские войска, находясь в совершенно проигрышном оперативно-стратегическом положении, сделали невозможное — остановили превосходящие силы врага буквально у стен столицы. Но еще более примечательным является то, что Жуков интуитивно уловил приближение кризисного момента в наступлении противника и выступил с инициативой о немедленном переходе советских войск в контрнаступление.

В сложившейся обстановке у советского командования имелся всего один шанс на успех — начать контрнаступление раньше, чем ударные группировки противника перейдут к обороне. И эту единственную возможность оно не упустило: впервые во второй мировой войне войска Красной Армии нанесли крупное поражение дотоле считавшейся непобедимой германской армии и, отбросив ее от Москвы на 100—250 км, сняли угрозу советской столице.

Заслуга Жукова в том, что он благодаря своей полководческой интуиции и дару предвидения схватил самую суть перемен в обстановке, определил переломный момент в развитии событий и, выбрав наиболее выгодное время перехода от обороны к наступлению, блестяще превратил свой замысел в жизнь. Показательным является то, что соотношение по пехоте, танкам и артиллерии между противоборствовавшими сторонами было примерно таким же, как в начале битвы, а исход — диаметрально противоположным: там жестокое поражение, а здесь блестящая победа, поставившая Георгия Константиновича в ряд национальных героев.

Победа под Москвой сыграла выдающуюся роль в истории нашего Отечества, положив начало перелому не только в Великой Отечественной, но и во всей второй мировой войне. Творцы этой замечательной победы снискали себе почет и уважение современников и благодарную память потомков. В силу этого Федеральный закон России день начала контрнаступления под Москвой совершенно справедливо внес в перечень Дней Ратной Славы России, который будет отмечаться ежегодно 5 декабря.

В биографии любого человека есть особые события, которыми он гордится и никогда не забывает. Их нельзя сравнить между собой и утверждать, что, вот, у одного они — значительные, а у другого — нет. У каждого из нас свой путь и свои жизненные вершины. Например, битва под Москвой, где Георгий Константинович Жуков в тяжелейших условиях одержал свою первую крупную победу, стала главной его операцией, главным подвигом в Великой Отечественной войне и главным событием всей жизни. А вот у Владимира Васильевича Карпова, несомненно, главным произведением в его писательской работе стала трилогия «Маршал Жуков», созданием которой он помогает возратить легендарному русскому полководцу то место, которое ему отвела история.

Надеюсь, что эта честная, правдивая и умная книга найдет живой, заинтересованный и благодарный отклик не только у ветеранов, но и у новых поколений россиян. Думаю, что Владимир Карпов продолжит работу по раскрытию необыкновенно яркой, самобытной и многогранной личности Г.К.Жукова, ибо эта тема неисчерпаема.

А самому Владимиру Васильевичу, моему боевому товарищу по войне и другу в мирной жизни, я от души желаю доброго здоровья и новых творческих успехов.

Маршал Советского Союза
В.Г.Куликов

25 декабря 1995 г.

ЗИМА 1942 ГОДА

Итак, за первые шесть месяцев войны обессилели обе армии — германская, в наступлении от границы до Москвы, и наша — в оборонительных сражениях на том же пространстве.

22 июня 1941 года фельдмаршал фон Бок ступил на нашу землю во главе могучей группы армий «Центр» — в ней была пятьдесят одна дивизия, из них — девять танковых и шесть механизированных!

А 3 декабря, разглядывая Москву через стереотрубу, фельдмаршал умолял фюрера добавить хотя бы несколько боеспособных батальонов... Советские войска, тоже из последних сил, на одном энтузиазме, выдержали натиск врага. Жуков ощутил загнанное дыхание противника, и войска под его руководством свершили невозможное: встречными контрударами опрокинули остатки наступающих и погнали их вспять.

Верховный Главнокомандующий Сталин от сомнения: «Удержим ли Москву?», под впечатлением успешных контрударов Жукова воспрянул духом, да так, что замахнулся очень широко. Впрочем, пусть лучше он сам скажет о своих планах, да и его приподнятое настроение

отчетливо ощущается в этих словах (5 января 1942 года на заседании Ставки):

— Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление... Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны...

Вот так — общее наступление от Ладожского озера до Черного моря. Но какими силами? А все теми же, что были, как говорится, в наличии: оставшиеся в живых при отступлении с границы. Ну и еще к ним добавились мобилизованные старики да юноши.

Чем кончился этот очередной всплеск, я коротко описал в конце первой книги. Приведу здесь только слова Жукова: они как бы подводят итог общего наступления и показывают разницу в мышлении Жукова и Сталина.

«...Контрнаступление зимой 1941—1942 годов происходило в сложных условиях, без численного превосходства над противником. К тому же мы не имели в распоряжении фронтов полноценных танковых и механизированных соединений, а без них, как показала практика войны, проводить наступательные операции с решительными целями и большим размахом нельзя. Опережать маневр противника, быстро обходить его фланги, перерезать тыловые пути, окружать и рассекать вражеские группировки можно только с помощью мощных танковых и механизированных соединений».

Все это необходимо было для осуществления замысла Сталина. А он погнал вперед обессилевшие в предыдущих боях фронты, не считаясь с их измотанностью (не говоря уж об отсутствии танковых и механизированных соединений, о которых пишет Жуков). Практически наши части «не рассекали» и «не окружали» противника, а вытесняли его лобовыми (самыми губи-

тельными для наступающих) атаками и несли при этом огромные, неоправданные потери.

Много написано о Сталине. Одни считают его великим полководцем, другие утверждают, что он почти не разбирался в военном искусстве. Жуков справедливо оценивал Сталина как военачальника в разное время по-разному. В данном случае правы и маршал и те, кто считал Сталина не очень-то грамотным в делах военных. Но, подчеркиваю, только на этом этапе войны и только в этом конкретном случае.

В общем, зимнее наступление не принесло результатов, на которые надеялся Сталин, да и его ближайшие сподвижники. К апрелю активные боевые действия на всех фронтах прекратились.

Здесь мне кажется уместным привести эпизод, связанный с тяжелыми потерями на Западном фронте. В потерях этих обвиняли Жукова, но как увидят читатели, эти беды произошли именно из-за отсутствия в распоряжении Жукова механизированных соединений.

Но пойдем по порядку. После директивы Сталина об общем наступлении Жуков (хотя и высказывался на заседании Ставки 5 января 1942 года против такой необеспеченной операции), будучи дисциплинированным исполнителем, организовал и начал 10 января наступательные действия Западного фронта. Войска в результате упорных боев прорвали оборону противника. Сначала на правом фланге, а затем и в центре, где к 20 января овладели городами Руза, Дорохово, Можайск, Верея. Не имея механизированных частей для развития прорыва, Жуков решил выбросить в 40 километрах южнее Вязьмы десант силой до двух воздушно-десантных полков и этим помочь 33-й армии генерала Ефремова и 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу Белова — с ходу овладеть Вязьмой.

Замысел прекрасный, типично жуковский — стремительный, сокрушающий весь вяземский узел обороны.

Но, как говорится, гладко было на бумаге. Десант в назначенном районе высадился 18 января. 1-й кавкорпус Белова прорвался юго-западнее Юхнова и соединился с десантниками и партизанскими отрядами южнее Вязьмы. 33-я армия под командованием одного из опытейших и отважных командармов генерал-лейтенанта Ефремова, приложившего все силы для выполнения приказа, вышла в тот же район и завязала бои на подступах к Вязьме.

Наблюдая успешные действия фронта Жукова (рассуждая логично), Сталину надо было бы поддержать Жукова резервами, развить его успех (что и предлагал Георгий Константинович). Но Верховный, озабоченный неудачами на других фронтах, вдруг приказал Жукову вывести из боя 1-ю ударную армию и передать ее в распоряжение Ставки.

Жуков позвонил Сталину, просил не делать этого, однако тот безапелляционно ответил:

— Выводить без всяких разговоров! У вас войск много, посчитайте, сколько у вас армий.

Возражения Жукова о том, что фронт у него очень широкий, Верховный слушать не стал, повесил трубку.

Гитлеровцы перебросили резервы с других участков и отрезали прорвавшиеся к Вязьме части.

В течение двух месяцев армия Ефремова, корпус Белова и десантники наносили потери противнику, сражаясь в его тылах. Они стали пробиваться к своим только после разрешения командующего фронтом. В этих боях погиб славный командарм Ефремов Михаил Григорьевич.

После издания первой моей книги о Жукове я получил в числе многих других писем объемистый пакет от сына командарма Ефремова. Он детально исследовал обстоятельства гибели своего отца и 33-й армии и пришел к заключению, что виновен в этом командующий фронтом Жуков, потому что, послав армию в прорыв, не обеспе-

чил ее фланги и дал возможность гитлеровцам перекрыть коридор, соединивший фронт с армией и десантом.

Доведись любому из нас потерять близкого человека, мы бы тоже искали виновных или какие-то причины, ослабляющие боль утраты. Я конечно же сочувствую Ефремову-младшему (к сожалению, не знаю его имени), глубоко сожалею о гибели талантливого командарма Ефремова, не сомневаюсь, что такой одаренный, энергичный и образованный генерал был бы к концу войны одним из маршалов. Но, увы, только этим сочувствием приходится ограничиться.

К сожалению, в письме сына Ефремова в адрес Жукова высказываются очень обидные, несправедливые и явно вызванные эмоциональным пережестом оскорбительные слова. Если бы все кончилось посланием, адресованным мне, может быть, и не стоило так подробно на нем останавливаться. Но это послание, даже в более расширенном виде, было позднее опубликовано в «Военно-историческом журнале». Правда, в редакции несколько «почистили» текст, убрав уж слишком оскорбительные эпитеты, но суть обвинительного пафоса журнальной публикации тоже сохранена. И вот это последнее меня и заставляет высказать свое мнение.

Для развития успеха, которого добились, прорвавшись в глубину, в направлении Вязьмы 33-я армия и кавалерийский корпус, Жуков решил ввести в этот прорыв дополнительные силы. Он поставил задачу 9-й гвардейской дивизии под командованием генерал-майора Белобородова совершить марш, войдя в этот прорыв, присоединиться к армии Ефремова и вместе с ней добиться взятия Вязьмы.

По этому поводу сын Ефремова пишет, что, когда Белобородов со своим штабом и передовым полком прибыл в деревню Звамутское, в начале горловины, через которую прошла в глубь обороны противника 33-я армия, то здесь, как пишет автор письма: «Белобородову

стало ясно, что фашистские войска перешли к решительным действиям с целью «подрубить» основание прорыва ударной группы 33-й армии и окружить ее. Вот бы создать из сильной (она имела численный состав даже больше, чем вся ефремовская группа, — это 9-я гвардейская СД) «подпорки»...» (Имеется в виду обеспечение флангов для сохранения коридора. — В.К.).

Ефремов обвиняет Жукова в том, что он не только не понял необходимости укрепить фланги этого коридора, но и увел 9-ю гвардейскую дивизию, которая уже находилась в этом коридоре, и тем самым «способствовал рассечению 33-й армии на две части», а затем и ее гибели.

С тем, что не были закреплены фланги коридора, через который прошла 33-я армия, согласиться можно, но нельзя объяснять это только нежеланием Жукова или даже неким его коварством, как это пытается сделать младший Ефремов. Тем более что факты, приводимые им в этих обвинениях, не всегда точны. Например, он утверждает, что 9-я гвардейская дивизия была свежей, полностью укомплектованной и могла бы обеспечить сохранение этого коридора.

В своих воспоминаниях генерал Белобородов так пишет о своей дивизии тех дней:

«27 января в 11 утра дивизия получила боевой приказ командующего Западным фронтом (Жукова). И в ту же ночь начала форсированный марш с севера на юг, вдоль линии фронта к городу Медынь. Сроки у нас жесткие — 150 километров дивизия должна пройти за четверо суток!.. Ночь, бушует снежная пурга, ничего не видно в десяти шагах... Трехмесячные непрерывные бои сказались на боееспособности дивизии. В стрелковых полках осталось по 250—300 человек личного состава... Трудности форсированного марша усугубляла погода. Морозы достигали 40 градусов, непрерывно валил снег... Три первых ночных перехода продолжались по 11—13 часов, стрелковые полки даже опередили установленный штабом график движения.

Артиллерия на гужевой тяге, все припасы, машины с боеприпасами, конечно же, отстали, буксовали в сугробах еще долго после того, как генерал Белобородов доложил о прибытии в назначенный район. Начальник штаба фронта генерал Маландин приказал:

— Немедленно сосредоточивайте дивизию в район Износки, и придется вступить в бой с марша».

Белобородов попросил генерала Маландина доложить командующему, что сосредоточены только стрелковые полки, артиллерия отстала. Маландин выполнил просьбу генерала, доложил об этом Жукову, но командующий фронтом подтвердил ранее отданный приказ, и дивизия стала входить в прорыв. Жуков хотел нарастить силу удара 33-й армии, время не ждало, и поэтому он принимал такое решение. Это подтверждает и Белобородов.

«В штабе армии я получил приказ ввести дивизию в прорыв, чтобы в составе ударной группы наступать на Вязьму».

Таким образом, приведенная цитата не подтверждает слова младшего Ефремова о том, что 9-я гвардейская дивизия была полностью укомплектованной, свежей и т.д., после такого трудного перехода и имея по 200—300 человек в полку, да еще без артиллерии и тылов. Конечно же, она не представляла той силы, которая могла бы обеспечить сохранность коридора прорыва.

Но еще до того, как возник вопрос о том, что 9-я дивизия могла бы укрепить фланги прорыва, она снова совершала марш в глубь обороны противника вслед за 33-й армией. Дивизия Белобородова, вернее, ее стрелковые полки шли по тем же дорогам, по которым прошли части 33-й армии. Белобородов выдвинулся вперед, встретился с генералом Ефремовым, доложил ему о скором прибытии своих частей, и Ефремов поставил задачу: с утра со всеми другими частями 33-й армии наступать на Вязьму, но поскольку полки не могли успеть к этому сроку занять исходные позиции, Ефремов согласился, чтобы

Белобородов побыстрее сформировал лыжный батальон, прибыл и утром начал боевые действия главными силами армии.

Все это Белобородов выполнил. Батальон был сформирован, и головной полк через некоторое время даже вступил в бой с противником, но в это время прибыл офицер связи и вручил Белобородову приказ, согласно которому его дивизия выходила из прорыва и переходила в подчинение генерал-лейтенанта Голубева — командующего 43-й армией.

Как кажется сыну Ефремова, Жуков тем самым бросил на произвол судьбы 33-ю армию и не захотел укреплять коридор прорыва силами 9-й дивизии. Но это не соответствует действительности. Случилось так, что противник решил ударом частей, противостоявших 43-й армии, захлопнуть этот коридор, и Жуков, заботясь именно о сохранении коридора, выводил 9-ю дивизию в распоряжение противника. Вот что пишет Белобородов:

«Стало ясно, что фашистские войска перешли к решительным действиям с целью «подрубить основание прорыва ударной группы 33-й армии и окружить ее». Так что не бросил Жуков 33-ю армию на произвол судьбы, а принимал все меры, чтобы сохранить этот коридор прорыва. И, как я уже сказал выше, в это время Ставка забрала у него с фронта 1-ю ударную армию; у Жукова не было других сил, кроме тех, о которых мы говорим, для сохранения коридора прорыва».

9-я гвардейская дивизия, с другими частями 43-й армии, предприняла несколько попыток для того, чтобы отразить атаки немцев, пытавшихся перекрыть коридор. Части несли большие потери, но выполнить задачу никак не удавалось. О том, что Жуков пристально следил за этим направлением на своем широком Западном фронте, подтверждают и такие крайние, чисто жуковские, меры для достижения задачи. Когда уже части понесли большие

потери, а проход 33-й армии нужно было все-таки сохранить, поступила команда: «Всем вперед! Командирам и политработникам выйти в стрелковую цепь и возглавить атаку!»

Вот до каких крайних мер доходил Жуков, посылая уже и офицеров штаба и весь командный состав тыловых подразделений для удержания прохода 33-й армии. Так что обвинения в том, что Жуков отнесся халатно к сохранению прохода и 33-я армия была окружена только из-за «бездействия» Жукова, кажутся мне несправедливыми: факты этого не подтверждают.

Несмотря на большие потери в командном составе, части 43-й армии и дивизия Белобородова продолжали наступать, идти на помощь 33-й армии Ефремова и добились ощутимых результатов. Они полностью обескровили противостоявшую им на этом участке 17-ю пехотную дивизию, которую немцы заменили впоследствии свежими силами.

Гвардейцы, понимая необходимость помочь товарищам, находившимся в окружении, продолжали наступать. И как пишет Белобородов: «Мы почти не получали пополнения, и наши стрелковые полки по численности бойцов редко тогда превышали 1,5-2 роты нормального состава. 9-я гвардейская, как и в целом войска 43-й армии, продолжали настойчиво атаковать оборону противника. В начале марта нас известили, что группа генерал-лейтенанта Ефремова пошла на прорыв к Угре, нам навстречу. Мы, в свою очередь, усилили атаки. Но миновал день, другой, третий, а в нашей полосе прорывались из окружения лишь небольшие сводные группы бойцов и командиров. О судьбе генерала М.Г.Ефремова они ничего определенного сказать не могли».

Таким образом, очевидно, что Жуков до последнего дня пытался, даже утратив коридор прорыва, помочь частям 33-й армии и кавалерийского корпуса выйти из окружения, но не всегда все удается даже талантливым

полководцам. Выручить 33-ю армию, вернее остатки ее, не удалось. Это действительно была одна из неудачных операций в полководческой деятельности Жукова.

Что же касается «виновности» Жукова, то я еще раз напомним выше приведенные его слова об отсутствии механизированных частей и добавлю: механизированных не было, к тому же и обычные крупные объединения (1-ю ударную армию) в разгар боев отобрали у командующего Западным фронтом. Жуков уважал генерала Ефремова, понимал трудности, в которых оказалась армия, поддерживал с ней по радио постоянную личную связь, снабжал чем мог по воздуху, упорно предпринимал попытки пробить выход частям из окружения.

Часть окруженных вышла указанным им путем. А сам Ефремов посчитал, что предложенный Жуковым путь для выхода слишком длинный, и обратился по радио непосредственно в Генштаб с просьбой разрешить ему прорываться более коротким путем.

Жуков в своих воспоминаниях пишет: «Мне тут же позвонил Сталин и спросил, согласен ли я с предложением Ефремова. Я ответил категорическим отказом. Но Верховный сказал, что Ефремов опытный командарм и что надо согласиться с ним. Ставка приказала организовать встречный удар силами фронта. Такой удар был подготовлен и осуществлен 43-й армией, однако действий со стороны группы генерала М.Г.Ефремова не последовало.

Как выяснилось позже, немцы обнаружили отряд при движении к реке Угра и разбили его. Командарм М.Г.Ефремов, дравшийся как настоящий герой, был тяжело ранен и, не желая попасть в руки врага, застрелился».

Конечно же, очень жалко всех погибших бойцов и командиров, которые так самоотверженно выполняли приказ и шли вперед для того, чтобы овладеть Вязьмой сходу. Они сделали все для этого. Очень жаль талантливого и энергичного генерала Ефремова, печально, что погиб такой боевой и опытный генерал.

Но при всем уважении к генералу Ефремову и его любящему сыну все же хочется сказать: при анализе даже неудачных действий с таким печальным исходом нельзя поддаваться эмоциям, а тем более чувству мстительности, ведь они при попытке найти справедливость — плохой советчик. Так же печально и почти безрезультатно закончились наступления и других фронтов. Наступило затишье. Однако затишье на войне очень своеобразно, именно в этой тишине происходит лихорадочная подготовка к новым сражениям: днем и ночью разрабатываются планы операций, под покровом темноты идут перегруппировки, прибывает пополнение — люди, техника, боеприпасы, обмундирование.

Какой общий стратегический замысел действий наших войск сложился в Ставке?

Наверное, лучше самого Жукова коротко, ясно и четко эти цели не сформулировать, поэтому привожу цитату из его воспоминаний:

«В отношении наших планов на весну и начало лета 1942 года И.В.Сталин полагал, что мы пока еще не имеем достаточно сил и средств, чтобы развернуть крупные наступательные операции. На ближайшее время он считал нужным ограничиться активной стратегической обороной. Однако одновременно он полагал необходимым провести ряд наступательных операций в Крыму, в районе Харькова, на Львовско-Курском и Смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска...

В основном я был согласен с оперативно-стратегическими прогнозами Верховного, но не мог согласиться с ним в отношении количества намечаемых фронтовых наступательных операций наших войск, считая, что они поглотят без особой пользы наши резервы и этим осложнится подготовка к последующему генеральному наступлению советских войск».

Обратите внимание: опять решение принимал Сталин, и именно он, отказываясь от общего наступления,

«полагал целесообразным» провести «частные наступательные операции». Все еще надеялся Верховный, окрыленный успехом под Москвой, опрокинуть немцев на каком-либо из направлений и развить частный успех в большое наступление.

Давайте коротко вспомним, чем завершились четыре частные операции, намеченные Сталиным.

О боях в Крыму очень подробно написано в моей книге «Полководец».

Крымская операция началась успешно — высадкой десанта в Керчи, Феодосии, а затем в Евпатории и Судак. За короткое время был создан Крымский фронт в составе трех армий — 44, 51 и 47-й. Им противостояли 42-й корпус под командованием графа Шпонека и 11-я армия Манштейна — все внимание последнего было уделено штурму Севастополя.

За то, что 42-й корпус допустил высадку десанта в Крыму, Гитлер отдал Шпонека под суд, который приговорил его к смертной казни (правда, потом ее заменили). От Манштейна фюрер категорически потребовал навести порядок в Крыму.

В таких критических обстоятельствах Манштейн проявил себя как опытный военачальник. Он правильно, объективно оценил обстановку:

«В первые дни января 1942 года для войск противника, высадившихся у Феодосии и подходивших со стороны Керчи, фактически был открыт путь к жизненной артерии 11-й армии, железной дороге Джанкой — Симферополь... Если бы противник использовал выгоду создавшегося положения и быстро стал бы преследовать 46-ю пд от Керчи, а также ударил решительно вслед отходившим от Феодосии румынам, то создалась бы обстановка безнадежная не только для этого вновь возникшего участка восточного фронта, решалась бы судьба всей 11-й армии... Но противник не сумел использовать благоприятный момент. Либо командование противника не

поняло своих преимуществ в этой обстановке, либо оно не решилось немедленно их использовать».

Итак, инициативой овладел Манштейн. Он сначала сумел создать фронт, остановить наши части, а затем, видя бездеятельность противостоящих командующих, показал свой характер и добился немалых успехов.

Вот как оценивает Манштейн обстановку, в которой все это произошло:

«На Керченском фронте противник по-прежнему держал свои 44-й и 51-й армии. Их общий состав равнялся к концу апреля 17 стрелковым бригадам, 2 кавалерийским дивизиям и 4 танковым бригадам, то есть в целом 26 крупным соединениям. Этим силам командование армии могло противопоставить не более 5 немецких пехотных дивизий и 1 танковой дивизии... Так как румынские соединения (до трех дивизий. — В.К.) только условно были пригодны для наступательных действий, соотношение сил в планируемой операции, закодированной под названием «Охота на дроф», фактически было бы хуже. К тому же наступление на Парпачском перешейке должно было вестись только фронтально. Оба моря исключали всякую возможность флангового маневра. Кроме того, противник создал глубоко эшелонированную оборону. Как можно было в этих условиях и при соотношении сил 2:1 в пользу противника добиться уничтожения двух его армий?»

Справедливости ради уточним: здесь были не две, а даже три наших армии: 44-я под командованием генерал-лейтенанта С.И.Черняка, 47-я армия генерал-майора К.С.Калганова и еще 51-я генерала Львова.

Манштейн понимал, что на узком, вытянутом перешейке между Черным и Азовским морями фронтальным ударом против большой массы противостоящих войск он ничего не добьется. Тут надо было проявить военное искусство, найти какое-то неожиданное решение, опереться на какие-то факторы, которые есть в его распоряжении. И он все это нашел.

Во-первых, внезапность. Имея превосходство в силах, командование Крымского фронта не верило в возможность наступления немцев. Во-вторых, Манштейн нанес отвлекающий удар на юге перешейка, вдоль берега Черного моря, а главным ударом под выступающие позиции одной из армий в Центре, по сути дела, вдоль фронта, силами танковой дивизии пробил и пропорол насквозь всю оборону до Азовского моря. И в-третьих, Манштейн использовал не только неожиданность, но и маневренность своих войск, их хорошую управляемость. В течение десяти дней, с 8 по 18 мая, Манштейн очистил Керченский полуостров, разгромив три армии! Лишь в Аджимушкайских каменоломнях с 16 мая по 31 октября 1942 года вели героическую оборону бойцы и командиры, оставшиеся в них.

Прямо скажем, в крымской катастрофе Сталин не виноват, его подвели бездарные тугодумы, которые, имея подавляющее превосходство в силах, не устояли против значительно меньших сил Манштейна. И Сталин вполне справедливо расправился с виновниками: он снял и понизил в звании командующего фронтом и командующих армиями. Не пощадил и своего любимца Мехлиса, освободив его от руководства Главпуrom и понизив в звании до корпусного комиссара.

Следующей частной операцией, задуманной Верховным, было освобождение Харькова путем осуществления своеобразных Канн* — окружением Харьковской группировки ударами с двух направлений: на юге — от Барвенкова, на севере — от Волчанская.

На очередном освещении Ставки, в конце марта 1942 года, Жуков предлагал, как и раньше, не распылять усилия, а если проводить частную операцию, то на одном

---

* Канн — селение в Юго-Восточной Италии, около которого карфагенская армия во время Второй Пунической войны, в 216 году до н.э., разбила римские войска. — *Прим. ред.*

направлении. Шапошников поддерживал Жукова, и даже более того — рекомендовал ограничиться жесткой обороной, изматывая противника и накапливая резервы для летней кампании.

Однако Верховный, не дав ему закончить, сказал:

— Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника. Жуков предлагает развернуть наступление на Западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, что это полумера.

Тимошенко, доложив обстановку на юго-западном направлении, сказал:

— Войска этого направления сейчас в состоянии и безусловно должны нанести немцам на Юго-Западном направлении упреждающий удар и расстроить их наступательные планы против Южного и Юго-Западного фронтов, в противном случае повторится то, что было в начале войны.

Жуков по этому поводу пишет:

«Я еще раз доложил свое несогласие с развертыванием нескольких наступательных операций одновременно. Однако это соображение во внимание не было принято».

Командование направления продолжало настаивать на своем предложении и завершило Сталина в полном успехе операции. Сталин подвел итог спору:

— Разрешим проведение Харьковской операции. Будем считать ее внутренним делом Юго-Западного направления и не станем вмешиваться ни в какие вопросы, связанные с ней.

Как начиналось планирование Харьковской операции? На заседании Военного совета Юго-Западного направления маршал Тимошенко, он же являлся и командующим фронтом, сказал:

— В результате поражений, нанесенных немецко-фа-

шистским войскам в ходе зимней кампании, инициатива боевых действий захвачена Красной Армией... В ближайшее время мы сможем привлечь для разгрома врага значительные силы...

На этом совещании подробный анализ обстановки сделал начальник штаба Юго-Западного направления генерал Баграмян. Он сделал следующий вывод:

— Харьковская группировка противника не может начать активных боевых действий до прибытия значительного пополнения личным составом и материальной частью, восстановления оперативного построения войск и подхода крупных оперативных резервов. Противник начнет активные действия лишь с наступлением тепла.

Ну, и подводя итоги совещания, член Военного совета Хрущев заявил:

— Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин сам поставил перед войсками фронта эту задачу, и одно это является гарантией успеха.

В общем — полная уверенность в успехе. И было чем его добиться — на участке прорыва сосредоточили 22 дивизии, 2860 орудий и 5600 танков. Кроме того, в прорыв должны были вводить два танковых корпуса, три кавалерийские дивизии и мотострелковую бригаду. Да еще в резерве у командующего Юго-Западным фронтом оставались две стрелковые дивизии, один кавкорпус и три отдельных танковых батальона.

Кроме того, соседний Южный фронт выделял на усиление три стрелковые дивизии, пять танковых бригад, четырнадцать артиллерийских полков РГК и 233 самолета.

12 мая 1942 года вся эта армада после часовой артиллерийской подготовки ринулась вперед, чтобы обойти Харьков с севера и юга и замкнуть клещи западнее города. За пять дней войска пробились на глубину 20—30 километров.

Но... Вот тут опять встречается это злополучное «но». Оказалось, что гитлеровцы именно на этом участке фронта готовили наступательную операцию, тоже частную, под

кодовым названием «Фридрикус 1», для чего сосредоточили здесь мощную ударную группировку. Наши штабы — Генштаб, Юго-Западного направления, Юго-Западного и Южного фронтов — оказались в полном неведении об этих намерениях противника!

17 мая в 5 часов 30 минут, после артиллерийской и авиационной подготовки, гитлеровцы ударили под основание клина наших войск на Барвенковском направлении. Через час они уже прошли 10 километров по тылам 9-й армии!

Что же предприняло командование Юго-Западного направления? Тимошенко и Хрущев считали этот удар противника естественным желанием закрыть брешь. И, руководствуясь своей абсолютно неправильной прежней оценкой противника («нет у него сил», «ничего у него не получится!»), решили продолжать наступление для взятия Харькова.

Жуков пишет в своих воспоминаниях о том, что он и Василевский (исполнявший обязанности начальника Генштаба вместо заболевшего Шапошникова) предлагали немедленно прекратить наступление и принимать меры по отражению попытки противника окружить войска, которые прорываются к Харькову.

Сталин не любил менять своих решений. Переговорив с С.К.Тимошенко, он заявил начальнику Генштаба, что «...мер, принимаемых командованием направления, вполне достаточно, чтобы отразить удар врага против Южного фронта, а поэтому Юго-Западный фронт будет продолжать наступление...»

Приближающаяся катастрофа вырисовывалась все отчетливее — немецкие танки громили тылы армий, идущих на Харьков. А до города, как говорится, оставалось рукой подать. Тимошенко и Хрущев считали, наверное, что когда они овладеют Харьковом, все трудности будут сняты — победителей не судят! А войска после взятия города можно будет направить на контратакующих с тыла.

Жуков подтверждает эту настойчивость командования Юго-Западного направления.

«Мне довелось присутствовать в этот день в Ставке при одном из последующих разговоров И.В.Сталина с командующим Юго-Западным фронтом. Хорошо помню, что Верховный тогда уже четко выразил С.К.Тимошенко серьезное опасение по поводу успехов противника в районе Краматорска.

К вечеру 18 мая состоялся разговор по этому же вопросу с членом Военного совета фронта Н.С.Хрущевым, который высказал такие же соображения, что и командование Юго-Западного фронта: опасность со стороны краматорской группы противника сильно преувеличена, и нет оснований прекращать операцию. Ссылаясь на эти доклады Военного совета Юго-Западного фронта о необходимости продолжения наступления, Верховный отклонил соображения Генштаба. Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступавших от Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствует действительности. Я это свидетельствую потому, что лично присутствовал при переговорах Верховного».

Ну а против контратакующих немцев Тимошенко послал 2-й кавалерийский корпус и 5-й кавкорпус генерала Плиева. Кавалерию против танков — вот уж действительно полное незнание ситуации! Представьте себе эту картину: конники, махая саблями, идут лавой на танковые дивизии! А всего в группировке немцев, закрывавшей коридор прорыва, были 3-й моторизованный корпус, 44-й армейский корпус, 52-й армейский корпус, а в них одиннадцать дивизий, из которых две танковые, причем все части противника полностью укомплектованы (свежие резервы).

Кроме лихой атаки конников против танков, была совершена еще одна глупость (прошу извинить: не нахожу другого слова). В те же часы 17 мая, когда танки про-

тивника громили наши тылы, командование фронтом ввело в прорыв (на еще свободном от противника участке) 21-й и 23-й танковые корпуса. Нет, не против тех, кто угрожает отрезать наши наступающие к Харькову части, а вслед за ними, вглубь, к тому же Харькову — по ранее утвержденному плану!

Как говорит участник этого сражения маршал Москаленко: «Сами лезли в мешок, в пасть к врагу». Это продолжалось 17, 18 и 19 мая.

Опасность окружения наших частей становилась реальностью, и 22 мая кольцо замкнулось. Не мы, а немцы осуществили Канны. Почти вся наша группировка, за исключением небольших групп, была уничтожена. Взято в плен, по немецким документам: 24000 солдат и командиров. Позднее все военачальники, участвовавшие в этой операции, в своих мемуарах будут утверждать, что они своевременно пытались остановить и вернуть наступавшие войска. Причем ни один из них не упомянет об изначальном просчете, когда планировали наступление, абсолютно не зная противостоящих сил противника. Эту операцию вообще нельзя было проводить при таком соотношении сил!

Но, как водится в таких случаях (так случилось и на сей раз), вину валили друг на друга, а все вместе впоследствии — на Сталина. Даже его ближайший соратник Микоян в беседе с академиком Г.Куманевым в 80-х годах говорил следующее: «Хорошо запомнил день 18 мая 1942 года, когда возникла серьезная опасность провала нашей Харьковской наступательной операции. Поздно вечером несколько членов Политбюро ЦК: Молотов, Берия, Маленков, кажется, Андреев и я — находились в кабинете Сталина. Мы уже знали, что Сталин отклонил просьбу Военного совета Юго-Западного направления прекратить дальнейшее наступление советских войск на Харьков из-за угрозы их окружения. Внезапно раздался звонок.

— Узнай, кто и что надо? — сказал Сталин Маленкову.

Тот взял трубку и сообщил, что звонит Хрущев (который тогда являлся членом Военного совета Юго-Западного направления).

— Чего он хочет? — спрашивает Сталин.

— Хрущев просит разрешения немедленно прекратить наступление на Харьков, чтобы сосредоточить основные усилия для отражения контрудара противника, — говорит Маленков.

— Передай ему, что приказы не обсуждаются, а выполняются, — заявил Сталин. — И повесь трубку.

Маленков так и сделал.

— Меня тогда просто поразило, — подчеркнул Микоян. — Человек звонит из самого пекла, надо срочно во всем разобраться и принять какие-то экстренные решительные меры — и такое пренебрежительно-барское отношение со стороны человека, несущего на своих плечах столь высокую ответственность».

Вот какие метаморфозы встречал я при работе над этой книгой, обращаясь к рассказам участников событий и очевидцев.

Пришла пора «развенчания культа личности Сталина» и — вот вам пример перемены мнений и оценки исторических событий под влиянием политической конъюнктуры — поначалу единичные, подобные измышления стали хаотически множиться, а позднее, в годы перестройки, лавиной прокатилась массовая переоценка ценностей. Всем известны поразительные примеры того, как крупные политические деятели, ученые, писатели чуть ли не в одночасье меняли свои суждения и убеждения на прямо противоположные, превращаясь из «пламенных» коммунистов в не менее кондовых диссидентов-демократов. Что ж, так происходило в истории не раз. Нам же для восстановления истины необходимо опираться на конкретные дела и факты.

ОКРУЖЕНИЕ 2-Й УДАРНОЙ АРМИИ

Наконец, нам остается ознакомиться с последними намеченными Сталиным частными операциями на севере, «в районах Ленинграда и Демьянска». Не буду подробно разбирать ход боевых действий в этих операциях, потому что Жуков не имеет к ним прямого отношения, кроме участия в общем руководстве, как член Ставки. Напомню лишь о том, что обе операции закончились неудачно, в районе Демьянска войска Северо-Западного фронта окружили группировку немцев, но уничтожить ее так и не смогли, гитлеровцы выручили своих окруженцев.

На Ленинградском и Волховском фронтах прошли несколько тяжелых, вязких, затяжных операций. В результате одной из них — Любанской — 2-я ударная армия вклинилась в расположение противника, да там и застряла в лесах и болотах. В условиях весенней распутицы 2-я ударная армия почти полностью погибла, а ее командующий генерал-лейтенант Власов сдался в плен.

О нем и его деятельности по созданию Русской освободительной армии и руководству Комитетом освобождения народов России написаны не только статьи, но и целые книги. В одной из них автор выдает Власова за главного героя битвы за Москву, в другой утверждается, якобы Власов не сам сдался, а был заслан к немцам нашим Разведывательным управлением.

Я не буду опровергать фантастические вымыслы, но поскольку все это издано огромными тиражами и выдается за события, реально происходившие в годы войны, считаю необходимым ознакомить вас, уважаемые читатели, с подлинными документами и фактами, чтобы вы самостоятельно разобрались, где правда, а где вымыслы. По ходу повествования, в хронологической последовательности мы будем соприкасаться с «власовщиной», чтобы

внести полную ясность в эту очень путанную и порой надуманную историю.

В этой главе я хочу познакомить читателей с самыми первыми импульсами этого явления и, прежде всего, с личностью его породившей, тем более что Жуков имел отношение к определенному периоду службы генерала Власова.

И не только Жуков, даже я, грешный, знал о Власове в предвоенные годы, будучи курсантом Ташкентского пехотного училища имени Ленина. После неудач в финской войне новый нарком обороны маршал Тимошенко издал приказ по боевой подготовке, основной идеей которого был принцип: учить тому, что необходимо на войне, в условиях, приближенных к боевой обстановке. Это означало, что мы большую часть своей учебы и жизни проводили в поле.

Бесконечные учения, окапывания, многокилометровые дневные и ночные марши, самостоятельное приготовление пищи (каши) в полевых условиях или питание сухим пайком в течение нескольких суток. Дисциплинарные гайки закрутили до последней степени: за опоздание из увольнения на несколько минут — арест, на несколько часов — трибунал. Некоторые курсанты, даже у нас в училище, где все же был режим учебного заведения, не выдерживали такой истязательной требовательности, и бывали случаи самоубийств.

Вот в таких драконовских условиях генерал Власов выделился своей жестокостью. При осенней проверке частей Красной Армии его 99-я стрелковая дивизия была признана лучшей в сухопутных войсках.

Наверное, не трудно представить, каким был этот генерал, отличившийся таким образом в тех невероятно тяжелых условиях службы.

Тогда Власова наградили орденом Ленина. А нарком обороны Тимошенко так расчувствовался на учениях от требовательности Власова, что тут же вручил ему золотые часы. «Красная Звезда» печатала статьи, восхваляя и

пропагандируя непреклонную требовательность командира лучшей дивизии. 99-я стрелковая дивизия получила переходящее Красное знамя РККА.

Вот какую аттестацию заслужил генерал Власов за период с 1939 по октябрь 1940 года:

«Предан партии Ленина—Сталина и социалистической родине.

Прекрасно всесторонне развит, военное дело любит, много работает над собой, изучает и хорошо знает военную историю, хороший руководитель и методист, обладает высокой оперативно-тактической подготовкой.

В генерале Власове удачно сочетается высокая теоретическая подготовка с практическим опытом и умением передать подчиненным свои знания и опыт. Высокая требовательность к себе и подчиненным с постоянной заботой о подчиненных. Он энергичен, смел в решениях, инициативен.

Хорошо знает жизнь частей, знает бойцов и умело руководит их воспитанием, начиная с мелочей; любит войсковое хозяйство, знает его и учит части заниматься им.

Дивизия, которой генерал Власов командует с января 1940 года, под его непосредственным руководством много и упорно работала над отработкой действий отделения, взвода, роты, батальона и полка и добилась в этом больших успехов.

Вникая во все детали отработки мелких подразделений, генерал Власов сделал дивизию крепкой, высоко тактически отработанной, физически закаленной и вполне боеспособной. Дисциплина в частях 99-й стрелковой дивизии на высоком уровне.

Генерал-майор Власов непосредственно руководит подготовкой штабов дивизии и полков. Он уделяет много внимания состоянию учета и хранению секретных и мобилизационных документов и хорошо знает технику штабной службы.

Его авторитет среди командиров и бойцов дивизии

высок. Физически здоров и к походной жизни вполне годен.

Вывод: Занимаемой должности вполне соответствует. В военное время может быть использован в должности командира корпуса».

Какое отношение к этому имеет Жуков? Самое прямое: 99-я дивизия входила в состав Киевского особого военного округа. Под аттестацией, приведенной выше, как и полагается, в графе «Заключение старших начальников» написано: «Согласен». Командующий Войсками КОВО генерал армии Жуков (и его подпись). 26 ноября 1940 г.

Жуков, конечно же, гордился тем, что лучшая дивизия Красной Армии находится в его округе. И вообще, Андрей Андреевич Власов считался тогда кристально чистым по происхождению и образцовым с партийной стороны офицером. Правда, был у него небольшой грешок: в молодости в попы готовился — окончил духовное двухгодичное училище в Нижнем Новгороде и затем поступил в духовную семинарию, где проучился еще два года. Но кто же мог этим упрекнуть генерала?

Сам генсек Сталин был когда-то таким же семинаристом. Это сходство, пожалуй, работало на авторитет Власова. Во всех аттестациях и характеристиках подчеркивается его политическая зрелость и преданность партии. Он сам в автобиографии пишет (в том же 1940 году):

«В ВКП(б) вступил в 1930 г.... Неоднократно выбирался членом партийного бюро школы и полка. Был редактором школьной газеты. В общественной работе всегда принимал активное участие, был избираем членом военного трибунала округа».

Обратите внимание — заседал в трибунале в годы самых жестоких репрессий — 1937—1939 годы. Я не располагаю материалами о том, кого конкретно судил и отправил на тот свет за антисоветскую деятельность будущий борец с большевизмом, но, наверное, очень многих, по-

тому что приговор к высшей мере наказания — расстрелу, был в те годы самым частым. (Оставляю возможность поискать в архивах и осветить эту сторону деятельности Власова другим исследователям, так как не располагаю на это временем.)

Вот какими словами завершает Власов описание своего партийного портрета:

«Партвзысканий не имел. В других партиях и оппозициях никогда и нигде не состоял и никакого участия не принимал, никаких колебаний не имел. Всегда стоял твердо на генеральной линии партии и за нее всегда боролся. Органами Советской власти к суду никогда не привлекался. За границей не был».

В общем, кристально чистый, безоглядно преданный коммунист. Насчет «за границей не был» Власов лукавит. Был он за рубежом, в Китае, немногим более года, с сентября 1938 года по декабрь 1939-го.

На сей счет я располагаю любопытным документом:

Секретно

Справка

Кандидатура полковника Власова Андрея Андреевича проверялась через НКВД по линии Разведывательного управления для посылки в командировку за рубеж. Получена проверка № 167 от 11 августа 1938 г., что компрометирующих материалов нет.

Начальник 1 отдела цкнс ркка

21 сентября 1938 г.

Полковник (Румянцев)

Какое задание выполнял Власов, оставляю для выяснения другим авторам. В завершение этого эпизода из жизни Власова скажу лишь то, что он дал подписку о неразглашении и поэтому имел юридическое право не упоминать о задании. Однако добавлю такой штрих, чтобы дать читателям пищу для размышлений:

Разведывательное управление, использовав Власова только один раз, почему-то не оставило его в своих кадрах, а написало хорошую характеристику о преданности партии и, как говорится, с миром вернуло на службу в войска. Вывод в характеристике такой: «Тов.Власов, находясь в командировке, с работой справился».

Однако вернемся к делам, имеющим отношение к Жукову. После командования 4-м мехкорпусом в приграничных сражениях и 37-й армией в боях за Киев Власов был назначен командующим 20-й армией Западного фронта, где находился в непосредственном подчинении Жукову. Вот как оценивает Георгий Константинович Власова того времени.

*Боевая характеристика на генерал-лейтенанта
Власова Андрея Андреевича —
командующего войсками 20 армии*

Генерал-лейтенант Власов командует войсками 20 армии с 20 ноября 1941 года.

Руководил операциями 20 армии: контрударом на город Солнечногорск, наступлением войск армии на Волоколамском направлении и прорывом оборонительного рубежа на р.Лама.

Все задачи, поставленные войскам армии, тов. Власовым выполняются добросовестно.

Лично генерал-лейтенант Власов в оперативном отношении подготовлен хорошо, организационные навыки имеет. С управлением войсками армии справляется вполне.

Должности Командующего войсками армии вполне соответствует.

*Командующий войсками
Запфронта генерал армии (Жуков)*

*Член Военного Совета
28 января 1942 года. Западного фронта (Хохлов)*

В 1937 году Жуков едва не угодил в мясорубку репрессий, его обвиняли в том, что он служил под командованием врага народа Уборевича и «якобы» положительно отзывался о его командирских качествах.

Вышеприведенная характеристика на изменника Родины могла стать очень тяжелым криминалом в руках Сталина или Берии, уж такие тогда были времена.

Много было написано в западных изданиях об этом периоде полководческой деятельности Власова. Некоторые авторы договаривались до того, что Власов и его армия были главными силами, которые отстояли Москву.

Не хочу обременять читателей опровержением всех этих небылиц, приведу несколько документов, которые перечеркивают все тенденциозные выдумки. В своих воспоминаниях генерал Сандалов, бывший начальником штаба 20-й армии, пишет о том, что Власов был только назначен командующим, но на первом этапе битвы за Москву, в командование армией практически не вступил — находился далеко от передовой, в госпитале.

Военный совет армии, вполне естественно, запрашивал разные инстанции, когда же появится командующий? Вот один из телеграфных ответов.

*Начальнику Главного управления
кадров Красной Армии*

*Генерал-майор Власов сможет быть направлен не ранее
25-26 ноября связи продолжающимся воспалительным
процессом среднего уха.*

Начальник штаба ю.з.ф. Бодин

Нач.военсанупра ю.з.ф. Бялик

Генерал Сандалов пишет в своих мемуарах, что при его назначении на должность начальника штаба 20-й

армии он спросил маршала Шапошникова: «А кто назначен командующим армией?»

— Недавно вышедший из окружения командующий 37-й армией Юго-Западного фронта генерал Власов, — ответил Шапошников. — Но учтите, что он сейчас болен. В ближайшее время придется обходиться без него...»

Следовательно, Власов практически не вступил в командование 20-й армией в ноябре 1941 года, когда шел оборонительный период битвы за Москву. В этом месяце армия только формировалась и была в резерве Ставки.

Отсутствие Власова в «ближайшее время», о котором сказал Шапошников, растянулось, по сути дела, и на весь период контрнаступления под Москвой, проведенного Жуковым.

Вот что пишет генерал Сандалов о первом посещении Власовым штаба 20-й армии:

«Сокрушительный удар дивизии Короля и групп Ремизова и Катуква стоил неприятелю больших потерь, смял его оборонявшиеся части и принудил их к отходу.

Наступая на пятки отходившего в Волоколамск противника, нанося ему фланговые удары лыжными отрядами, 331-я дивизия Ф.П.Короля подошла утром 19 декабря к восточным предместьям Волоколамска.

В полдень 19 декабря в с. Чисмены начал развешиваться армейский командный пункт. Когда я и член Военного совета Куликов уточняли на узле связи последнее положение войск, туда вошел адъютант командующего армией и доложил нам о его приезде. В окно было видно, как из остановившейся у дома машины вышел высокого роста генерал в темных очках. На нем была меховая бекеша с поднятым воротником, обут он был в бурки. Это был генерал Власов. Он зашел на узел связи, и здесь состоялась наша первая с ним встреча. Показывая положение войск на карте, я доложил, что командование фронта очень недовольно медленным наступлением армии и в помощь нам бросило на Воло-

коламск группу Катукова из 16-й армии. Куликов дополнил мой доклад сообщением, что генерал армии Жуков указал на пассивную роль в руководстве войсками командующего армией и требует его личной подписи на оперативных документах. Молча, насупившись, слушал все это Власов. Несколько раз переспрашивал нас, ссылаясь, что из-за болезни ушей он плохо слышит. Потом с угрюмым видом буркнул нам, что чувствует себя лучше и через день-два возьмет управление армией в свои руки полностью. После этого разговора он тут же на ожидавшей его машине отправился в штаб армии, который переместился в Нудоль-Шарино.

Вскоре после отъезда Власова меня вызвал по телефону генерал Соколовский и ошеломил следующей новостью:

— Командующий фронтом крайне недоволен нерешительным преследованием войсками вашей армии отходящего к Волоколамску противника. По донесению начальника штаба 16-й армии генерала Малинина «группа Катукова, соединившись с группой Ремизова, с утра 19.12.41 г. преследует отходящего в направлении Волоколамска противника». Исходя из этого, генерал Г.К.Жуков передал группу Ремизова из вашей армии в армию Рокоссовского и освобождение Волоколамска возложил на него. Под Волоколамск поехали заместитель командующего генерал Захаров и группа командиров штаба фронта. «Мы ожидаем от них доклада», — недоверчиво промолвил Соколовский.

В подтверждение переданных Соколовским новостей через несколько минут принесли выписку из боевого распоряжения штаба 16-й армии, подписанную генералом Рокоссовским в 11.00 19 декабря 1941 г.

«Общее руководство действиями оперативных групп Катукова и Ремизова возложено на меня. В целях наиболее тесного взаимодействия частей в операции по овладению Волоколамском приказываю: а) группу Ремизова подчиняю Катукову; оперативной группе Катукова после

овладения Волоколамском, впредь до распоряжения, оставаться в Волоколамске».

Мы решили не менять задачи войскам нашей армии по наступлению на Волоколамск. Обстановка заставит командование фронта изменить свое решение, — пишет Сандалов.

Вечером группа генерала Ремизова и морская бригада заняли пригородную слободу Пушкари и вышли к северо-западной окраине Волоколамска. Несколько позже сибиряки 331-й дивизии Короля во взаимодействии с танкистами группы генерала Катукова пробились к восточной и юго-восточной окраинам города. Стрелковый полк майора М.А.Штейнлухта к исходу суток прорвался южнее Волоколамска, перерезал шоссе от города к железнодорожной станции Волоколамск (расстояние между ними около 5 км) и устремился главными силами к р.Ламе, а частью сил — на Волоколамск. Ночью начался штурм города».

Из приведенных цитат ясно одно: кому бы ни подчинялись группы Ремизова и Катукова, Власов к взятию Волоколамска не имеет никакого отношения, потому что он там не был и армией не командовал.

Что касается Солнечногорска, освобождение которого тоже записывают в заслуги Власову, то этот город был освобожден 12 декабря, задолго до первого приезда — 19.12 — и быстрого отъезда Власова, о котором пишет генерал Сандалов.

Кстати, взятием Солнечногорска руководил Сандалов под непосредственным наблюдением Жукова.

«10 декабря наступление войск армии на Солнечногорск, в стык 3-й и 4-й танковых групп противника, продолжалось с нарастающей силой. От 10 до 12 км продвинулись в этот день наши части и вышли на рубеж Вешкино, Никольское. Освободили несколько десятков пунктов, захватили значительное число пленных и богатые трофеи.

К концу дня оптимистическое настроение командования армии охладил командующий фронтом генерал ар-

мии Г.К.Жуков. В разговоре со мной по телефону он указал на недопустимо медленные темпы наступления армии и сказал, что наши войска продвигаются только по дорогам вслед за отступающими частями противника, не выходят на фланги и в тылы неприятельским колоннам, не стремятся окружить врага.

В заключение разговора он приказал в быстром темпе выдвинуть правофланговые войска армии севернее Солнечногорска, перерезать Ленинградское шоссе, окружить и разгромить обороняющие Солнечногорск вражеские части.

Выйти севернее Солнечногорска и перерезать пути отхода врагу из города мы приказали морской бригаде.

Надо сказать, что к тому времени армия получила значительное число лыж, и по указанию командующего фронтом во всех соединениях были созданы лыжные отряды. Одетые в полушубки, прикрываемые сверху маск-халатами, лыжники проникали по глубокому снегу далеко в тыл противника и дерзкими налетами по резервам и тылам противника вносили панику в ряды врага...

...Рано утром 12 декабря Солнечногорск был полностью очищен от противника».

Добавлю от себя еще раз — это произошло за неделю до первого появления Власова на КП 20-й армии.

После этого визита Власов уехал долечиваться, сказав, что он еще нездоров — плохо слышит. Так что организацию боев и освобождение Волоколамска практически осуществлял все тот же начальник штаба генерал Сандалов со своими коллегами.

Ну а то что написано в характеристике Жукова о «руководстве Власова контрударами на Солнечногорск и Волоколамск», можно объяснить давней негласной традицией, и по сей день бытующей в армии.

Такие положительные короткие аттестации пишут в двух случаях: первый — когда человек идет на повышение и достоин этого, второй — когда от генерала или офицера хотят избавиться, потому что он «ни рыба ни

мясо» или имеет какие-то трудноисправимые пороки — пьяница, лентяй, трепач и т.д.

В случае с аттестацией, данной Жуковым, для предположения, как говорится, имеют место оба варианта: Власов уходил на повышение — заместителем командующего Волховским фронтом (к Мерецкову).

Второй вариант тоже не исключается — Жуков, зная, что Власов практически армией не командует и в такое тяжелейшее время, когда люди жизни отдают ради спасения столицы, месяцами «ушко лечит», мог желать избавиться от него. Вот и подмахнул бумагу — пусть уходит на повышение, Жукову в такое горячее время нужен другой — работоспособный генерал.

Обратимся к обстоятельствам пленения Власова.

Надо признать, что нет вины генерала Власова в том, что 2-я ударная армия оказалась в окружении. Он был назначен взамен заболевшего генерала Н.К.Клыкова, на завершающем этапе неудачной Любанской операции, 16.4.1942 года, когда армия уже находилась в окружении.

Истощенная голодом, без боеприпасов, армия погибала в болотистой хляби. Попытки вырваться из окружения успеха не имели. Осталась одна, последняя в таких обстоятельствах возможность — просочиться к своим мелкими группами.

Вот выдержка из докладной записки одного из окруженцев — майора Зубова:

«...в 12 часов дня 25 июня штаб 2-й ударной армии и штаб 46 сд. находились в лесу в одном месте.

Командир 46 сд. тов.Черный мне сообщил, что мы сейчас пойдем на прорыв противника, но командующий Власов предупредил, чтобы не было лишних людей... Таким образом, нас оказалось из штаба 2-й ударной армии 28 человек и не менее из штаба 46 сд. Не имея питания, мы пошли в Замошское, шли день 25 и 26. Вечером мы обнаружили убитого лося, поели, а утром 27 начальник штаба 2-й ударной армии, посоветовавшись с Власовым,

принял решение разбиться на две группы, так как таким количеством ходить невозможно».

Позднее один из членов группы, ушедший с Власовым, сообщил, что среди них начались ссоры из-за разных предложений, как действовать дальше, группа распалась.

Командующий фронтом Мерецков в своих воспоминаниях пишет о мерах, которые он принимал для поиска и спасения Власова:

«Командование 2-й ударной армии, как впоследствии сообщил командир 327-й стрелковой дивизии И.М.Антюфеев, отдало утром 24 июня распоряжение: выходить из окружения мелкими группами, кто где хочет и как знает. Это распоряжение подорвало моральный дух войск и окончательно дезорганизовало управление. Не чувствуя руководства со стороны командования и штаба армии, подразделения дивизий и бригад вразброд двинулись к выходу, оставляя неприкрытыми фланги. Отдельные бойцы в результате непрерывных боев и недоедания совершенно обессилели. Некоторые находились в полубессознательном состоянии и лежали на земле.

Но где же армейское руководство? Какова его судьба? Мы приняли все меры, чтобы разыскать Военный совет и штаб 2-й ударной армии. Когда утром 25 июня вышедшие из окружения офицеры доложили, что они видели в районе узкоколейной дороги генерала Власова и других старших офицеров, я немедленно направил туда танковую роту с десантом пехоты и своего адъютанта капитана М.Г.Бороду. Выбор пал на капитана Бороду не случайно. Я был уверен, что этот человек прорвется сквозь все преграды.

И вот во главе отряда из пяти танков Борода двинулся теперь в немецкий тыл. Четыре танка подорвались на минах или были подбиты врагом. Но, переходя с танка на танк, Борода на пятом из них все же добрался до места, где должен был находиться штаб 2-й ударной армии.

Однако там уже никого не было. Вернувшись, горстка храбрецов доложила мне об этом в присутствии представителя Ставки А.М.Василевского. Зная, что штаб армии имеет с собой радиоприемник, мы периодически передавали по радио распоряжение о выходе. К вечеру этого же дня выслали несколько разведывательных групп с задачей разыскать Военный совет армии и вывести его. Эти группы тоже сумели выполнить часть задания и дойти до указанных им районов, но безрезультатно, так как и они Власова не отыскали...

Я позвонил А.А.Жданову и попросил его дать распоряжение командиру Оредежского партизанского отряда Ф.И. Сазанову разыскать генерала Власова и его спутников. Товарищ Сазанов выслал три группы партизан, которые осмотрели всю местность вокруг Поддубья на много километров. Власова нигде не было. Наконец, через некоторое время от партизан поступило сообщение, что Власов в деревне Пятница перешел к гитлеровцам».

Теперь познакомимся с немецкими документами, сомневаться в достоверности которых нет оснований.

Гауптман Ульрих Гардт, бывший начальник связи 4-й авиационной дивизии рассказал:

«Власов в одежде без знаков различия скрывался в баньке близ деревни Мостки, южнее Чудова. Его обнаружил староста деревни и сообщил проезжавшему через деревню немецкому офицеру. Когда открыли дверь и скомандовали «руки вверх!», Власов крикнул: «Не стреляйте, я генерал Власов — командующий второй ударной армией».

Власова допросили 15 июля 1942 года в штабе 18 немецкой армии и, как полагается, сведения, полученные от пленного, разослали информационным письмом № 1379-42 для своих частей.

Вот краткое изложение документа о первом допросе Власова.

«Объяснив, что в ВКП(б) он вступил в 1930 году для того, чтобы иметь возможность продвигаться по службе,

и пожаловавшись на трудный характер генерала армии К.А.Мерецкова, бывший командующий 2-й ударной дал подробные сведения о структуре Волховского фронта, о причинах военных неудач, похвалил работу немецких артиллерии и авиации, оценил потери своей армии убитыми и захваченными в плен — до 60 тысяч человек. Эта часть показаний Власова носит оправдательный характер. Он явно набивал себе цену, давая понять, что все случившееся — результат безответственной деятельности других лиц...

...По показаниям генерал-лейтенанта Власова план военного деблокирования Ленинграда остается в силе. Реализация плана зависит от того, насколько отдохнут дивизии Волховского и Ленинградского фронтов, а также от прибытия пополнений. При наличных силах Волховский и Ленинградский фронты не способны к каким-либо наступательным действиям в направлении Ленинграда. Этих сил хватает максимум для того, чтобы удерживать Волховский фронт и фронт между Кириши и Ладожским озером...

...Весной на юг переброшены многочисленные дивизии, на северные фронты перестали обращать внимание. Волховский фронт больше не получал подкреплений...

...в Центральной зоне Жуков может еще раз перейти в большое наступление от Москвы, резервов у него достаточно...»

Как видим, сведения, данные Власовым, конечно же, являются военными секретами, многие наши офицеры, попадавшие в руки гитлеровцев, даже под пытками не разглашали менее значительные военные тайны, а Власов, будучи опытным, широко информированным генералом, на первом же допросе своими показаниями явно стремится расположить к себе врагов и содействует их успешным боевым действиям.

Не стану излагать развернутые комментарии по по-

воду этого поступка Власова, просто приведу запись из его личного дела:

«Февраль 1939 г. Принял военную присягу».

А в ней есть такие слова:

«...принимаю присягу и торжественно клянусь... строго хранить военную и государственную тайну...

Если же по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара Советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

По ходу повествования еще много раз мы встретимся с Власовым и власовщиной. Я собрал много подлинных документов, беседовал с людьми, близко знавшими Власова, назову хотя бы духовного пастыря власовской армии протоиерея Александра Киселева, у которого я побывал на квартире в Нью-Йорке в 1988 году, а также в его небольшой церкви, куда по сей день ходят бывшие власовцы с вечной неизбывной тоской по Родине замаливать свои грехи перед ней.

Но это все у нас впереди. Сейчас, для прояснения истины, приведу отрывок из протокола допроса Власова 25 мая 1945 года (когда пришло время отвечать за содеянное), касающийся обстоятельств его пленения и тех первых показаний, которые он давал немцам.

«Вопрос. Кто из представителей германского командования вас допрашивал?

Ответ. 14 июля 1942 года немцы доставили меня на автомашине на станцию Сиверская в штаб германской армейской группировки «Север», где я был допрошен полковником немецкого генерального штаба, фамилию которого не знаю.

Допрашивавший меня полковник спросил о планах Верховного командования Красной Армии. Я отвечал, что долгое время находился в окружении немецких войск и поэтому мне ничего не известно о планах советского командования. Вместе с этим я сообщил немцам о задачах,

которые поставил перед 2-й ударной армией Верховный Главнокомандующий Сталин.

Мне также задавали вопросы, встречался ли я со Сталиным и что знаю о его личной жизни. Я сказал, что виделся со Сталиным дважды в Кремле: в феврале 1941 года и в марте 1942 года, о личной жизни его ничего не знал.

Кроме того, немецкий полковник предложил мне дать характеристику на Жукова. Я сказал, что Жуков волевой и энергичный военачальник, но иногда бывает груб.

На вопрос, может ли Жуков стать вторым Тухачевским, я ответил, что вряд ли, так как он предан Сталину.

Тогда мне был задан вопрос, как уцелел и не был арестован в 1938 году Шапошников, в прошлом офицер царской армии, и может ли он после падения Советской власти стать во главе правительства России? Я заявил, что Шапошников, по-моему, тоже предан Советскому правительству, но так как его лично не знаю, ответить на вопрос, сможет ли он возглавить будущее правительство России, не могу.

Мне был задан вопрос, что я знаю об антисоветских настроениях Тимошенко, на который я ответил, что, хотя и служил вместе с Тимошенко, однако никаких антисоветских проявлений с его стороны не замечал.

У меня также интересовались, насколько грамотны в военном деле Ворошилов и Буденный. Сославшись на то, что оба они герои гражданской войны, 25 лет служат в армии, окончили военную академию, я высказал предположение, что они поэтому должны быть опытными военачальниками.

Также на ст. Сиверская меня представили командующему германской армейской группировкой «Север» генерал-полковнику Линдемманну, с которым я был сфотографирован, а затем направлен в город Летцен, а оттуда в Винницу, где в это время находилась ставка верховного командования германской армии, и помещен в лагерь для военнопленных».

Очень продуманно и умело отвечал Власов! Все сюжеты на уровне газетных открытых публикаций и радиопередач. И ни разу не коснулся чисто военных сведений, полезных гитлеровцам для боевых действий, которые, как нам известно, давал он в действительности на этом первом же допросе.

Не в оправдание, а, как говорится, чисто по-человечески можно напомнить некоторые обстоятельства, способствовавшие его желанию спасти жизнь. Еще свежи были приказы и рассказы о расстреле 22.7.1941 г. генерала армии Павлова и почти всех руководящих работников его штаба. Власов знал: не было вины Павлова в поражениях наших войск в приграничных сражениях; шел первый месяц войны; удар нанес хорошо подготовившийся противник, неудача на первых порах естественна. Но нужен был козел отпущения...

И совсем недавний пример: на Северо-Западном фронте были расстреляны командующий 34-й армией генерал Качанов Кузьма Максимович и начальник артиллерии генерал Гончаров Василий Сафронович.

О невинности Павлова и его соратников теперь всем известно, их официально реабилитировали. А о судьбе генерала Качанова, я уверен, читатели даже не слышали. Ни слова о нем нет ни в энциклопедиях, ни в справочниках.

Поскольку подробности этой трагедии, возможно, довели над Власовым, я считаю необходимым коротко рассказать о ней. Тем более что сведения — из первых рук. Мне все это поведал мой давний приятель и сослуживец по ГРУ полковник Стрыгин М.И. В 1941 году он был делегатом связи штаба Северо-Западного фронта. Вот его рассказ.

— 12 сентября 1941 года мне было приказано доставить пакет-директиву командующего фронтом генерал-лейтенанта П.А.Курочкина командующему 34-й армией генералу К.М. Качанову.

В эти дни в штаб фронта прибыла комиссия из Ставки в составе генерала армии Мерецкова, Н.А.Булганина. Фактически руководителем этой бригады был армейский комиссар Мехлис. Именно он учинил, по заданию Сталина, расправу над Павловым. Мы понимали, что и к нам эта бригада прибыла с карательными целями. У них даже не было конкретных виновников, надо было выбирать на месте очередного «козла отпущения».

Здесь я прерву рассказ Стрыгина подтверждением из книги Мерецкова:

«Первое же ознакомление с положением наших армий показало, что они сильно ослаблены, потеряли значительную часть своего личного состава, испытывают недостаток в технике, вооружении, боеприпасах, снаряжении и могли лишь держать оборону. Следовательно, нужно было стабилизировать линию фронта, укрепить позиции.

Решено было немедленно ознакомиться с положением в армиях на местах и оказать их командованию необходимую помощь. Куда же ехать сначала? Звоним в штаб 11-й армии генерал-лейтенанту В.И.Морозову. Он отвечает на вопросы спокойно, говорит уверенно, настроение бодрое. Значит, 11-я армия подождет.

Звонили мы и командующему Новгородской оперативной группой генерал-майору И.Т.Коровникову. Там немцы большой активности не проявляли, обстановка была устойчивой. Следовательно, весь правый фланг фронта держался довольно прочно. И мы уже решили отправиться в 27-ю армию, как вдруг у совхоза Никольский возле командного пункта фронта нам встретился начальник штаба 34-й армии полковник Ф.П.Озеров, известный мне по совместной службе в Белорусском военном округе как хороший офицер. Из беседы с ним мы поняли, что он не знал, где находится штаб и большинство дивизий 34-й армии. Прямой связи со своими соединениями Качанов и Озеров не имели уже три дня».

Вот так судьбу людей решали уверенный голос, на-

личие связи или местонахождение штаба — чтобы недалеко и безопасно было ехать.

Дальше привожу продолжение моего разговора со Стрыгиным:

— Довольно быстро нашел КП, вручил командарму Качанову пакет с директивой. Сначала он был строг и официален, потом как бы просветлел.

«В таком случае еще повоюем», — сказал генерал после прочтения директивы. И поинтересовался обстановкой в полосе фронта. Я подробно рассказал то, что мне было известно тогда. Потом сообщил, что к нему сейчас приедут представители Ставки.

Генерал Качанов насторожился, помрачнел и поинтересовался, кто едет? Я ответил: «Армейский комиссар Мехлис и еще целая свита».

Кузьма Максимович изменился в лице, задумался, а потом произнес: «Ну все, я отвоевался!» Я не понимал перемены его настроения, ведь он только что высказал уверенность, что повоюет. И — вдруг...

После довольно продолжительного раздумья генерал попросил меня, сопроводив это многими ссылками на «все может быть, чем черт не шутит», сообщить супруге и родственникам, что он сделал все, что было в человеческих силах.

Качанов знал — приезд Мехлиса предвещает только плохое.

Да. Предчувствие Кузьмы Максимовича оправдалось полностью. Мне невольно довелось быть свидетелем «разговора» с ним представителей Ставки. Когда они приехали, я вышел из комнаты, где вручал пакет Качанову, и находился в прихожей, все было слышно.

Мехлис потребовал от Качанова доложить обстановку. Командарм спокойно и обстоятельно начал доклад. Он обрисовал положение, сложившееся за последние дни, когда под напором превосходящих сил противника, подержанных с воздуха действиями многочисленных бом-

бардировщиков, армия, не имевшая необходимых сил и средств для противодействия, вынуждена была отходить через леса и болота практически в условиях бездорожья, отражая и удары выброшенных в тыл наших войск десантов противника. Сообщив о полученной от комфронта директиве, генерал Качанов попытался изложить свои соображения относительно ее выполнения. Но Мехлис резко оборвал его и, срываясь на крик, заявил: «Вы обманываете командование! У вас нет армии. У вас сброд голодных, раздетых и разутых людей, разбредшихся по лесам и болотам». После довольно продолжительного монолога в таком духе он резюмировал:

«Мы отстраняем вас от командования армией. Командовать армией будет генерал-майор Алферьев. Сдайте оружие...»

Через некоторое время в прихожую, где находился я, вышел генерал Алферьев. Он спросил, кто я. Я доложил, что являюсь делегатом связи, привез командарму директиву комфронта, которую только что они упоминали, что жду пакет с распиской командарма о личном получении директивы.

— Вы слышали, что командармом назначен я? — спросил генерал. Я ответил утвердительно. Он вернулся в комнату командарма, откуда вышел вскоре с пакетом, на котором имелась его расписка в получении.

— Что-нибудь еще? — спросил он.

— Нет, благодарю, — ответил я, и отправился в обратный путь.

— А как вел себя Мерецков? — спросил я Стрыгина.

— Мерецков все время молчал. Он явно был в подавленном состоянии.

— Мне кажется, это объяснить нетрудно. Мерецков недавно сам вышел из Лефортовской тюрьмы. В его памяти еще, наверное, были свежи крики следователей на допросах, — сказал я и рассказал Стрыгину: — Мерецкова арестовали в первые дни войны. Конечно же, это произошло

по указанию Сталина. Чем он так разгневал Верховного, я точно не знаю. Но вот исчез человек, и все в окружении Сталина молчали. Никто не спросил, куда делся генерал армии, недавний начальник Генерального штаба. Такое было тогда время — исчез и все. Спрашивать не полагалось. Даже сам Мерецков, спустя много лет, уж давно не было в живых Сталина, в книге «На службе народу», опубликованной в 1968 году, не упоминает ни об аресте, ни о своем счастливом освобождении.

Я взял книгу Мерецкова с полки и, раскрыв страницу с закладкой, прочитал:

«Наступило утро второго дня войны. Я получил срочный вызов в Москву».

Где его и арестовали. Дальше в следующем абзаце он уже пишет: «В сентябре 1941 года я получил новое назначение». Нетрудно подсчитать — конец июня, июль, август, сентябрь — он был в застенках Лубянки, но ни слова об этом не написал. Когда я работал в Генштабе, у нас там бытовал свой фольклор. Так вот о том, как произошло «новое назначение», рассказывали так: Мерецкову вернули его генеральскую одежду, привел он себя в порядок и предстал пред «светлые очи» Верховного, который с веселой искрой в глазах спросил:

— Что-то вас давно не видно, товарищ Мерецков, где вы пропадали?

Мерецков, с некоторым смущением, негромко ответил:

— Так я же сидел в тюрьме, товарищ Сталин.

— Нашел время сидеть! Такая война идет! — воскликнул Сталин.

А в книге Мерецков свою встречу описал так:

«И.В.Сталин стоял у карты и внимательно вглядывался в нее, затем повернулся в мою сторону, сделал несколько шагов навстречу и сказал:

— Здравствуйте, товарищ Мерецков! Как вы себя чувствуете?

— Здравствуйте, товарищ Сталин! Чувствую себя хорошо. Прошу разъяснить боевое задание!..

Через два дня я вылетел в качестве представителя Ставки Верховного главнокомандования на Северо-Западный фронт вместе с Н.А.Булганиным и Л.З.Мехлисом».

— Вот тогда они и приехали искать «козла отпущения» и выбрали Качанова, — подтвердил Стрыгин.

— Да. Я представляю себе состояние Мерецкова: всего несколько дней назад в тюремной камере и теперь — сам в роли обвинителя. Поэтому он и молчал и был подавлен.

— Его положение осложнялось еще и тем, что он хорошо знал Качанова, они были вместе еще в Испании, советниками.

И теперь оказавшись в роли обвинителя и карателя, он чувствовал себя весьма и весьма отвратительно. Кстати, в своей книге Мерецков пишет только о тяжелом положении, в которое попала 34-я армия, а о Качанове всего одна фраза: «Л.З.Мехлис доложил в Ставку о его (Качанова) поведении, и на этом карьера командарма окончилась».

— Его сняли и послали с понижением?

— Нет. Его 26 сентября 1941 года судил трибунал Северо-Западного фронта «за самовольное оставление поля сражения», и на следующий день Кузьма Максимович Качанов был расстрелян.

В спешке даже не оформили лишения Качанова генеральского звания, так и лег в землю Кузьма Максимович неразжалованным генералом.

В.М.Качанов был реабилитирован Военной коллегией Верховного суда 19 декабря 1957 года. В этом постановлении нет пункта о восстановлении его в звании генерал-майора, потому что и постановление правительства о лишении его воинского звания не издавалось.

Я хочу завершить этот печальный эпизод цитатой из попавших в мои руки изданных на Западе воспоминаний Хрущева. Они представляют собой расшифрованную запись на магнитофон. Как говорил Никита Сергеевич, так

и напечатано, без редакторской и стилистической правки. С одной стороны, это плохо читается, но с другой — подтверждает достоверность его слов.

«...Я узнал, как сделали маршала Мерецкова врагом народа, и он собственноручно написал свои показания, в которых он признал, что он является английским шпионом, врагом народа и прочее и прочее, я этих, конечно, показаний не читал. Мне это рассказал Берия, уж это источник довольно точный, потому что он сам это делал. Он, бывало, когда мы разговаривали и о ком-нибудь он говорил, что «слушайте, дайте мне его на одну ночь, и он, говорит, признается, что он — английский король». А он-то уж знал, как этого можно добиться. И он знал, что он этого не раз добивался. Теперь после того, значит, когда подняли мы уже эти архивные материалы, когда был арестован и осужден Берия, тогда мы увидели, какими методами и как он достигал этой цели.

Так вот, этот Берия, тогда еще, при жизни Сталина, он рассказывал и ставил себе в заслугу, что я, говорит, пришел к Сталину и говорю, товарищ Сталин, как это так Мерецков сидит как английский шпион, какой он английский шпион, он честный человек, война идет, он мог бы командовать, значит... Он не английский шпион...

Я и сейчас не могу понять — кто же его арестовал. И тогда Берия валил это на Абакумова. Но кто такой Абакумов? Абакумов — это человек, воспитанный Берия, Абакумов в своей деятельности отчитывался прежде всего перед Берия, а потом перед Сталиным. Следовательно, Мерецкова не мог Абакумов арестовать, не посоветовавшись с Берия, и без санкции, конечно, Сталина — это никак не могло быть.

Вот Берия потом говорит: Сталин сказал: верно, вызовите Мерецкова и поговорите с ним. Я, говорит, поехал в тюрьму, вызвал его, значит, и говорю: Мерецков,

ты глупости написал. А у него тоже собственноручные показания были. Ты не шпион. Ты честный человек, ты русский человек. Как ты можешь быть шпионом? Зачем тебе Англия, ты русский человек, ты честный человек.

Мерецков, говорит, на меня смотрит, я, говорит, все сказал, я сам собственноручно написал, что я английский шпион. Больше добавить я ничего не могу. Поэтому я не знаю, почему вы меня вызвали на допрос опять. — Я тебя не на допрос, я тебе хочу сказать, что ты не шпион, ты не шпиен, так это, не шпиен. Пойди, если так, пойди в камеру еще, посиди, подумай, поспи, подумай. Я тебя вызову. И потом его увели...

Потом он говорит, на второй день я его вызвал, Мерецкова. Я спрашиваю его, ну что, подумал? Он, говорит, стал плакать, просить, значит, благодарить. Как я мог быть шпионом, я русский человек, я люблю свой народ, я верен своему народу и прочее. И его выпустили из тюрьмы, одели ему его же генеральский, по-моему, тогда он еще не был маршалом, генеральскую форму, и он командовал... Кажется, фронтом командовал».

Стрыгин знает многие подробности о гибели, а затем возрождении и дальнейшем боевом пути 2-й ударной армии, но это выходит за рамки нашего намерения коснуться здесь только факта пленения генерала Власова.

Подводя итог нашей беседе, Стрыгин сказал:

— Я уверен, расстрел в 34-й армии генералов Качанова и Гончарова подавляюще действовал на психику Власова. Ждать чего-то иного надежды не было, аналогий было предостаточно.

По мере продвижения повествования, как я обещал, мы еще не раз будем соприкасаться с делами Власова.

НА ТОЙ СТОРОНЕ ПОСЛЕ БИТВЫ ЗА МОСКВУ

В сводках Информбюро, очень коротких, сообщалось о ходе боевых действий весьма скупо. В первые месяцы войны это делалось для того, чтобы не подрывать моральный дух народа и армии неудачами и поражениями.

Позднее, когда появились небольшие, частные успехи, сводки стали более подробными. Но почему-то в них никогда не сообщалось о том, что происходит в стане противника. Только один, самый популярный в то время публицист, Илья Эренбург, в своих динамичных очерках иногда рассказывал о некоторых эпизодах из жизни немецкого командования и лично Гитлера.

Все (и я в том числе) с интересом не только читали, но и ждали статьи Эренбурга. Мы тогда удивлялись — откуда берет писатель такие любопытные сведения. Позднее, работая в зарубежных архивах и библиотеках, я увидел, что Илья Эренбург пользовался публикациями западных газет, в которых тогда, по давно существовавшей традиции, печаталось много репортажей о личной и даже интимной жизни крупных политических деятелей. Много появлялось всевозможных рассуждений об их планах; предсказаний насчет ближайших и будущих событий.

В нашей печати, всегда официальной и круто цензуренной, таких вольностей не допускалось.

Поскольку я обещал знакомить читателей с мало доступными для всех архивными и тем более западными документами, мне кажется, вам будет интересно ознакомиться с предлагаемым ниже обзором материалов, связанных с отстранением Браухича с поста главнокомандующего сухопутными войсками и моими комментариями к ним. Особенно широко я использовал, а порой и пере-

сказываю материалы нью-йоркского обозревателя Б.Николаевского, опубликованные в 1942 году.

Я считаю эту довольно обширную подборку не отступлением от жуковской темы, а наоборот, ее расширением и углублением, потому что Жуков нанес то самое роковое поражение Браухичу под Москвой, из-за которого фельдмаршал был отстранен от должности. Читателям, надеюсь, интересно будет узнать подробности об этом очень серьезном противнике нашего тогда еще генерала армии Жукова.

Браухич был профессионалом. Военспец старой прусской школы, генерал в третьем поколении — дед, отец, да и другие родственники были для него с детства примером военного рыцарства и воспитывали как естественную себе смену.

Небогатая дворянская семья Браухичей имела поместье в Пруссии. Вольтер фон Браухич уже во время первой мировой войны был замечен как талантливый офицер и переведен в генеральный штаб. Тогда ему было 34 года (родился он в 1881 г.), а в дни, когда столкнулся с Жуковым, фельдмаршалу было уже шестьдесят.

После поражения Германии в первой мировой войне Браухич принадлежал к когорте офицеров, поставивших себе цель воссоздать немецкую армию и смыть позор капитуляции, зафиксированный в Версальском мирном договоре.

Не только в служебное время, но и в повседневной жизни, когда Браухич ездил в родную Пруссию через какой-то чужеродный ему Данцигский коридор, мысли его были устремлены к реваншу...

Немецкие офицеры жили и вдохновлялись мечтой о войне-реванше против держав-победительниц, — против Франции и в особенности Англии («Боже, покарай Англию!»), — и делу подготовки именно этой войны отдавали всю изобретательную энергию своих талантов, всю неутомимую страсть своей ненависти. Пол-

ные сознания своей слабости, они бросались во все стороны в поисках возможных союзников, они были готовы «пойти на союз хотя бы с дьяволом, — только бы взорвать Версальский мир». В обстановке тех лет нашелся только один кандидат на роль такого союзника — Советская Россия, и немецкое офицерство превратилось в сторонников союза с последней. В их глазах это стало возвращением Германии на путь «традиционной прусской политики».

Согласно их взглядам, тесный и долгосрочный союз Германии с Россией не только давал Германии выход из ее тогдашнего униженного положения, но и открывал перед нею безбрежные перспективы в будущем. Хлебородная, богатая всякого рода сырьем Россия, казалось, была специально создана, чтобы дополнять Германию с ее высоко развитой промышленностью и огромными, быстро растущими кадрами инженеров, химиков, строителей... России самой по себе не хватает ни сил, ни предприимчивости, чтобы использовать свои богатства. Германия, опирающаяся на Россию и имеющая возможность пользоваться ее сырьем, не только выправит свое хозяйственное положение, но и станет неуязвимой для внешнего мира. Ей тогда не будет страшна никакая блокада. Ее тогда не сломит союз даже всех остальных стран мира.

Сторонником именно этой политики Браухич стал уже в 1919 году, активную роль в проведении ее в жизни он начал играть с 1922 года, когда занял пост заведующего артиллерийским отделом военного министерства и в качестве такового руководил работами по превращению России в секретную базу снабжения Германии теми родами оружия, производство которых в самой Германии было запрещено Версальским договором; он строил на территории России артиллерийские, авиационные и иные заводы, устраивал школы военных летчиков... Для решения этих задач Браухич в те годы лично совершил ряд поездок в Россию...

Эта ориентация на военное сотрудничество с Советской Россией определила первоначальное отрицательное отношение Браухича к Гитлеру в первые годы его диктатуры. Как известно, Гитлер совсем по-иному рисовал отношения Германии к России, мечтал о завоевании последней и к власти пришел с идеей крестового похода против Москвы. Этим он ставил под угрозу все будущее «традиционной прусской политики», в сохранении которой Браухич как раз в то время был больше всего заинтересован. «Солдат прежде всего и больше всего», — так его охарактеризовал тогдашний военный министр генерал Бломберг, — Браухич на политику всегда смотрел под углом военной стратегии, а эта его стратегия в тот период «прежде всего и больше всего» была обращена против Польши.

В те годы многие немецкие генералы фрондировали против «маляра», Гитлера, но Браухич даже среди них выделялся резкостью и настойчивостью. Его отказ в 1934 году выдать со складов рейхсвера оружие для отрядов «коричневых рубашек», его угроза применить рейхсвер для разгона национал-социалистической демонстрации — все это стало достоянием печати и в свое время привлекло к себе немало внимания. Это были этапы длительной эпопеи — борьбы Браухича против нацистских вождей Восточной Пруссии, во главе которых стоял Эрих Кох. Орган Коха — газета, выходившая в «Остланд», Кенигсберге, с самого своего возникновения играл роль одного из наиболее усердных пропагандистов розенберговских идей в области «гитлеризации» Востока Европы. И совсем не случаен тот факт, что Розенберг, назначенный наместником Гитлера для всех оккупированных территорий России, взял своим ближайшим помощником именно Коха... Есть основания предполагать, что острота конфликтов Браухича с Кохом определялась их главным расхождением в вопросе об отношении к России.

В 1935 году этот конфликт принял столь острые фор-

мы, что понадобился личный приезд Гитлера в Кенигсберг, чтобы атмосфера несколько разрядилась. Именно к этому времени относится и начало личного знакомства Гитлера с Браухичем.

О настроениях последнего Гитлер был, конечно, наслышан: аппарат осведомления у Гитлера действовал весьма неплохо. Гестапо во главе с Гиммлером, с одной стороны, и особая канцелярия, находившаяся в те времена под руководством Р.Гесса, с другой, конкурировали друг с другом в деле сбора самых детальных сведений обо всех мало-мальски заметных деятелях Германии. В результате Гитлер всегда был хорошо и разносторонне осведомлен обо всех лицах, с которыми ему приходилось иметь дело.

Но эти сведения ни в какой мере не помешали Гитлеру высоко оценить Браухича. К этому он был подготовлен. В верхах национал-социалистической партии Браухича, как военного, ценили всегда. Первая нить связи протянулась через генерала Райхенау, который в 1933 году являлся начальником штаба у Браухича в Кенигсберге. Этот генерал Райхенау был известен как первый немецкий генерал, открыто примкнувший к нацистам; его увлек Геринг своей энергией и размахом планов реорганизации военной машины Германии. Назначенный в военное министерство специально для установления связи между рейхсвером и национал-социалистической партией, Райхенау создавал Браухичу в рядах нации славу одного из талантливейших военачальников. Неудивительно поэтому, что Гитлер приложил все усилия к тому, чтобы привлечь Браухича на свою сторону и не довести его конфликт с Э.Кохом до открытого разрыва.

Позднее Гитлер в особую заслугу себе ставил тот факт, что в период острых расхождений с рейхсвером он не пошел на открытую борьбу с руководителями последнего, как того требовали от него многие из партийных соратников, и тем самым сохранил для армии тех, которые «иначе сделались бы нашими врагами»

(речь Гитлера от 8 ноября 1936 года). Если мы переберем биографии руководителей рейхсвера, — до и после этой речи, — мы легко убедимся, что Гитлер, произнося эти слова, должен был прежде всего иметь в виду именно Браухича: в предшествующий период он более, чем кто-либо другой из руководителей рейхсвера, был близок к разрыву с нацистами. В дальнейшие же годы именно он стал более, чем кто-либо другой, полезен Гитлеру...

Вскоре после этой речи Гитлера начинается головокружительно быстрый взлет Браухича: он был именно тем военным специалистом, которого Гитлеру не хватало.

Подготовительный период работы Гитлера подходил к концу. Власть нацистов в Германии была укреплена, и почти весь аппарат управления был в их руках. Армия восстановлена. Версальские ограничения отменены. Дезориентированная Европа переносила все оскорбления, примиралась со всеми «свершившимися фактами». Гитлер решил перейти в активное наступление в целях территориального расширения Германии, — и торопился закончить подготовку к вооруженным столкновениям, перспектива которых все яснее вырисовывалась на горизонте. 18 октября 1936 года был подписан декрет о 4-летнем плане развития промышленности: это был целиком военный план, построенный в полном соответствии с идеями «тотальной войны». В воздухе явственно чувствовался запах пороха, — а у нацистов все еще не было генерала, который военное дело, стратегию и тактику поднял бы на уровень их геополитических аппетитов. Геринг и особенно Мильх много сил отдавали разработке методов ведения воздушной войны, проблемам воздушных десантов, пикирующей бомбардировки. Гудериан работал над созданием первых танковых дивизий. Отдельных элементов, способных революционизировать войну, накопилось уже немало. Но человека, который свел бы их все воедино, привел бы их в систему и построил бы новые стратегию и тактику, полностью использующие все

эти технические усовершенствования, у нацистов все еще не было.

Старшее поколение генералов рейхсвера для этой работы было непригодно: они воспитывались в традициях осторожности, настойчивого, но медленного продвижения вперед.

На смену им шел Браухич, ставший пионером-практиком «молниеносной» наступательной войны, пользующейся всеми новейшими родами оружия, — и прежде всего танками, как центральной боевой силой. До 1937 года Германия имела только три танковых дивизии, да к тому же еще не вполне сформированных.

В 1937 году в этой области происходит настоящая революция: танковые дивизии (число которых увеличивается) выделяются в совершенно самостоятельное объединение — Группенкомандо 4 — и первым командующим назначается Браухич. Именно он играет главную роль во время знаменитых в истории немецкой армии маневров 1937 года, на которых такое большое внимание было уделено проблеме согласования танковых операций с действиями пехоты и авиации. Успех этих маневров открыл дорогу для его дальнейшего продвижения вверх по иерархической лестнице третьего рейха: в феврале 1938 года он получает назначение на пост главнокомандующего всеми сухопутными силами Германии (командование танковыми армиями переходит к генералу Райхенау) и одновременно включается в состав вновь созданного Гитлером «частного совета» для рассмотрения вопросов внешней политики. Этот «частный совет» в действительности был военно-политическим штабом Гитлера для подготовки мировой войны. Браухич стал одной из центральных фигур этой подготовки.

Для понимания личности Браухича необходимо подчеркнуть, что в интересах карьеры ему не пришлось поступиться тем, что в предшествующие годы составляло сущность его военно-политического кредо. За эти годы в Германии прошло много сложных, запутанных сдвигов.

многое менялось, даже когда вывески сохранялись неизменными. Но если брать основные линии развития, то в области мировой военно-политической стратегии не Браухич шел к Гитлеру, а наоборот, Гитлер торопливо проделывал свой путь в направлении к Браухичу. Не без сомнений и колебаний, внося временами поправки в прежние концепции, — но все же шел.

Политика соглашения с Англией в глазах Гитлера к зиме 1936-1937 годов потерпела полное банкротство. Среди англичан было немало людей, склонных к соглашению с Гитлером, но все они не годились в партнеры для начатой большой игры. Ему нужны были не сентиментальные проповеди о «мире всего мира», а союзник для совместной работы над переделом этого мира или хотя бы надежный попутчик для первых этапов борьбы за этот передел.

В таких условиях строить большую политику на базе соглашения с Англией не было никакой возможности. Да и в целом для осуществления этой «большой политики» у Германии были только два пути: либо соглашение с Англией и поход против России, либо, наоборот, с Россией против Англии.

Поворотным в этом отношении стал 1937 год, когда Гитлер решил перейти к территориальным захватам в Центральной Европе, превосходно понимая, что после их осуществления о сколько-нибудь прочных соглашениях с Англией нельзя будет и думать.

Новая ориентация внешней политики требовала нового генерала, способного играть ведущую военную роль. Сторонников соглашения с Россией среди них было много, но далеко не все они подходили Гитлеру. На Гитлера многие из них, — во главе с самим главнокомандующим Фричем, — смотрели с большой долей презрения. Для них он все еще оставался выскочкой, «малыаром». Хозяевами положения они продолжали считать себя и были тесно связаны с наиболее сильными слоями старого правящего класса, с поместным дворянством, с одной сто-

роны, и с тяжелой индустрией, с другой. Прочные нити от них тянулись и в Доорн, где старый «император на покое» не только подстригал розы в саду, но и лелеял мечты о возвращении на дедовский трон. Старшее поколение генералов рейхсвера, настроенное промонархически, не только стояло в оппозиции к диктатуре Гитлера, не только было связано со старыми правящими слоями общества, все более и более недоверчиво косившимися на «выскочек», которые тянулись к власти вслед за Гитлером, — но и совсем по-иному, отнюдь не в духе «реалистической политики», интерпретировало идею соглашения с Россией. Генералы этого типа совсем не годились в помощники Гитлеру, особенно на предстоявшем пути, который — он знал — будет изобиловать крутыми поворотами.

Браухич был не из их числа. Его ничто не связывало ни со «стальными магнатами», ни с «угольными баронами». У него, правда, было небольшое поместье в Восточной Пруссии, но сам себя он ощущал не ост-эльбским юнкером, а «солдатом прежде всего и больше всего». И при всей своей старой дворянской родословной он не чувствовал себя склонным делать политику во имя реликвий прошлого. Наверное, в положенные сроки и он совершал свои ночные визиты в Доорн на автомобиле с притушенными огнями: такие визиты были тогда обязательными для немецких генералов, а Браухич без большой нужды не нарушал старых традиций. Ведь не преминул же он позднее явиться на похороны «старого Вильгельма»... Но эти визиты для него были простой формальностью. Реальностью была война с ее нуждами и интересами. Все было подчинено этим последним. Во имя их в 1933-1934 годах. Браухич был готов пойти на разговоры с рабочими и демократами. Теперь практика убедила его, что никто не способен лучше и полнее, чем нацисты, поставить все народное хозяйство на служение делу войны, — и он пошел к Гитлеру.

Было и еще одно обстоятельство — личного поряд-

ка, — прочно привязавшее Браухича к лагерю Гитлера: семейная жизнь фельдмаршала сложилась неудачно. Он не жил с женой, любил другую женщину, но не мог на ней жениться, так как первая жена за развод требовала большие отступные, заплатить которые Браухич не имел возможности. Гитлер, внимательно следивший за личными делами своих соратников, был осведомлен об этом обстоятельстве и пришел на помощь Браухичу. Свадьба состоялась 23 сентября 1938 года — в самый разгар натиска на Чехословакию... Это не было прямым подкупом, — но нить личной благодарности прочнее, чем золото, привязала Браухича к Гитлеру.

12 февраля 1938 года танковые дивизии Гитлера пустились в свой первый рейд на Вену. В эти дни Браухич якобы сказал Гитлеру:

— Мой фюрер, если вам нужна армия для поддержки шантажа путем военной демонстрации, то вы можете рассчитывать на нас. Для более серьезного дела мы не пригодны.

Ничего «более серьезного» не понадобилось. Англия не раскачалась: в ней еще слишком живы были иллюзии о возможности «замирения» Гитлера. Что же касается Франции — страны, более других заинтересованной в недопущении гитлеровской экспансии, — то возможность реакции с ее стороны была пресечена очередным министерским кризисом.

Австрия досталась без борьбы — первый успех всегда подстрекает на дальнейшие действия. Если так легко дают, то почему не идти «вперед и выше»?

1 сентября 1939 года в 5 часов 45 минут по сигналу, данному Гитлером и Браухичем, немецкие части перешли польскую границу. Прозвучали первые выстрелы второй мировой войны, — которой суждено было стать много более страшной и жестокой, чем первая! В последние дни немецкие генералы с Браухичем во главе прилагали все усилия, чтобы толкнуть Гитлера на принятие крайних

решений, чтобы отрезать все возможности компромиссного соглашения. Гитлер шел у них на поводу. В беседе с Буркхардтом, Верховным комиссаром Лиги Наций в Данциге, он жаловался, что в отличие от прошлого, когда все советники старались удержать его от крайних мер, теперь, наоборот, эти же советники толкают его вперед и вперед. В их ряду первое место занимали генералы. Иначе и быть не могло: ведь теперь война была их войной, — войной именно с той группировкой сил, о которой немецкие генералы — строители рейхсвера мечтали в течение двух десятилетий: в союзе с Россией и против Англии.

В течение первых 22 месяцев войны руководимые Браухичем немецкие армии неизменно шли от победы к победе. Немецкий флот, правда, не вписал блестящих страниц в свою историю. Даже немецкая авиация — краса и гордость третьего рейха, — узнала, что такое сильный противник и неуспех в сентябрьских боях 1940 года над Англией. Но и флотом и авиацией командовали другие, не Браухич. Что же касается сухопутных армий, то ни один из противников, с которым приходилось встречаться немцам, не выдерживал и первого удара. Над Вислой и в Арденнах, на полях Фландрии, у Фермопил, и в пустынях Ливии — повсюду танковые дивизии Браухича проходили почти триумфальным маршем. «Для немецкого солдата нет невозможного», — заносчиво выкрикивал Гитлер перед своим рейхстагом 4 мая 1941 года.

Это было время, когда, казалось, вплотную приблизилось осуществление той заветной мечты, которую так старательно вынашивали первые строители рейхсвера: разрушения Британской империи. Танковые дивизии генерала Роммеля стояли на границах Египта, прикрытых слабыми силами англичан. Смелым ударом был занят Крит — этот «пистолет, приставленный к груди Суэцкого канала». Суэц был взят в полукольцо, а падение Суэца — это все понимали — должно было стать началом распада Британской империи!

Но... вдруг обстановка в корне изменилась: танковые дивизии пошли не на Запад и не на юг, а на Восток — в безбрежные просторы России! В какой обстановке было принято это решение, какая борьба ему предшествовала, мы пока точно не знаем. Но и того, что нам известно с полной достоверностью, достаточно, чтобы уверенно говорить: это решение о войне против России было принято совместно Гитлером и генералитетом.

Еще в 1942 году Б.Николаевский писал в «Новом журнале», издававшемся в Нью-Йорке:

«Теперь едва ли может быть сомнение, что версия о «коварном нападении на Германию», которое якобы готовил Сталин и план которого был своевременно разгадан проницательным Гитлером, совершенно не соответствует действительности. Достаточно хотя бы изредка заглядывать в немецкие газеты и видеть, с каким старанием они все — явно по директивам Геббельса — выискивают всякую мелочь, которую можно истолковать как хотя бы косвенное подтверждение версии о «коварном плане», чтобы исчезло всякое сомнение в рассчитанной преднамеренности этой версии. Впервые в обращение ее пустил сам Гитлер (в своей прокламации от 22 июня 1941 г.); ее затем подхватила и до сих пор старательно разрабатывает вся огромная машина немецкой пропаганды, — со вполне определенной целью: убедить немецкий народ в правильности решения Гитлера напасть на Россию, в неизбежности для Германии этой войны, требующей таких тяжелых (и чем дальше, тем более тяжелых!) жертв. Так как, — если б эта война не была начата Гитлером, то Сталин все равно ее начал бы через несколько месяцев или даже недель...»

Эта версия активно популяризировалась в 80-е годы, как акция «холодной войны» для дискредитации Советского Союза. Особенно старательно потрудился на этой ниве изменник и предатель Резун своими клеветническими книгами, бесстыдно переворачивая с ног на голову события предвоенных лет. Приведенная выше цитата 1942

года еще одна пощечина клеветнику. Дальше В.Николаевский пишет:

«В действительности дело обстояло совсем иначе. Это не Сталин, а Гитлер уже давно вынашивал план нападения на Россию, — вернее, он никогда по существу не отказывался от своего старого плана войны против России как главного врага. Все достоверные, поддающиеся объективной проверке данные, которыми мы располагаем, с полной несомненностью показывают, что руководители Советской России выполняли все условия своих договоров с Германией и нападение Гитлера для них было неожиданностью, — что не могло бы иметь места, если бы их собственная мысль работала в направлении нападения. Русские самолеты были открыто выставлены на аэродромах, — как будто для того, чтобы облегчить противнику задачу их уничтожения. Русское командование было настолько психологически не подготовлено к мысли о нападении, что в момент, когда начали приходить сообщения о налете немецких самолетов и запросы, что же делать, растерянные штабы отдавали распоряжение не стрелять по немцам: предполагали, что вышло какое-то недоразумение. Полная растерянность царила и в Кремле, — когда туда пришли первые известия. Только через 8-9 часов после начала нападений и только через 6 часов после вручения немецким посланником ноты об объявлении войны советское правительство собралось с духом повестить страну о начавшейся войне. Так не ведут себя люди, которые сами готовят нападение!»

В беседах с Гарри Гопкинсом (декабрь 1941 г.) Сталин сказал, что нападение Гитлера он рассматривает как «измену партнеру» и что ответственным за эту измену он считает «не Германию, не германский генеральный штаб (Сталин подчеркнул, что нападение совершено, «быть может, вопреки последнему») и не рейх, как политическое целое», т.к. решение о нападении Гитлер принял единолично, действуя «как бешеная собака».

Тот факт, что Браухич, этот идейный вдохновитель советско-германского договора, когда поход на Москву все же был начат, остался во главе немецких армий, ни в какой мере не противоречит всему вышесказанному. Нужно помнить: никакого сентиментального «русофильства» у Браухича не было и в намеке. Немецкий националист чистой воды, сторонником союза с Россией он стал исключительно потому, что такой союз ему казался выгодным для Германии. Поэтому он должен был бороться против всех планов похода на Москву, пока вокруг этого вопроса шла борьба. Но с того момента, когда решение было принято, когда война уже была начата, он должен был, исходя из тех же мотивов, которыми руководствовался раньше, принять в ней участие и приложить все усилия для доведения ее до такого конца, который ему казался наиболее отвечающим интересам Германии.

Пока немецкая армия шла победно вперед, Гитлер и генералы старой школы были охвачены эйфорией. Но при первом же крупном поражении причиной неудач были объявлены старые разногласия. Разные концепции и взгляды на стратегию войны, по мнению Гитлера, привели к поражению под Москвой.

Основной довод, который Гитлер приводит в оправдание удаления Браухича, состоит в указании на необходимость в обстановке современной войны, исключительной по своей сложности, полного единства между политикой и стратегией. Но принимать меры, и притом такие экстраординарные, как смещение главнокомандующего, — становится необходимым только в тех условиях, когда на практике такого единства нет. Из этого следует бесспорный вывод: между лицом, определявшим политику Германии, то есть Гитлером, с одной стороны, и лицом, определявшим ее стратегию, то есть Браухичем, с другой, единства не было, и Браухич, опираясь на соображения стратегии, требовал от Гитлера каких-то изменений в политике.

В своем воззвании к армиям от 19 декабря 1941 года Гитлер с особенной силой подчеркивает мысль, что главный враг Германии — «самый опасный из врагов всех времен» — это Россия. Основная задача немецкой армии должна состоять в уничтожении именно этого врага. Отсюда и задачи: немецкие армии должны во что бы то ни стало «держаться и защищать до наступления весны все, что они заняли с таким неизмеримым героизмом и тяжчайшими жертвами». И в то же время «должны быть немедленно начаты приготовления к возобновлению наступательных операций весной, — для окончательного сокрушения врага на Востоке».

Подчеркивать именно эти задачи в обращении к армиям в связи со смещением главнокомандующего — это может иметь только один смысл: разногласия, сделавшие такое смещение необходимым, лежали в плоскости именно этих вопросов. Более ясно Гитлер в данной обстановке и не мог сказать: несомненно, что Браухич настаивал на переходе к обороне; несомненно, что это он не считал необходимым приступить к подготовке весеннего наступления на русском фронте.

Взять на себя вину Гитлер, конечно же, не мог, да он и не считал, что допустил просчеты — во всем виноваты генералы с их старомодными взглядами. И Гитлер решил не только развязать себе руки, но и наказать виновников поражения.

Вот такого стратегического зубра завалил Жуков под Москвой, не говоря уж о генерал-фельдмаршале фон Боке, признанном мастере танковых ударов Гудериане и десятке других опытных генералов, которых Гитлер снял с должностей. И все беды постигли их благодаря искусству и таланту Жукова, которые проявились в его умелых и находчивых, твердых и бесстрашных действиях против этих именитых полководцев.

ОЧЕРЕДНОЙ ПРОСЧЕТ СТАВКИ И ЖУКОВА

Верховный Главнокомандующий Сталин не выпустил из виду бои на Дону и приближение гитлеровских войск к Северному Кавказу. Но он не придавал этому направлению того значения, какое оно приобретало в связи с планами Гитлера. Бои на Южном фронте, которые шли и могли развернуться в перспективе — летом 1942 года, — оценивались Сталиным (а его мнение в Ставке было решающим), как бои на всех других, неглавных направлениях. Направлением вероятного главного удара гитлеровской армии Сталин считал удар на Москву.

Вот что пишет об этой ситуации Жуков:

«Весной 1942 года я часто бывал в Ставке, принимал участие в обсуждении у Верховного Главнокомандующего ряда принципиальных стратегических вопросов и хорошо знал, как он оценивал сложившуюся обстановку и перспективы войны на 1942 год».

Каковы же были оценка Сталина и вытекающие из нее перспективы? Об этом Жуков тоже написал:

«После дополнительного изучения обстановки Ставка и Генеральный штаб пришли к выводу, что наиболее опасными направлениями следует считать орловско-тульское и курско-воронежское с возможным ударом противника на Москву — обходом столицы с юго-запада: Вот почему было принято решение: для защиты Москвы с этой стороны сосредоточить к концу весны значительную часть резервов Ставки».

А теперь я приведу еще одну, очень короткую, фразу из воспоминаний Жукова, на мой взгляд, весьма важную для понимания настроений в высшем советском руководстве:

«В основном я был согласен с оперативно-стратегическими прогнозами Верховного...»

Если был согласен — значит, так же как Сталин и Генштаб, Жуков проглядел опасность, нависшую над Кавказом и бакинской нефтью, и за многие беды, которые последовали за этим недоглядом, он несет полную ответственность. Тем более что в августе 1942 года Государственный Комитет Обороны назначил Жукова заместителем Верховного главнокомандующего...

Вот еще одна реальная возможность для любителей критиковать Жукова. Не надо выписывать несуществующие его провинности. Просчет, недооценка сил и возможностей противника, ошибка в определении его главных усилий летом 1942 года едва не привели к сокрушительной катастрофе, захвати немцы нефтяные источники на Кавказе.

Уж в чем виноват, в том виноват! Георгий Константинович и сам понимал этот свой промах. Каждому человеку свойственно нежелание говорить о своих огрехах, и он в своей книге почти ничего не пишет о тяжелых боях на Кавказе и о том, кто и как спас тогда нашу страну.

Тут, наверное, мне уже пора подкрепить сказанное надежными документами, а не ограничиваться только своими рассуждениями. Маршал А.А.Гречко пишет:

«Ставка при определении замысла врага на лето 1942 года считала, что основные события летом развернутся вокруг Москвы, что именно на этом направлении противник будет наносить главный удар».

Допустим, в те дни Гречко не знал общей обстановки, он не был еще маршалом, командовал армией, хотя следует заметить, что писал он свои воспоминания уже будучи маршалом и министром обороны и конечно же располагал документами в полном объеме.

Но все же допустим... тогда я приведу свидетельство человека, который почти ежедневно встречался со Сталиным, — генерала М.Штеменко:

«Должен сказать, что советское стратегическое руководство во главе с И.В.Сталиным было убеждено, что рано или поздно враг снова обрушит удар на Москву. Это убеж-

дение Верховного главнокомандующего основывалось не только на опасности, угрожавшей с ржевского выступа. Поступили данные из-за рубежа о том, что гитлеровское командование пока не отказалось от своего замысла захватить нашу столицу. И.В.Сталин допускал различные варианты действий противника, но полагал, что во всех случаях целью операции вермахта и общим направлением его наступления будет Москва. Другие члены Ставки, Генеральный штаб и большинство командующих фронтами разделяли это мнение.

Исходя из этого, считалось, что судьба летней кампании 1942 года, от которой зависел последующий ход войны, будет решаться под Москвой. Следовательно, центральное — московское — направление станет главным, а другие стратегические направления будут на этом этапе войны играть второстепенную роль.

Как выяснилось впоследствии, прогноз Ставки и Генштаба был ошибочным».

Этот просчет произошел не из-за отсутствия сведений о намерениях противника. Сведения были, и очень достоверные. Наша разведка выявила сосредоточение войск для нанесения ударов на Кавказ. Вот тому подтверждение из воспоминаний маршала А.А.Гречко:

«В середине марта 1942 года наши разведывательные органы докладывали, что стратегическое построение группы армий «Юг» вскрывает намерения противника перенести центр тяжести в войне 1942 года на сталинградское и северокавказское направления».

Не только военные разведчики располагали такими сведениями. Вот свидетельство чекистов о том же:

«...в марте 1942 года в Государственный Комитет Обороны были представлены сведения, что летом 1942 года фашистское командование предпримет крупное наступление на Сталинград и Северный Кавказ. Указывались армейские группировки врага, которые должны были участвовать в наступательных операциях на юге».

Если бы просчет ограничивался просто спорами и дискуссиями на эту тему, то беда была бы невелика. Но просчет этот вел к такому распределению советских вооруженных сил, которое не соответствовало создавшейся обстановке. Маршал А.Гречко прямо подтвердил эту беду:

«Однако, несмотря на эти и другие доклады наших разведывательных органов, что центр тяжести весеннего наступления противника будет на юге, на этот участок фронта достаточных резервов направлено не было».

Фронты Западного направления находились в непосредственной близости от Москвы, они защищали подступы к столице. Их силы составляли около половины всей нашей армии. А на Кавказе было 5,4 процента всех наших дивизий, а танков — этой решающей ударной силы в современной войне — всего 2,9 процента!

А попробуем понять, что же заставило Ставку держать большие силы под Москвой. Мне кажется, это объясняется, кроме стратегических, еще и чисто психологическими причинами. В Ставке все испытывали колоссальное потрясение после того, как враг за короткое время прошел почти половину европейской части страны и ринулся на Москву! И мне думается, весной 1942 года, когда бои еще гремели недалеко от столицы, Ставка опасалась отпускать войска из-под Москвы, отдавать резервы на юг, в ожидании того, что враг, находясь так близко, вновь попытается овладеть столицей. А что касается разведывательных данных об опасности на юге, то не раз приходилось убеждаться в их неточности, преувеличенности, а порой и ложности. Не дезинформация ли это со стороны противника, рассчитанная на то, чтобы оттянуть советские войска от Москвы на юг? Но юг далеко, а лязг гитлеровских танков слышен вот здесь, под Москвой!

В общем, как бы там ни было, а в 1942 году врагу удалось осуществить подготовку и нанести удар гигант-

ской силы по Кавказу. Просчет, о котором шла речь, обернулся для войск, оборонявших подступы к Кавказу, огромными трудностями и людскими потерями.

ПОВОРОТ НА ЮГ **(удар на Кавказ)**

К июлю 1942 года уже произошли очень важные военные события: отгремело множество сражений, больших и малых, воюющие стороны нанесли друг другу значительные потери. Пока верх одерживали немецкие армии. Они захватили большую территорию Советской страны, стояли недалеко от Москвы, Ленинграда, намеревались выйти к Волге и на Кавказ. Превосходство в силах, особенно в технике, да и инициатива оставались на стороне противника.

Есть в военной терминологии излишне, на мой взгляд, торжественное определение — театр военных действий. Это, увы, совсем не то, что возникает по ассоциации со словом «театр». На этом театре никто и ничего не играет, здесь воюют и умирают по-настоящему. Коротко, не по-научному, театр военных действий можно определить как территорию, на которой развертываются армии и ведутся бои и операции. Изучение этого театра — целая отрасль военной науки. Причем первоначально эта наука занималась географическими особенностями территории и их влиянием на ход боевых действий. Позднее к этому прибавились политические и экономические факторы. С появлением авиации стали изучать и воздушное пространство, а теперь ракеты заставляют уже учитывать и пространство космическое. Кто дал такое название этой отрасли военной науки, я не знаю. Но это действительно наука. Театры военных действий могут быть величиной в

несколько государств, например африканский, ближневосточный, или со многими морями — тихоокеанский.

Когда я учился в военной академии, в расписаниях лекций по этому предмету сокращенно писали три буквы — ТВД, отчего пропадала вся торжественность этих слов. Я не намереваюсь обрушить на читателей всю сложность науки о ТВД с ее разделами: народонаселением, природными условиями, промышленностью, дорогами, климатом, реками, естественными рубежами, температурами и уровнями осадков по временам года и тому подобным. Я просто хочу попросить читателей представить себе территорию, где развернулись события, которым посвящена эта часть моего повествования.

Будет наглядней и понятней, если вы при чтении последующих глав положите перед собой карту Кавказа, найдя ее ну хотя бы в ученическом атласе.

Кавказ — огромное скопление гор между Черным и Каспийским морями. Здесь, в горах и долинах, расположено несколько республик и автономных областей: Азербайджан, Армения, Грузия, Дагестан, Чечено-Ингушетия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Ставропольский и Краснодарский края. Главный Кавказский хребет, перегораживая пространство между морями, протекает от Новороссийска почти до Баку. Расстояние от Ростова до Баку, если двигаться по прямой — более тысячи километров. Территория эта в большей своей части труднопроходима для всех видов транспорта, в горных районах доступна только лошадям, а в более высокой части гор недоступна и им. Только людям под силу преодолевать эти горные вершины. Наиболее удобны для ведения боевых действий северная, равнинная часть, ставропольские, Сальские степи, а также узкая полоса вдоль Черного моря. Именно здесь и развернулись боевые действия, вошедшие в историю как битва за Кавказ.

Еще до начала Великой Отечественной войны здесь

располагался Закавказский военный округ, обеспечивавший безопасность южных границ нашей страны. Когда началась война и бои велись уже на территории Украины, Белоруссии, Молдавии, задача Закавказского военного округа несколько изменилась: не только прикрыть сухопутную границу от вторжения турецких войск, но еще и воспрепятствовать возможной высадке десантов гитлеровцев со стороны Черного моря.

Наши войска были введены и в Иран согласно советско-иранскому договору 1921 года, так как гитлеровцы готовили вторжение и с территории этой страны, раскинув там широкую сеть своей агентуры, которая создавала у советских границ склады боеприпасов, оружия, взрывчатки. В правительственных учреждениях Ирана и в немецких фирмах в 1941 году было сосредоточено под видом служащих более 5 тысяч офицеров и сотрудников гитлеровской разведки, которые не только сами были готовы к действиям, но и формировали отряды из антисоветски настроенных местных жителей, а также из белоэмигрантов. В общем, Закавказский округ был нацелен для встречи врага со стороны Турции, Ирана и с моря.

Турция даже не скрывала своей подготовки к нападению на Советский Союз. В ее планы входило не только содействие фашистским завоевателям. У нее были и свои весьма и весьма агрессивные цели. Турецкий журнал «Чинаралты» писал в феврале 1942 года:

«Настанет день, когда мы, как Тимур, пройдем из Анатолии в Индию, взойдем на Гималаи и создадим союз Дагестана, Крыма, Казани, Ирана. Все враги Турции будут уничтожены».

Ближайшей задачей, поставленной на повестку дня, был захват района Баку с его нефтяными источниками. Уже была произведена мобилизация, и 26 турецких дивизий в полной готовности стояли у советской границы. Начало военных

действий было назначено на ноябрь 1942 года, после того как Берлин объявит о падении Сталинграда.

Гитлер был абсолютно уверен в успехе наступления, не собиравшись ни с кем делить лавры предвкушаемой победы, поэтому, как уже говорилось, находился в Виннице, в специально построенной для него ставке, поближе к театру военных действий.

Кстати, ставку эту несколько месяцев строили немецкие военные инженеры под видом санатория для офицеров. Вся зона строительства была оцеплена охраной и колючей проволокой. Несколько тысяч военнопленных, работавших там, и даже некоторые немцы — мастера-отделочники догадывались, что строится здесь не то, о чем говорят официально, но чтобы эти их догадки не были разглашены, участвовавших в строительстве после его завершения эсэсовцы уничтожили.

Как уже было сказано, для обеспечения главной задачи — захвата Кавказа и прикрытия левого фланга группы армий «А» — был нанесен удар в направлении Волги и города Сталинграда. 12 июля фашистские войска вступили на территорию Сталинградской области. Продвижение гитлеровских частей шло успешно, и поэтому в директиве Гитлера № 44 от 21 июля 1942 года сказано:

«Неожиданно быстро и благоприятно развивающиеся операции... дают основания надеяться на то, что в скором времени удастся отрезать Советский Союз от Кавказа и, следовательно, от основных источников нефти и серьезно нарушить подвоз английских и американских военных материалов. Этим, а также потерей всей донецкой промышленности Советскому Союзу наносится удар, который будет иметь далеко идущие последствия».

Гитлер настолько был уверен в успехе своих войск в районе Волги и Сталинграда, что отобрал у группы армий «Б» 4-ю танковую армию и включил ее в группу армий «А», чтобы она тоже наносила удар в направлении Грозного и Баку.

17 июля советские войска на Сталинградском направлении получили директиву:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает под вашу личную ответственность немедленно организовать сильные передовые отряды и выслать их на рубеж р.Цимла от Чернышевская и до ее устья, особенно прочно занять Цимлянская, войдя в связь здесь с войсками Северо-Кавказского фронта».

В этот же день авангарды дивизии 6-й немецкой армии в излучине Дона, на рубеже рек Чир и Цимла, столкнулись с передовыми отрядами 62-й и 64-й армий Сталинградского фронта, высланными согласно этой директиве.

Именно эта дата считается началом великой Сталинградской битвы, а первым ее боем — встреча этих передовых отрядов с 6-й армией Паулюса.

Шесть дней вели упорные бои эти передовые отряды, заставив развернуться главные силы 6-й немецкой армии. Противник почувствовал, что встретил здесь какие-то новые части и что надежды на легкое наступление на Сталинградском направлении несколько преждевременны. Уже 23 июля в очередной директиве Гитлер совсем по-иному оценивает силы советских частей:

«Только небольшим силам армии Тимошенко удалось избежать окружения и достичь южного берега р.Дон. Следует считаться с тем, что они будут усилены за счет войск, находящихся на Кавказе. Происходит сосредоточение еще одной группировки противника в районе Сталинграда, который он, по-видимому, собирается оборонять».

Далее в этой директиве говорилось:

«На долю группы армий «Б», как приказывалось ранее, выпадает задача, наряду с оборудованием оборонительных позиций на р.Дон, нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой и нарушить перевозки по реке.

Вслед за этим танковые и моторизованные войска должны нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и там также парализовать движение по главному руслу Волги».

Вот так Гитлер силами группы армий «Б» планировал рассеять территорию до Волги и изолировать Кавказское направление от Москвы и вообще от всей североевропейской части нашей страны.

Получая такое надежное и реальное обеспечение слева, группа армий «А», казалось бы, могла продолжать наступление на Кавказ. Однако группировка советских войск, находившаяся под Сталинградом, существовала и нависала над флангом немецких войск, рвущихся к Баку, и без разрешения этой важной стратегической проблемы по устранению угрозы с севера не могла быть обеспечена устойчивость всего кавказского направления.

Гитлер теперь понимал, и если не сам дошел до этого, то ему, видимо, убедительно доказали его военные сподвижники, что от исхода сражения под Сталинградом зависит осуществление всех его планов на юге, намеченных на летнюю кампанию, и прежде всего захват Кавказа.

Исходя из этого, Гитлер посылал в бои под Сталинградом все новые и новые соединения. Совсем недавно он надеялся, что 6-я армия Паулюса легко выполнит задачу самостоятельно, а через две недели вынужден был перебросить с Кавказского направления на сталинградское 4-ю танковую армию, без одного корпуса.

Гитлеру очень хотелось захватить Сталинград еще до начала наступления на Северном Кавказе, но этого не произошло. 22 июля 6-я немецкая армия вышла к переднему краю главной полосы обороны Сталинградского фронта, которая находилась в 12-ти километрах от города.

Но Гитлеру не терпелось поскорее осуществить свои планы. К тому же сил у него было достаточно, и он знал, какие советские армии противостоят ему на Кавказе —

измотанные в боях, не имеющие снабжения из центральной части страны. Гитлер спешил, и поэтому 25 июля все же был нанесен удар по Кавказу группой армий «А». В первые дни фашистское наступление шло так стремительно, что уже 27 июля начальник оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск генерал Хойзингер передал начальнику штаба группы армий «А» генералу Грайфенбергу следующее:

«Из предмостного укрепления Ростов не нажимать слишком сильно на юг, чтобы не принудить противника к отступлению, прежде чем он будет окружен продвигающимся вперед левым флангом группы армий».

Наступление на Кавказе развивалось настолько успешно, что именно в эти дни Гитлер, как уже говорилось, разрешил перебросить 4-ю танковую армию на Сталинградское направление, где все еще не удалось захватить город.

1 августа командующий группой армий «А» генерал-фельдмаршал Лист послал командующему 4-й танковой армией телеграмму:

«В связи с уходом 4-й т.а. из района группы армий «А» я еще раз вынужден ее благодарить как за хорошее руководство, так и за выдающиеся успехи частей. Перед армией стоит теперь новая тяжелая задача, выполнение которой должно одновременно обеспечить тыловое прикрытие группы армий «А». Я желаю армии успешно выполнить также и эту задачу и надеюсь, по выполнении ее, снова увидеть армию в составе группы армий «А»...»

Гитлеровские генералы мнили себя рыцарями. А я прошу читателей запомнить это решение Гитлера и его генерального штаба, потому что в дальнейшем станет очевидно: «рыцари» окажутся недалёковидными вояками, этот просчет будет им очень дорого стоить. Можно сказать и более определенно: с передачей 4-й танковой армии под Сталинград случилось то, что на неофициаль-

ном, ненаучном языке называется удар не кулаком, а растопыренными пальцами. Ну и лично Гитлера это решение характеризует как непоследовательного стратега: приняв решение, поставив большие задачи, сосредоточив для их осуществления необходимые силы, фюрер уже на первом этапе стал их распылять; вот поэтому и называется такой удар ударом растопыренными пальцами, и в самом этом выражении таится невысокое мнение о том, кто наносит такие удары.

Однако все это станет очевидным несколько позднее, а пока генерал-фельдмаршал Лист попрощался с 4-й танковой армией и продолжал развивать наступление на Кавказ: 17-я армия устремилась к Краснодару и 9 августа овладела им. 1-я танковая армия рвалась через Армавир на Майкоп и дальше на Туапсе, чтобы окружить ту самую группировку, которую Хойзингер не советовал «выжимать» из района предстоящего окружения. 7 августа части 1-й танковой армии захватили Армавир, а 10 августа Майкоп.

Гитлер и многие его сподвижники были в радостном возбуждении. Майкоп — это уже первая нефть, к которой они так стремились. Начальник генерального штаба итальянской армии маршал Кавальеро в своем дневнике в эти дни записал:

«За армиями Листа следуют 10 тысяч специалистов и квалифицированных рабочих, которые должны после взятия Майкопа восстановить нефтяные скважины. Согласно подсчетам, для того, чтобы снова пустить их в эксплуатацию, потребуется от 4 до 5 месяцев».

Окрыленный успехами на юге, Гитлер ожидал включения в войну новых союзников, которые обещали ему свое активное содействие именно с этих рубежей. Он спрашивал: «Как дела с турками?» В августе ему доложили:

«Премьер-министр турецкого правительства Сараджоглу в беседе с германским послом заявил, что «как турок, он страстно желает уничтожения России... Русская

проблема может быть решена Германией, только если будет убита по меньшей мере половина всех живущих в России русских».

Более конкретно высказывался турецкий генеральный штаб. Он считал:

«Вступление Турции в войну почти неизбежно. Оно может произойти и произойдет в тот момент, когда турецкая армия будет располагать достаточным количеством вооружения. Турецкое наступление пошло бы через Иранское плоскогорье по направлению к Баку».

Фюреру также докладывали, что активизировались его сторонники в Иране. И действительно, по случаю занятия немцами городов Северного Кавказа многие профашистски настроенные элементы, подстрекаемые гитлеровской агентурой, вывешивали нацистские флаги. Среди населения распространялись слухи о том, что германская армия успешно овладевает Кавказом и в самое ближайшее время немецкие войска войдут в Иран.

На Дальнем Востоке Япония уже открыто готовилась вступить в войну против Советского Союза. Еще совсем недавно генерал-полковник Руофф, указав на восток, в сторону горящего Батайска, картинно заявил японскому атташе, приехавшему в район боевых действий:

«Ворота на Кавказ открыты. Близится час, когда германские войска и войска вашего императора встретятся в Индии».

13 августа генерал-полковник Гальдер в своем дневнике записал:

«Становится очевидным намерение противника удерживать Северный Кавказ и создать для обороны Южного Кавказа группу на Тереке и к югу от него».

Через три дня Гальдер записал:

«Противник подбрасывает свежие силы от Баку на Махачкалу».

В дополнение к продвигавшимся на Грозненско-Махачкалинском направлении танковым и мотопехотным

войскам Гитлер специально выделил одному из лучших соединений свежую дивизию, как он сам сказал, «для продвижения на Баку». Гитлер лично заботился об этой дивизии и дал указание как можно скорее обеспечить ее горючим, чтобы она дошла с этой заправкой до Баку.

Победа казалась Гитлеру совсем близкой. По всей Германии были развешены праздничные флаги. По радио не умолкали марши и речи. Повод для торжества был эффективный и выразительный: на Эльбрусе водружены флаги со свастикой!

Берлинские газеты кричали: «Покоренный Эльбрус венчает конец павшего Кавказа!» В иллюстрированных журналах, кинохронике — всюду изображение капитана Грота и его горных стрелков. Гитлер наградил Грота за Эльбрус высшей наградой — Рыцарским крестом, а его солдат Железными крестами. Радио Берлина прославляло «национальных героев».

Эти передачи слышали и в Москве, и они, конечно, вызывали гнев у Верховного, а следствием этого гнева было... Тут я лучше передам слово маршалу А.А.Гречко:

«Значительно усложнилась работа управления фронта и штаба 46-й армии по усилению обороны Главного Кавказского хребта в связи с приездом в Сухуми 23 августа в качестве члена Государственного Комитета Обороны Берии. Вместо конкретной помощи, в которой нуждались командование и штаб 46-й армии, Берия заменил целый ряд ответственных работников армейского и фронтового аппарата, в том числе и командующего армией генерал-майора В.Ф.Сергацкова.

Однако не грубое администрирование, а кропотливая организаторская работа штабов фронта и армии позволила новому командующему 46-й армией генерал-майору К.Н.Леселидзе взять в руки рычаги управления войсками и направить их действия на уничтожение просочившихся через перевалы вражеских войск».

Приведу цитату из книги ученого Х.М.Ибрагимбеи-ли, большого знатока обстановки и боев на Кавказе:

«К сожалению, командование Закавказского фронта, готовясь в свое время к обороне высокогорных перевалов в центральной части Главного Кавказского хребта, недооценило всю важность укрепления этого района в инженерном отношении. Оно ошибочно считало, что горные вершины и высокогорные перевалы сами по себе — без дополнительного их укрепления скрытыми огневыми позициями, без минирования горных проходов, проезжих, вьючных дорог и троп, т.е. без организации их обороны войсками — являются непреодолимой преградой для врага. Кроме того, командование фронта недооценило и возможности противника. Между тем в составе группы армий «А»... наступали специальные войска, сведенные в 49-й горнострелковый корпус под командованием специалиста войны в горах генерала горных войск Р.Конрада...

...Как впоследствии стало известно, в боях за перевалы Главного Кавказского хребта в дивизии «Эдельвейс» участвовали многие офицеры, которые в 30-х годах посещали Кавказ в качестве туристов, поднимались на его вершины и высокогорные перевалы, бродили по глубоким ущельям. И теперь, идя на штурм Главного Кавказского хребта, они свободно ориентировались в этих местах».

Через много лет после этих событий, в 1978 году, я встретился с генералом армии И.В.Тюленевым в Центральном Красногорском военном госпитале: наши палаты были рядом. Иван Владимирович был тяжело болен, но в минуты, когда болезнь его отпускала, он, отдыхая, любил поговорить, вспомнить былое и с горечью, очень самокритично говорил о неудачах командования в руководстве боями за перевалы. Я не помню точно его слов и, поскольку они касаются такого серьезного дела, как критика, лучше приведу написанное по этому поводу самим Тюленевым:

«Анализируя сейчас причины захвата врагом этих важных перевалов, следует сказать, что в этом была немалая доля вины командования и штаба Закавказского фронта, опрометчиво решивших, что перевалы сами по себе недоступны для противника. Некоторые из нас считали главной задачей войск фронта оборону Черноморского побережья, где были развернуты основные силы 46-й армии. А она, в свою очередь, неправильно организовала оборону перевалов и попросту «проспала» их. Врага нужно было встретить на склонах гор, а не ждать, пока он поднимется».

В общем, план операции «Эдельвейс» близился к завершению; более двух третей территории, намеченной к захвату этим планом, было взято: почти весь Северный Кавказ, кубанские просторы и Сальские степи, майкопский нефтеносный район, перевалы через Главный Кавказский хребет, Эльбрус, увенчанный флагами со свастикой.

На пути к Баку остался один, последний рубеж с последними силами Красной Армии здесь, на Кавказе, — тремя армиями, одной из которых командовал генерал-майор И.Е.Петров.

НА ПОСЛЕДНЕМ РУБЕЖЕ

Работая над книгой «Полководец», я детально изучил операции и ход боевых действий на Кавказе и особенно подчеркнул роль командующего 44-й армией генерала Петрова Ивана Ефимовича, который со своими бойцами встретил на рубеже реки Терек рвущиеся к Баку танки Клейста и вместе с другими частями отстоял этот последний рубеж на пути к бакинской нефти.

Хотя Жуков не выезжал на тот участок фронта, он имел прямое отношение к тем невероятно тяжелым боям как заместитель Верховного. Описание кавказских сражений выходит за рамки моей книги. Тем не менее, из уважения к нашим героическим соотечественникам, погибшим и выжившим на том огненном рубеже, приведу краткое изложение одного происходившего там боя. По своей значимости в общем контексте войны битва за Кавказ не менее значима, чем сталинградская операция, просто историки и военные теоретики до сих пор не дали соответствующей оценки кавказской кампании лета 1942 года.

Август был жарким — не только из-за летнего зноя, но и из-за яростных боев на рубеже реки Терек.

Памятные, дорогие сердцу каждого советского человека места. Это тот самый Терек, о котором писал Лермонтов:

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад.
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит...

Армия генерала Петрова оборонялась на берегу Терека, там, где он «по степи разбегался» и впадал в «море Каспий». Здесь был правый фланг обороны этого рубежа. А левый фланг Северной группы войск опирался на горы Главного Кавказского хребта. От города Орджоникидзе (ныне Владикавказ) начинается Военно-Грузинская дорога — место, примечательное многими историческими событиями.

Еще римские историки называли эти места Кавказскими, или Дарьяльскими, воротами и писали, что через

них двигались народы из Европы в Азию и из Азии в Европу. Были здесь некоторое время и настоящие, а не символические ворота. Плиний так писал о них: «Между горами, которые вдруг, разом раздвигаются, природа создала с необычайным усилием проход, запертый воротами из бревен, окованными железом, внизу которых течет река Дириодорис (Терек. — В.К.). Сбоку, на скале, стоит замок Куманиа, достаточно укрепленный для того, чтобы преграждать путь бесчисленным племенам».

В этом замке в более поздние времена жила царица Тамара, о которой ходили бесчисленные легенды, и одну из них использовал Лермонтов:

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила...

Наверное, нет на земле второго такого места, где произошло столько битв и было пролито так много крови! Дарьял половцы отнимали у грузин, грузины у оссов, греки у персов, турки у греков, арабы у турок и опять грузины у хазар. В начале XIII века через Дарьял прорываются монгольские орды и растекаются по полонецким равнинам.

Дважды проводил через Кавказские ворота свое войско Тамерлан. В каждом веке в этих узких воротах гремели битвы, и не потому ли Терек, словно вобравший в себя грохот и крики этих боев, «воет, дик и злобен».

Не буду напоминать о более поздних событиях, связанных с этими местами, особенно в годы гражданской войны. Надеюсь, они известны читателям.

И вот к этому историческому рубежу вышла армия новоявленных претендентов на мировое господство. Скажем прямо — никогда еще в прошлые века у захватчиков не было таких громадных сил, как те, с которыми подступил сюда Гитлер.

Чтобы сломить сопротивление советских частей на

этом рубеже, гитлеровцы бросали сюда свои главные силы. А наши армии делали все возможное и невозможное для отражения сумасшедшего натиска врага. Действия оборонявшихся на крайнем пределе много раз уже характеризовались двумя короткими словами, очень точно отражающими суть происходившего, поэтому и я повторю их, ибо трудно сказать более исчерпывающе о боях на том рубеже: наши армии стояли насмерть.

31 августа Гитлер в своей ставке дает указание генерал-фельдмаршалу Листу:

«Главная задача 1-й танковой армии — уничтожение противника в излучине Терека... Всеми имеющимися силами, и прежде всего подвижными, продолжать наступление на Грозный, чтобы наложить руку на район нефтепромыслов».

2 сентября 1-я танковая армия гитлеровцев приступила к осуществлению приказа, пехота с танками стала форсировать Терек.

На терском рубеже непосредственным противником обороняющихся наших военачальников, а следовательно, и генерала Петрова, был генерал-полковник Клейст. Именно с ним Петрову, как говорится, пришлось скрестить шпаги. По происхождению Клейст был из потомственной военной семьи, в которой мужчины нескольких поколений становились генералами. Уже в начале нашего века Клейст служил офицером: во время первой мировой войны — командиром эскадрона, а с 1929 года — полковником. Еще до прихода Гитлера к власти он стал генерал-майором, командиром кавалерийской дивизии. Клейст по началу довольно сдержанно относился к фашистам, но затем проникся их империалистическими целями и стал одним из ревностных сторонников и исполнителей гитлеровской политики. В 1936 году он уже генерал-лейтенант, а с началом второй мировой войны назначается командиром 1-го танкового корпуса, который отличился быстрыми маневрами при

захвате Польши. Вместе с Гудерианом Клейст отстаивал идею в том, что танки существуют не только для поддержки пехоты, но должны действовать и самостоятельно крупными соединениями. Он участвовал в оккупации Голландии, Бельгии, Франции, Югославии, Греции. С первого дня нападения на Советский Союз отличился в боях напором и жестокостью. В операции «Эдельвейс», при осуществлении первой ее фазы, Клейст со своей 1-й танковой армией прошел более 600 километров от Дона до Терека. И вот здесь столкнулся с генералом Петровым и другими армиями Северной группы войск, получив задание уничтожить их и овладеть Баку.

Петров не просто отбивался, заняв оборонительные позиции на противоположном берегу Терека. Воспользовавшись переправой, он перебросил по ней часть войск и ударил во фланг противнику. Это конечно же внесло замешательство в ряды врага. С другого фланга таким же маневром контратаковали гвардейцы 11-го корпуса. Переправа крупных сил врага была сорвана.

Таким образом, приказ Гитлера об уничтожении армий в излучине Терека не был выполнен. Более того, наши контрудары стали причиной провала немецкого наступления.

Такой неожиданный исход сражения конечно же не мог остаться без последствий. Группа армий «А» не достигла поставленной цели. Надо было искать виновника провала операции «Эдельвейс». Разумеется, Гитлер ни в коем случае не мог признать таковым себя.

Еще 29 августа 1942 года Гальдер записал в своем дневнике свой разговор с Гитлером в тот день:

«Сегодня были очень раздраженные споры по поводу руководства операциями в группе армий «А». Пришлось говорить по телефону с Листом о тех мерах, которые надлежало бы принять, чтобы снова сделать наши действия маневренными».

Через три дня, то есть 1 сентября, Гитлер заявил на совещании руководящего состава вермахта:

— Все зависит от упорства! Противник израсходует свои силы быстрее, чем мы... кто-то должен выдохнуться, но не мы.

Но даже руководству гитлеровской армии становилось ясно, кто же все-таки выдыхается: удары соединений группы армий «А» в направлении Баку становились все слабее и слабее. 8 сентября Гальдер записал:

«Недостаточное продвижение группы армий «А» серьезно разочаровывает фюрера».

В эти дни Гитлер просто не находил себе места. Он обрушился с обвинениями на генеральный штаб, на армейское руководство. А для того чтобы выяснить причины провалившегося наступления, узнать, что же творится там, впереди, направил начальника штаба оперативного руководства ОКВ (верховного командования вермахта) генерала Йодля в группу армий «А».

Йодль, прибыв в штаб, заслушал командующего группой армий «А» генерал-фельдмаршала Листа и командира 49-го горно-стрелкового корпуса генерала Конрада, того самого, который еще совсем недавно был красой и гордостью гитлеровской армии. Их доклады и оценка обстановки были весьма неутешительными. Лист прямо сказал, что следует отказаться от попыток выхода к Черному морю через Кавказский хребет. Генерал-фельдмаршал просил Йодля доложить об этом Гитлеру и посоветовать ему, чтобы он разрешил отвести части горнострелкового корпуса хотя бы на перевалы. Лист также доложил о том, что наступление 1-й танковой армии в направлении на Баку вскоре может захлебнуться.

Когда Йодль вернулся в ставку Гитлера и доложил о своих переговорах с Листом и о весьма и весьма безрадостных перспективах боев на Кавказе (он употребил даже слово «мрачные»), Гитлер пришел в неистовство. Как мог начальник штаба оперативного руководства, прибыв

на фронт, заниматься не тем, чтобы требовать выполнения его, фюрера, приказов, а обсуждать их отмену? Как мог генерал-фельдмаршал Лист игнорировать требование немедленного прорыва любыми средствами к побережью? Что за самоволие генералов? Что вообще происходит? Он уже давно с трудом терпит Гальдера, возмущен Йодлем, отстранил Бока и других. Теперь с наихудшей стороны показал себя Лист.

Возникло полное несоответствие между желанием Гитлера продолжать операцию по захвату Кавказа и возможностями, которые оставались у фактически разгромленных войск. Командование группы армий «А» посылало шифровки, полные растерянности. Оно уже предчувствовало неизбежное и окончательное поражение на Кавказе.

Сам генерал-фельдмаршал Лист, его окружение да и офицеры вышестоящих штабов уже не сомневались, что вот-вот разразится гром и Гитлер начнет отрывать головы виновникам.

И гром грянул. 10 сентября 1942 года генерал-фельдмаршал Лист был снят с поста командующего группой армий «А». Это ли не официальное признание провала операции «Эдельвейс» и замыслов Гитлера, связанных с ней? Пусть он считает виновным Листа, но операция «Эдельвейс» все же сорвалась. Советские части выстояли!

Желая проявить твердость в создавшейся сложной обстановке, Гитлер решил взять командование группой армий «А» на себя. Но он не выехал в Сталино, где находился штаб группы, а руководил ею из своей ставки в Виннице. В течение месяца он пытался добиться перелома, но не смог этого сделать и назначил командующим этой группой армий Клейста.

25 сентября 1942 года генерал-полковник Клейст, желая отблагодарить Гитлера и поднять его настроение, заявил, что он все же выпьет бокал за здоровье фюрера в Баку. Клейст был достаточно опытным командующим,

он слов на ветер не бросал и свое заявление подкрепил соответствующими действиями. Он нацелил главный удар на так называемые Эльхотовские ворота — долину между горными хребтами, которая выводит к Грозному и Орджоникидзе. Чтобы не оказаться в глазах фюрера просто хвастуном и наверняка выполнить обещание, Клейст сосредоточил на этом узком участке около 300 танков. Клейст всегда был сторонником мощного танкового удара, и надо сказать, что до терского рубежа эта тактика приносила успех. Желая поддержать своего любимца, Гитлер разрешил снять с туапсинского направления и передать Клейсту одну из лучших моторизованных дивизий СС — «Викинг».

Итак, Клейст рванулся в Эльхотовские ворота. Авиация противника буквально перепахала всю долину, а затем артиллерия выжгла в ней огнем все живое. На таком узком участке, в этом коридоре между горами, казалось, каждый снаряд, каждая бомба ложились в цель. И когда дымящаяся после такой обработки долина превратилась, по представлению Клейста, в мертвый свободный коридор, он запустил туда лавину танков с десантом автоматчиков. Долина была настолько узка для созданной группировки, что танки шли длинной тесной колонной. Дрожала земля от тяжелого бега стальных громадин, гудели горы, возвращая эхом рычание множества моторов. Дым, чад, пыль заволокли все вокруг. Казалось, ничто и никто не сможет остановить этот гигантский таран!

Но поднялись из перевернутой земли оставшиеся в живых люди. Простые, обыкновенные, но железные — смертные. Они отряхнули с себя землю, которой их засыпало при бомбежке и артобстреле, привели в порядок оружие, поправили, насколько успели, окопы и встретили несущуюся лавину танков. И свершили невероятное. Они оказались сильнее этой железной армады!

Возможно ли это? Не выдумка ли это историков более позднего времени?

Мне нет необходимости ничего придумывать. Я не

пишу красивых батальных сцен о героях. Я рассказываю о том, что было на самом деле, без прикрас. Суровую правду. Конечно же, люди, будь они просто людьми, не выдержали бы натиска такой танковой лавины и шквала огня. Но здесь стояли насмерть не просто люди, а воины! Бойцы, обученные зарываться в землю, знают, как себя вести под таким адским огнем, они обладают душевной прочностью, чтобы не испугаться, не утратить боевого духа.

Главный удар в этих боях пришелся по 9-й армии, которой командовал генерал-майор К.А.Коротеев.

Командиры расположили артиллерию и минные поля так, что по мере приближения танковая колонна теряла машины — они останавливались, подрывались, загорались. Затем в бой вступили бронебойщики с противотанковыми ружьями, артиллеристы, истребители танков, бойцы с противотанковыми гранатами. Помогали, жгли танки с неба штурмовики. Танки все лезли и лезли, обходя подбитые, и казалось, им не будет конца. Но и наши бойцы были расположены не в одну цепочку, а по всей долине — и в ширину и в глубину — и на скалах, куда танки не могли взобраться. Целый день длилась эта гигантская схватка людей и танков. Гитлеровцы продвинулись на несколько километров, но прорваться к Орджоникидзе и Грозному так и не смогли. К вечеру долина была заполнена чадящими, дгорающими танками и трупами.

Клейст смотрел на все это и не верил своим глазам. Никогда нигде еще не видел он такого боя, таких страшных потерь и таких мизерных результатов.

Но бокал шампанского за здоровье фюрера надо выпить — обещанье взять Баку дано... Нет, не рыцарское благородство терзало в эти минуты Клейста. Мороз ходил по коже от того, что теперь с ним будет. Не видя другого выхода, надеясь, что силы у советских частей не бесконечны, Клейст еще несколько дней гнал и гнал

вперед свои дивизии. Он шел ва-банк, терять ему было нечего.

Но уже к началу октября группа армий «А» окончательно утратила наступательные возможности. Резервов на этом направлении не осталось, другие части были связаны боями под Сталинградом. Наступление на Грозный и Баку прекратилось.

Наши боевые соратники — генералы, командиры дивизий, частей и подразделений, сержанты и рядовые бойцы всех родов войск — выполнили поставленную задачу: не пропустили гитлеровцев к нефтеносным районам. Они отвели огромную опасность, нависшую над нашей родиной.

* * *

Как свидетельствуют документы, летом 1942 года союзники (даже после нашей победы под Москвой!) еще не были уверены в том, что мы выстоим. Стало известно также, что союзники вели двойную политику по отношению к нашей стране. Приведу очень короткое тому подтверждение.

Америка и Англия в этот очень критический момент в войне думали о своих корыстных целях. Президент Рузвельт, посылая в Москву своего представителя Уилки, откровенно сказал:

— Может случиться так, что вы попадете в Каир как раз в момент его падения, а в России вы тоже можете оказаться в момент ее крушения.

Рузвельт имел в виду взятие Каира войсками Роммеля, а в советской стране — возможный выход гитлеровских войск к Баку.

В августе 1942 года, в период напряженнейших боев в предгорьях Кавказа, в Москву прилетел Черчилль. Он так пишет об этих днях в своих воспоминаниях:

«Я размышлял о моей миссии в это утрюемое, злое-щее большевистское государство, которое я когда-то на-стойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным вра-гом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл, у которого были литературные способности, суммировал все это в стихотворении, которое он показал мне накануне вечером. В нем было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них звучала: «Не будет второго фронта в 1942 году. Это — все равно что везти большой кусок льда на Северный полюс».

Как же оскорбительно да и просто издевательски вы-глядят стишки Уэйвелла, о которых пишет в своем днев-нике Черчилль! А он ведь — не какой-нибудь простой шутник, он — генерал, отлично понимавший и ситуацию в мире, и положение Советского Союза, по поводу кото-рого он так зло шутит.

Союзники не выполнили обещаний, закрепленных в соответствующих договорах, которые они подписали.

Именно в те августовские дни, когда бои начинались на последнем рубеже на пути к Баку — на реке Терек, — в Москве шли переговоры, во время которых союзники прямо заявили, что второй фронт в 1942 году открыт не будет.

А 30 сентября 1942 года, в самые напряженные дни боев на Кавказе, Черчилль писал Сталину о своем жела-нии будто бы оказать Советскому Союзу помощь. На са-мом же деле заботили его совершенно иные и далеко идущие планы. В этом строго секретном личном посла-нии, в частности, информация:

«Немцы уже назначили адмирала, которому будут поручены военно-морские операции на Каспийском море. Они избрали Махачкалу в качестве своей главной военно-морской базы. Около 20 судов, включая ита-льянские подводные лодки, итальянские торпедные катера и тральщики, должны быть доставлены по

железной дороге из Мариуполя на Каспий, как только будет открыта линия. Ввиду замерзания Азовского моря, подводные лодки будут погружены до окончания строительства железнодорожной линии».

Вот так, стремясь напугать Сталина, уверить его, что основные вопросы войны в этом районе будут решены с достижением Каспийского моря гитлеровцами, Черчилль продолжает:

«Мне кажется, что тем большее значение приобретает план, о котором я говорил Вам, усиления нами с американской помощью Ваших военно-воздушных сил на каспийском и кавказском театрах двадцатью британскими и американскими эскадрильями».

Так англичане лелеяли давнюю мечту — под шум идущей войны прибрать к рукам кавказские источники нефти.

Желание оккупировать Кавказ совсем не оставалось только мечтой — был разработан специальный план под кодовым названием «Вельвет». Согласно этому плану, 10-я английская армия предназначалась для вторжения на Кавказ.

НЕМЕЦКАЯ РАЗВЕДКА РАСШИРЯЕТ БОРЬБУ С КРАСНОЙ АРМИЕЙ

О генерале Власове и Русской освободительной армии написано книг, исследований, статей, наверное, не менее, чем о белом движении в Октябрьской революции. Особенно много этой «продукции» появилось в перестроечный период. Бытуют две полярно противоположные оценки. Первая: Власов — изменник и предатель, вторая: он — патриот и борец за Россию, свободную от сталинизма.

Публикации последних лет (имею в виду девяностые годы) доказывают совпадение политических концепций, служивших основой власовщины, с идеями и намерениями «демократов». Власовцы и «демократы» смыкаются в борьбе с коммунизмом по методам и конечным целям.

И поэтому «демократы» возводят Власова в ранг освободителя и последовательного борца за те же идеи и цели, которыми сегодня руководствуются сами. Разница только в хозяевах: Власов служил фашистам, помогал им колонизировать Россию, нынешние угодники служат западным державам, превращают Россию тоже в колонию, сырьевой придаток и мировую помойку.

Так кто же Власов в действительности — герой или предатель?

Для того, чтобы дать достоверный ответ, необходимо отказаться от всего написанного о Власове со знаками плюс или минус и посмотреть на это «явление» беспристрастно, опираясь на подлинные документы и факты.

А они таковы.

Гитлеровцы, начиная войну против Советского Союза, имели четкую хорошо разработанную программу (план «Ост») захвата и заселения нашей территории немецкими колонистами, а население — «туземцы» — должны были стать рабочим скотом или частично истреблены.

После крушения первых попыток силой оружия осуществить этот план в гитлеровском окружении появились более здравомыслящие, а точнее, более хитроумные деятели, которые, поддерживая общие цели Гитлера, считали, что осуществлять их надо более тонко. А именно — не озлоблять, не оскорблять русских отношением к ним как к недочеловекам (унтерменшам). Надо замутить их сознание рассуждениями о борьбе за свободу, за общечеловеческие ценности, не отталкивать их, а поставить себе на службу.

Командиры соединений, понесших в боях большие потери, не дожидаясь указаний политиков, привлекали

для obsługi и различных работ в тылу военнопленных и гражданских жителей. Кое-где из них создавались подразделения, оформленные организационно. Они назывались в немецких документах «Hilfswillige» — «хиви» — желающие помогать.

Среди этих «желающих» были не только советские военнопленные, но и бывшие офицеры царской армии; из Франции, например, влились в немецкую армию более полутора тысяч русских эмигрантов.

Но главной заботой высшего немецкого руководства по отношению к оккупированным территориям стало желание повернуть, приблизить, заставить работать на себя военнопленных и население.

Начальник генерального штаба Гальдер считал, что для успешного окончания похода в Россию необходимо использовать не только военные, но и политические средства. Гитлер, пока боевые действия шли успешно, не хотел слышать о каком-либо взаимодействии с туземным населением. А Гальдер, когда немцы находились уже на подступах к Москве, говорил: «Мы проиграем войну, если Гитлер останется глух к этим советам военных». Даже не получив согласия фюрера, военное руководство разрабатывало и предпринимало меры для осуществления своих идей.

С разрешения главкома сухопутных войск фельдмаршала Браухича командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок приступил к формированию подразделений из русских военнопленных.

Но после крушения плана захвата Москвы Браухич и фон Бок, были сняты со своих должностей, и затея с созданием русских частей заглохла.

Идея создания русского национального движения, которое было бы направлено против сталинского режима, вынашивалась и обсуждалась неоднократно и в различных вариантах.

Еще до того, как Власов сдался в плен, в Смолен-

ске был создан «Русский освободительный комитет», который послал богато оформленный верноподданический адрес фюреру. В послании предлагалось поднять русское население на борьбу против Сталина, создать русскую освободительную армию численностью в 1 миллион солдат.

Гитлер даже не удостоил ответом авторов этого холуйского послания. А на запросы командования группы армий «Центр» о судьбе предложений «Русского комитета» из Ставки раздраженно одернули: «Ответа не будет, не лезьте в политику!»

Таким образом, и «Комитет спасения», и «Русская освободительная армия» (правда, пока лишь на бумаге) существовали еще до появления генерала Власова в стане противника. Следовательно, авторы, приписывающие сомнительную заслугу их создания Власову, как говорится, ставят телегу впереди лошади.

Офицер генерального штаба, опытный разведчик капитан Вилфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт (боролся с большевиками еще в 1918-1920 годах) занимался «русской проблемой», находясь в группе армий «Центр», а позднее в разведотделе в ОКХ — (верховное командование сухопутных сил).

Он пишет в своих мемуарах, что в Виннице содержался целый ряд старших русских офицеров, из которых пытались подобрать подходящую фигуру на роль лидера русского освободительного движения. Но «достойная» личность не попадалась.

Таким образом, создание «освободительного движения» и «Русской освободительной армии» — являлось затеей немецкой разведки и, в частности, начальника отдела Иностранных армий Востока генерал-майора Рейнхарда Гелена, которому подчинялся Штрик-Штрикфельдт.

Начиналось все это, повторяю, до пленения Власова.

Власов был одним из многих, кого подбирали на роль удобной, послушной марионетки. То, что он позднее стал

ерепениться, это другой вопрос. Но начиналось, как пишет отбиривший его Штрикфельдт, с того, что у Власова была внушительная внешность, высокий рост (196 сантиметров), громкий властный голос, отличная выправка, и, главное, «Власов обладал качествами, при которых и немецкие и русские интересы были бы соблюдены».

Итак, выбор сделан, предпочтение при отборе из числа других кандидатур (кстати, весьма достойных, по мнению Штрикфельдта) было отдано Власову.

Началась работа по созданию образа, формированию авторитета, или, как говорят сегодня, имиджа отобранной фигуры. А «фигура» приступила к работе на своих хозяев.

Таким образом, что бы ни писали власовские доброжелатели, в какие бы «патриотические одежды» его ни наряжали, очевидны два вывода: первый — Власов — несомненный изменник и предатель, второй — тот, кто пытается представить его в другом качестве, делает это вопреки фактам, в своих корыстных политических целях.

Любопытное исследование провел один из талантливых и серьезнейших русских писателей, работающих с военной темой, Владимир Богомолов:

«На должностях командующих общевойсковыми армиями в Отечественную войну побывало 183 человека, 22 из них погибли, несколько попали в плен, но, кроме Власова, ни один не перешел на службу к немцам. 16 общевойсковых армий попадали в окружение, при этом несколько командующих погибли, трое в последнюю минуту покончили жизнь самоубийством, но ни один не оставил в беде своих подчиненных, а Власов бросил: около 10000 истощенных, опухших от голода бойцов и командиров 2-й ударной армии, которые с боями прорвались из окружения, однако более 20000 человек погибли и пропали без вести».

После нескольких бесед с Власовым, убедившись, что его взгляды подходят для осуществления планов немец-

кой разведки, Штрикфельдт велел генералу изложить свое «кредо» письменно.

Вместе с тем с первых же шагов Власову дали понять, что его идеи не имеют самостоятельного значения. Штрикфельдт пишет:

«Я сократил и переработал его доклад, хотя Власов и отнесся насмешливо к этой работе, но он тотчас же уловил его смысл».

Первое испытание Власову устроили, предложив подписать листовку-обращение к воинам Красной Армии с призывом переходить на сторону немцев.

Власов заколебался. Он понимал: говорить о своей ненависти к большевикам это одно, а тут уже конкретные действия. Листовки с его подписью будут разбрасывать с самолетов на всех фронтах.

— Как профессионал, я не могу призывать солдат к нарушению присяги и солдатского долга, — пытался увильнуть Власов. Но чтобы с первых шагов не обострять отношений с хозяевами, добавил: «Они будут переходить и без моего призыва».

Но увяз коготок — всей птичке пропасть. Штрикфельдт вразумляет своего подопечного:

— Листовка — это только первый шаг, за которым последуют много других более крупных акций.

Власов колебался, попросил сутки на размышления. Гитлеровцы, понимая опасения своего нового сотрудника, пошли на уступку.

В первой листовке, написанной Власовым, не было прямого призыва к измене, в ней лишь осуждались «Сталин и его клика». Но и это дало плоды — Власова «закрепили», «повязали» как своего сотрудника, а перед высшим командованием он завоевал авторитет, так как, по утверждению Штрикфельдта, появились «десятки тысяч перебежчиков на всех участках фронта».

Дело пошло! Решили оживить план 1941 года с «Рус-

ским освободительным комитетом» в Смоленске, теперь уже во главе с генералом Власовым.

В конце августа 1942 года Власова перевезли в Берлин в «Штаб русских сотрудников Отдела ОКХВ.Пр.». Вот что представлял собой этот «штаб», по описанию самого Штрикфельдта:

«Помещения за замками и запорами. Решетки на окнах, убогие деревянные топчаны, на них — мешки с соломой. Вечером запирались двери всех комнат. В скудную еду солдаты из охраны часто добавляли кое-что из собственных рационов, чтобы улучшить питание русских. Они чувствовали, что тот, кто работает с нами, должен быть по крайней мере сыт».

Русские «сотрудники» ОКХ были одеты в свое заносенное советское обмундирование. На спине каждого были начертаны две крупные буквы «SU», что означало «сотрудник».

Иногда, в порядке поощрения, «сотрудников» выводили строем, чтобы они могли посмотреть город и полюбоваться гуляющими берлинцами.

Власов однажды саркастически заметил:

— И при таком «размахе» вы хотите завоевать мир?

Ближайшие к «сотрудникам» гитлеровцы понимали, что надо как-то выходить из положения. Вот что они предприняли: «Мы начали собирать среди друзей пальто, костюмы, белье и прочее необходимое... Только Власову, с его ростом в 1,96 метра, ничто не подходило. Наконец, мелкий служащий... смог получить из-под полы подходящий костюм и пальто. Этот служащий сказал тогда: «Если генерал хочет помочь нам, мы должны помочь и ему».

Вот так, в чужих обносках, не накормленный досыта, начинал карьеру новоявленный освободитель России.

«Сотрудники» давали свои заключения о событиях в России, о положении на фронтах, составляли листовки... но слушать советское радио им не разрешали.

Власова возили по лагерям военнопленных. Но в боль-

шинстве случаев к нему относились с недоверием. Бесчеловечное отношение немцев к военнопленным укрепляло их национально-русское сознание.

Власов постепенно собирал свой «штаб». В него вошли Мелентий Зыков, бывший репрессированный журналист, страстный враг Сталина; генерал Мальшкин, бывший начальник штаба армии; генерал Благовещенский.

Но были и такие, кто категорически отказывался работать на немцев, даже под ширмой освобождения России — генерал Лукин, генерал Карбышев и другие.

Немцы понимали, что надо создать видимость самостоятельности российского движения, пока отказаться от полутюремного образа жизни «сотрудников».

Был создан «Отдел восточной пропаганды особого назначения», начальником которого стал постоянный опекун-конвоир Власова капитан Вильфрид Штрик-Штрикфельдт.

Недалеко от Берлина был выделен небольшой барачный лагерь, где раньше содержались французские военнопленные. Этот лагерь был превращен в учебный центр «Дабендорф». В задачи учебного центра входили — набор и подготовка «пропагандистов» для вербовки добровольцев и «хиви» из числа военнопленных.

Однако создание частей из добровольцев откладывалось на неопределенное будущее, а Власову, «как союзнику», генерал Гелен предложил в качестве первого конкретного дела обобщить опыт действия советских партизан и разработать методы борьбы с ними.

Штрикфельдт по этому поводу пишет:

«В глазах Власова и его штаба этот запрос Гелена был первым шагом к действительному сотрудничеству. И штаб взялся за работу».

Власов и его ближайшие соратники со знанием дела разработали инструкции по уничтожению соотечественников, которые приносили огромный ущерб гитлеровской армии.

Следующей, более крупной акцией, была разработка «Смоленского воззвания». Это была широкая программа «борьбы против сталинского режима, за освобождение народов от большевизма» и т.д. Но основной подтекст этой агитки заключался в том, чтобы подорвать веру советских людей и, главным образом, военных в победу над Германией, ослабить моральный, боевой дух армии, увеличить число перебежчиков.

«Воззвание» было отпечатано миллионным тиражом и рассеяно немецкими летчиками на всех фронтах. (Текст «воззвания» можно прочитать в приложении №...).

Для расширения агитации среди военнопленных немцы создали газеты «Доброволец», для тех, кто пошел на службу к гитлеровцам, и «Заря» — для русских военнопленных в лагерях. Главным редактором был назначен Зыков.

Русским руководителем учебной части в «Дабендорфе» был назначен Благовещенский, но над ним был и немецкий руководитель учебной части барон фон дер Ропп.

А чтобы советские русские не вышли из-под контроля, гитлеровцы влили в учебный центр активистов русской эмиграции из НТС, давнего и верного сотрудника немецкой разведки и контрразведки.

Таким образом, Власов стал поставщиком агитаторов-вербовщиков, которые набирали добровольцев в лагерях военнопленных. И еще власовский учебный центр готовил кадры для военных формирований из добровольцев. Но командование этими частями, как на это надеялся Власов, ему не доверяли. Командующим «восточными войсками» был назначен немецкий генерал-майор Гельмих, и весь офицерский состав от командира роты и выше в добровольческих частях формировался из немецких офицеров, к тому же почти никто из них не знал русского языка.

Власов предпринял попытку создать национальные

русские части, обещая тем самым ускорить победу над Красной Армией. Он всячески пытался обратить на себя внимание фюрера. Помогали ему в этом и опекуны, понимая, что после встречи с фюрером их затея получит мощную финансовую поддержку. Но Гитлер не принял Власова, недвусмысленно выразив свое к нему отношение: «Он предал Сталина, предаст и меня».

Немецкая разведка держала Власова как «пропагандистскую фигуру для солдат Красной Армии». «Русские» газеты выходили под строгим контролем, каждая статья подвергалась цензуре и правилась.

Вот свидетельство из книги Штрикфельдта: «Немецкий член редакции Вернер Борман был вынужден почти ежедневно вычеркивать целые абзацы из статей своих русских коллег как «чересчур патриотические».

До какого идиотизма доходила немецкая цензура, можно представить по одному примеру. В газетах «Русского освободительного движения» (каким хотели его видеть Власов и его единомышленники) запрещалось печатать слова «русский», «Россия». Строка известной песни «Волга — русская река» была переиначена «мощная река» и т.д. (потому что немцы не признавали самостоятельного русского движения, а все, кто был связан с этой работой, являлись, по их мнению, сотрудниками немецкой пропагандистской организации, подчиненной ФХО — отделу иностранных армий Востока генерального штаба.

Все русские сотрудники носили немецкую форму и были обязаны давать присягу.

Большие трудности возникли при сочинении текста присяги. В проекте, который готовили в штабе Власова, были «верность русскому народу», «свободный народ и Родина», «преданность Власову» и прочие национально-патриотические звонкие фразы.

Когда этот проект прочитали в разведотделе, то были возмущены «наглостью русских» — ни слова о немецких

хозяевах, о преданности Гитлеру. Все это было добавлено в текст. Но такую присягу добровольцы учебного центра давать отказались. Некоторые даже предпочли вернуться в лагерь для военнопленных.

Стали искать компромисс. И, как утверждает западный историк доктор Й.Хофман, нашли следующий, всех устраивающий, вариант:

«Я, верный сын Отечества, добровольно вступаю в ряды войск «Комитета по освобождению народов России». Перед лицом моих соотечественников торжественно клянусь честно сражаться под командованием генерала Власова до последней капли крови за благо моего народа, против большевизма».

Нет «свободной России», потому что это не совпадает с планами гитлеровцев, завоевывающих ее земли для себя. Нет упоминания о «Российской освободительной армии», так как «добровольцы» во главе с Власовым служат в «Комитете» — органе, придуманном разведотделом сухопутных войск.

Приведя этот текст, доктор Хофман ставит точку и лишь в комментарии пишет о том, что немецкое руководство было недовольно тем, что нет в присяге слов о верности Гитлеру.

В конце концов после долгих препирательств в текст была включена обтекаемая фраза: поскольку, мол, Гитлер руководит борьбой всех свободолюбивых народов, то о нем надо упомянуть в этом его качестве. Поэтому в присягу была включена фраза: «Эта борьба ведется всеми свободолюбивыми народами во главе с Адольфом Гитлером. Клянусь быть верным этому союзу».

Следовательно, Власов и добровольцы в конечном счете все же присягали на верность Гитлеру.

Была напряженная дискуссия и по поводу знамени движения. Власовцы предложили трехцветный царский флаг с двуглавым орлом. Но это опять-таки противоречило доктрине гитлеровцев, потому что являлось симво-

лом суверенной монархической России. Такое знамя гитлеровцами было отвергнуто.

Кстати, справедливости ради надо уточнить: обвинение, выдвигаемое нынешними российскими патриотами в адрес нынешних правителей России в том, что они якобы подняли над страной трехцветный флаг власовцев, не соответствует действительности.

Немцы не утвердили такой вариант, предложенный власовцами. Глава министерства восточных земель Розенберг лично занимался эскизом флага. Он сразу перечеркнул красный цвет и орла. Ему больше понравилось белое поле с голубым перекрестием (вариант Андреевского флотского флага, надо же оставить хоть что-то русское). В руководстве Власова все же добавили в это знамя узенькую полосочку красного, исконно русского с древних времен цвета.

Вот таким и было официальное знамя власовского движения: белое с голубым перекрестием и красной каймой, а не трехцветное, бывшее царское, с двухглавым орлом.

Разговоры о том, что русские с их движением являются «союзниками» немецкой армии, были утешением для самих добровольцев. В вермахте многие не знали о существовании такого «союзника», к русским относились с презрением, понятие «унтерменш» твердо вошло в сознание немцев.

Приведу только один пример, подтверждающий это. Однажды на вокзале в Нюрнберге находившийся в командировке по личному поручению Власова капитан Владимир Гавринский заспорил из-за места в вагоне с немецким летчиком. Подоспевший фельдфебель — патрульный моментально разрешил конфликт — он пристрелил русского офицера (в форме!). В стане «добровольцев» этот случай вызвал возмущение, но фельдфебель не был отдан под суд, его тихо перевели в другой гарнизон.

Таким образом, до конца 1943 года армии Власова не существовало, были только разговоры о ней и готовились

командные кадры для добровольческих частей. Реально существовал «Отдел восточной пропаганды особого назначения» при разведотделе сухопутных войск, который возглавлял генерал Гелен. Тот самый Гелен, который после войны был принят в лоно американской разведки. А затем до 1972 года возглавлял разведку Федеративной Республики Германии.

Различные формирования из русских были созданы при группах армий и крупных соединениях, а также в системе СС и полиции. Главной задачей таких частей под командованием немецких офицеров была борьба с партизанами и отрядами Сопротивления и освободительного движения не только на востоке, но и во всех странах, оккупированных гитлеровцами. Все эти формирования никакого отношения к Власову не имели до 1944 года.

Об этом нам предстоит поговорить позднее.

ВЕЛИКОЕ СРАЖЕНИЕ НА ВОЛГЕ

Приступаю к написанию этой главы с некоторой робостью. Уж очень велики масштабы боевых действий, беспрецедентно количество людей и техники, участвовавших в сражении. Это действительно одна из величайших битв, которые когда-либо произошли в истории. Судите сами: классическое окружение под Каннами, которое осуществил карфагенский полководец Ганнибал, стало образцом, символом удачного сражения, завершающегося почти полным уничтожением армии противника. Так вот, в той баталии участвовала римская армия в составе 63 тысяч пехотинцев и 6 тысяч конных воинов. У Ганнибала было 40 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы. Он построил боевой

порядок в виде выпуклой подковы, в которую ударила плотная фаланга римской пехоты и сама пошла в подготовленный ей мешок. А Ганнибал захлопнул подкову, заведя конницу с тыла. Римская армия Теренция Варрона была почти полностью уничтожена. Вот по такому образцу, собственно, строилась и Сталинградская битва.

Наполеон с целью завоевания России привел к нам армию в 600 тысяч человек. А в Сталинградском сражении только со стороны немцев участвовало более миллиона солдат и офицеров, 675 танков, больше 10 тыс. орудий и 1216 самолетов. С нашей стороны в боях участвовали тоже более миллиона человек, а вооружение составляло 15500 орудий и минометов, 1463 танка и 1350 боевых самолетов. Организованы они были в 15 армий, каждая из которых по численности превосходила армию римлян и армию Ганнибала в сражении под Каннами.

Добавьте к этому еще и пространственный размах. Протяженность фронта, на котором развивалось это сражение, превышала 500 километров. Десятки крупнейших военачальников вложили свой опыт в развитие этой битвы, тысячи героических подвигов были совершены на всех уровнях — от высшего командования до рядовых солдат. Конечно же, все это охватить, осмыслить — задача не из простых. Я еще раз перечитал научные труды, архивные документы, мемуары полководцев и участников этого сражения. Причем не только наших, но и немецких.

И когда я все это перечитал, осмыслил, вдруг выяснилось, что робость моя напрасна, особенно если судить по содержанию наших, советских, публикаций. Оказывается, в этой главе мне нечего писать: я же пишу книгу о Жукове, а если судить по тем публикациям, которые вот сейчас разложены передо мной на столе, то Жуков не принимал участия в этом сражении и почти не имеет к нему отношения (!). Я еще раз убедился, что история один раз вершится в жизни или на полях

сражений, а потом несколько раз переписывается в зависимости от политических тенденций своего времени.

Когда я говорю, что мне не о чем писать, имея в виду роль Жукова в Сталинградской битве, я конечно лукавлю, мне ведь известны видимые и подводные, скрытые причины того, почему нет имени Жукова в этих лежащих передо мной толстых и тонких томах. Но я говорю так потому, что эти книги существуют и они неизбежно придут к тем, кто станет изучать Сталинградскую операцию, попытается разобраться в событиях этого сложнейшего периода. Они будут пользоваться этими книгами как документами. Меня очень заботит, что на их основании у историка, исследователя или просто читателя, нашего далекого потомка, сложится неправильное представление о том, кто же был организатором и, я бы сказал, одним из авторов плана этого величайшего сражения.

Ну а теперь я коротко перечислю те материалы, о которых говорю. Подойдем хронологически, возьмем первую книгу: «Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне». Автор ее маршал Ф. Голиков, начальник Главного политического управления. Книга издана в 1952 году. Приведу лишь одну цитату, из которой станет понятно содержание всего раздела о Сталинградской битве: «Сталинградская победа — это торжество сталинской стратегии, оперативного искусства и тактики, один из самых ярких примеров совершенства сталинской военной науки. Операция на окружение и уничтожение 330-тысячной армии противника, в изобилии оснащенной современной боевой техникой, была проведена по замыслу и под руководством гениального полководца нашей эпохи Иосифа Виссарионовича Сталина».

Дальше цитировать не имеет смысла: все в таком же духе, имя Жукова в этой главе не упоминается. Ни Жуков, ни другие полководцы ничего не сделали ни при разработке операции, ни при ее осуществлении: все сделал Сталин.

Меняются времена, меняются руководители, а с ними и оценки исторических событий. Умер Сталин, состоялся XX съезд, на котором был развенчан культ личности Сталина. Возвращенный из опалы маршал Жуков сыграл свою роль в укреплении позиций Хрущева, Президиума ЦК и вообще государства. Очень помог Жуков Хрущеву, когда судьба того была почти решена, и он был даже на некоторое время отстранен от должности первого секретаря ЦК так называемой антипартийной группой Молотова — Маленкова — Кагановича. Затем Жуков сыграл ведущую роль в аресте новоявленного кандидата в диктаторы Берии. Но все это вскоре было забыто. На Октябрьском пленуме ЦК в 1957 году маршал Жуков был снят с должностей, выведен из Президиума ЦК и отправлен в отставку, хотя по статусу маршалы в отставку уходить не должны. (Кстати, больше ни один из маршалов не ушел в отставку, только одного Жукова отправили. Остальные числились, снабжались и обеспечивались, пребывая в так называемой группе советников, или, как ее называли в военной среде, в «райской группе».)

Соответствующим образом менялись и оценки. В 1961 году, после событий, о которых я напомнил, вышла шеститомная история «Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.». Открываю 3-й том... В нем глава «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом». Это очень объемистый том — более 650 страниц. Сталинграду посвящено 73 страницы. Ну и что же мы видим? На этих 73 страницах ни разу не упоминается Сталин и только один раз Жуков, как присутствовавший на каком-то совещании. Авторство по организации и проведению Сталинградского сражения теперь приписывается совершенно другим людям. Цитирую: «6 октября командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А.И.Еременко и член Военного совета фронта генерал-лейтенант Н.С.Хрущев направили в Ставку свои предложения по организации и проведению наступления».

Вот как маршал Еременко в своих мемуарах, названных «Сталинград», описывает зарождение плана сталинградской операции:

«Как-то в сентябре 1942 года, в конце наших переговоров по ВЧ с И.В.Сталиным, я вернулся к вопросу, поднятому мной в Москве при моем назначении, к вопросу о подготовке контрнаступления. Переговоры, хотя и по ВЧ, велись, конечно, с соответствующими предосторожностями.

— Товарищ Сталин, — обратился я к Верховному Главнокомандующему, — не пора ли нам начать подготовку для «переселения» и на севере и на юге? Условия для этого созревают.

— Хорошо, товарищ Еременко, — ответил И.В.Сталин, — подумаем над вопросом подготовки переселения...

Новостью о состоявшихся переговорах с Верховным Главнокомандующим я сразу же поделился с Никитой Сергеевичем. (Книга была издана в 1961 году, и читатели, конечно же, понимают, почему здесь упоминается Никита Сергеевич, бывший тогда Первым Секретарем ЦК КПСС; да и вся дальнейшая цитата в этом же духе.)

В наших беседах мы детально обсудили все существенные вопросы: о направлении удара, районах сосредоточения и исходных районах для наступления, о частях врага, против которых нацеливался удар, его резервах, дислокации. Так выкристаллизовывался наш план... Придя к совершенно определенным выводам, мы решили сформулировать их письменно и направить их в Ставку. В итоге появился документ, в котором были высказаны соображения, как добиться разгрома гитлеровских войск под Сталинградом».

Авторы этого шеститомника проявляют просто виртуозную ловкость подхалимажа. Приведу цитату, подтверждающую именно ловкость подтасовки: «В целях разгрома войск противника под Сталинградом по указанию Ставки Верховного Главнокомандования командующим

Сталинградским фронтом разрабатывается план удара его усиленными левофланговыми 57-й и 51-й армиями в общем направлении...» и т.д.

Что вытекает-то из этой цитаты? Разрабатывало план контрнаступления командование Сталинградского фронта, а посему вся «тяжесть» будущей славы, будущей победы перекладывается на это командование, то есть на Еременко и Хрущева.

Все-таки хитрецы, сочинявшие этот льстивый текст, понимали, что нельзя совершенно не упомянуть Жукова. Имя его должно как-то промелькнуть в описании Сталинградской битвы. И вот как они выходят из положения: «3 ноября в 5-й танковой армии Юго-Западного фронта представитель Ставки Г.К.Жуков и Командующий фронтом генерал-лейтенант М.Ф.Ватутин провели совещание с участием командиров корпусов и дивизий.

...10 ноября подобное совещание состоялось в штабе Сталинградского фронта». Вот видите как все незначительно и немасштабно? Жуков провел совещание только в 5-й танковой армии Юго-Западного фронта. А вот там, где сказано, что «подобное совещание состоялось в штабе Сталинградского фронта», там имя Жукова даже не упоминается. А в действительности Жуков, как представитель Ставки, непосредственно организовывал действия войск, увязывал их взаимодействие и, собственно, прорабатывал весь ход будущей операции.

Но не будем забегать вперед. Пойдем дальше по порядку. Напомню только еще раз, что на 73 страницах описания Сталинградской битвы процитированные мною слова о совещании — единственное упоминание о роли Жукова в сталинградской операции («провел совещание»).

Но вот опять изменились имена в соответствии с политическими ветрами эпохи. Хрущева отправили на пенсию, обвинив в том, что он допускал в руководстве страной и партией «субъективизм и волюнтаризм». Вот уж действительно, попали в точку, по крайней мере в том,

что касается Жукова (я не говорю о других областях деятельности Хрущева). В пудовом издании «Истории Отечественной войны...» периода Хрущева субъективизм и волюнтаристское отношение к истории проглядываются очень отчетливо, они — просто на поверхности.

Пришел новый руководитель партии и государства, и, по уже сложившейся традиции, надо было вновь переписывать историю, подгонять ее под возвеличивание нового вождя. Брежнев стал Первым секретарем в 1964 году. В 1966 году ему этого звания показалось мало, он стал Генеральным секретарем, был и Председателем Верховного Совета, в общем, все ключевые позиции занял. А по военной линии — недавний полковник стал в мирные дни расти семимильными шагами. В 1976 году он уже маршал Советского Союза. И посыпались золотые звезды Героя Советского Союза! Ну, первую — Героя Социалистического труда в 1961 году получил заслуженно: он был тогда энергичным и как руководитель и администратор сделал немало. Не буду перечислять его добрые дела. А вот в 1966, 1976, 1978, 1981 годах на него пролился «золотой дождь» из геройских звезд. Политработник, не проводший ни одного не только сражения, но даже боя роты, достаивается высшего воинского звания — маршал Советского Союза.

Ну, Бог с ним! Человек был уже серьезно болен; не будем теперь, по прошествии столького времени, судить слишком строго. За любовь к чинам и звездам его уже неоднократно критиковали, пародировали...

Посмотрим, изменились ли отношение к Жукову и оценка его полководческой деятельности? Раскроем толстый, объемистый (850 страниц) «Военный энциклопедический словарь», изданный в 1983 году. В этом большом труде при описании Сталинградской битвы в трех статьях имя Жукова вообще не упоминается. Не было такого! В персональных статьях уделена Жукову одна неполная колонка убористого шрифта. А вот новому маршалу — Бреж-

неву — посвящено текста раза в два больше. И если Жуков при описании Сталинградской битвы не упоминается, то новый маршал (а в дни Сталинградской битвы всего только полковник, к тому же на другом фронте), оказывается: «Участвовал в разработке и проведении боевых операций на Кавказе, в Крыму, в Причерноморье, на Украине, а также в боях за освобождение Чехословакии, Польши, Венгрии». В этом же томе появились две статьи, ранее ни в каких словарях и энциклопедиях не присутствовавшие. Первая — «Малая земля», в ней дается описание десантной операции на берегу Цемесской бухты. Завершается эта статейка словами: «События на М.З. и подвиг ее защитников нашли яркое освещение в книге Л.И.Брежнева «Малая земля». И еще одна статья — это уже о литературном произведении Брежнева.

Оказывается, трудно переоценить политическое, художественное и военное значение этого «труда», так как он раскрывает «стиль руководства и высокое военное мастерство командующих, командиров и штабов». Любопытна и такая деталь. Схема, иллюстрирующая Берлинское сражение, по размерам почти такая же, как и схема, приложенная к статье «Малая земля», на которой иллюстрируется высадка десанта на Мысхако.

Все издания периода правления Брежнева аналогичны по содержанию: Жуков не упоминается не только в Сталинградском сражении, но и очень сдержанно во всех общих описаниях войны.

А жизнь тем временем идет, время летит, приходят новые вожди, меняются установки. Пришло время перестройки. Перестройки всего и вся, взглядов на историю и самой истории. Раскрываем новый пухлый, многостраничный том «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.», издание 1990 года. Здесь дается только хронология Сталинградской битвы, как и других сражений, и все без указания имен. Никого нет: ни Сталина, ни Жукова, ни командующих фронтами, просто никого.

О Хрущеве, в перечислении должностей, которые он занимал, коротко сказано: «Был членом Военного совета Сталинградского фронта». Уже никакой он не организатор, не вдохновитель этой битвы...

О Жукове статья более подробная, почти четыре колонки. Сталинградская битва в его полководческой деятельности отдельно не выделяется. Об этом периоде сказано так: «В 1941—1943 гг. Жуков координировал действия фронтов под Сталинградом, затем по прорыву блокады Ленинграда, в боях под Курском и за Днепр». Вот и все!

Опасения насчет того, что будущие историки и исследователи будут пребывать в недоумении, разбирая такие вот противоречивые документы и описания сражений Великой Отечественной войны, имеются не только у меня. Я могу их подтвердить еще и очень фундаментальными трудами. Уж коль скоро зашел разговор о том, как это отложится в истории, раскроем учебник «Военная история для курсантов высших и средних военных училищ». Как здесь преподносится будущим офицерам — профессионалам военного дела Сталинградское сражение? О нем сказано: «Решение на переход советских войск в контрнаступление было принято еще в сентябре в ходе оборонительного сражения. В октябре был разработан план контрнаступления под условным названием «Уран». Тогда же началось создание ударных группировок. Общий замысел операции «Уран» сводился к тому, чтобы, сковав с фронта противника в Сталинграде, направить главные удары по флангам вражеских войск в общем направлении на Калач, Советский, выйти в тыл группировки немецко-фашистских войск, действовавших в районе Сталинграда, окружить ее и впоследствии уничтожить».

Никаких полководцев. Кто задумал это сражение, кто осуществлял? Ни Сталина, ни Жукова, ни Василевского, ни командующих фронтами — никого нет. Наверное, авторы этого учебника писали так безлико, понимая, что каждый раз переписывать историю из-за конкретных лич-

ностей не только неприлично, но и накладно: надо все учебники перепечатывать. Поэтому они решили для будущих офицеров излагать лишь общий смысл, без указаний конкретных действующих лиц.

Вот еще одно издание, подтверждающее эти мои суждения: учебник «История военного искусства». Он для более солидных аудиторий, для слушателей военных академий. Здесь о Сталинградском сражении сказано так:

«Подготовка контрнаступления. Решение о контрнаступлении было принято 13 сентября 1942 г. Детальный план перехода советских войск в контрнаступление под Сталинградом был разработан Ставкой ВГК на основе предложений Генерального штаба, командования видов вооруженных сил и военных советов фронтов».

Вот так, в конечном счете, отложились все перипетии Сталинградского сражения, его подготовки в военных учебниках. Неужели останутся они для будущих поколений в таком безликом, совершенно неопределенном виде?..

Наверное, я утомил читателей многочисленными ссылками и цитатами, да и сам стиль повествования сбился на какой-то публицистически-полемический тон. Пора нам вернуться к нашему спокойному документальному исследованию. Итак, что же было в действительности? Как зародилась идея сталинградской операции, кто ее разрабатывал и кто осуществлял?

Немцы удар на Сталинград планировали как вспомогательный, обеспечивавший левый фланг группировки, осуществлявший главную цель наступления — захват Баку. Однако в ходе этих сражений наступление на Сталинград обрело как бы значение главного приложения усилий немецких войск. Гитлер намеревался облегчить выполнение задачи и по захвату нефтяных источников. Поэтому с кавказского направления даже перебрасывал войска (в частности, 4-ю танковую армию) на Сталинградское направление. Глубокое вклинение гитлеровцев в нашу тер-

риторию вплоть до Волги создало угрозу — разрезать страну и фронт на две изолированные части. Надо было принимать срочные меры по обороне города Сталинграда.

27 августа 1942 года, когда Жуков на Западном фронте проводил очередную наступательную операцию в районе Погорелого Городища, ему позвонил по телефону Сталин и сказал:

— Вам нужно как можно быстрее приехать в Ставку. Оставьте за себя начальника штаба. Продумайте, кого следует назначить командующим вместо вас.

Вечером этого же дня Жуков прилетел в Москву и немедленно явился к Сталину.

Сталин был не в очень хорошем настроении. Видно, дела шли неважно. Поздоровавшись, он сказал:

— Плохо идут дела на юге. Может случиться так, что немцы возьмут Сталинград. Не лучше складывается обстановка и на Северном Кавказе. Немцы все ближе приближаются к бакинской нефти.

Сталин помедлил, прошелся, подошел к Жукову и, как-то немного смягчив свой тон, сказал:

— Государственный комитет обороны решил назначить вас, товарищ Жуков, заместителем Верховного Главнокомандующего. ГКО также решил послать вас в район Сталинграда. Сейчас там находятся товарищ Василевский, Маленков и Малышев. Когда вы можете вылететь в Сталинград?

Жуков ответил:

— Мне потребуются сутки, товарищ Сталин. Я должен изучить обстановку в Генеральном штабе, и на следующий день я вылечу в Сталинград.

— Ну, вот и хорошо. А вы не голодны? — вдруг спросил Сталин. — Не мешало бы нам подкрепиться.

Нет, не было обильного стола, не было изысканных блюд, как это некоторые представляют, а кое-кто даже пишет о замечательном снабжении высокого начальства.

Вот слова Жукова: «Принесли чай и десяток буте-

рбродов. За чаем И.В.Сталин кратко сообщил сложившуюся обстановку на 20 часов 27 августа. Изложив коротко, что произошло под Сталинградом, И.В.Сталин рассказал о проведенной перегруппировке в районе Сталинграда, о резервах, направляемых туда, и добавил:

— Вам следует принять меры, чтобы 1-я гвардейская армия генерала Москаленко 2 сентября нанесла контрудар, а под ее прикрытием вывести в исходные районы 24-ю и 64-ю армии. Эти две армии вводите в бой незамедлительно, иначе мы потеряем Сталинград».

Наверное, читатели и без моего комментария найдут ситуацию похожей на ту, которая предшествовала битве за Москву. Когда сложилось безвыходное положение под Москвой и сам Сталин сомневался, будет ли удержана столица, он вот так же неожиданно отозвал Жукова с Ленинградского фронта, попросил его срочно выехать на передовую под Москвой, ознакомиться с ситуацией и доложить ему свое мнение. Что было дальше — читатели знают. И вот опять: неожиданный вызов, критическая ситуация, похожая просьба, выезжайте немедленно и разберитесь, что там творится, и примите срочные меры.

На следующий день Жуков был уже на Волге. Встретился с Василевским, который подробно ознакомил его с обстановкой и последними событиями, и они выехали на командный пункт 1-й гвардейской армии к генералу Москаленко и позвонили, чтобы туда приехал командующий Сталинградским фронтом генерал-лейтенант Гордов. Они вместе разработали и обсудили план локального контрудара 1-й гвардейской армии, который Сталин поручил Жукову провести немедленно. Подсчитав возможности и учитывая, что все части были сосредоточены и подготовлены, Жуков позвонил Сталину и доложил, что контрудар может быть нанесен не раньше, чем 6 сентября. Сталин дал согласие и попросил Василевского вылететь немедленно в Москву.

3 сентября Жуков получил телеграмму от Сталина:

«Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если Северная группа войск не окажет немедленной помощи. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало».

Жуков тут же позвонил Сталину по телефону и доложил:

— Я могу приказать завтра же начать наступление, но войска всех трех армий будут вынуждены начать бой почти без боеприпасов, так как их могут доставить на артиллерийские позиции не раньше вечера 4 сентября. Кроме того, мы не можем раньше этого времени увязать взаимодействие частей с артиллерией, танками и авиацией, а без этого ничего не получится.

— Думаете, что противник будет ждать, пока вы раскачаетесь? Еременко утверждает, что противник может взять Сталинград при первом же нажиме, если вы немедленно не ударите с севера.

Сталин явно был в гневном состоянии. Но в интересах дела, чтобы не допустить напрасных потерь и главным образом не ослабить наступление, Жуков настаивал на своем:

— Я не разделяю эту точку зрения Еременко и прошу разрешения начать общее наступление 5-го, как было ранее намечено. Что касается авиации, то я сейчас же дам приказ бомбить противника всеми силами.

— Ну хорошо, — согласился Сталин. — Если противник начнет общее наступление на город, немедленно атакуйте его, не дожидаясь окончательной готовности войск. Ваша главная задача — отвлечь силы немцев от Сталинграда и, если удастся, ликвидировать немецкий

коридор, разделяющий Сталинградский и Юго-Восточный фронты.

Жуков со свойственной ему энергией готовил части к началу наступления и принимал все возможные и невозможные меры к срочному обеспечению частей горючим и боеприпасами. Там же, в штабе 1-й гвардейской армии, находился Маленков. В 3 часа ночи Сталин позвонил по телефону Маленкову и спросил, как готовятся к наступлению войска Сталинградского фронта. Маленков рассказал о той большой работе, которая проводится под руководством Жукова. Таким образом, Сталин действовал по принципу: доверяй, но проверяй. С самим Жуковым он говорить не стал, но через Маленкова все-таки проверил, как идут дела.

Рано утром 5 сентября наступление началось. После артиллерийско-авиационной подготовки двинулись вперед 1-я гвардейская, 24-я и 66-я армии. Но успеха они не имели. Противник отразил все атаки. 24-я армия даже не сдвинулась со своего исходного положения.

Вечером позвонил Верховный:

— Как идут дела?

Жуков доложил:

— В течение всего дня шли очень тяжелые бои. К северу от Сталинграда противник вынужден был ввести в бой новые войска, переброшенные из района Гумрака.

— Это уже хорошо. Это отвлекает противника от Сталинграда.

— Наши части имеют незначительное продвижение, а в ряде случаев остались на исходных рубежах.

— А в чем дело?

— Из-за недостатка времени наши войска не успели хорошо подготовить наступление, провести артиллерийскую разведку и выявить систему огня противника, и поэтому, естественно, подавить ее не смогли. Когда же перешли в наступление, противник своим огнем и контрата-

ками остановил его. Кроме того, авиация противника господствовала в воздухе и бомбила наши части.

В этом докладе, я думаю, нетрудно уловить, что Жуков сетует на то, что Сталин приказал переходить в наступление без должной подготовки, он как бы говорит: «Я же предвидел, что успеха не будет, поскольку нет соответствующей подготовки».

Но Сталин настаивал на своем:

— Продолжайте атаки. Ваша главная задача — оттянуть от Сталинграда как можно больше сил противника.

Повторные атаки армий, действия которых координировал Жуков, успеха не принесли ни 6-го, ни 7-го. Части только несли большие потери. 10 сентября, еще раз объехав части и соединения армий, Жуков окончательно укрепился в мнении, что прорвать боевые порядки противника и ликвидировать его коридор наличными силами невозможно. Об этом он доложил Верховному по ВЧ.

Доклад Жукова заканчивался таким выводом:

«Дальнейшие атаки теми же силами и в той же группировке будут бесцельны, и войска неизбежно понесут большие потери. Нужны дополнительные войска и время на перегруппировку для более концентрированного удара Сталинградского фронта. Армейские удары не в состоянии опрокинуть противника».

Не кажется ли читателям, что уже в этой фразе проскальзывает намек на более крупную группировку войск и на подготовку более мощной операции? Да собственно, прямо сказано: нужна не армейская, а фронтовая группировка для контрнаступления.

Сталин ответил:

— Было бы неплохо, если бы вы прилетели в Москву и доложили мне об этом лично и подробно.

Днем 12 сентября Жуков уже был в кабинете Сталина, куда тот вызвал и начальника Генерального штаба А.М.Василевского.

Мне кажется, есть все основания предположить, что

Сталин понял: нужны какие-то более радикальные меры для того, чтобы выйти из критической ситуации под Сталинградом. И когда Жуков доложил ему свое мнение о возможностях выправить положение, Сталин понял, что у Жукова, обдумывавшего эту проблему, имеются определенные наметки. Будь по-другому, Сталин не вызвал бы Жукова с фронта так срочно. К тому же не случайно он пригласил к этому разговору и Василевского. Видимо, Верховный уже готовился к тому, чтобы в узком кругу поискать радикальное решение.

Сначала Василевский доложил обстановку. Особенно подробно — на двух направлениях: на Кавказе и под Сталинградом.

Сталин резюмировал:

— Рвутся любой ценой к грозненской нефти. Ну, теперь послушаем Жукова.

Жуков по сути дела повторил то, что он докладывал Сталину в своей последней шифровке о нецелесообразности наступлений ограниченными силами, которые только приводят к потерям. Выслушав его, Сталин спросил:

— Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом?

— Минимум еще одну полнокровную общевойсковую армию, танковый корпус, три танковые бригады и не менее четырехсот орудий гаубичной артиллерии. Кроме того, на время операции необходимо дополнительно сосредоточить не менее одной воздушной армии, — ответил Жуков.

Василевский поддержал мнение и расчеты Жукова.

Сталин достал свою карту. На ней, кроме положения на фронтах, были нанесены места сосредоточения резервов Ставки.

Пока Сталин смотрел на свою карту, Жуков и Василевский потихоньку разговаривали, и Жуков продолжал развивать свое мнение о том, что все это — полумера.

Даже если дадут те небольшие резервы, это все равно радикально обстановку не изменит. Необходимо найти какое-то другое решение.

Вот здесь я хочу обязательно привести цитату из воспоминаний Жукова. Она четко определяет тот первый импульс, с которого начинается разработка сталинградской наступательной операции.

«Мы с Александром Михайловичем отошли подальше от стола в сторону и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение.

— А какое «иное» решение? — вдруг подняв голову, спросил И.В.Сталин.

Я никогда не думал, что у И.В.Сталина такой острый слух. Мы подошли к столу.

— Вот что, — продолжал он, — поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда. Откуда и какие войска можно перебросить для усиления Сталинградской группировки, а заодно подумайте и о Кавказском фронте. Завтра в 9 часов вечера снова соберемся здесь.

Весь следующий день мы с А.М.Василевским проработали в Генеральном штабе».

Жуков подробно излагает то, как постепенно, в результате глубокого анализа всех компонентов обстановки вызревали пока еще только контуры будущей операции.

В сложнейшей схватке огромных армий он безошибочно определял состояние, силы, которыми они обладали, их возможности в ближайшем будущем. Опираясь на свою стратегическую прозорливость, Жуков предвидел возможные действия противника в ближайшее время и на перспективу.

С большой радостью читал я в воспоминаниях Жукова строки, посвященные анализу сведений о противнике. Нам очень повезло, Жуков не только вспоминает конкретные боевые действия, но делится с нами ходом своих мыслей, что, на мой взгляд, потрясающе интересно!

«При оценке противника мы исходили из того, что фашистская Германия уже не в состоянии выполнить свой стратегический план 1942 года. Тех сил и средств, которыми к осени 1942 года располагала Германия, не хватит для завершения задач ни на Северном Кавказе, ни в районе Дона и Волги.

Все, что германское командование могло использовать на Кавказе и в районе Сталинграда, уже было в значительной степени обескровлено и измотано. Ничего более значительного немцы явно не могли сюда бросить, и, безусловно, они будут вынуждены, так же как и после разгрома под Москвой, перейти к обороне на всех направлениях.

Нам было известно, что наиболее боеспособные в вермахте 6-я армия Паулюса и 4-я танковая армия Гота, втянувшись в изнурительные бои в районе Сталинграда, не в состоянии завершить операцию по захвату города и увязли там...

Положение противника усугублялось еще и тем, что в районе Волги и Дона у него было очень мало войск в оперативном резерве — не более шести дивизий, да и те были разбросаны на широком фронте. Собрать их в кулак в короткое время было невозможно. Нам благоприятствовала и оперативная конфигурация всего фронта противника: наши войска занимали охватывающее положение».

Вот так, в сшибке миллионных армий на огромном пространстве от Северного до Черного моря, среди множества наступательных и оборонительных действий войск Жуков видит четко и ясно самую суть, квинтэссенцию всего происходящего.

Так же тщательно и объективно оценивались свои войска.

«Перебрав все возможные варианты, мы решили предложить И.В.Сталину следующий план действий: первое — активной обороной продолжать изматывать про-

тивника; второе — приступить к подготовке контрнаступления, чтобы нанести противнику в районе Сталинграда такой удар, который резко изменил бы стратегическую обстановку на юге страны в нашу пользу.

Что же касается конкретного плана контрнаступления, то, естественно, за один день мы не могли подготовить детальные расчеты, но нам было ясно, что основные удары нужно наносить по флангам сталинградской группировки, прикрывавшимся королевскими румынскими войсками.

Ориентировочный расчет показывал, что раньше середины ноября подготовить необходимые силы и средства для контрнаступления будет невозможно».

На следующий день в 22 часа Жуков и Василевский прибыли к Сталину для доклада итогов своей работы.

— Ну, что надумали? Кто будет докладывать?

— Кому прикажете, — ответил Александр Михайлович, — мнение у нас одно.

Верховный подошел к карте.

— Это что у вас?

— Это предварительные наброски плана контрнаступления в районе Сталинграда, — пояснил Василевский.

— Что это за группировки войск в районе Серафимовича?

— А это новый фронт. Его нужно создать, чтобы нанести мощный удар по оперативному тылу группировки противника, действующей в районе Сталинграда.

— Хватит ли сейчас сил для такой большой операции?

Жуков доложил, что через 45 дней операцию можно обеспечить необходимыми силами и средствами и хорошо ее подготовить.

— А не лучше ли ограничиться ударом с севера на юг и с юга на север вдоль Дона? — спросил И.В.Сталин.

— Нет, в этом случае немцы могут быстро повернуть из-под Сталинграда свои бронетанковые дивизии и па-

ризовать наши удары. Удар же наших войск западнее Дона не даст возможности противнику из-за речной преграды быстро сманеврировать и своими резервами выйти навстречу нашим группировкам.

— А не далеко ли замахнулись ударными группировками?

Жуков и Василевский объяснили, что операция делится на два основных этапа: 1) прорыв обороны, окружение сталинградской группировки немецких войск и создание прочного внешнего фронта, чтобы изолировать эту группировку от внешних сил; 2) уничтожение окруженного противника и пресечение его попыток деблокироваться.

— Над планом надо еще подумать и подсчитать наши ресурсы, — сказал Верховный. — А сейчас главная задача — удержать Сталинград. То, что мы здесь обсуждали кроме нас троих пока никто не должен знать...

Вот так зарождался замысел великого сражения на Волге. Многие операции провел маршал Еременко на фронте, как говорится, «прошел огонь и воду», а вот на «медных трубах» оступился, не выдержал бремени славы... Так что утверждение маршала на счет выработки плана сталинградской операции на уровне: «мы с Никитой Сергеевичем посоветовались», не соответствует действительности.

Сделаем еще один допуск на человеческие слабости: предположим, что маршалы Жуков и Василевский не беседовали со Сталиным, а потом объявили себя авторами плана контрнаступления (я допускаю такую не очень тактичную мысль только потому, что Еременко тоже маршал и посчитал возможным объявить себя и Хрущева авторами плана сталинградской операции).

Для того, чтобы окончательно, — независимо от человеческих слабостей и амбиций, установить, кто же автор плана, обратимся к самому убедительному аргументу. В архиве Генерального штаба хранится большая карта, у

верхнего ее обреза написано: «План контрнаступления в районе Сталинграда». На карту нанесены — расположение частей наших войск и противника. Из группировки наших войск и стрел, показывающих направление ударов и место соединения в районе Калача, наглядно виден замысел предстоящего окружения. В легенде перечислены соединения и силы, участвующие в этой операции, приведены другие расчеты средств усиления, определены ближайшие и последующие задачи фронтов и армий. У нижнего обреза карты — подписи авторов-разработчиков: Г.К.Жуков и А.М.Василевский. Вверху, слева от названия операции, синим карандашом написано «Утверждаю» и подпись — Сталин.

После приведенных выше цитат, фактов и документов, на мой взгляд, не остается никаких сомнений в том, что разработку плана контрнаступления, да и саму операцию осуществляли два выдающихся военачальника — Жуков и Василевский. Так в конечном счете отложится это в истории. Но я бы еще напомнил третьего соавтора, он на всех этапах этой операции принимал в ней самое деятельное и, может быть, даже решающее участие — это Сталин.

Если мы решили отказаться от карикатурного отношения к Гитлеру («ефрейтор», «бесноватый» и т.д.), а факты его деятельности свидетельствуют и об иных качествах, то давайте откажемся и от предвзятого, огульного охаивания нашего Верховного главнокомандующего. Приращение, искажение роли Сталина применяется политиками, прислужниками тех сил, которые боролись с Советским Союзом в «холодной войне». Ложь и очернительство — их оружие.

Сталин допускал немало ошибок как государственный деятель и военачальник, но в сталинградской операции он как Верховный Главнокомандующий был на должной высоте, и лавры победителя ему принадлежат в равной мере с маршалами Жуковым, Василевским, так же,

впрочем, как всем генералам, офицерам и солдатам, осуществившим этот грандиозный стратегический план.

Кстати, Георгий Константинович с огромным уважением говорит об исполнителях:

«...Неоспоримо принадлежит приоритет в непосредственном разгроме врага тем, кто своим смелым ударом, метким огнем, мужеством, отвагой и мастерством громил не на жизнь, а на смерть противостоящего врага. Я здесь говорю о наших славных бойцах, командирах, генералах, которые, преодолев тяжелые испытания первого периода войны, были накануне контрнаступления в полной готовности взять инициативу сражений в свои руки и учинить врагу катастрофический разгром.

Заслуга Ставки Верховного Главнокомандования и Генштаба состоит в том, что они оказались способными с научной точностью проанализировать все факторы этой грандиозной операции, сумели предвидеть ход ее развития и завершение. Следовательно, не о персональных претендентах на «авторство» идеи контрнаступления должна идти речь».

Почему возник вопрос об авторстве и участии Жукова в сталинградской операции и я так детально разбираю это обстоятельство? Потому что надо восстановить справедливость и сказать, наконец, правду. А ее, эту правду, и прятали, и пачкали, и искажали неоднократно.

Еще до выпадов диссидентов и «агентов влияния» с их программой очернительства нашей истории, в том числе и Жукова, волну опорочивания и забвения роли Жукова породил Хрущев на октябрьском пленуме 1957 года (у нас будет подробный разговор об этом пленуме в соответствующем хронологии месте). Здесь я приведу лишь короткие цитаты, показывающие, кто и когда начал отрицать участие Жукова в сталинградской операции.

Из выступления маршала Еременко: «Если сказать, что Жуков руководил (сталинградской операцией. — В.К.),

то это не будет отвечать истине. Жуков в Сталинграде не был.

Реплика Хрущева:

— Жуков был в Сталинграде, один раз приезжал».

Читатели знают, какую огромную работу в войсках провел Жуков при подготовке операции, и могут по этой только реплике по достоинству оценить «порядочность» Хрущева.

Дальше Еременко говорит:

«...На Сталинградском фронте с самого начала обороны и до победы был сам Никита Сергеевич Хрущев, который действительно является руководителем и организатором сталинградских большевиков».

Высший пилотаж подхалимажа! В президиуме сидит тот, которому адресован этот елей. А высший пилотаж заключается в том, что Еременко вроде бы не грешит против истины, не называет Хрущева великим полководцем, а всего только «руководителем и организатором сталинградских большевиков».

Еще штрих, дополняющий облик Хрущева. В его докладе на октябрьском пленуме лжи больше, чем правдивых фактов, вот пример, имеющий отношение к этой части моего рассказа.

«...Сейчас говорят, что Василевский совместно с товарищем Жуковым разработал сталинградскую операцию. Так ли это? Это не соответствует действительности...

Товарищ Жуков, по-моему, был в Сталинграде один раз. Побыл у нас немного и больше в Сталинграде не появлялся».

Кто из пишущих осмелился бы в те годы, после такого публичного заявления Первого секретаря ЦК КПСС, написать о Жукове что-то иное? Так вот и породили верные прислужники Хрущева целую библиотеку книг: энциклопедий, многотомных «историй войны», да и мемуаров, в которых Жукова стремились не упоминать, во избежание неприятностей.

Что сделал Жуков в действительности при разработке плана операции, читатели знают из вышепрочитанного. А при проведении самой операции он как заместитель Верховного главнокомандующего постоянно был не только в курсе событий, но и влиял на них самым активным образом.

Сам Жуков об этом пишет:

«После тщательного изучения на месте всех условий для подготовки контрнаступления мы с А.М.Василевским вернулись в Ставку, где еще раз был обсужден план контрнаступления и после этого утвержден...

И.В.Сталин сказал А.М.Василевскому:

— Не раскрывая смысла нашего плана, надо опросить командующих фронтами в отношении их дальнейших действий.

Мне было приказано лично проинструктировать Военный совет Донского фронта.

1 октября я вернулся в Москву для дальнейшей работы над планом контрнаступления.

В октябре в Сталинград по решению Ставки было переправлено через Волгу более шести доукомплектованных дивизий, так как от старого состава 62-й армии, по сути дела, ничего не осталось, кроме тылов и штабов. Несколько был усилен и Донской фронт. Особую заботу Ставка и Генеральный штаб проявляли о вновь создаваемом Юго-Западном фронте.

Ожесточеннейшие сражения в самом городе и в прилегающих районах продолжались. Гитлер требовал от командования группы армий «Б» и от командующего 6-й армией Паулюса в самое ближайшее время взять Сталинград».

Больше трех месяцев шли бои за Сталинград. Стойкость наших войск удивляла весь мир.

Жуков неоднократно вылетал в Сталинград для координации боевых действий и проведения подготовительных мероприятий. Работал там с командующими фрон-

тов и армий, в том числе и с все забывшими Еременко и Хрущевым. Напомню об этом отрывком из книги Жукова:

«В момент затишья по приказу Верховного на командный пункт 1-й гвардейской армии приехали А.И.Еременко и Н.С.Хрущев. Е.Голованов и я также находились там. А.И.Еременко сказал, что он хотел бы ознакомиться с обстановкой и обсудить положение в Сталинграде. В.Н.Гордов и К.С.Москаленко познакомили А.И.Еременко со всеми деталями обстановки и своими соображениями.

Поскольку Верховный предупредил меня о сохранении в строжайшей тайне проектируемого плана большого контрнаступления, разговор велся главным образом об усилении войск Юго-Восточного и Сталинградского фронтов. На вопрос А.И.Еременко о плане более мощного контрудара я, не уклоняясь от ответа, сказал, что Ставка в будущем проведет контрудары значительно большей силы, но пока что для такого плана нет ни сил, ни средств.

В конце сентября меня вновь вызвал И.В.Сталин в Москву для более детального обсуждения плана контрнаступления. К этому времени вернулся в Москву и А.М. Василевский.

При очередном обсуждении плана контрнаступления возник вопрос о замене командующего Сталинградского фронта генерала Гордова, у которого из-за грубости и «матерного» метода командования не сложились нормальные отношения со штабом и командирами соединений.

На счет мата почти все военачальники во время войны были не безгрешны, но у них это прорывалось в напряженные моменты боя, для разрядки: ввернул крепкое слово — и станет легче и самому и подчиненному. Чаше это бывало беззлобно для снятия стрессовой ситуации. А у Гордова мат был тяжелый, обидный, ударял по самолюбию.

Сталин сказал Жукову:

— Надо заменить командующего. Кого вы предлагаете?

Жуков:

— Генерал-лейтенанта Рокоссовского.

Василевский поддержал это предложение.

— Хорошо, — согласился Сталин, — вылетайте туда и проведите замену. И еще, как договорились, осуществите переименование Юго-Восточного фронта в Сталинградский, им будет командовать Еременко, а бывший Сталинградский будет Донским — командующий Рокоссовский. Командующим вновь создаваемым Юго-Западным фронтом — Ватутин.

Изматывайте и выбивайте силы противника. Осмотрите районы сосредоточения резервов для контрнаступления».

С Жуковым прилетел в Сталинград и Рокоссовский. На наблюдательном пункте фронта генерал Гордов кого-то распекал по телефону. Жуков остановил его:

— Криком и бранью делу не поможешь, нужно умением организовать бой. Продумайте и потом доложите мне, как будете действовать дальше.

Жуков с Рокоссовским выехали на командный пункт фронта. Вечером сюда приехал и Гордов. Он доложил Жукову, как тот приказывал ему раньше:

— Я считаю, надо прекратить наши контратаки. Мало боеприпасов, не хватает артиллерии. Без этого только напрасные потери. Ну и организация операции ни к черту не годится.

— Кто виноват в этом? — строго спросил Жуков.

— Мне не дали времени на организацию. Я просил отложить наступление. Наверху не согласились.

Жуков сказал Рокоссовскому:

— Примите командование фронтом. Активных действий не прекращать, чтобы противник не перебрасывал

с участка вашего фронта силы и средства для штурма Сталинграда.

Неожиданно для Жукова Рокоссовский мягко, но все же возразил:

— Я считаю предложения генерала Гордова правильными. Сил и средств у нас мало, мы ничего не добьемся.

Жуков настаивал:

— Но удержать город надо, без вашей помощи Сталинградскому фронту не устоять.

Рокоссовский тоже гнул свое:

— Я бы хотел, чтобы мне позволили разобраться в обстановке и предоставили возможность командовать войсками фронта в духе общей задачи Ставки, сообразуясь со сложившейся обстановкой.

Жуков вдруг смягчился, улыбнулся:

— Короче говоря, хотите сказать, что мне здесь делать нечего? Хорошо, я сегодня же улетаю.

После очередного обсуждения и уточнения плана надо было вводить в курс дела командующих фронтами и армиями. Затем им было предложено представить на утверждение Ставки план осуществления той части общей операции, которая поручалась конкретно каждому из фронтов и армий.

Жуков провел с ними рекогносцировки на местности, увязывал взаимодействие.

И наконец, как пишет Георгий Константинович: «Для окончательной отработки плана наступления войск Сталинградского фронта, как мы договорились с А.М. Василевским, я прибыл на командный пункт 57 армии в Татьяновку утром 10 ноября, где к тому времени, кроме Военного совета фронта (в его составе и забывчивые Еременко и Хрущев — В.К.), были... (далее я опускаю длинный список генералов) и выехали на участки войск этих армий, с тем, чтобы еще раз осмотреть местность...

После рекогносцировки были рассмотрены вопросы

взаимодействия фронта с Юго-Западным фронтом, увязана техника встречи передовых частей в районе Калача, взаимодействие частей после завершения окружения и другие проблемы предстоящей операции.

Вечером 11 ноября я сообщил Верховному по «Бодо».

«В течение двух дней работал у Еременко...» — далее излагалась большая проделанная работа.

13 утром Жуков опять прилетел в Москву, к Сталину, и подробнейшим образом изложил весь ход предстоящей операции. (Кстати, так она и сложилась.) При этом докладе присутствовал Василевский и члены ГКО.

И вот после этого обсуждения Жуков и Василевский высказали одно серьезное опасение, которое, кстати, дало основание кое-кому впоследствии заявлять, что Жуков при наступлении не был в Сталинграде.

Я думаю, точнее и надежнее скажет об этом сам Жуков:

«Пока мы докладывали, в кабинете Верховного собрались члены Государственного Комитета Обороны и некоторые члены Политбюро. Нам пришлось повторить основные вопросы, которые были доложены в их отсутствие.

После краткого обсуждения плана контрнаступления он был полностью утвержден.

Мы с А.М. Василевским обратили внимание Верховного на то, что немецкое главное командование, как только наступит тяжелое положение в районе Сталинграда и Северного Кавказа, вынуждено будет перебросить часть своих войск из других районов, в частности из района Вязьмы, на помощь южной группировке.

Чтобы этого не случилось, необходимо срочно подготовить и провести наступательную операцию в районе севернее Вязьмы и в первую очередь разгромить немцев в районе ржевского выступа. Для этой операции мы предложили привлечь войска Калининского и Западного фронтов.

— Это было бы хорошо, — сказал И.В.Сталин. — Но кто из вас возьмется за это дело?

Мы с Александром Михайловичем предварительно согласовали свои предложения на этот счет, поэтому я сказал:

— Сталинградская операция во всех отношениях уже подготовлена. Василевский может взять на себя координацию действий войск в районе Сталинграда, я могу взять на себя подготовку наступления Калининского и Западного фронтов».

Сталин согласился с этим предложением, он понимал — появление Жукова на Западном фронте сразу привлечет внимание германской разведки. Немцы уже знают: где Жуков, там жди наступления. Это очень поможет наступлению под Сталинградом, так как немцы не снимут части с участка, где находится Жуков.

Но высоко ценя умение Жукова готовить войска к наступлению, Сталин, хоть и дал согласие на его отъезд, не отпустил его сразу же:

— Вылетайте завтра утром в Сталинград. Проверьте еще раз готовность войск и командования к началу операции.

И вновь, уже в который раз, Жуков в воздухе. А летали тогда не на современных лайнерах, перелет был долгий, да еще в условиях, когда из-за любого облака могут выскочить немецкие истребители!

Насколько Сталин доверял Жукову и ценил его, показывает короткая телеграмма, посланная ему на фронт.

«Товарищу Константинову.

Только лично.

День переселения Федорова и Иванова* можете назначить по Вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезде в Москву. Если у Вас возникает мысль

---

* День наступления фронтов Н.Ф. Ватутина и А.И. Еременко.

о том, чтобы кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению.

Васильев.

13 часов 10 минут 15.11.42 г.».

Вот какие нюансы были в отношениях Верховного и его заместителя — даже время начала наступления в Великом Сталинградском сражении поручается определить Жукову. Мне кажется, в этом есть доля мистики, Сталин был суеверным человеком, он верил в счастливую звезду Жукова (особенно после битвы за Москву), вот и на этот раз передает свою прямую функцию ему — удачливому!

Прибыв на Западное направление, Жуков приступил к организации наступления двух фронтов — Калининского и Западного. По очертанию линии фронта больше всего подходил Ржевский выступ. Жуков понимал — сил для широкомасштабной операции недостаточно, но если противник снимет части с этого направления для помощи войскам под Сталинградом, соотношение сил изменится и «Канны» могут состояться и здесь. Если гитлеровское командование с первых ударов двух фронтов по сходящимся направлениям поймет, что и здесь нависает угроза окружения, то снимать отсюда силы для отправки под Сталинград не решится. В обоих вариантах результат операции по окружению ржевской группировки будет весьма благоприятен для осуществления сталинградской операции, здесь, на западе, произойдет не только вспомогательное наступление, а вольется оно как бы в общую со сталинградской операцией.

Разрабатывая свои частные «Канны», Жуков, как заместитель Верховного, ни на час не выпускал из поля зрения то, что происходило под Сталинградом.

А там 19 ноября в 8 часов 30 минут войска Юго-Западного фронта после мощнейшей артиллерийской и

авиаподготовки смяли и погнали 3-ю румынскую армию. Немецкие части, которые стояли за румынами во втором эшелоне, попытались контратаковать, но их тут же опрокинули введенные в бой наши 1-й и 26-й танковые корпуса.

Тактический прорыв, как задумано, был совершен в первый же день, и гитлеровское командование потянуло сюда резервы. Но через сутки, 20 ноября, нанесли удар три армии Сталинградского фронта — они разгромили противостоявшие румынские и немецкие дивизии и успешно продвигались к намеченному пункту встречи с войсками Юго-Западного фронта.

Вот уж, как говорится, отвели душу за все прошлые поражения и командиры и солдаты — они так лихо били противника, что гитлеровцы пребывали в полной растерянности.

Здесь надо бы поговорить о внезапности как факторе военного искусства, который так умело применили наши полководцы, но не буду снижать динамики повествования.

23 ноября, в районе хутора Советского, кольцо окружения замкнулось: 1-я гвардейская армия, 5-я танковая армия Юго-Западного фронта и 51-я армия Сталинградского фронта получили задачу преследовать разгромленные части противника и отбросить его как можно дальше на запад от замкнутого кольца окружения.

На всех уровнях — от командующих фронтами до рядовых бойцов — сталинградцы показали высокий класс мастерства и мужества. Невозможно описать захватывающие эпизоды всех небольших побед, из которых складывался общий успех.

28 ноября поздно вечером Жукову, находившемуся в штабе Калининского фронта, позвонил Сталин:

— Известны ли вам последние данные об обстановке в районе Сталинграда?

— Да, я полностью в курсе всех событий.

— Тогда подумайте и доложите мне ваши соображе-

ния, как лучше разделаться с окруженной там группировкой немцев.

Утром 29-го Жуков послал Верховному следующую телеграмму (обратите внимание: «поздно вечером позвонил» — и рано утром был готов такой детально продуманный ответ):

«Окруженные немецкие войска сейчас, при создавшейся обстановке, без вспомогательного удара противника из района Нижне-Чирская — Котельниково на прорыв и выход из окружения не рискнут.

Немецкое командование, видимо, будет стараться удержать в своих руках позиции в районе Сталинград — Вертячий — Мариновка — Карповка — совхоз Горная Поляна и в кратчайший срок собрать в районе Нижне-Чирская — Котельниково ударную группу для прорыва фронта наших войск в общем направлении на Карповку, с тем, чтобы, разорвав фронт наших частей, образовать коридор для питания войск окруженной группы, а в последующем и вывода ее по этому коридору.

При благоприятных для противника условиях этот коридор может быть образован на участке Мариновка — Ляпичев — Верхне-Чирская, фронтом на север.

Вторая сторона этого коридора, фронтом на юго-восток, по линии Цыбенко — Зеты — Гниловская — Шебалин.

Чтобы не допустить соединения ниже-чирской и котельниковской группировок противника со сталинградской и образования коридора, необходимо:

— как можно быстрее отбросить ниже-чирскую и котельниковскую группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская — Тормосин — Котельниково. В районе Нижне-Чирская — Котельниково держать две группы танков, не меньше 100 танков в каждой в качестве резерва;

— окруженную группу противника под Сталинградом разорвать на две части. Для чего... нанести рассекающий

удар в направлении Бол.Россошка. Навстречу ему нанести удар в направлении Дубининский, высота 135. На всех остальных участках перейти к обороне и действовать лишь отдельными отрядами в целях истощения и изматывания противника.

После раскола окруженной группы противника на две части нужно... в первую очередь уничтожить более слабую группу, а затем всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда.

Жуков».

Так начинался второй этап великого сражения на Волге, к осуществлению которого Жуков, как видим, тоже приложил руку.

Кроме постоянной совместной работы со Сталиным, Жуков поддерживал регулярную связь с Василевским, который координировал действия фронтов в Сталинграде. Отправив Верховному свои соображения об уничтожении окруженной группировки, Жуков сразу же позвонил Василевскому и проинформировал его о своих предложениях.

Василевский согласился с мнением Жукова и практически осуществлял эти советы, потому что они совпадали с его оценкой обстановки.

Жуков спланировал и осуществил операцию против ржевской группировки. Калининский фронт под командованием генерал-лейтенанта М.А.Пуркаева с своей задачей справился. А вот Западный фронт, руководимый И.С.Коневым, не только не двигался навстречу Пуркаеву, но даже не прорвал оборону противника.

— Что там опять у Конева, — сердито спросил Верховный, — немедленно отправляйтесь к нему.

Под словом «опять у Конева» Сталин, наверное, имел в виду потрясающую неудачу Ивана Степановича под Москвой, когда попали в окружение шесть армий и едва не сдали Москву. Жуков тогда спас Конева от расстрела. А Сталин спросил: «Что, Конев — ваш дружок?» Теперь

этим «опять у Конева» Сталин как бы напоминал и ту неудачу, и заступничество Жукова. В общем, по-своему подхлестывал больших начальников к более активным действиям.

Жуков разобрался в ситуации на Западном фронте и пришел к заключению, что личной вины Ивана Степановича нет: не доставало танковых, артиллерийских, авиационных средств усиления.

Ну а то, что была неудачно выбрана местность для прорыва и плохо разведана оборона противника, Жуков не сообщил. Не стал усложнять и без того зыбкое положение Конева. В очередной раз спас его от крупных личных неприятностей.

Однако из-за неудачного наступления частей Западного фронта попал в очень трудное положение танковый корпус Соломатина, глубоко вклинившийся в оборону врага, в надежде соединиться с идущими навстречу частями Конева.

Немцы перекрыли коридор прорыва, и корпус оказался в окружении южнее города Белого. Несколько суток бились окруженные части — без боеприпасов, горючего и продовольствия. Пришлось Жукову ввести из резерва Ставки свежий корпус, прибывший с Дальнего Востока, и выручить окруженцев.

Я участник этих боев и впервые тогда увидел сибиряков в белых полушубках (а мы еще воевали в шинелишках), а потом мы встречали и тут же в первой траншее отдавали им всю еду, — едва державшимся на ногах окруженцам.

В общем, операция, которую проводил Жуков, закончилась неудачей. Вот еще один удобный случай для недоброжелателей маршала порадоваться!

Однако, чтобы охладить эту «радость», напомню: ни Верховный, ни сам Жуков, ни Генеральный штаб не считали происшедшее на Западном направлении неудачей. Наоборот, результат был неплохой.

Конечно, было бы лучше, если бы окружение ржевской группировки состоялось, но все понимали: удержать и уничтожить ее сил не хватит. А вот другой результат этой «неудачи» — гитлеровское командование было напугано перспективой не только окружения ржевской группировки, но еще и последующего выхода наших частей на юг (Жуков малыми делами не занимается!), чтобы перерезать коммуникации и отход не только тем, кто окружен под Сталинградом, но и группировке под командованием Манштейна, которая создана для оказания помощи 6-й армии Паулюса.

Чтобы предотвратить еще и эту беду, Гитлер подбросил на Западное направление к тем силам, что были здесь (и ни одной не послали на помощь Паулюсу) еще свежие резервы — четыре танковые и одну моторизованную дивизию.

Если напомнить, что главной целью проводимой Жуковым операции на Западном направлении было не допустить снятия отсюда частей противника на помощь окруженным под Сталинградом, то без долгих рассуждений можно сделать вывод: задача была не только выполнена, но и перевыполнена — четыре танковые и одна механизированная дивизия могли принести немалые трудности нашим войскам, создававшим внешнее кольцо окружения под Сталинградом.

В подтверждение правильности моих суждений я привожу сведения из книги «Разведка и Кремль» генерал-лейтенанта Судоплатова П.А. В годы войны он возглавлял одно из управлений разведки НКВД. Павел Алексеевич рассказывал мне об этой операции подробно, но для краткости я привожу только небольшую цитату.

«Начальник разведки немецкой службы безопасности Вальтер Шелленберг в своих мемуарах утверждает, что ценная информация поступала от источника, близкого к Рокоссовскому. В то время их «Макс» служил в штабе Рокоссовского офицером связи, а маршал коман-

довал войсками Белорусского фронта. По словам Шелленберга, офицер из окружения Рокоссовского был настроен антисоветски и ненавидел Сталина за то, что подвергся репрессиям в 30-х годах и сидел два года в тюрьме.

Престиж «Макса» в глазах руководства абвера был действительно высоким — он получил от немцев «Железный крест с мечами». Мы в свою очередь наградили его орденом Красной Звезды.

Дело в том, что этот же человек работал у нас под конспиративным именем «Гейне».

Из материалов немецких архивов известно, что командование вермахта совершило несколько роковых ошибок отчасти из-за того, что целиком полагалось на информацию абвера, полученную от источников из Советского Верховного Главнокомандования. Дезинформация, передаваемая «Гейне» — «Максом», готовилась в Оперативном управлении нашего Генштаба при участии одного из его руководителей, Штеменко, затем визировалась в Разведуправлении Генштаба и передавалась в НКВД, чтобы обеспечить ее получение убедительными обстоятельствами. По замыслу Штеменко, важные операции Красной Армии действительно осуществлялись в 1942—1943 годах там, где их «предсказывал» для немцев «Гейне» — Макс, но они имели отвлекающее, вспомогательное значение.

Дезинформация порой имела стратегическое значение. Так, 4 ноября 1942 года «Гейне» — «Макс» сообщил в Берлин, что Красная Армия нанесет немцам удар 15 ноября не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и под Ржевом. Немцы ждали удара под Ржевом и отразили его. Зато окружение группировки Паулюса под Сталинградом явилось для них полной неожиданностью.

Не подозревавший об этой радиоигре Жуков заплатил дорогую цену — в наступлении под Ржевом погибли тысячи наших солдат, находившихся под его командова-

нием. В своих мемуарах он признает, что исход этой наступательной операции был неудовлетворительным. Но он так никогда и не узнал, что немцы были предупреждены о нашем наступлении на Ржевском направлении, поэтому бросили туда такое количество войск».

В общем, состоялась блестящая стратегическая операция по окружению 330-тысячной группировки войск под Сталинградом, и Жуков внес огромный вклад в ее осуществление: начиная с первоначального замысла он участвовал в разработке плана и в создании группировки войск и, наконец, в обеспечении успеха этой операции путем отвлечения резервов противника на другое — Западное — направление.

А нам пора заглянуть на ту сторону, за линию фронта, в германские штабы, посмотреть и разобраться, что происходило там в дни этой колоссальной битвы.

НА ТОЙ СТОРОНЕ В ДНИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Удивительно, необыкновенно сложное дело — военное искусство. Полководцы, которые стоят во главе армии или даже государства, когда строят и разрабатывают план войны или отдельной большой операции, располагают вроде бы всеми необходимыми данными. На них работает широко разветвленная сеть разведки самых разных видов: от агентов, которые находятся в расположении противника, до авиации, которая летает над расположением врага и фотографирует его силы. Генеральный штаб — это учреждение, в котором собраны самые талантливые и образованные военные профессионалы. Все

они тоже являются ближайшими помощниками и советниками полководца. И вот, обладая вроде бы всем необходимым, полководцы тем не менее чаще ошибаются, чем одерживают победы. Даже на примере того, что мы уже разобрали, можно убедиться в справедливости этого суждения. План «Барбаросса» долго и тщательно разрабатывался и в высших органах военного и государственного управления, и сам Гитлер, и его ближайшие советники, казалось бы, вложили все свое умение и опыт в составление этого грандиозного плана. А вот при осуществлении все-таки окончательно добиться того, что предусматривалось, не удалось. Москву, как это планировалось, гитлеровцы с ходу не взяли и в несколько месяцев войну победно не завершили. Затем была разработана специальная операция «Тайфун» для окружения и взятия Москвы, и в этом случае, хотя все планировалось на основании данных разведки, точного подсчета наших сил и возможностей обороны, всех других условий, способствовавших или усложнявших осуществление этой операции, командование группы армий «Центр», да и все армейское руководство гитлеровцев постигла неудача. Москва не была взята, и наступательные группировки, направленные в обход Москвы, Жуковым были разгромлены и отброшены от Москвы.

И вот новый грандиозный план, опять-таки составленный на основании достоверных данных разведки и анализа сил Советской Армии, которые остались у нее после всех предыдущих сражений, а также подготовки резервов, которые могла создать наша страна в глубине территории. Этот новый план — удар на Кавказ к нефтеисточникам и вспомогательный удар в сторону Сталинграда, как видим, хотя и был вроде бы разработан как вполне реальный, гитлеровцам осуществить не удалось.

Здесь я бы хотел напомнить читателям многие выступления наших полководцев, военных ученых в печати и с трибун об авантюристичной стратегии гитлеровцев. Я не

согласен с этими безапелляционными утверждениями. Да, в политике и стратегии гитлеровского руководства, самого Гитлера авантюризм проявлялся, но не всегда и не везде. Представьте себе, если бы Гитлер после молниеносного разгрома Польши, а затем Франции остановился на этом, прекратил бы свою завоевательную агрессивную политику в Европе. Ну и что бы тогда сказали ученые и теоретики о «молниеносной войне»? Разве можно было бы назвать эти быстрые и победоносные действия гитлеровской армии авантюристичными? Авантюризм — это когда средства не соответствуют намеряемой цели. А вот в этих случаях, о которых мы говорим, гитлеровцы добились победы. Добились именно молниеносными действиями своих частей и соединений, и теория молниеносной войны, разработанная ими, оправдалась.

Но, как я уже сказал, если там средства для выполнения поставленных задач соответствовали целям, то на Кавказском и Сталинградском направлениях такого соответствия не было. Не потому, что гитлеровская армия воевала против нас, тут чистый патриотизм не нужен, он неуместен, я веду разговор в теоретическом плане.

Так в чем же проявился авантюризм летней кампании гитлеровцев?

Был создан мощный ударный кулак — группа армий «А», а затем группа армий «Б». Немцы надеялись захватить нефтеносные районы Баку и перерезать нашу главную транспортную артерию — Волгу. Гитлер хотел этими ударами поправить положение, которое после неудач осени 41-го и зимы 42-го подрывало его личный авторитет и престиж германской армии. Ему нужна была решительная победа в стратегических масштабах.

Итак, победа нужна, планы составлены... Вот здесь-то как раз и проявился авантюризм, поскольку ход боевых действий показал, что сил для осуществления этих грандиозных стратегических наступлений у немецкой армии не хватало. Гитлеровское командование прежде все-

го недооценило силы и возможности Советской Армии; она понесла большие потери, но она же и получила большой прилив свежих сил за счет передислокации соединений с Дальнего Востока, формирования армий и дивизий из новых призывов, более старших возрастов. Кроме того, к этому времени уже заработали и стали давать продукцию оборонные заводы, эвакуированные из западных областей и восстановленные в Средней Азии и за Уральским хребтом. Вот все это не было должным образом учтено гитлеровцами.

А теперь читателям, наверное, интересно будет познакомиться с тем, что происходило в немецких штабах, чем они руководствовались и на что возлагали надежды в осуществлении задуманного стратегического наступления.

Анализируя боевые действия, мы не должны забывать, ради чего в конечном счете они велись: «Война продолжение политики иными, вооруженными, средствами». Приближалось завершение очередной задачи согласно плану «Барбаросса» — гитлеровские войска выходили к Волге. По расчетам немецкого руководства, настало время осуществления плана «Ост», о котором, по указанию Гитлера, были осведомлены всего несколько человек.

Что же это за план? Суть его изложил Гиммлер 16 сентября 1942 года своим подчиненным — высшим чинам СС — на совещании близ Житомира (на территории, где предстояло им работать):

«...Вы должны смотреть на местное население только глазами, которыми должен смотреть кадровый эсэсовец с идеями СС в крови... Было бы очень хорошо, если бы все понимали, что означает тот факт, что мы, 83 миллиона немцев, наши союзники и вместе с нами работающая на нас Европа должны справиться с 200 миллионами русских... Из этого должны вытекать такие следствия: мы сейчас завоевываем передовые позиции Азии. Мы должны собрать все, что попадает здесь, а именно: вдоль

маршрутов, имеющих военное значение, вдоль наших шоссе, железных дорог и сети аэродромов построить небольшие города по 15—20 тысяч жителей. Каждый город должен иметь гарнизон в качестве охраны. Вокруг него в радиусе 10 километров будут созданы немецкие деревни. Это ожерелье поселений мы продвинем вплоть до Дона и до Волги и, я надеюсь, даже до Урала. Мы, как эсэсовцы, своими идеями, нашей жизнью и воспитанием, а также нашим участием в боях должны добиться того, чтобы был создан германский Восток, простирающийся до Урала. Это будет оранжерея германской крови. Тогда через 400—500 лет в случае возможного конфликта континентов в нашем распоряжении будет не 120 миллионов, а 500—600 миллионов германцев...

...Надо учиться у англичан не в теории, а на практике; учиться тому, как они обращались с индусами. Мы должны вообще научиться тому, чтобы один человек германского происхождения был в состоянии без всякой помощи владычествовать над областью со 100 тысячами людей. Из этих 100 тысяч работоспособных будет, наверное, тысяч 50. В их распоряжении будут камни, дерево, солома, зерно, скот. Пусть они себе строят из этого свой собственный рай, но господствовать должен немец. Правда, об этом мы должны говорить возможно реже...»

Как я уже говорил, отстранение фельдмаршала Браухича от командования сухопутными войсками было не только наказанием за то, что он не осуществил намеченное в плане «Барбаросса», а потом и в плане взятия Москвы, это была смена стратегической линии в руководстве и действиях гитлеровской армии. Гитлер решил лично руководить боевыми действиями на восточном фронте и осуществить уже не то, что ему советовали и к чему склонили его раньше генералы генерального штаба, а свою личную убежденность в том, что экономические проблемы в войне играют первостепенную роль, даже превалируют над чисто военными вопросами. Он упрекал гене-

ралов в том, что они воюют по старинке, им бы только взять столицу государства, с которым ведется война, и этим уже будет одержана победа. А ход боевых действий показывал, что это не так. Гитлер был убежден, что только лишив советские вооруженные силы нефти, а стало быть, и горючего для всей техники, и захватив другие сырьевые источники, особенно украинские поля, которые дадут хлеб для армии и многочисленных рабочих на военных предприятиях в самой Германии и в странах-союзниках, можно решить исход борьбы в свою пользу.

Нарастивая усилия успешно развивающихся наступлений на двух направлениях, Гитлер 23 июля в своей директиве № 45 так оценивал обстановку и ставил вытекающие из нее задачи: «Во время кампании, продолжавшейся менее 3-х недель, большие задачи, поставленные мной перед южным крылом восточного фронта, в основном выполнены...

На долю группы армий «Б», как приказывалось ранее, выпадает задача, наряду с оборудованием оборонительных позиций на реке Дон, нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой и нарушить перевозки по реке.

Вслед за этим танковые и моторизованные войска должна нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и там также парализовать движение по главному руслу Волги».

Группе армий «А» во главе с фельдмаршалом Листом Гитлер приказывал как можно быстрее уничтожить советские войска, ушедшие за Дон, и стремительно развивать наступление в направлении Кавказа.

23 августа передовой 14-й корпус 6-й армии Паулюса вышел к Волге. Гитлер приказал бросить всю наличную на востоке авиацию для бомбардировки города, чтобы сломить сопротивление его обороняющих и с ходу взять Сталинград. 23 августа на город было совершено более 2

тысяч самолетовылетов. В результате он во многих частях был разрушен, погибло много мирного населения. Гитлер не ожидал, что в Сталинграде встретит такое упорное сопротивление. Несмотря на все усилия, которые прилагали немецкие войска, они так и не могли взять город. Таким образом, Сталинградское направление превратилось в тот узел, где столкнулись главные усилия советской армии и гитлеровского вермахта.

Вот здесь и проявилась авантюристичность замыслов Гитлера. Нельзя было наносить два удара одновременно: на Кавказ и на Сталиград. Сил явно не хватило, поэтому здесь у гитлеровской армии возникли непреодолимые трудности.

В немецком генеральном штабе все еще считали, что нужны последние усилия для взятия города, и тогда, ударив вдоль Волги на Астрахань, войска помогут и группе «А» овладеть районами бакинской нефти. Все силы были брошены на осуществление этого плана.

26 августа Гальдер записал в своем дневнике: «У Сталинграда весьма напряженное положение из-за атак превосходящих сил противника. Наши дивизии уже не так сильны. Командование слишком нервничает. Виттерсгейм (14-й танковый корпус) хотел убрать назад свой вытянутый к Волге палец. Паулюс помешал этому. У итальянцев на правом фланге большие неприятности (вклинение противника). Принимаются контрмеры».

Гитлер уже почувствовал, что операция развивается не так, как бы ему хотелось. Он нервничал. Будучи недовольным действиями группы «А», он решил взять командование этой группой на себя. Постоянные неутешительные доклады о Гальдере тоже выводили Гитлера из равновесия, и 24 сентября фюрер отправил начальника генерального штаба в отставку. Гальдер делает последнюю запись в своем дневнике 24 сентября: «После дневного доклада — отставка, переданная фюрером (мои нервы истощены, да и он свои поистрепал;

мы должны расстаться)...» А еще недавно, всего два месяца назад, когда Гальдер отмечал сорокалетний юбилей своей военной службы, в этот день записал он в своем дневнике такую приятную новость: «Фюрер вручает мне свой портрет в серебряной рамке и собственноручной подписью». Был на этом юбилейном вечере вручен начальнику генерального штаба как руководителю и разведки поздравительный адрес от отдела Иностранных армий Востока. Были и другие подарки, но я упомянул о разведывательном отделе потому, что хочу сейчас подчеркнуть: именно этот отдел, руководимый тогда еще начальником генерального штаба Гальдером, в своих докладах о противнике допускал промахи, которые стоили в дальнейшем Гитлеру очень дорого. Вот цитата из оценки обстановки этого отдела, данная 6 ноября 1942 года, т.е. когда уже полным ходом шла подготовка нашего контрнаступления под Сталинградом:

«Общая оценка:

1. Главное направление будущих русских операций против немецкого восточного фронта все отчетливее вырисовывается в полосе группы армий «Центр».

В октябре 42-го года новый начальник генерального штаба Цейтцлер, чтобы подбодрить Паулюса, придать ему уверенности и активизировать его действия, послал ему следующую лаконичную справку: «Русские уже не располагают сколько-нибудь значительными резервами и больше неспособны провести наступление крупного масштаба. Из этого основного мнения следует исходить при любой оценке противника».

За два дня до начала нашего наступления, 17 ноября, Гитлер воодушевлял 6-ю армию на последний и решительный бросок: «Мне известны трудности борьбы за Сталинград и упавшая боевая численность войск. Но трудностей у русских сейчас при ледоставе на Волге еще больше. Если мы используем этот промежуток времени, мы сбережем в дальнейшем много собственной крови.

Поэтому я ожидаю, что руководство еще раз со всей энергией, которую оно неоднократно продемонстрировало, а войска с искусством, которое они часто проявляли, сделают все, чтобы пробиться к Волге и по меньшей мере у артиллерийского завода и металлургического предприятия и захватить эти части города». Этот приказ был зачитан всем находившимся под Сталинградом командирам и на нем была резолюция Паулюса: «Я убежден, что этот приказ вызовет новое воодушевление в наших храбрых войсках».

Но непредвиденное свершилось. Два мощных и совершенно неожиданных удара по сходящимся направлениям буквально в несколько дней соединились и захлопнули 230-тысячную армию.

Командующий группой армий «Б» Вейхс пытался не допустить замыкания кольца окружения. Единственным резервом был 48-й танковый корпус (его называли еще корпус «Х») под командованием генерала Гейма. В его составе были 1-я румынская танковая дивизия и 22-я немецкая.

Корпус был брошен в горловину закрывающегося окружения, но оказался буквально смят не только частями Красной Армии, но и своими бегущими в панике румынскими, немецкими отступавшими в беспорядке частями. Корпус не только не выполнил задачу, но пытаясь упорно продвинуться вперед, сам пополнил число пленных, угодивших в окружение.

Начальник генерального штаба Цейтцлер первым очень осторожно высказал Гитлеру предложение об отводе 6-й армии, пока окружение не состоялось.

Гитлер возражал:

— Подождем. Корпус Гейма сделает свое дело — не допустит окружения.

Спустя некоторое время Цейтцлер, имевший постоянную связь с группой «Б», доложил:

— Как я предполагал, корпус «Х» не выполнил не-

посильной задачи, он разгромлен и почти весь попал в окружение.

Гитлер побледнел от ярости и закричал:

— Кейтель, сейчас же пошлите за командиром корпуса, сорвите с него генеральские погоны и посадите в тюрьму! Это он во всем виноват!

Приказ Гитлера был выполнен: генерал-лейтенанта Гейма привезли в ставку. Специальный трибунал под председательством Геринга (он, как у нас Мехлис, был опытным исполнителем таких дел) «провел расследование» и приговорил Гейма к смертной казни. Был издан специальный приказ о провинностях командира корпуса и о суровом приговоре. (Через несколько месяцев Гейм был помилован. Приказ о его казни, как считал Гитлер, сыграл свою воспитательную роль.)

Цейтцлер, несмотря на гнев фюрера, предлагал отвести 6-ю армию. Но Гитлер, придя в ярость, кричал:

— Я не уйду с Волги! Войска 6-й армии, окруженные в Сталинграде, впредь именовать войсками крепости Сталинград!

22 ноября Паулюс доложил в штаб группы армий «Б»: «Армия окружена... запасы горючего скоро кончатся, танки и тяжелое оружие в этом случае будут неподвижны. Положение с боеприпасами критическое... Прошу предоставить свободу действий на случай, если не удастся создать круговую оборону. Обстановка может тогда заставить оставить Сталинград и северный участок фронта, чтобы обрушить удары на противника всеми силами на южном участке фронта между Доном и Волгой, и соединиться здесь с 4-й танковой армией. Наступление в западном направлении не обещает успеха в связи со сложными условиями местности и наличием здесь крупных сил противника».

В тот же день Паулюс собрал на совещание командиров корпусов своей армии, и они обсудили создавшуюся обстановку. Все сходились в одном мнении, что пока не

поздно, надо организовывать прорыв из окружения, и именно в юго-западном направлении. На этом совещании был оперативно разработан план организации и проведения этого прорыва. Паулюс доложил план командующему группы «Б» и получил от него одобрение на эту операцию. Таким образом, и командующий группой армий «Б» разделял опасения Паулюса, и точно так же, как и он, оценивал обстановку.

Нужно было только одно — одобрение Гитлера. А он как раз такого одобрения и не дал. Последовал приказ — занять круговую оборону и ожидать помощи частей, которые будут осуществлять деблокирующее наступление.

Но Гитлеру все же пришлось отдать такой приказ уже 24 ноября:

«Войска 6-й армии временно окружены русскими. Я намерен сосредоточить армию в районе Сталинграда (северная окраина). Личный состав армии может быть уверен, что я приму все меры для того, чтобы обеспечить нормальное снабжение армии и своевременно освободить ее из окружения. Я знаю храбрый личный состав 6-й армии и его командующего и уверен, что вы все выполните свой долг. Гитлер».

Вейхс понимал, что Гитлер и ставка далеко, и они не осознают масштабов случившейся катастрофы и тех последствий, которые она может принести. Поэтому в тот же вечер он осмелился послать Гитлеру в ставку следующую телеграмму: «Несмотря на всю тяжесть ответственности, которую я испытываю, принимая это решение, я должен доложить, что считаю необходимым поддержать предложение генерала Паулюса об отводе 6-й армии. Для этого имеются следующие основания...» Далее Вейхс изложил ситуацию и обрисовал безвыходность положения 6-й армии, сделав такой вывод: «Я вполне осознаю, что предлагаемая операция связана с большими жертвами, в особенности техники и имущества. Они, однако, будут

значительно меньшими, чем при голодной блокаде армии в котле, к которой приведут ее в противном случае развивающиеся сейчас события».

Начальник генерального штаба Цейтцлер согласился с убедительными аргументами Вейхса и, хоть и было очень опасно вызвать раздражение Гитлера, все же доложил ему свое мнение и свое согласие с аргументами командующего группой «Б». В этот же вечер Гитлер получил от Паулюса телеграмму — просто крик души — с просьбой разрешить 6-й армии прорываться из котла. Он направил эту телеграмму даже через голову своего непосредственного руководства — управление группы армий: настолько положение было серьезным. Надо было спешить. Но для Гитлера отход из-под Сталинграда означал потерю политического престижа, своего собственного престижа как командующего сухопутными войсками не только в международном плане, но и перед своими же генералами. Он никак не мог согласиться на то, что беда уже произошла, и ответил Паулюсу приказом — Сталинград ни в коем случае не оставлять и держаться до последнего!

В этой критической ситуации Гитлера поддержал его ближайший друг, рейхсмаршал Геринг. Он заявил Гитлеру, что организует снабжение окруженной группировки под Сталинградом по воздуху, создаст воздушный мост и окруженные получают все, что им необходимо. Геринг обещал сосредоточить для этой операции всю транспортную авиацию и доставлять до 500 тонн груза ежедневно.

Фюрер остался очень доволен. Ему было радостно ощутить такую поддержку, и он заявил, что верный друг Геринг энергичен, как в свои лучшие времена, не испытывает никакого малодушия, не то что некоторые представители сухопутных войск.

Цейтцлер же высказал сомнение:

— Даже если будут доставлены 500 тонн груза, этого все равно не хватит для обеспечения окруженной армии.

Кроме того, надо принять во внимание, что погода не всегда будет благоприятствовать проведению операции, а кроме того, и советские самолеты не позволят беспрепятственно осуществлять переброску грузов.

Гитлер обиделся на такое заявление начальника генерального штаба и строго сказал:

— Самолеты будут летать в любую погоду! Наши летчики не раз доказали, что это возможно. Я возмущен таким отношением руководителя генерального штаба — к летчикам!

26 ноября Гитлер с помощью своих ближайших военных советников начал создавать группу армий для проведения наступательной операции по спасению 6-й армии Паулюса. В эту группу вошли 4-я танковая армия и 3-я румынская армия, находившиеся в окружении. Командующим этой группой, которой было присвоено имя «Дон», был назначен фельдмаршал Манштейн. Гитлер очень надеялся, что один из талантливейших его военачальников спасет положение и развяжет критический узел на Волге. В группу армии «Дон», кроме указанных, были включены 6-я армия, также находившаяся в окружении, и остатки 4-й румынской армии. Ей также передавались одна танковая и две-три пехотные дивизии, которые должны были прибыть позже.

На совещании по утверждению плана операции, разработанной Манштейном, начальник генерального штаба Цейтцлер еще раз попросил фюрера представить свободу действий 6-й армии, чтобы она прорывалась навстречу группе Манштейна. Гитлер категорически отверг эту просьбу, возразив, что сил 4-й танковой армии и других частей вполне достаточно для того, чтобы прорваться к окруженным. Фюрер также запретил брать части из группы армии «А», находившиеся на Кавказе, для освобождения армии Паулюса.

Советское командование прекрасно понимало, что гитлеровцы предпримут самые активные меры для спасения

окруженной армии Паулюса и вовремя позаботилось о том, чтобы отодвинуть внешнее кольцо как можно дальше от окруженной 6-й армии. Этот план увенчался успехом. Фронт внешнего кольца был отодвинут на 150—200 километров, и здесь была создана устойчивая оборона. Одновременно советское командование предприняло энергичные меры по уничтожению окруженной группировки. Ситуация там, в окружении, складывалась, скажем прямо, ужасная: голод, холод, отсутствие боеприпасов создавали чувство полной обреченности, и, конечно же, о высокой боеспособности окруженных говорить не приходилось.

Воздушный мост, обещанный Герингом, почти не действовал, и на самолетах, которым удавалось прорваться под Сталинград, поступавшего продовольствия и боеприпасов было крайне мало. При обратных рейсах самолеты использовались для вывоза раненых.

12 декабря Манштейн нанес первый удар танковой группой Гота. Ее продвижение началось таранным ударом на узком участке фронта, но танки не смогли пробиться больше, чем на 50 километров в сторону Сталинграда, где были остановлены контратакующими советскими частями.

Цейтцлер вновь попросил у фюрера разрешение на прорыв 6-й армии изнутри. И опять фюрер упрямо отказал.

Манштейн просил передать ему из группы армий «А» Кавказского направления хотя бы две танковые дивизии. Как будто они могли что-то изменить! Но даже эти дивизии не были ему переданы. Он получил ответ, что дивизии в боях так истрепаны, в них осталось всего 58 танков, и нет никакого смысла их передислоцировать. Да они и там, на Кавказском направлении, еле-еле удерживают оборону на достигнутых позициях.

Кризис назрел и на Кавказском направлении, где находилось ни много ни мало около 700 тысяч человек. И, напомню, в это время как раз проводил частную операцию на Западном направлении маршал Жуков. Началь-

ник генерального штаба Цейтцлер очень испугался этого наступления и оценивал ситуацию следующим образом: «Русское командование теперь приоткрыло свои карты. Оно хотело сначала окружить немецкую 6-ю армию под Сталинградом. Затем оно намеревалось нанести удар в направлении Азовского моря, чтобы уничтожить весь южный фланг немецких войск на востоке».

Вот как Жуков перепугал немецкое командование организацией наступления на Западном направлении!

На основании такой оценки начальник генерального штаба, понимая, что деблокада сталинградской группировки обречена на провал, теперь уже думал, как бы поскорее отвести группировку с Кавказа, всю группу армий «А», пока ее там не захлопнули.

Цейтцлер прямо сказал Гитлеру: «Если вы сейчас не прикажете отвести войска с Кавказа, там возникнет новый Сталинград».

Гитлер наконец понял, что весь его грандиозный план с захватом нефтеносных районов Кавказа, с выходом в Иран и далее, провалился. И теперь уже речь шла не только о его престиже, а о необходимости как-то выпутаться из создавшегося положения. После долгих совещаний со своими ближайшими помощниками — Кейтелем, Йодлем и Цейтцлером, он издает очередной приказ: «Оперативный приказ ставки вермахта № 2 от 28 декабря 1942 г. о дальнейшем ведении боевых действий на южном крыле восточного фронта».

Суть его заключалась в том, что на смену грандиозному плану, согласно которому гитлеровское командование намеревалось осуществить стратегическую операцию с очень далеко идущими целями, — и достигло в осуществлении его немало, подступив к Баку и Сталинграду, — пришли разработанные в пожарном порядке меры, которые фактически означали попытку выпутаться, спастись из той катастрофической ситуации, в которую поставило себя само гитлеровское командование бла-

годаря своим экспросчетам. Здесь я бы еще раз применил обидное слово — авантюризм. В первом пункте нового приказа говорилось: «Как и прежде, моим намерением остается удержать 6-ю армию в ее крепости (в Сталинграде) и создать предпосылки для ее освобождения. (Попутно замечу, что упрямство Гитлера просто-таки поразительно. Уже все убедились и всем ясно, что 6-я армия должна прорываться или погибнуть, а Гитлер все упорствует, не дает разрешения на ее выход.)

«Группе армий «А», сохраняя, и особенно усиливая свой фронт по побережью и в горах, отойти на некоторых участках постепенно, шаг за шагом, на сокращенный рубеж... (далее указываются пункты этого рубежа).

При осуществлении отхода, особенно армии «А», необходимо:

а) сохранять всеми средствами, особенно контратаками — мелкими и крупными — боевой дух войск и их чувство превосходства над противником;

б) нанести противнику максимальный ущерб маневренными действиями, устройством минных заграждений;

в) своевременно вывезти и спасти все имущество, материальные средства и запасы;

г) своевременно эвакуировать всех раненых;

д) полностью разрушить все железнодорожные пути и уничтожить весь находящийся на них подвижной ширококолейный состав;

е) в максимальной степени лишить противника возможности размещения войск путем приведения в негодность построек и уничтожения запасов топлива». И так далее.

В перечисленных пунктах ничего не говорится о боевых действиях, которые могли бы поправить положение. Суть дела — просто отступление, спасение бегством маскируется красивыми фразами и какими-то заботами о своих войсках и о создании неприятностей противнику.

Далее в этом приказе следующий пункт: «Группа ар-

мий «Дон» по-прежнему обязана сделать все, чтобы сохранить предпосылки для освобождения 6-й армии».

Вера Гитлера в полководческие способности Манштейна просто неограниченна. В этом же приказе он, по сути дела, передает под командование Манштейна все силы юго-восточного фронта и создает новую группу армий «Юг». В нее входят группа армий «А» и группа «Дон».

В ставке Гитлера некоторые представители высшего руководства, в частности, Цейтцлер и Йодль, высказывали робкую мысль, что пора бы уже Паулюсу, невзирая на запрещение, ради спасения армии принять самостоятельное решение на прорыв, поскольку гибель армии проступает очевидно. Но никто не решился все-таки дать такой совет.

Сам Паулюс на совещании с командирами корпусов, когда возник такой вопрос о принятии самостоятельного решения на прорыв, тоже взять на себя такую ответственность не решился.

Теперь нам настала пора познакомиться с тем, что же происходило в котле окружения, как действовали немецкие части, обороняясь в этих условиях, и какие решения принимало командование 6-й армии. Надо отдать должное организованности и хорошей выучке немецких частей. В условиях окружения и плохого снабжения командный состав и солдаты показали большую стойкость и выдержку.

17 января Паулюс записал в своем дневнике: «Район окружения уменьшился наполовину. Бои велись пока еще планомерно, несмотря на тяжелое состояние войск. Командные органы были еще дееспособны».

Отдадим должное немецким солдатам, хотя они — наши противники. Самокритично вспомним, что наши части в многочисленных котлах, которые нам устраивали гитлеровцы в первый период войны, не могли должным образом организовать сопротивление, часто командованию в окружении не удавалось твердо взять руководство в свои руки, а если и удавалось, то ненадолго. Командование армий и фронтов,

да и Ставка, не могли организовать снабжение окруженных частей, им почти ни разу не удалось деблокировать окруженные части. А котлы у нас были огромные и оставались в окружении подчас по нескольку армий. Достаточно напомнить котел под Минском и рядом с Москвой (под Вязьмой). В последний угодили пять наших армий!

ОПЕРАЦИЯ «КОЛЬЦО». ЖУКОВ ПОМОГАЕТ СТАЛИНГРАДЦАМ

Сталин учел рекомендации Жукова по уничтожению окруженных под Сталинградом частей противника. 19 декабря он, после окончательного обсуждения, принял решение назначить представителем Ставки для осуществления операции «Кольцо» генерала Воронова, который был артиллеристом. Ведь при уничтожении окруженных главную задачу должны были выполнять артиллерия и авиация. Поэтому и было принято такое решение. В указании Ставки был такой пункт:

«Товарищу Воронову, как представителю Ставки и заместителю товарища Василевского (Василевский руководил всей операцией), поручается представить не позднее 21.12.42 г. в Ставку план прорыва обороны войск противника, окруженных под Сталинградом, и ликвидации их в течение 5-6 дней».

Сроки давались, прямо скажем, «сжатые»: за 5-6 дней уничтожить группировку, которая была полна решимости стоять до конца и ждала выручки — это было нереально.

Верховный спешил, ему хотелось как можно скорее довести дело до победного конца. Он еще раз посоветовался с Жуковым на очередном совещании:

— Руководство по разгрому окруженного противни-

ка нужно передать в руки одного человека. Сейчас действия двух командующих фронтами мешают ходу дела. Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника?

Кто-то предложил Рокоссовского.

— А вы что молчите? — спросил Верховный Жукова.

— На мой взгляд, оба командующих достойны. Еременко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

— Сейчас не время обижаться. Позвоните Еременко и объявите ему решение Государственного Комитета Обороны.

В тот же вечер Жукову пришлось провести этот неприятный разговор с Еременко:

— Андрей Иванович, ГКО решил окончательную ликвидацию сталинградской группировки противника поручить Рокоссовскому, для чего 57-ю, 64-ю и 62-ю армии Сталинградского фронта вам следует передать в состав Донского фронта.

— Чем это вызвано?

Жуков как можно мягче пытался объяснить целесообразность такого объединения усилий, но все же он чувствовал — Еременко так расстроен случившимся назначением, что не может продолжать разговор. И поэтому Жуков сказал:

— Позвони мне минут через пятнадцать.

Такой звонок раздался через некоторое время, и Еременко сказал:

— Товарищ генерал армии, я все же не понимаю, почему отдается предпочтение командованию Донского фронта. Я вас прошу доложить товарищу Сталину мою просьбу оставить меня здесь до конца ликвидации противника.

— Андрей Иванович, я думаю, в таком деле тебе лучше поговорить с Верховным самому.

— Я уже звонил, но Поскребышев сказал, что това-

рищ Сталин распорядился говорить по всем этим вопросам с Жуковым.

Выполняя просьбу Еременко, Жуков позвонил Верховному и передал свой разговор с Андреем Ивановичем. Но Сталин очень сердито ответил:

— Я уже сказал вам один раз, что сейчас не время заниматься обидами. Давайте немедленно директиву о передаче трех армий Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

В штаб Сталинградского фронта к новому командующему Рокоссовскому и прибыл представитель Ставки генерал Воронов для составления плана операции «Кольцо». Такой план был разработан и представлен в Ставку, но не был сразу утвержден: в нем были обнаружены недостатки, и Воронов получил следующее указание:

«Главный недостаток представленного вами плана «Кольцо» заключается в том, что главные и вспомогательные удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает сомнительным успех операции.

По мнению Ставки Верховного Главнокомандования, главной вашей задачей на первом этапе операции должно быть отсечение и уничтожение западной группировки окруженных войск противника (далее указывался район, где находилась эта группировка), а другой удар направить навстречу главному удару и сомкнуть оба удара в районе станции Карповская.

Наряду с этим следовало бы организовать удар 66-й армии через Орловку в направлении поселка Красный Октябрь, а навстречу этому — удар 62-й армии, с тем, чтобы оба удара сомкнуть и отсечь таким образом заводской район от основной группировки противника.

Ставка приказывает на основе изложенного переделать план. Предложенный вами срок начала операции Ставка утверждает: операцию по первому этапу закончить в течение 5-6 дней после ее начала. План операции по второму этапу представьте через Генштаб к 9 января,

учтя при этом первые результаты по первому этапу. Подписи: И.Сталин, Г.Жуков. 28.12.42 года».

В этом документе явно просматривается жуковский стиль: строгость, конкретность, ясность задач и рекомендаций по их осуществлению. Наверное, поэтому и подписей две.

Не знаю по каким причинам, но Воронов явно за что-то обижался на Жукова. Это явственно просматривается в его книге воспоминаний «На службе военной», которая была издана в 1963 году. Обида отчетливо вырисовывается из такого факта: в двух главах, посвященных: одна — самой сталинградской операции, вторая — операции «Кольцо», Воронов ни разу не упоминает имени Жукова. Но зато есть уже знакомые нам слова: «На Сталинградском фронте огромную работу провел член Военного совета фронта Никита Сергеевич Хрущев. Он очень серьезно и вдумчиво отнесся к подготовке планов наступления и многое сделал, чтобы их выполнение было наиболее надежно обеспечено в военном и политическом отношении».

Ситуация тех дней, когда издавалась книга Воронова (после антижуковского пленума 1957 года), явно довлела над автором: Хрущев в те дни был всесильным Первым секретарем.

У Воронова возникла мысль до начала операции «Кольцо» вручить окруженной группировке ультиматум с предложением, чтобы она прекратила бессмысленное сопротивление и сложила оружие. Причем ультиматум этот он намеревался не только вручить командованию, но и напечатать массовым тиражом в виде листовок и разбросать с самолетов, чтобы они попали в руки и рядового состава и чтобы солдаты принимали решение каждый за себя. Было известно: среди окруженных ведется активная работа, чтобы убедить их — помощь придет, фюрер не бросит, и, самое главное, распространялась ложь о том, что все они будут расстреляны, если попадут в плен к красным.

О своем намерении вручить такой ультиматум и просьбу отпечатать листовки Воронов доложил в Ставку.

Необходимые боеприпасы и подкрепления для фронта Рокоссовского запаздывали, и поэтому Воронов доложил в Ставку еще просьбу лично Сталину, чтобы тот разрешил отсрочить начало операции на 6-7 суток. Сталина, видно, очень обозлила эта просьба Воронова, и он, ничего не сказав, кроме «до свидания», повесил трубку. Но Воронов был настойчив и тут же после разговора послал донесение Верховному Главнокомандующему в письменном виде:

«Приступить к выполнению операции «Кольцо» в утвержденный вами срок не представляется возможным из-за опоздания с прибытием к местам выгрузки на 4-5 суток частей усиления, эшелонов с пополнением и транспорта с боеприпасами...

Наш правильно рассчитанный план был нарушен также внеочередным пропуском эшелонов и транспортов для левого крыла товарища Ватутина. Товарищ Рокоссовский просит срок изменить на +4. Все расчеты проверены мною лично.

Все это заставляет просит Вас утвердить начало «Кольца» +4. Прошу Ваших указаний. Воронов».

Как только была получена эта шифровка, тут же вызвали Воронова к телефону. Сталин, не поздоровавшись, стал ругать Воронова:

— Вы там досидитесь, что вас и Рокоссовского немцы в плен возьмут! Вы не соображаете, что можно, а что нельзя! Нам нужно скорее кончать, а вы умышленно затягиваете! И что это значит у вас в телеграмме «+4»?

— Нам нужно еще четыре дня для подготовки. Мы просим начать операцию «Кольцо» не шестого, а десятого января.

Последовал краткий злой ответ:

— Утверждается! — И Сталин бросил трубку.

На следующий день из Ставки сообщили, что пред-

ложение о посылке ультиматума принято, но попросили представить текст. После утверждения текста ультиматума он был отпечатан на немецком и русском языках. Нашли добровольцев для исполнения обязанностей парламентариев, трубача, как это соответствовало положениям Гаагской конвенции 1907 года.

Добровольцев было немало, но решили послать разведчика из разведотдела штаба Донского фронта Александра Михайловича Смыслова. Переводчиком был капитан Николай Дмитриевич Дятленко. Вечером 7 января и рано утром 8 января по радио несколько раз было передано в штаб Паулюса сообщение о посылке парламентариев. Когда парламентарии с белым флагом пошли через нейтральную зону, со стороны противника слышались сначала отдельные выстрелы, потом застрочил пулемет и даже был открыт минометный огонь. Парламентарии вернулись. Воронов доложил в Ставку о случившемся, и оттуда коротко ответили: «Все прекратить». Видимо, давали намек: хватит миндальничать, дайте им жару. Однако через некоторое время позвонили и сказали: «Попытайтесь послать парламентариев с другой стороны, с другого направления».

Опять вечером и утром по радио в направлении противника передали сообщение, что будут посланы парламентарии. На этот раз они благополучно добрались до проволочных заграждений противника, их встретили там немецкие офицеры. Офицеры потребовали им отдать пакет с ультиматумом, но Смыслов сказал, что он уполномочен вручить его только командованию. Тогда офицеры напомнили ему, что по положению конвенции их будут вести с завязанными глазами. Это наши парламентарии предусмотрели и достали приготовленные белые платки и позволили завязать себе глаза.

С командного пункта, куда привели наших посланцев, немцы позвонили по телефону и доложили командующему армией о прибытии русских с ультиматумом. От-

туда ответили, что им содержание ультиматума уже известно по сообщениям русского радио, и разговаривать и принимать этот текст они не намерены.

Парламентерам вновь завязали глаза, вывели за проволочные заграждения и отправили обратно.

На следующее утро 7 тысяч орудий и минометов открыли ураганный огонь по расположениям противника. Это продолжалось 55 минут. После артиллерийской подготовки войска начали наступление. Пять суток продолжалось это наступление, но противник упорно сопротивлялся. Несмотря ни на какие трудности, недостатку продовольствия и боеприпасов, гитлеровцы продолжали обороняться. За пять дней, кроме боевых действий, еще на расположения врага было сброшено более 1,5 миллиона листовок и около 300 раз по радио окруженным объявляли, что в случае прекращения этого бессмысленного сопротивления к ним будут относиться гуманно. Но на той стороне тоже велась большая политическая работа. Вот какой приказ был обнаружен у одного из пленных:

«За последнее время русские неоднократно пытались вступить в переговоры с армией и с подчиненными ей частями. Их цель вполне ясна — путем обещаний в ходе переговоров о сдаче надломить нашу волю к сопротивлению. Мы все знаем, что грозит нам, если армия прекратит сопротивление: большинство из нас ждет верная смерть либо от вражеской пули, либо от голода и страданий в позорном сибирском плену. Но одно точно: кто сдается в плен, тот никогда больше не увидит своих близких. У нас есть только один выход: бороться до последнего патрона, несмотря на усиливающиеся холода и голод.

Поэтому всякие попытки вести переговоры следует отклонять, оставлять без ответа и парламентаров прогонять огнем.

В остальном мы будем и в дальнейшем твердо надеяться на избавление, которое находится уже на пути к нам.

Главнокомандующий Паулос».

На 12-й день операции был взят в плен квартирмейстер 6-й немецкой армии подполковник фон Куновски. На допросе он показал, что к 22 ноября в окружении находилось свыше 250 тысяч человек. К 10 января осталось 215 тысяч. 50 тысяч к этому времени были или ранены, или убиты. Удалось вывезти на самолетах 25 тысяч раненых. Окруженные войска уже голодают, и на день его захвата немцы съели 39 тысяч лошадей из артиллерийской и тыловой служб.

К 16 января кольцо было сильно сжато, и группировка немцев рассечена на несколько небольших котлов. Рокоссовский собрал совещание, чтобы уточнить задачу и договориться, как действовать дальше. Некоторые командиры предлагали остановиться на двое-трое суток, собраться с силами, так как наши части тоже несли потери, да и снабжение боеприпасами и другим необходимым было налажено не лучшим образом. Рокоссовский, обычно спокойный, на этот раз, видимо, помня гнев Сталина по поводу отсрочек, коротко приказал:

— Никаких остановок и пауз! Продолжать наступление! Не давать противнику опомниться! Использовать образовавшиеся бреши, с помощью артиллерии, танков, авиации непременно громить противника. Все, идите, исполняйте!

18 января 1943 года Воронова, уставшего после возвращения с передовых позиций, разбудили и сказали, что по радио было передано о введении нового звания «маршал артиллерии», и что Воронову первому присваивается это высокое звание. Спустя некоторое время позвонили из Москвы, поздравили с присвоением нового звания, да еще и просили подумать: какую форму он предложил бы ввести для маршала артиллерии. Воронов ответил:

— Пусть специалисты подумают. Им должно быть виднее.

А в воспоминаниях по этому поводу Воронов пишет: «Было досадно, вместе с тем и смешно. Досадно потому, что в разгар серьезной операции отвлекали такими пустяками». Конечно же, Воронов под пустяками имел в виду форму, а не то, что ему присвоили высокое звание.

В эти дни, видя уже бессмысленность сопротивления, Паулюс неоднократно запрашивал разрешения на свободу действий. Под свободой действий он имел в виду не капитуляцию, а создание ударных группировок, с помощью которых он попытается вырваться с теми, кто еще способен держаться на ногах и держать в руках оружие. Но ответ был неизменным: Гитлер лично требовал — держаться в крепости (как он теперь назвал Сталинград) до последнего!

Дисциплинированный Паулюс выполнял приказ. Более того, он до последнего часа подтверждал свою преданность фюреру.

20 января в Германии был праздничный день — отмечалось десятилетие прихода Гитлера к власти. Паулюс отправил телеграмму в Ставку:

«По случаю годовщины взятия Вами власти 6-я армия приветствует своего фюрера. Над Сталинградом еще развевается флаг со свастикой. Пусть наша борьба будет нынешним и будущим поколениям примером того, что не следует капитулировать даже в безнадежном положении. Тогда Германия победит.

Хайль, мой фюрер!

Паулюс, генерал-полковник».

Гитлер немедленно ответил:

«Мой генерал-полковник Паулюс!

Уже теперь весь немецкий народ в глубоком волне-

нии смотрит на этот город. Как всегда в мировой истории, и эта жертва будет не напрасной... Только сейчас германская нация начинает осознавать всю тяжесть этой борьбы и то, что она принесет тяжчайшие жертвы.

Мысленно всегда с вами и вашими солдатами,

Ваш Адольф Гитлер».

В те часы, когда начальники обменивались такими высокопарными посланиями, в котле происходила самая настоящая агония. Мне кажется, особенно наглядно свидетельствуют о ней очень печальные, но достоверные документы — выписки из неотправленных писем окруженцев. А не попали эти письма в Германию по цензурно-политическим соображениям: дабы не разлагать, не снижать моральный дух немецкого народа.

«...Я был потрясен, когда взглянул на карту. Мы совсем одни; никакой помощи извне. Гитлер нас бросил. Это письмо дойдет до вас, если аэродром еще в наших руках...»

«...Нам остается только ждать, все остальное не имеет смысла. На родине, конечно, кое-какие господа будут потирать руки и радоваться, что сохранили свои посты. В газетах будут публиковаться напыщенные статьи, окаймленные жирной черной рамкой. Нам будут воздавать честь и хвалу. Но не верь этой проклятой болтовне!»

«Ты — жена немецкого офицера, и ты должна понять все, что я тебе скажу сейчас. Ты должна знать правду. Правду об отчаянной борьбе в безнадежном положении. Грязь, голод, холод, крах, сомнения, отчаяние, смерть... Я не отрицаю и моей собственной вины за все это. Она стоит в пропорции 1 к 70 млн. Пропорция мала, но вина есть. Я не собираюсь укрываться от ответственности и именно поэтому лишь своей собственной жизнью покрою эту вину... Я не трус. Но мне обидно, что самую большую

храбрость я могу проявить лишь в деле, которое абсолютно бессмысленно и даже преступно».

«...Итак, ты знаешь, что я не вернусь. Я потрясен и во всем сомневаюсь. Хотя я знаю лишь долю того, что здесь творится, но и этого хватит, чтобы быть сытым по горло. Меня никто не убедит, что, мол, товарищи умирают со словами «Хайль Гитлер!» или «Германия!». Умирать-то они умирают... я видел, как сотни людей падают и умирают, в том числе такие же парни из «Гитлерюгенд», как я. Но если они еще могли произнести слово, то просили о помощи».

«...Фюрер твердо обещал вызволить нас отсюда. Нам прочитали это, и мы верим. Я верю до сегодняшнего дня — ведь надо во что-нибудь верить!.. Но если все это враки, то Германия пропала и больше ничему нельзя верить. О, эти сомнения, эти проклятые сомнения, неужели они не исчезнут!»

«...Отец — ты полковник, генштабист. Ты знаешь, как обстоят дела, и я не нуждаюсь в сентиментальных объяснениях. Пришел конец. Мы протянем еще дней восемь. Затем крышка... Отец, сталинградская преисподняя должна быть предупреждением для вас всех. Я прошу тебя, не забывай о ней...

А теперь о делах. Во всей дивизии боеспособны лишь 69 человек... Все идет к концу. Рановато для тридцатилетнего офицера. Не буду сентиментальничать. Отец, оберлейтенант имярек докладывает об убытии на веки вечные...»

На следующий день после поздравительной к десятилетию телеграммы, 31 января 1943 года, Гитлер спохватился, как же это он оплошал и сразу же не поощрил такого преданного служаку! И полетела в Сталинград еще одна телеграмма — фюрер присвоил Фридриху Паулюсу высшее звание генерал-фельдмаршала!

С одной стороны, это было сделано для укрепления боевого духа командующего 6-й армией, а с другой — была тайная надежда: «фельдмаршалы в плен не сдаются».

Но замысел фюрера не оправдался — именно в день присвоения этого высокого звания новоиспеченный фельдмаршал сдался в плен.

Когда Гитлер получил сообщение об этом, его едва не хватил инфаркт. Он бился в истерике. Он кричал в иступлении:

— Как он мог сдаться большевикам!.. Какое малодушие!.. Если отказывают нервы, не остается ничего другого, как сказать: «я ничего не мог больше сделать» и застрелиться... Это же так просто сделать... В германской империи в мирное время ежегодно от 18 до 20 тысяч человек предпочитали добровольную смерть, даже не будучи в подобном положении... Теперь он подал такой пример, нельзя ждать, чтобы солдаты продолжали сражаться...

И чтобы солдаты и немецкий народ продолжали сражаться, от них был скрыт факт сдачи фельдмаршала в плен вместе с 95000 его подчиненных. Гибель 6-й армии в газетах и по радио преподносилась так:

«Сражение в Сталинграде закончено. До последнего вздоха верная своей присяге 6-я армия под образцовым командованием генерал-фельдмаршала Паулюса пала перед лицом превосходящих сил врага и неблагоприятных обстоятельств. Под флагом со свастикой, укрепленным на самой высокой руине Сталинграда, свершился последний бой. Генералы, офицеры, унтер-офицеры и рядовые сражались плечом к плечу до последнего патрона».

По всей стране был объявлен траур, приспущены имперские флаги с черными лентами, в кирхах шли заупокойные молебны.

* * *

Так бесславно закончился боевой путь еще одного противника Жукова. Хотя Жуков лично и не встретился с фельдмаршалом и не присутствовал при завершающей

операции «Кольцо». Но Паулюс был его непосредственным оппонентом на протяжении долгого времени, начиная с тех дней, когда Паулюс стал одним из разработчиков плана «Барбаросса», и кончая последним проигранным им Сталинградским сражением, одним из авторов-разработчиков плана которого стал Жуков.

Для того, чтобы у читателей было более полное представление об очередном поверженном сопернике маршала Жукова, приведу любопытные и, на мой взгляд, уникальные подробности пленения Паулюса. Уникальные потому, что все это мне рассказал человек, который сам брал в плен фельдмаршала. Читатели, знакомые с моей книгой «Полководец», наверное, вспомнят одного из храбрейших защитников Севастополя, командира 172-й стрелковой дивизии полковника Ивана Андреевича Ласкина. В дни Сталинградской битвы он был генерал-майором, начальником штаба 64-й армии. Много лет мы с ним дружили, немало узнал я от него подробностей о героических делах севастопольцев. Последние годы генерал-лейтенант Ласкин жил в Минске, где я его не раз навещал. Теперь, к сожалению, Ивана Андреевича уже нет в живых.

Однажды, во время беседы за «рюмкой чая» Иван Андреевич пошутил:

— Вот ты, Владимир Васильевич, взял немало языков. А я тоже однажды взял языка.

— Вы в первые дни войны уже полком командовали. Что-то я не слышал, чтобы полковники за языками лазили, — ответил я.

— И все же такое было. Кстати, я уже был не полковником, а даже генералом, когда брал этого языка.

— Ну это уже совсем фантастика! — не поверил я.

— Нет, самая настоящая реальность. К тому же языка я взял хоть и единственного, но зато какого — фельдмаршала!

Любопытство мое было раззадорено до предела, и я, конечно же, попросил Ивана Андреевича рассказать об

этом подробнее. И теперь еще раз радуюсь, что у нас состоялся тогда этот разговор и я имею действительно уникальную возможность передать читателям рассказ не только очевидца и участника, а непосредственного исполнителя такого уникального в ходе войны события, как пленение фельдмаршала. Вот что поведал Иван Андреевич:

— Первым, кто обнаружил Паулюса, был старший лейтенант Ильченко, разведчик 38-й мотострелковой бригады, входившей в состав нашей 64-й армии. Он вошел в подвал универсама, где располагался штаб Паулюса. Немцы уже не сопротивлялись. Паулюс не стал говорить с младшим офицером и сказал, что будет вести переговоры с представителем советского командования более высокого ранга. Ильченко доложил об этом командиру бригады генералу Бурмакову. Тот со своими заместителями прибыл в расположение штаба 6-й армии. Но Паулюс и с ними не стал говорить о капитуляции и просил передать его просьбу, чтобы его, как фельдмаршала, пленил и сопровождал один из генералов Рокоссовского.

Вот после таких предварительных встреч настал мой черед. Я прибыл в тот подвал под бывшим универсамом. Первый, с кем я говорил, был генерал-лейтенант Шмидт — начальник штаба 6-й армии. Я назвал свою фамилию, должность, звание и сообщил, что являюсь ответственным представителем генерал-полковника Рокоссовского и уполномочен вести переговоры о капитуляции 6-й армии. Шмидт ответил, что моя фамилия им хорошо известна и потому они могут приступить к переговорам незамедлительно. Прежде всего, я потребовал от присутствующих немецких офицеров немедленно сложить оружие и прекратить все разговоры по телефонам. Шмидт сообщил, что оружие большинство офицеров уже сдали, и тут же распорядился о прекращении телефонных разговоров.

Спрашиваю: «Где находится генерал-полковник Паулюс?» Шмидт меня поправляет: «Главкомандующий

получил звание генерал-фельдмаршала, он находится в другой комнате».

Я говорю Шмидту — пригласите его сюда. Вместе со Шмидтом направляется офицер, чтобы взять Паулюса под охрану. Вскоре Шмидт возвращается и говорит, что фельдмаршал просит предоставить двадцать минут, чтобы привести себя в порядок.

Удостоверившись, что Паулюс находится в своей комнате и вход в нее охраняется нашими войсками, я удовлетворил просьбу фельдмаршала. Затем предъявляю генералу Шмидту следующие требования:

- всем войскам, окруженным под Сталинградом, немедленно прекратить сопротивление;

- организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение и всю боевую технику;

- немедленно передать нам все оперативные документы, особенно документы главного командования;

- прекратить все радиопереговоры.

Все эти предварительные условия капитуляции немецким командованием были приняты.

Генерал Шмидт отдал необходимые распоряжения и, подойдя ко мне, сказал:

- Паулюс будет давать показания военного порядка только генерал-полковнику Рокоссовскому.

Я ему ответил:

- Хорошо. Тогда вы доложите содержание последних распоряжений Гитлера для 6-й армии и группы фельдмаршала Манштейна.

Шмидт сообщил:

- 6-й армии было приказано держаться в окружении до конца. О существовании же приказов Гитлера войскам, действующим на внешнем фронте, я не знаю.

Истекли двадцать минут, предоставленные Паулюсу, но он не появился.

Я сказал Шмидту:

- Время, которое просил фельдмаршал, прошло.

Шмидт пошел в смежную комнату. Возвратившись, сказал:

— Господин фельдмаршал просит дать ему еще двадцать минут.

Это было слишком. Я даже подумал: не намеревается ли Паулюс покончить с собой, но никак не может решиться. Чтобы этого не произошло, твердо сказал:

— Хватит. Мы его просьбу один раз выполнили.

После этого я, Бурмаков, Лукин, Мутовин, Винокур и другие направились в комнату Паулюса, где застали его одетым, в генеральской шинели. Он прохаживался взад и вперед.

Я потребовал от Паулюса дать распоряжение войскам северной группы, еще продолжавшей сопротивление, о прекращении огня.

— Моя армия рассечена на две изолированные группы, и штаб армии не имеет связи с северной группой. Ввиду этого вопросы капитуляции каждой группы должны решать их командующие, а по штабу армии — генерал-лейтенант Шмидт.

Я спросил о последних распоряжениях Гитлера.

Паулюс ответил:

— Неоднократно повторялось требование продолжать сопротивление и надеяться на подход к Сталинграду группировки Манштейна.

Затем он обратился с просьбой о том, чтобы всех пленных генералов и офицеров разместить отдельно от солдат и оставить им форму и холодное оружие. Я заявил, что эти вопросы будут решены позднее.

Выйдя из подвала, мы увидели во дворе уже не охрану Паулюса, а наших красноармейцев, которые обезоруживали гитлеровцев.

Я предложил Паулюсу сесть со мной в первую машину. Но, так как все вокруг универсама было заминировано, я отправил в целях предосторожности сначала вторую машину полковника Лукина, в которой находились

генерал Шмидт и полковник Адам. Как только мы выехали на дорогу, идущую в Бекетовку, моя машина, в которой сидел Паулюс, пошла первой.

Наблюдая из окна автомобиля за двигавшимися по дорогам колоннами пленных солдат, имевшими ужасный вид, Паулюс очень нервничал, лицо его покраснело и подергивалось. Я спросил его, не болен ли он?

— Нет, это результат долгого мучительного переживания позорной капитуляции моей армии, — ответил Паулюс.

Вот так я взял и привез своего «языка» к командующему 64-й армией генерал-лейтенанту Шумилову. Все трое: Паулюс, Шмидт и Адам, как только вошли к Шумилову, вскинули руки в фашистском приветствии и гаркнули: «Хайль Гитлер!» Но Шумилов их тут же укоротил:

— Вы находитесь в плену. С Гитлером для вас все кончено. Извольте приветствовать командование пленившей вас 64-й армии, как положено военным — отдаванием чести!

Командарм учинил пленным допрос, но потом, понимая, что они в окружении оголодали, покормил их обильным, сытным обедом.

— Иван Андреевич, а что вы ощущали, когда брали в плен Паулюса, — спросил я.

— Что ощущал? Радовался, конечно. Не каждый день я брал фельдмаршалов в плен. Но внешне этого не показывал. Держался строго, официально.

— Насколько мне известно, Жуков сам не допрашивал и при допросе Паулюса не присутствовал.

Ласкин усмехнулся:

— Жуков занимался теми гитлеровскими генералами, которые командовали войсками. Которых надо было бить. Пленные его уже не интересовали.

Паулюса допрашивал еще и Рокоссовский, об этом он написал в своей книге «Солдатский долг» всего несколько строк:

«В помещении, куда был введен Паулюс, находились мы с Вороновым и переводчик. Комната освещалась электрическим светом, мы сидели за небольшим столом и, нужно сказать, с интересом ждали этой встречи. Наконец открылась дверь, вошедший дежурный офицер доложил нам о прибытии военнопленного фельдмаршала и тут же, посторонившись, пропустил его в комнату.

Мы увидели высокого, худошавого и довольно стройного в полевой форме генерала, остановившегося навзничь перед нами. Пригласили его сесть к столу. На столе у нас были сигареты и папиросы. Я предложил их фельдмаршалу, закурил и сам. Пригласили выпить стакан горячего чая. Он охотно согласился.

Наша беседа не носила характера допроса. Это был разговор на текущие темы, главным образом, о положении военнопленных солдат и офицеров. В самом начале фельдмаршал высказал надежду, что мы не заставим его отвечать на вопросы, которые вели бы к нарушению им присяги, мы обещали таких вопросов не касаться.

Инициативу в разговоре взял на себя Воронов. Он был старше Рокоссовского по званию — маршал артиллерии, да и по должности — представитель Ставки Верховного Главнокомандующего. Воронов в своих мемуарах подробно излагает эту беседу-допрос:

— Вам предлагается немедленно отдать приказ подчиненным вам войскам, находившимся в северной группе, о прекращении бесцельного сопротивления.

Паулюс уклонился от этого, сославшись на то, что он, как военнопленный, не имеет права давать такое распоряжение.

«Это было бы недостойно солдата, воскликнул Паулюс, едва выслушав перевод», — вспоминает переводивший эту беседу Н.Д.Дятленко.

— Можно ли говорить о спасении жизни подчиненных, как о поступке, недостойном солдата, если сам командующий сдался в плен?

— Я не сдался. Меня захватили врасплох, — оправдывался Паулюс.

— Нам известны детали вашего пленения, — сухо заметил Воронов. — Но сейчас мы об этом не будем говорить. Речь идет о гуманном акте с вашей стороны. Мы располагаем достаточными силами и возможностями, чтобы за один-два дня, а может быть, и за несколько часов разгромить части вашей армии, которые до сих пор оказывают сопротивление. Их усилия напрасны — они могут привести лишь к гибели тысяч ваших солдат и офицеров. Ваша обязанность, как командующего армией, спасти им жизнь.

— Если бы я даже подписал такой приказ, они бы ему не подчинились, — сопротивлялся Паулюс. — Уже потому, что я нахожусь в плену, я автоматически перестал быть командующим.

— Но вы еще несколько часов назад эти функции выполняли, — возразил Воронов.

— Со времени расчленения моей армии на отдельные группы я только формально считался командующим всей армией, — продолжал Паулюс. — Основные приказы поступали от фюрера, а каждой группировкой командовал один из генералов...

— И все же нельзя сбросить со счета ваш личный авторитет, если речь идет о спасении многих тысяч людей, — настаивал Воронов.

— Однако они не подчинились бы мне... Обязанность воина...

— Обязанность обязанностью, но бывают различные обстоятельства, — перебил его Воронов. — Вот вы же

сейчас находитесь в полной безопасности, неужели человеческая совесть не подсказывает вам, что ваша обязанность перед теми, кто оказался в окружении, перед их родными и близкими состоит в том, чтобы избежать бессмысленной гибели многих людей, которые долгое время были вам подчинены?

Паулюс уже не находил новых аргументов, чтобы возражать. То он говорил, что, вероятно, уже назначен новый командующий, и его, Паулюса, подпись будет недействительна, то утверждал, что войска 6-й армии не поверят в подлинность его подписи.

— В таком случае, господин генерал-фельдмаршал, — заявил Воронов, — я вынужден вам сказать, что, отказываясь подписать приказ о капитуляции, вы берете на себя тяжелую ответственность перед немецким народом и будущим Германии за жизнь многих тысяч ваших подчиненных и соратников.

Паулюс молчал. Нервный тик, не дававший ему покоя, мешал сосредоточиться. Воронов, понимая состояние Паулюса, сменил тему разговора.

— Какой режим питания установить вам? — спросил он Паулюса.

Лицо пленного выразило крайнее удивление. Он ответил, что ему ничего особенного не надо, но он просит хорошо относиться к раненым и больным немецким солдатам и офицерам.

Воронов сказал:

— Советская Армия гуманно относится к пленным. Но советские медицинские работники встретились с большими трудностями, ибо немецкий медицинский персонал бросил на произвол судьбы немецкие госпитали.

На этом первая встреча советского командования с пленным Паулюсом закончилась.

Следующая беседа состоялась вечером 2 февраля. Паулюсу сообщили об окончании операции и разгроме со-

ветскими войсками его армии, а также других немецких и румынских частей, находившихся в окружении.

— Как это вы, хорошо теоретически подготовленный и опытный генерал, допустили такую ошибку и позволили загнать вверенные вам крупные соединения в мешок? — спросил К.К.Рокоссовский.

— Для меня ноябрьское наступление русских было полной неожиданностью, — ответил Паулюс.

— Как? — удивился Воронов. — Вы относительно узким фронтом прорвались к Волге и рассчитывали спокойно отсидеться всю зиму на достигнутых рубежах? Вы что же, не ожидали зимнего наступления Советской Армии?

— Нет, по опыту первой военной зимы я знал, что наступление возможно, но операций таких масштабов я не ожидал...

— Какое влияние, на ваш взгляд, может оказать Сталинградская битва на весь ход войны?

Пленный фельдмаршал ответил, что давно не имел оперативных сводок с других участков фронта и поэтому не может судить о положении в целом. Тогда Воронов приказал показать Паулюсу карту обстановки на всех фронтах на 2 февраля 1943 года. Фельдмаршал рассматривал ее недоверчиво и иронически улыбался, давая понять, что не верит карте. Ему объяснили, что карта эта не изготовлена специально для Паулюса, а ведется для ориентировки представителей Ставки Верховного Главнокомандования.

— Ну, и как вы считаете? — спросил его после этого Воронов.

— Знаете, — сказал Паулюс, — солдатское счастье изменчиво...

После нескольких вопросов, касающихся значения Сталинградской битвы, Паулюс признал, что операцию Красной Армии по окружению и уничтожению его армии можно отнести к разряду классических операций.

— Но и мою оборону в окружении, длившуюся столь

долгое время и в таких неблагоприятных условиях — при недостатке боеприпасов, топлива, продовольствия и зимнего обмундирования, — тоже можно отнести к разряду классических операций, — добавил он.

Это заявление встретило сдержанные усмешки советских военачальников.

Воронов так резюмировал встречи с Паулюсом:

«Неприятное впечатление произвел на нас этот растерянный человек, отвыкший мыслить самостоятельно».

Не могу согласиться с этим заключением маршала Воронова. На мой взгляд, Паулюс мыслил весьма самостоятельно. Он давал показания, имея в виду, что ему когда-то придется отвечать за эти ответы, возможно, перед фюрером. Не надо забывать, что только начался 1943 год, фельдмаршал не считал войну проигранной, Сталинград ему казался хотя и крупным поражением, но все же немецкие войска были недалеко от Волги, восточнее Москвы. Немецкая армия еще могла (он верил в это) поправить положение на восточном фронте, а он — Паулюс — мог предстать перед гневными очами фюрера.

Судьба Паулюса, надеюсь, читателям известна. Со временем он полностью избавился от нацистских политических взглядов, стал участником антифашистского движения «Свободная Германия». Он радовался успехам Германской Демократической Республики.

Вот такая удивительная «перековка» произошла с тем, кого маршал Жуков начал перевоспитывать силой оружия. А метаморфоза действительно потрясающая — один из авторов плана «Барбаросса», возвращаясь из плена на родину 24 октября 1953 года, написал благодарность Советскому правительству, которая завершалась такими словами:

«Прежде, чем я покину Советский Союз, я хотел бы сказать советским людям, что некогда я пришел в их страну

в слепом послушании как враг, теперь же я покидаю эту страну как ее друг».

Паулюс скончался 1 февраля 1957 года, будучи гражданином ГДР.

НА ТОЙ СТОРОНЕ. В «ВОЛЧЬЕМ ЛОГОВЕ»

Читателям, наверное, будет интересно узнать некоторые бытовые детали из жизни главного противника маршала Жукова.

В 1951 году в Германии была опубликована книга «Застольные разговоры Гитлера в ставке 1941—1942». Записал, сохранил, издал эти беседы доктор Генри Пикер. Книга объемистая, почти пятьсот страниц.

Глубоко разобрался в содержании книги И.М.Фрадкин, который написал предисловие к русскому изданию 1993 года. Я пересказываю некоторые его суждения и, чтобы не быть субъективно-недоброжелательным к тому, что говорил Гитлер, приведу цитаты из книг немецких авторов.

В марте 1942 года молодой юрист из правоверной нацистской семьи Генри Пикер ждал назначения. Чья-то заботливая рука в военном комиссариате направила его для прохождения службы в ставку верховного главнокомандующего Адольфа Гитлера.

Ставка главноверха, носившая тогда кодовое название «Вольфсшанце» («Волчье логово»), как я писал о ней в первой книге, с июня 1941 года находилась в Восточной Пруссии, близ города Растенбург. С июля 1942 года ставка была временно перенесена на Украину, под Винницу, и называлась «Вервольф» («Волк-оборотень»).

Генри Пикер, оказавшийся, благодаря счастливому

повороту судьбы, в непосредственной близости к Гитлеру, еще в самолете на пути в ставку решил использовать идущую ему навстречу возможность повседневного наблюдения за жизнью и деятельностью фюрера для того, чтобы оставить истории и потомкам свои свидетельства о его трудах и днях. По прибытии в ставку Пикер встретился с благоприятствующими его замыслу обстоятельствами.

Гитлер пригласил Пикера быть своим постоянным застольным гостем во время обеденных и вечерних трапез, которые он неизменно проводил в обществе своих ближайших сотрудников и подчиненных. Помимо постоянных обитателей ставки, участниками этих так называемых частных трапез фюрера нередко бывали Геринг, Геббельс, Гимлер, Лей, Розенберг, гауляйтеры, министры. Возможность присутствовать и вести записи на этих застольях была для Пикера неоценимой привилегией.

Привлекательность этих трапез заключалась в том, что они мало походили на обычные обеды и ужины. Меню их не отличалось особым разнообразием: Гитлер был вегетарианцем. Правда, один день в неделю он допускал для своих гостей мясные или рыбные блюда, но при этом сопровождал еду саркастическими рассуждениями о «трупоедах», которые пьют «трупный чай» (так он называл мясной бульон).

Но главным украшением «частных трапез фюрера» было все же не меню, а «конферанс» хозяина. Мемуаристы из числа близких к Гитлеру людей — Альберт Шпелер, Отто Дитрих и другие — единодушно и не сговариваясь отмечают присущую ему почти патологическую и неотъемлемую черту: «речевой эгоизм». «Гитлер был неистовым в речах: говорение было стихией его существования». Его приверженность к коллективным застольям была выражением его неутолимой жажды к принудительным проповедям. Обеды в ставке продолжались, как правило, до полутора часов, а ужины обычно затягивались на два

часа и более, но из-за стола гости фюрера вставали не всегда сытыми, с головой, опухшей от речей хозяина.

Впрочем, не все сотрапезники Гитлера чувствовали себя его «подневольными слушателями». Некоторые, слепо преданные фюреру, были неспособны критически воспринимать его многословие. Генри Пикер не только преклонялся перед мудростью шефа, но и ценил его монологи как уникальный материал для своей будущей книги.

Пикер сохранил свои записи и стенограммы своего предшественника Гейма и в 1951 году опубликовал их. Это было сенсацией! Высказывались даже сомнения в подлинности содержания этих бесед.

Однако факты говорили о том, что записи — подлинные. Смысловую точность записей и их полное соответствие неоднократно слышанному ими из уст Гитлера нотариально засвидетельствовали завсегда и частных трапез фюрера, в том числе его бывший адъютант от сухопутных войск генерал-лейтенант Герхард Энгель, бывший адъютант от военно-морского флота контр-адмирал Карл-Еско фон Футткамер и прочие лица из близкого окружения Гитлера.

Свидетель-очевидец и участник бесед Альберт Шпер писал о «Застольных разговорах»: «Оценивая этот текст, следует иметь в виду, что здесь представлены те фрагменты гитлеровских монологов, которые Пикер отобрал, как достойные наибольшего внимания из ежедневных часовых—двухчасовых рассуждений. Полные протоколы только бы усугубили впечатление невыносимой скуки».

Бесспорно, во всяком случае, другое: стенограммы Гейма и протокольные записи Пикера аутентичны, Гитлер в них предстает таким, каким он действительно был, без маски, и его не спасает в глазах цивилизованного читателя даже то обстоятельство, что отбор фрагментов для издания был произведен шадящей рукой человека, не сумевшего освободиться от поклонения идолу своих молодых лет.

«Застольные разговоры» поначалу ошеломляют простодушного читателя. По первому впечатлению они поражают своей энциклопедичностью, универсальностью, всеобъемлющим охватом тем и знаниями. С безапелляционной уверенностью Гитлер проповедует свои идеи о религии и науке и о завтрашнем дне, о ренессансе и барокко и об энергоносителях будущего, об оперных и симфонических дирижерах и о конституции средневековой Венецианской республики, о всемирно-исторической пагубности христианства, о гениальности Сталина и о крапиве, которой следует засеивать плодородные почвы Украины, ибо крапива является превосходным сырьем (куда лучше, нежели хлопок) для текстильной и бумажной промышленности, и многом, многом другом.

Профессор Геттингенского университета Перси Эрнст Шрамм, осуществивший второе издание «Застольных разговоров» и снабдивший его научным аппаратом, считает, что более точным и отвечающим содержанию этой книги было бы другое ее название — «Монологи наглеца». Профессор Шрамм — серьезный ученый-историк, сдержанный в оценках, стремящийся к объективности, и поэтому неожиданная резкость предложенной им формулировки, во всяком случае, обязывает отнестись к ней со вниманием. И действительно, при вдумчивом, критическом чтении «Застольных разговоров» обнаруживается, что произносящий свои монологи «эрудит» нередко действует как аферист, его речи сплошь недостоверны, цифры и статистические данные почти всегда взяты с потолка, исторические версии искажены или вымышлены.

Гитлер понимал — перед ним сидят его подчиненные, слепо верящие ему, поэтому он ораторствовал свободно, беззастенчиво, порой сочинял и, как говорится, высасывал из пальца ради того, чтобы произвести эффект на слушателей.

Проверить, опровергнуть высказывания Гитлера не-

возможно, для этого надо написать еще три таких книги, как его «беседы».

В дни, когда Жуков день и ночь находился в войсках, организовывал и проводил операции, о которых я рассказал выше, его «оппонент», не только фюрер, но и главнокомандующий сухопутными силами, упоенный победами, одержанными в первый период войны, философствовал после «трудового дня» в кругу приближенных.

Приведу несколько выдержек из монологов Гитлера того времени, записи Генри Пикера.

«13.12.1941, полдень

«Волчье логово»

Война идет к концу. Последняя великая задача нашей эпохи заключается в том, чтобы решить проблему церкви. Только тогда германская нация может быть совершенно спокойна за свое будущее.

Догматы веры меня совершенно не интересуют, но я не потерплю, чтобы поп вмешивался в земные дела. Сделав государство полным хозяином, мы положим конец организованной лжи. В юности я признавал лишь одно средство: динамит. Лишь позднее я понял: в этом деле нельзя ломать через колено. Нужно подождать, пока церковь сгниет до конца, подобно зараженному гангреной органу. Нужно довести до того, что с амвона будут вещать сплошь дураки, а слушать их будут одни старухи. Здоровая, крепкая молодежь уйдет к нам.

Я ничего не имею против целиком государственной церкви, как у англичан. Но мир просто не может так долго держаться на лжи. Только в VII, VIII и IX веках князья, которые были заодно с попами, навязывали нашим народам христианство. Раньше они жили без этой религии. У меня шесть дивизий СС, ни один из этих солдат не ходит в церковь, и тем не менее они со спокойной душой идут на смерть.

Христос был арийцем. Но Павел использовал его уче-

ние для того, чтобы мобилизовать преступные элементы и заложить фундамент предбольшевизма. С его победой античный мир утратил красоту и ясность. Что это за бог, которому нравится, как люди перед его ликом умерщвляют свою плоть?

Простой, убедительный пример: господь создает условия для грехопадения. Осуществив с помощью дьявола свой план, он затем прибегает к услугам девы Марии с целью произвести на свет человека, который смертью своей искупает грехи всего человечества.

Дикарь поклоняется хотя бы силам природы. Христианство же стремится заставить уверовать нас в «чудо преображения», ничего более нелепого человеческий мозг в своем безумии и выдумать не мог. Да негр с его фетишем в тысячу раз выше того, кто верит в чудесное преображение. Подчас теряешь всякое уважение к человечеству. Не к массе: ее ничему другому никогда и не учили. Но когда министры — члены партии и генералы убеждены, что нам не победить без благословения церкви!

Наша религиозность — это вообще наш позор.

Чтобы уличить Гитлера в лицемерии, не требуется пространных опровержений — каждый фронтовик, сражавшийся с гитлеровцами, знает: на пряжке солдатского ремня было выбито: «Yotimit uns» — «Бог с нами». Вот так, с одной стороны, фюрер благословляет своих воинов, а с другой — цинично охаивает религию.

«Ночь с 25 на 26.01.1942

«Волчье логово»

Счастье некоторых государственных деятелей, что они не были женаты: иначе произошла бы катастрофа.

В одном жена никогда не поймет мужа: когда в браке он не сможет уделять ей столько времени, сколько она требует. Пока речь идет о чужих мужьях, они все говорят: я не понимаю их жен, я не буду такой. Но по отношению к собственным мужьям все женщины ведут себя одина-

ково неразумно. Нужно понять: жена, которая любит своего мужа, живет только его жизнью; лишь когда появляются дети, она осознает, что у нее в жизни есть кое-что; она требует от мужа, чтобы он вел себя точно так же. Но мужчина — раб своих мыслей. Долг и обязанности властвуют над ним, и бывают моменты, когда он действительно вынужден сказать: какое мне дело до жены, какое мне дело до ребенка!

«Тебя нет со мной!» — жалуется жена, когда муж неожиданно весь оказывается во власти своих мыслей.

Поэтому лучше не жениться. Гораздо разумнее иметь возлюбленную. Никаких тягот, и все воспринимается как подарок. Разумеется, это относится только к великим людям.

Не думаю, что такой человек, как я, когда-нибудь женится...

...Я люблю животных, особенно собак. Но боксер, к примеру, не вызывает у меня симпатий. Если я вообще когда-нибудь заведу еще одну собаку, то только овчарку. Лучше всего суку. Я бы изменил сам себе, если бы завел собаку другой породы. Что за чудо: злобная, предана хозяину, смелая и красивая. Собака — поводырь, как же это трогательно. На других собак она вообще внимания не обращает; только если встретит суку, у которой течка, вот тут уж ничего не поделаешь. Она любит человека больше, чем себе подобных. Стремглав несется к своей подруге, но тут же возвращается, чувствуя угрызения совести.

Зимой 1921/22 года мне подарили овчарку. Но она очень тосковала по прежнему хозяину и так и не смогла прижиться у меня. И я решил ее отдать. Но новый хозяин с ней и ста шагов не прошел. Она вырвалась, бросилась ко мне и положила лапы на плечи. Пришлось ее оставить.

Я недавно держал в руках сочинение, посвященное возникновению человеческих рас. Раньше я много размышлял об этом, и должен признаться, что если повни-

мательнее приглядеться к древним преданиям, сказкам и сагам, которые есть у всех народов, то приходишь к очень странным выводам.

Просто удивительно, насколько мал отрезок времени, который может обозреть человек. Древнейшие памятники письменности появились 3-4 тысячи лет тому назад. Слово «сага» происходит от «заген». Саги не дошли бы до нас, если бы их слагатели не были близки нам по духу. Откуда у нас право считать, что первобытный человек был совершенно не похож на нынешнего? Природа учит нас, что растительный и животный мир изменяется и развивается. Но во внутривидовом развитии нет нигде даже намека на тот грандиозный скачок, который якобы сделал человек в процессе эволюции от обезьяны к своему теперешнему состоянию.

7.02.1942, вечер

«Волчье логово»

Численность народа увеличивается очень быстро до тех пор, пока еще хватает земли и для второго сына, и для третьего, и для четвертого. Крестьянин заинтересован в том, чтобы постоянно иметь приток рабочей силы. До тех пор, пока дети не выросли, он предпочитает использовать их. Позднее они ему тоже не в тягость, когда отселяются. Но все изменяется с того момента, когда он вынужден всю жизнь содержать своих детей; тогда их число сразу же уменьшается! Восток окончательно обеспечит германскому народу свободу миграции.

Вся американская техника создана людьми швабско-германского происхождения.

8.02.1942, полдень

«Волчье логово»

Наша судебная система недостаточно гибка. Она не понимает нынешней опасности, которая заключается в том, что преступность ищет нечто вроде лазейки, чтобы

вторгнуться в общество в тот момент, когда сочтет, что пришло ее время.

До сих пор за бесчисленные кражи со взломом приговаривают к каторжным работам, хотя речь идет о лицах, неоднократно судимых за тяжкие преступления.

Во время мировой войны дезертира карали заключением в крепость и разжалованием в рядовые. Но какие испытания выпадали на долю настоящего солдата!

Если кто-то в тылу занимался махинациями, он всегда выкручивался. Даже если его по суду и не оправдывали, он чудно жил в тюрьме. Тем, кого обокрали, приходилось трудиться не покладая рук, чтобы хоть как-то возместить убытки. А тот субъект мог в укромном месте спрятать свою добычу.

В каждом полку был такой паразит. И как же его наказывали? Тремя-четырьмя годами тюрьмы! Фронтовики это возмущало.

Если представишь себе, как легко в окопах погибал человек! А здесь жулик кормится за счет народного сообщества! Вот такое несоответствие!

После 10 лет каторжной тюрьмы человек так и так потерян для народного сообщества. Кто ему даст работу? Такого субъекта нужно или посадить в концлагерь, или просто убить. В настоящее время важнее именно последнее, для устрашения...

19.02.1942, ночь

«Волчье логово»

Стоит нам прийти в колонию, как мы уже открываем для туземцев детские сады и больницы. Это меня просто бесит! Любая белая женщина превращается в служанку черной; а тут еще попы с их ангельскими проповедями. В результате всей этой опеки немцы теряют всякий авторитет. И что хуже всего — туземцы считают, что их притесняют. Понять доброе отношение — это им не дано. В благодарность за все нас счи-

тают педантами, которым доставляет удовольствие ходить с полицейской дубинкой.

Русские живут недолго, 50—60 лет. Почему мы должны им делать прививки? Действительно, нужно применять силу в отношении наших юристов и врачей: запретить им делать туземцам прививки и заставлять их мыться. Зато дать им шнапсу и табаку сколько пожелают...

...Нам очень не хватает театральных зданий. Начиная с семидесятых годов строили много, но театрам — в отношении к количеству жителей — явно уделяли недостаточное внимание.

Сто лет назад в Мюнхене были Столичный, Национальный и расположенный у Изарских ворот Народный театры: общее количество зрительских мест составляло 3500 при 50000 жителей. Ныне на почти 900000 жителей приходится лишь 5000 зрительских мест. Поэтому моя программа строительства театров в Линце вовсе не чрезмерная. В Берлине сейчас 3 оперных театра, но зато 4 миллиона жителей. В Дрездене на 600000 человек приходится 1 оперный театр. В Берлине нужно иметь по меньшей мере 4-5 оперных театров. Если их разумно разместить, они все будут переполнены. Оперетта, опера и драма должны быть представлены первоклассными театрами с высокими ценами...»

Обратите внимание на даты. Эти разговоры велись в дни, когда немецкие дивизии бежали от Москвы под натиском армий, руководимых Жуковым. Гитлеровские солдаты гибли тысячами, кормили вшей, замерзали, не обеспеченные зимним обмундированием, потому что фюрер в своих разглагольствованиях убедил всех, что одержит победу до наступления зимы.

И вот теперь опять болтает о вере, расах, женщинах, собаках, а сам ни разу не побывал на передовой, не ознакомился с тем, как обеспечены его «завоеватели»!

Прежде чем подвести итог беседам, приведу еще один отрывок, весьма принципиальный.

«11.02.1942 г., полдень,

«Волчье логово»

Феномен античности — гибель античного мира — объясняется мобилизацией черни под знаменами христианства, причем это учение имело тогда такое же отношение к религии, как нынешний марксистский социализм к решению социального вопроса.

Иудеохристианство не поняло античности: та стремилась к простоте и ясности, была свобода научных исследований. Представления о богах основывались на обычаях предков, но не носили строго догматического характера. Мы даже не знаем, существовали ли тогда четкие представления о жизни после смерти. Скорее, речь шла о том, что материя не исчезает бесследно: живые существа олицетворяют собой вечную жизнь. Такие же мысли можно встретить у японцев и китайцев в те времена, когда у них появилась свастика.

К нам же пришел еврей. Он принес эту скотскую идею о том, что жизнь продолжается в потустороннем мире: можно губить человеческие жизни, все равно на том свете их ждет лучшая участь, хотя на самом деле человек прекращает свое существование, как только теряет свое тело. Под видом религии еврей внес нетерпимость туда, где именно терпимость считалась подлинной религией: чудо человеческого разума, уверенное, независимое поведение, с одной стороны, смиренное осознание ограниченности всех человеческих возможностей и знаний — с другой. Это они построили алтари неведомому богу. Тот же самый еврей, который некогда тайком протащил христианство в античный мир и погубил это чудо, он же вновь нашел слабое место: большую совесть современного мира. Он сменил имя, тогда из Савла стал Павлом, теперь из Мордухая — Марком. Он протиснулся сквозь щель в социальной структуре, чтобы несколькими революциями потрясти мир.

Мир наступит лишь тогда, когда воцарится естественный порядок. Он предусматривает, что нациями, которые столь тесно связаны между собой, руководят са-

мые способные. Подчиненный получает при этом гораздо больше того, чего он мог бы добиться собственными силами. Еврейство разрушило этот миропорядок. Подлость, низость и глупость помогли ему одержать победу. 1400 лет потребовалось христианству, чтобы дойти до предела падения. Поэтому мы не имеем права говорить, что большевизм уже побежден. Чем решительнее будет расправа с евреями, тем быстрее будет устранена эта опасность. Еврей — это катализатор, воспламеняющий горючие вещества. Народ, среди которого нет евреев, непременно вернется к естественному миропорядку. В 1925 году я писал в «Майн кампф» и в другой неопубликованной работе, что мировое еврейство видит в лице Японии врага, который ему не под силу. У японцев настолько крепкое природное и расовое сознание, что еврейство знает: изнутри его не убить, это может произойти лишь извне. Все интересы Англии и Америки сводятся к тому, что им нужно сотрудничать с Японией, но еврей пытается этому помешать. Я оставляю открытым вопрос: разум или просто инстинкт побуждают еврея действовать именно таким образом?

Интеллектуальный мир Европы, университетские профессора, высокопоставленные государственные служащие, в которых вдалбливали знания, доведя их до отупления, этого не поняли. В некоторых областях любая профессорская наука оказывает губительное воздействие: она уводит прочь от инстинкта. Она его очерняет в глазах людей.

Карлик, у которого нет ничего, кроме знаний, боится силы. Вместо того чтобы сказать: знания без здорового тела ничто, он отвергает силу. Натура приспособляется к жизненным условиям. И если бы мир на несколько веков доверили немецкому профессору, то через миллион лет нас бы окружали сплошные кретины: огромные головы на крошечных телах».

Последняя запись сделана Пикером 31.7.1942 года,

после чего он был откомандирован из ставки. Почему же отпала надобность в летописце?

Как ни поразительно, Жуков имел к этому самое прямое отношение!

Провалился гитлеровский план молниеносной войны, блицкриг не состоялся.

Жуков отрубил одну голову фашистской гидре под Москвой.

Вторую башку и лапу этой гидре оттяпали на Кавказе, на подступах к нефтяным источникам. Хребет гитлеровскому чудовищу перешибли под Сталинградом.

После этого, по свидетельству самых приближенных собеседников Гитлера... фюреру не о чем стало говорить!

В ставке возник острый конфликт между Гитлером и генералами, которых он обвинял во всех неудачах и в неумении выполнять гениальные предназначения своего главковерха. Гальдера и Листа он выгнал в отставку, Кейтелю и Йодлю перестал подавать руку. Эпоха совместных трапез и застольных монологов кончилась. «С этого момента и вплоть до окончания войны, — пишет Альберт Шпеер в своих «Воспоминаниях», — он распорядился накрывать себе стол в своем бункере, куда он лишь изредка приглашал какого-нибудь избранника.... Причина, по которой он отныне избегал общества своих офицеров, заключалась, вероятно, в том, что среди них он уже восседал бы не как триумфатор, а как банкрот. А кроме того, общие идеи его дилетантского кружка, которые он проповедовал в этом кругу, были, пожалуй, уже исчерпаны, и он, возможно, чувствовал, что его магия впервые перестает действовать».

Вот так маршал Жуков со своими боевыми соратниками отучил Гитлера философствовать на самые обширные темы.

ОПЕРАЦИЯ «ИСКРА»

После успешного завершения сталинградской операции Ставка развивала наступление в направлении Донбасс — Харьков. В конце 1942 — начале 1943 года Жуков находился на Воронежском фронте, готовил острогожско-россошанскую наступательную операцию. Здесь, на южном крыле советско-германского фронта, происходили самые активные боевые действия. Одновременно провели несколько наступательных операций под Демьянском, Великими Луками и Ржевом наши Северо-Западный, Калининский и Западный фронты.

Это вынудило командование немецкой группы армий «Север» перебросить сюда резервы. Создалась благоприятная обстановка для нанесения удара под Ленинградом, чтобы избавиться от блокады этот многострадальный город.

Жуков принимал самое непосредственное участие в разработке операции, которой было присвоено кодовое название «Искра». Его участие было настолько значительным, что Верховный посчитал необходимым дать директиву Ставки за двумя подписями.

Поскольку директива короткая и в ней изложена суть операции, приведу ее текст полностью.

«Совместными усилиями Волховского и Ленинградского фронтов разгромить группировку противника в районе Липка — Гайтолово — Московская Дубровка — Шлиссельбург и таким образом разбить осаду гор. Ленинграда. К исходу января 1943 года операцию закончить.

Закрепившись прочной обороной на линии р.Мойка — поселок Михайловский — Тортолово, обеспечить коммуникации Ленинградского фронта. После чего войскам дать 10-дневный отдых.

В первой половине февраля месяца 1943 года подготовить и провести операцию по разгрому противника в

районе Мга и очищение Кировской железной дороги с выходом на линию Вороново — Сиголово — Войтолово — Воскресенск.

По окончании Мгинской операции войска перевести на зимние квартиры.

Настоящий приказ довести до командиров полков включительно.

Получение подтвердить. Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И.Сталин

Г.Жуков

8.12.1942 г.

22 ч. 15 м.

№ 170703».

Пока фронты готовились к проведению этой операции, Жуков продолжал работу на Воронежском фронте.

В первых числах января позвонил Сталин:

— В Ленинграде как представитель Ставки находится Ворошилов. Государственный Комитет Оборона считает, что вам тоже необходимо поехать туда. Нужно на месте посмотреть, все ли сделано для того, чтобы операция «Искра» прошла успешно. Время у нас еще есть, сделайте остановку в Москве. Нам надо обсудить один вопрос.

Насколько был перегружен заботами Жуков, видно из короткого «заезда в Москву», о котором сказал Сталин. В беседе, длившейся несколько минут, Верховный дал ему еще одно важное поручение:

— Слетайте на пару дней в 3-ю ударную армию: она ведет тяжелые бои с окруженной группировкой противника в районе Великие Луки — Новоскольковики — Поречье. Посмотрите, как там организовано дело.

Поручение не случайное, не просто по пути заехать

для острстки. Под Великими Луками никак не могли добить окруженную группировку немцев. Активизировать на этом участке фронта наши боевые действия значило привлечь сюда резервы командующего группой армий «Север» генерал-фельдмаршала Георга фон Кюхлера, что способствовало бы успеху при осуществлении операции «Искра» (кстати, так и получилось: Кюхлер перебросил под Демьянск для выручки 16-й армии «из мешка» семь дивизий).

Поработав с командующим 3-й ударной армией генералом Галицким, Жуков поехал к командирам соединений и на местах боевых действий разобрался в обстановке и помог советами. Все командиры, с которыми встречался Жуков, произвели на него хорошее впечатление, что, прямо скажем, с требовательным и жестким представителем Ставки бывало очень редко.

Сделав все необходимое, Жуков двинулся дальше на Волховский фронт. Раньше он летал на самолетах, а тут представилась возможность поспать в теплом, уютном вагоне...

Пока Жуков отдыхает, познакомлю читателей с его новым соперником, с которым предстояло схлестнуться в очень сложной и принципиальной схватке: Кюхлер пытался задушить голодной блокадой Ленинград и считал, что близок к достижению цели; Жукову предстояло разорвать кольцо блокады, отогнать войска фельдмаршала и дать вздохнуть ленинградцам полной грудью, накормить, подлечить их после тяжелейшей осады.

Итак, Георг фон Кюхлер был уже немолод — родился он в 1881 году. Пошел служить в армию в 1901 году. Участвовал в первой мировой войне, уже имея генштабовское образование. В 1936 году в звании генерал-лейтенанта командовал корпусом в Кенигсберге. В 1939-м Кюхлер во главе 3-й армии участвовал в боях против Польши. После оккупации Польши, командуя 9-й армией, Кюхлер через Данию ворвался во Фран-

цию и гнал франко-английские части до Дюнкерка, который взял 4 июня 1940 года.

Перед вторжением в Советский Союз, скрытно перегруппировав свою 9-ю армию на восток в составе группы армий «Север», под командованием Лееба, рванулся в сторону Ленинграда. Но на этот раз не удалось молниеносно достичь успеха. Однако Гитлер посчитал виновным в этой неудаче генерал-фельдмаршала Лееба: в течение почти двух лет группа армий «Север» не могла захватить город. Гитлер отстранил Лееба и назначил на его место фон Кюхлера, присвоив ему звание генерал-фельдмаршала. Но несмотря на все старания оправдать доверие фюрера, Кюхлер не смог захватить Ленинград. И вот теперь ему предстояло сразиться с генералом (да, пока еще генералом) Жуковым и подтвердить свое фельдмаршальское звание или попасть в немилость у Гитлера, что было страшнее поражения на фронте.

...Жукову так и не удалось отдохнуть в ту ночь в своем вагоне. Около двух часов его разбудили. Приехали Ворошилов, Жданов и командующие Ленинградским фронтом — генерал Говоров, волховским — генерал Мерецков.

Фронтам предстояло вести наступление навстречу друг другу, локтевого стыка у них не было, поэтому и решили договориться о всех деталях заранее.

Всю ночь отработывали взаимодействие. К утру Ворошилов, Жданов и Говоров уехали в Ленинград, а Георгий Константинович, поработав еще с Мерецковым, начальником штаба генералом Шарохиным и особенно с командующим артиллерией фронта генералом Дегтяревым, отправился в войска для уточнения решений командармов и проверки материально-технического обеспечения предстоящего наступления.

Как и с других фронтов, Жуков, будучи очень дисциплинированным, ежедневно (а точнее, еженощно) посылал донесения Сталину о проделанной работе. У меня сотни

его донесений за годы войны, написанных им лично или под его диктовку порученцем. Копии этих документов помог получить маршал Язов, когда он был министром обороны, за что я еще раз выражаю ему глубочайшую признательность. Эти донесения будут полезны не только мне, но и другим исследователям и историкам, потому что в них отражены реальная обстановка и настроение Жукова; из текста, из формулировок и даже по почерку видно, в каком настроении Жуков писал эти шифровки.

Одну из них включил Георгий Константинович в свои воспоминания. И не случайно именно это донесение — оно показывает в каком состоянии были войска и их положение перед наступлением. Мне кажется, читателям будет полезно познакомиться с этим документом, да и обстановкой, в которой начал работать Жуков.

«Тов.Васильеву*.

Сегодня был на командном пункте Романовского и Старикова, с которыми подробно разобрал обстановку и принятые решения. Выяснил также обстановку с командиром 128-й стрелковой дивизии и его решение на прорыв.

Основными недочетами в решениях и в обеспечении операции считаю:

1. Дивизии, наступающие в общем направлении на Рабочий поселок № 8 в обход Синявинского узла сопротивления, не имели танков; по опорному пункту Рабочего поселка № 8 не было сосредоточено достаточно огневых средств. Отсутствие танков и ограниченное количество огневых средств не гарантировали успешного прорыва.

2. Взаимодействие на стыках армий, соединений и частей отработано слабо.

3. Расположение дивизионных резервов в боевых порядках было слишком близкое, и по существу резер-

---

* Псевдоним И.В. Сталина.

рвы превращались во вторые эшелоны. Удаление их от первого эшелона на 1-1,5 км могло привести к большим потерям.

Кроме того, выявлен ряд мелких тактических и технических недостатков.

По всем обнаруженным недостаткам даны исчерпывающие указания Афанасьеву* и командармам.

У Афанасьева, по условиям местности, очень плохое артиллерийское наблюдение, которое будет еще более ухудшаться по мере продвижения наших войск по лесистому району. Для того, чтобы зря не сыпать снаряды и мины, фронту необходимо срочно придать воздухоплавательный аэростатный отряд и одно-два звена самолетов-корректировщиков.

На второй этап операции Волховскому фронту требуется дополнительно следующее количество боеприпасов: 122 -мм гаубичных снарядов — 20000; для пушек-гаубиц 152-мм — 15000; 120-мм мин — 60000; снарядов М-30 — 150000; М-20 — 3000; М-13 — 3500. Эти боеприпасы необходимо получить в период с 18 по 20 января 1943 г.

С утра 11 января буду в дивизиях.

Ефремов** находится у Леонидова***.

11.1.43 г.
02.00

Константинов****».

На рассвете 12 января Жуков прибыл на наблюдательный пункт 2-й ударной армии, которой командовал генерал Романовский. Той самой 2-й ударной армии Власова, о гибели которой много писали немцы. В нашей печати об этой армии старались не упоминать. Предательство Власова бросило тень на эту армию, ее после-

---

* Псевдоним К.А. Мерецкова.

** Псевдоним К.Е. Ворошилова.

*** Псевдоним Л.А. Говорова.

**** Псевдоним Г.К. Жукова.

дующие боевые дела замалчивали, воинов и офицеров обходили наградами и званиями. И напрасно: армия была переформирована, пополнена и достойно участвовала во многих победных операциях.

Вот и на этот раз ей предстоял труднейший прорыв обороны, созданной немцами в течение почти двух лет. Здесь не было внезапности, гитлеровцы хорошо знали о подготовке нашего наступления, да и о группировке войск. Фельдмаршал фон Кюхлер понимал: если Жуков приехал под Ленинград, значит, жди самых грозных событий.

Он не ошибся. В 9 часов 30 минут 12 января 1943 года с обеих сторон Шлиссельбургского коридора как горный обвал обрушились тысячи снарядов, мин и авиационных бомб. Ширина коридора была всего 15 километров, поэтому артиллерия двух фронтов накрыла огнем сразу всю глубину обороны противника. Как пишет Жуков: «На каждый квадратный метр участка прорыва падало два-три артиллерийских и минометных снаряда».

И все же гитлеровцы сопротивлялись отчаянно — целую неделю пришлось вести упорнейшие бои двум фронтам, чтобы пробиться навстречу друг другу, на расстоянии всего по 7-8 километров на каждый фронт.

Фельдмаршал Кюхлер ввел все резервы, его дивизии бились за каждый метр своих очень хорошо оборудованных позиций. Но все было напрасно, войска Ленинградского и Волховского фронтов под руководством Жукова буквально переломали, смешали с землей обороняющихся и 18 января соединились в районе Рабочих поселков № 5 и № 1.

Скупой на проявление своих чувств, Жуков все же пишет:

«Я увидел, с какой радостью бросились навстречу друг другу бойцы фронтов, прорвавших блокаду. Не обращая внимания на артиллерийский обстрел противника со стороны Синявинских высот, солдаты по-братски, крепко обнимали друг друга. Это была воистину выстраданная радость!»

Прорыв блокады Ленинграда спас жизнь тысяч жителей и прозвучал победным эхом по всему миру. Это было не только военное, но и крупное политическое событие.

Жуков сокрушил еще одного опытного фельдмаршала, у которого было 26 дивизий и мощная оборона.

И вот, наконец, настал день, когда и Жукову было присвоено звание Маршала Советского Союза — это произошло 18 января 1943 года — в день прорыва 900-дневной блокады Ленинграда.

Радостная весть омрачалась тем, что увидел Георгий Константинович в Ленинграде: худые, изголодавшиеся люди передвигались медленно, как тени. Каждая семья кого-то потеряла, а всего в дни блокады погибло 642.000 человек от голода и болезней и 21.000 — от артиллерийских обстрелов. Жукова поразило и глубоко тронуло, что во время встреч и бесед ни один житель не пожаловался на лишения, вызванные блокадой. «Все разговоры сводились к тому, как бы скорее организовать доставку в Ленинград материально-технических средств для производства и ремонта боевой техники, необходимой нашим войскам... Испытания, которые пришлось пережить ленинградцам, кроме советских людей никто, пожалуй бы, не выдержал...»

Жуков, кроме боевых действий, которые продолжались на фронте, сделал все возможное, чтобы помочь городу-герою. Поскольку железная дорога (Москва — Ленинград) все еще находилась на территории, занятой немцами, срочно — за 17 дней! — были построены железная и автомобильная дороги для снабжения города всем необходимым.

Дальнейшее развитие наступления в сторону Мги шло с трудом. Чтобы избежать больших потерь (после решения главной задачи — снятия блокады), Ставка приняла решение перейти к жесткой обороне, до более благоприятной обстановки.

Такая ситуация сложилась только через год. В ленинградско-новгородской операции, которая проводилась с 14 января по 1 марта 1944 года, группа армий «Север» была окончательно разгромлена. Гитлер снял (уже в ходе этой операции) фельдмаршала Кюхлера за то, что тот не смог сдержать наступление советских армий. На его место был назначен генерал-полковник Линдеман, но вскоре Гитлер заменил и его фельдмаршалом Моделем, которого сами гитлеровцы считали «живодером» за его безжалостность и жестокость.

В общем, много неприятностей причинил Жуков на северном фланге восточного фронта не только крупным немецким военачальникам, но и самому Гитлеру, который как командующий сухопутными войсками (после снятия им Браухича) лично руководил боевыми действиями и под Ленинградом. Разбив фельдмаршала фон Кюхлера и избавив Ленинград от блокады, Жуков лишил возможности и Гитлера осуществить его личное намерение, изложенное в специальном докладе «О блокаде Ленинграда». Были там и такие слова: «Сначала мы блокируем Ленинград (герметически) и разрушим город артиллерией... вступив в город... вывезем все, что осталось живое... сравняем Ленинград с землей и передадим район севернее Невы Финляндии».

Не состоялось... Жуков помешал!

КУРСКАЯ ДУГА

После Сталинградского сражения, еще когда велось уничтожение окруженной группировки, инициатива действий на других фронтах перешла к советским войскам. Жуков сначала провел частную операцию на Западном

фронте, под Ржевом (чем очень испугал командование гитлеровской армии). Затем по указанию Верховного он переместился севернее, провел там операцию по прорыву блокады Ленинграда. В это же время вся огромная группировка гитлеровцев, находившихся на Северном Кавказе, и та, которая откатывалась от Сталинграда, оказались в окружении в результате активных действий Воронежского фронта под командованием Голикова и Юго-Западного фронта под командованием Ватутина. Увлеченные наступательным порывом, командующие фронтами тем не менее переоценили возможности своих войск, которые несли большие потери. Сталин даже несколько сдерживал Ватутина, а тот, наоборот, просил разрешения продолжать наступление с тем, чтобы выйти на Днепр в районе Запорожья.

Верховный тоже воодушевился этими успешными действиями Воронежского и Юго-Западного фронтов и, чтобы активизировать и подтолкнуть им на помощь другие фронты, дал такую директиву командующему Южным фронтом Еременко:

«Сопrotивление противника в результате успешных действий наших войск на Воронежском, правом крыле Юго-Западного, Донском и Северо-Кавказском фронтах сломлено. Оборона противника прорвана на широком фронте. Отсутствие глубоких резервов вынуждает врага вводить подходящие соединения разрозненно и с ходу. Образовалось много пустых мест и участков, которые прикрываются отдельными небольшими отрядами. Правое крыло Юго-Западного фронта нависло над Донбассом, а захват Батайска приведет к изоляции Закавказской группировки противника. Наступила благоприятная обстановка для окружения и уничтожения по частям Донбасской и Черноморской группировок противника».

Продолжая наступление, советские войска 16 февраля, обойдя Харьков с севера и с востока, овладели городом. В этот же день, 16 февраля 1943 года, был опубликован Указ

Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Василевскому звания Маршала Советского Союза. Он в это время как раз находился на этом направлении, координировал действия Воронежского и Юго-Западного фронтов. Видно, Сталин, очень высоко оценив его заслуги в сталинградской операции и то, что сейчас вот так активно развивается наступление в направлении Донбасса и Днепра, решил не только отметить его прошлые заслуги, но и ободрить на будущие активные действия.

Гитлеровское командование понимало опасность создания еще одного, более крупного, чем сталинградский, котла, если советские войска выйдут к побережью Азовского моря и на Днепр. Срочно были собраны все возможные резервы и переданы группе «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна. Теперь уже сама обстановка избавила его от действий по деблокировке сталинградской группировки, и он, собрав воедино мощный танковый кулак, 19 февраля нанес здесь, во фланг нашим наступающим фронтам, сильный контрудар.

Этот контрудар был абсолютной неожиданностью.

Как это было не раз, увлеклись наступлением и просмотрели сосредоточение войск для противника. Этим контрнаступлением Манштейн, можно сказать, перечеркнул все успехи Воронежского и Юго-Западного фронтов, отбросил их назад, на исходные позиции, и продвинулся даже дальше, угрожая захватить Белгород.

Жуков в эти дни находился на Северо-Западном фронте у маршала Тимошенко. Ему позвонил Сталин. Понятно, что он сразу спросил, какая там у них обстановка.

— Ранняя оттепель привела к тому, — доложил Жуков, — что река Ловать стала труднопроходимой, и видимо, войскам Северо-Западного фронта временно придется прекратить здесь свои наступательные действия.

— Ну что ж, если так, то я согласен: пусть временно прекратят наступление.

Кроме того, Верховный информировал Жукова о некоторых перестановках.

— Мы тут решили поставить командующим Западным фронтом Соколовского.

— Я бы предложил на это место Конева: он уже командовал Западным фронтом, знает обстановку да и командиров соединений. А Тимошенко целесообразно послать на Юг представителем Ставки, помогать командующим Южным и Юго-Западным фронтами. Он тоже хорошо знает те районы, бывал там неоднократно. Да и обстановка там вроде бы для наших войск складывается не очень благоприятно.

— Хорошо, — сказал Сталин, — я скажу Поскребышеву, чтобы Конев позвонил вам. Передайте ему все указания, а сами завтра вылетайте в Ставку. Надо обсудить обстановку на Юго-Западном и Воронежском фронтах. Возможно, вам даже придется срочно вылететь в район Харькова.

Опять Верховный посылал Жукова в наиболее горячую точку. Особенная трудность в этих «пожарных» приездах Жукова заключалась в том, что он не был организатором наступления, не планировал его, не создавал группировку, а вынужден был поправлять чужие ошибки.

В тот же день поздно вечером Жуков прилетел в Москву. Он очень устал во время этого утомительного полета, да и после езды на машине там еще по пути к аэродрому, на Северо-Западном фронте. Но отдохнуть ему не пришлось: как только он прилетел, ему тут же позвонил Поскребышев и сказал, что Сталин срочно приглашает его на совещание.

Прибыв к Сталину, Жуков увидел, что разговор предстоит необычный, не в узком кругу. В кабинете собирались руководители наркоматов, крупных металлургических, авиационных, станкостроительных заводов. Здесь же были все члены Политбюро, многие конструкторы.

После изложения в общих чертах обстановки на

фронте Сталин дал указания руководителям промышленности более энергично организовывать производство и помогать фронтам, которые осуществляют крупные наступательные операции, которым к тому же предстоит сложная кампания 1943 года.

Наблюдая за Сталиным, Жуков забыл о своей усталости. Он думал о том, что занимается только военными вопросами, и то испытывает такие тяжелейшие перегрузки, а Верховному приходится еще и руководить всем хозяйством страны, созданием резервов, дипломатией, да и партийными делами.

Совещание закончилось в 3 часа ночи. Сталин подошел к Жукову и спросил:

— Вы обедали?

— Нет.

— Ну, тогда пойдемте ко мне, да заодно и поговорим о положении в районе Харькова.

Не успел Жуков перекусить, как из Генерального штаба офицер-направленец принес карту обстановки Юго-Западного и Воронежского фронтов. Он доложил о тяжелой ситуации, создавшейся там: Воронежский фронт, которым командовал генерал-полковник Голиков и членом военного совета которого был Хрущев, действовал неоперативно и оказал недобрую услугу частям Ватутина — нависла угроза над Харьковом.

— Почему Генеральный штаб не подсказал? — спросил Сталин.

— Мы советовали, — ответил направленец.

— Генеральный штаб должен был вмешаться в руководство фронтом, — выговаривал Сталин. А затем, подумав немного, сказал Жукову: — Все-таки вам утром придется вылететь туда. Видите, что там творится?

Тут же Верховный снял трубку, позвонил на Воронежский фронт.

Трубку снял Хрущев.

— Что же вы, товарищ Хрущев, там проморгали

контрудары противника и подставляете не только себя, но и своих соседей.

Еще некоторое время поругав Хрущева, Сталин повесил трубку и сказал Жукову:

— Все же надо закончить обед.

Это, конечно, был уже не обед, а завтрак, потому что истекал пятый час утра. Жуков спросил разрешения у Верховного:

— Я понимаю, что надо лететь срочно, но я зайду в наркомат обороны, чтобы подготовиться к отлету на Воронежский фронт. Надо мне там взять имеющиеся сведения.

Через два часа, в 7.00, Жуков уже был на аэродроме, там, где сейчас центральные авиакассы на Ленинградском проспекте, и вылетел на Воронежский фронт.

В тот же день, ознакомившись с обстановкой на новом месте, Жуков позвонил Сталину и доложил, что происходит. События развивались хуже, чем докладывал работник Генерального штаба во время обеда у Сталина:

— Харьков уже взяли части противника и, не встречая особого сопротивления, продвигаются на Белгородском направлении, заняли Казачью Лопань. Необходимо срочно перебросить сюда все что можно из резервов Ставки, в противном случае немцы захватят Белгород и будут развивать удар на Курском направлении.

Сталин не успел выдвинуть необходимые резервы, хотя и стремился это сделать, точнее, резервные соединения не успели выполнить его указаний. И 18 марта Белгород был взят немцами.

21 марта Жуков вывел 21-ю армию севернее Белгорода и ее силами организовал довольно прочную оборону. А 1-ю танковую армию сосредоточил в районе южнее Обояни, на всякий случай, если потребуются срочные контрудары по противнику. Таким образом, Жуков исправил положение на этом очень напряженном участке фронта. Контрнаступление противника было остановлено, фронт стабилизировался.

Жуков вместе с Ватутиным объехал почти все части фронта, поддержал, успокоил командиров, кое-где подкрепил оборону артиллерией и в конечном счете сам убедился, что фронт теперь удержится и выстоит, даже если Манштейн повторит контрнаступление. Кроме того, Жуков попросил начальника Генерального штаба Василевского организовать тщательную разведку перед Центральным, Воронежским и Юго-Западными фронтами, чтобы предотвратить любые неожиданности, да и вообще узнать: что же здесь противостоит нашим фронтам.

Надо сказать, что на этих направлениях действия наших войск очень способствовали и помогали партизанские отряды. Войска уже вышли поближе к партизанским районам на Украине и в Белоруссии. Кроме того, что партизаны наносили удары на железных дорогах — пускали под откос эшелоны, — они еще доставляли много достоверных сведений о противнике. В частности, и здесь, после того как Жуков попросил Василевского дать ему побольше точных разведывательных данных о группировке вражеских войск, были использованы сведения, добытые партизанами. Таким образом, Жуков, да и все советское командование имело довольно полные сведения о противостоящем противнике.

В наступившей стабилизации фронта в районе Курского выступа Жуков еще раз спокойно осмотрелся, изучил данные о противнике, провел несколько рекогносцировок, ознакомился с местностью и, детально все это обдумав и взвесив, написал подробный доклад Верховному Главнокомандующему.

В послевоенный период снова, как и в случае с планом сталинградского контрнаступления, возникли разные версии: кто предложил, кто был первым. В своих воспоминаниях Жуков вынужден был оправдываться по этому поводу. Опять-таки, не претендуя на единоличное авторство по замыслу Курской битвы, он уточняет, что этот

его доклад был написан 8 апреля, а командующий Воронежским фронтом и командующий Центральным фронтом прислали свои разработки 12 апреля. Причем они прислали эти разработки не самостоятельно, а после того, как Ставка ознакомилась с предложением Жукова и дала приказ перейти к обороне, проинформировав об обстановке, и в соответствии с ней просила дать свои соображения. Что они и сделали.

10 апреля Сталин опять приказал Жукову вернуться в Москву. 11 апреля состоялось обсуждение плана всей летней кампании 1943 года, а потом отдельно был обсужден план операции в районе Курской дуги.

У Василевского в то время уже закрепился хороший заместитель — генерал Антонов. Вот с ним и с Василевским Жуков целый день 12 апреля проработал в Генеральном штабе, подготавливая материалы для доклада Верховному Главнокомандующему. И вечером того же дня они втроем доложили эту окончательную разработку Сталину.

Суть замысла, а в конечном счете и решения, принятого Сталиным и всеми его ближайшими советниками, сводилась к тому, что операция на Курском выступе должна состоять из 2-х этапов: 1-й этап —преднамеренная, устойчивая оборона, выбивающая основные силы наступающего врага; и 2-й этап — решительное наступление и разгром группировок противника, которые будут наступать под Курским выступом.

Жуков подчеркивает это, выделяя особым шрифтом в своих воспоминаниях:

«Таким образом, оборона наших войск была безусловно не вынужденной, а сугубо преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки. Имелось в виду не торопиться с ним, но и не затягивать его».

После завершения этой многотрудной подготовительной работы Сталин приказал Василевскому и Антонову оформить все документы, то есть план этой операции и

директивные указания войскам. А через несколько дней попросил Жукова вылететь на Северо-Кавказский фронт, где велись очень напряженные и не совсем успешные бои по ликвидации Таманской группировки противника.

Жукову поручалась очередная трудная задача, с которой не справлялись командующие на местах. Проблема состояла в уничтожении пятнадцати или более дивизий противника, а это около 200 тысяч человек, и еще об освобождении порта Новороссийск, что давало бы нам первый возвращенный порт на Черном море.

Жуков вылетел туда, взяв с собой работника Генерального штаба Штеменко, наркома ВМФ Кузнецова и командующего ВВС Новикова. Прибыли они в 18-ю армию, которой командовал Леселидзе. Ну, и как догадывается читатель, там находился будущий Маршал Советского Союза Брежнев, а тогда полковник — начальник политотдела армии. Это не член Военного совета, не начальник политуправления. Ему и по должности-то всего полагалось звание полковника.

Не буду подробно описывать все проблемы боевых действий, с которыми пришлось сталкиваться Жукову, тем более что никаких значительных результатов здесь не удалось добиться даже Жукову, и Ставка в конечном счете решила отложить решительные действия на этом участке до более благоприятного времени. Упоминаю я эту поездку Жукова только потому, что в его мемуарах есть такой абзац: «Об этом мы хотели посоветоваться с начальником политотдела 18-й армии Л.И.Брежневым, который там неоднократно бывал и хорошо знал обстановку, но на этот раз он находился на Малой Земле, где шли тяжелейшие бои».

Многие читатели, вероятно, знают происхождение этого абзаца, откуда и как он появился в воспоминаниях Жукова, но для молодых, кто, возможно, этой истории не знает, я напоминаю. После того как Жуков закончил написание своих мемуаров, рукопись очень долго ходила

по инстанциям и не сдавалась в печать. Жуков кого только не просил помочь, но все оказывались бессильны. Не продвинул даже Косыгин — Председатель Совета Министров, к которому Жуков обратился, когда тот посетил его, уже больного, в больнице. Оказалось, препятствовал изданию сам Генеральный Секретарь Брежнев. А причина была в том, что он — уже маршал и многожды герой — в мемуарах Жукова не упоминался ни разу!

Редакторы просили Жукова хоть что-то написать, а он отвечал: «Но я же с ним не встречался, я его не видел, я не стану врать и писать неправду!» Тогда мудрые редакторы сочинили абзац, приведенный выше, и попросили у Георгия Константиновича разрешения вставить эти слова в его воспоминания. Георгий Константинович сначала разозлился, потом поворчал-поворчал, махнул рукой и сказал: «А, ладно, вставьте — умный поймет». Так родился этот абзац.

Возвратясь в Ставку, Жуков полностью отдался подготовке и организации действий войск на Курской дуге.

Работа эта длилась несколько месяцев. И, казалось бы, в период, когда не было активных боевых действий на фронтах, можно было немного отдохнуть после напряженных боев под Сталинградом, Ленинградом, Харьковом. Но не тут-то было! В этом затишье не только Жуков, но и Сталин, и все члены Ставки, да и командующие фронтами испытывали нервное напряжение, не меньшее, чем в боях.

Фронты создавали эшелонированную оборону глубиной до 200 километров, где в траншейной системе были окопаны не только орудия прямой наводки для истребления танков, но и много танков, чтобы стрельбой с места выбивать танки противника. Артиллерия пристреляла необходимые рубежи и районы. Шла сложная перегруппировка войск. Сосредоточивались огромные силы. На двух фронтах — Центральном и Воронежском — только общевойсковых армий было шесть, две танковые армии, воз-

душная армия стрелковых корпусов — 22, стрелковых дивизий — 76, отдельных стрелковых бригад — 4, отдельных танковых корпусов — 4, отдельных танковых бригад — 9, дивизия гвардейских минометов «катюш» — одна и много специальных войск. И вот все перечисленное изготовилось к бою. Ждали начала наступления противника... А он не наступал. Командование терялось в догадках: что же происходит? Может быть, ошиблись? Может быть, создали здесь такую плотность войск, боевой техники, а противник ударит где-нибудь на другом участке фронта? Может быть, на Москву?

Еще и еще раз проверяли информацию через разведку, и она подтверждала: нет никаких ошибок, здесь у противника сосредоточены главные ударные группировки для решительного наступления, и перечисляла, в подтверждение этого, номера соединений и направления их предстоящих действий. Разведка доказывала — ошибки не может быть. А гитлеровская армия все не наступала.

Сталин послал на передовую для координации действий Воронежского и Южного фронтов Василевского, а Жукову было поручено координировать действия трех фронтов: Центрального, Брянского и Западного.

Наконец, разведка доложила, что противник перейдет в наступление 10—12 мая на Орловско-Курском и Белгородско-Обоянском направлениях. Немедленно Ставка проинформировала войска, и все напряглись в ожидании. Но и в эти дни противник в наступление не перешел.

И опять томительное ожидание. И вновь поступает информация, что противник перейдет к активным действиям не позднее 26 мая. Однако и на сей раз боевые действия не были начаты. Командующие фронтами, Жуков, да и Сталин окончательно занервничали. Ватутин предложил Верховному Главнокомандующему изменить решение и самим нанести упреждающий удар. Но Сталин колебался. Он поговорил с Василевским о том, чтобы Генеральный штаб разработал план для пере-

хода к решительным действиям немедленно. Но при этом сказал Василевскому: «Я по этому поводу посоветуюсь с Жуковым». Как позднее узнал Василевский, Сталин почему-то с Жуковым советоваться не стал. Может быть, опасался, что тот отговорит его от перемены ранее задуманного плана. Жуков мог быть убедительным, и аргументы его всегда были хорошо продуманы. В общем, Сталин об этом плане с ним не говорил.

Наконец, 2 июля разведчики доложили, что наступление гитлеровцы начнут не позднее 6-го. Нужно сказать, что наша разведка и в предыдущих случаях не ошибалась. Она точно устанавливала намечаемые даты начала наступления, исходя из тех сроков, которые намечали сами немцы. Но сами же немцы откладывали и меняли эти даты, поэтому и получалась такая вроде бы неточность в докладах разведчиков.

4 июля в 16 часов противник предпринял боевую разведку небольшими силами — всего четырьмя батальонами, с двадцатью танками. Конечно же, он в оборону не вклинился, но наши захватили пленных из состава этой боевой разведки, и те показали, что на следующий день будет начато общее наступление. К тому же «языки» были взяты и разведчиками, и они подтвердили эти сведения.

И вот теперь, основываясь вроде бы на неопровержимых данных о предстоящем наступлении, наши командующие фронтами решились на проведение (правда, заранее запланированной) артиллерийско-авиационной контрподготовки. Нетрудно представить, что произошло, когда ураганный огонь артиллерии и бомбы с самолетов посыпались на сосредоточившиеся войска противника. Во-первых, немецкие части понесли большие потери от огня! Во-вторых, в моральном отношении это противника обескуражило!

Вот что пишет Жуков о своих ощущениях в эти минуты: «Мы слушали и ощущали ураганный огонь, и невольно в нашем воображении возникала страшная кар-

тина на исходном плацдарме противника, внезапно попавшего под ураганный удар контрподготовки. Застигнутые врасплох вражеские солдаты и офицеры наверняка уткнулись носом в землю, в первую попавшуюся яму, канаву, траншею, любую щель, лишь бы укрыться от ужасающей силы разрывов бомб, снарядов и мин...»

И все же гитлеровцы в 4.30 начали свою артиллерийскую подготовку, а в 5.30 перешли в наступление по всему фронту. То, что им потребовалось всего немногим более 2-х часов для того, чтобы оправиться от такой мощной контрподготовки, и они оказались способны начать наступление, насторожило Жукова. А позднее, как он сам пишет, из показаний пленных и осмотра немецких позиций, которые были заняты в результате нашего наступления, Жуков понял, что контрподготовка, несмотря на ее мощь, не достигла желаемых результатов. По мнению Жукова, ее начали рановато. Подразделения противника еще находились в окопах, в блиндажах, а танки и бронетранспортеры в капонирах. И поэтому немецкие части не понесли тех больших потерь, которые предполагалось нанести им в результате контрподготовки. Контрподготовку надо было начинать позже часа на полтора, когда живая сила уже вышла из траншей и находилась в открытом поле, а танки были выведены из укрытий и готовы двинуться в направлении наших позиций. Но все равно, противник понес большие потери и, главное, морально был обескуражен мощной предупредительной артиллерийской грозой.

Но теперь обстановка резко изменилась на 180 градусов — мощнейший огонь артиллерии и авиации обрушился на позиции советских войск. Около часа длилась эта артиллерийско-авиационная буря, после которой двинулись гитлеровская пехота и танки. Они шли, полные решимости опрокинуть наши войска. В боевых порядках пехоты были новые «тигры» и «фердинанды». Они подерживали действия пехоты. Среди войск противника в

период подготовки велась соответствующая моральная накачка, и немцы, как и в первые дни войны, шли в атаку нагло, с засученными рукавами, готовые уничтожить всех на своем пути. Однако интенсивная военная и морально-психологическая подготовка, проводившаяся в течение нескольких месяцев на нашей стороне, тоже дала результаты: несмотря на мощь и решительность атаки гитлеровцев, она была отбита. Наступавшие залегли. После этого артиллерийский налет повторился. Немцы опять кинулись вперед, и вновь атака была отбита. Так повторялось четыре раза. И только после пятой атаки и новей сильной артиллерийской авиационной поддержки немцам удалось вклиниться в нашу оборону и оттеснить советские части на 3—6 километров, на разных участках поразному.

Жуков приказал командующему 16-й воздушной армией Руденко поднять все свободные в это время самолеты для того, чтобы ослабить и, может быть, даже остановить удар гитлеровцев на главном направлении. Руденко бросил сюда 150 бомбардировщиков, которые прикрывали 200 истребителей. Авиационный удар сыграл свою роль: наступление немцев приостановилось. Воспользовавшись этим, Жуков срочно перебросил две истребительно-противотанковые и одну минометную бригады на теперь явно определившееся направление главного удара противника. Сюда же срочно был перегруппирован и 17-й стрелковый корпус. Первый могучий удар врага приняли на себя воины 13-й армии под командованием генерала Пухова.

Не считаясь с огромными потерями, командующий группой армий «Центр» фон Клюге продолжал гнать свои части вперед, и к концу третьего дня наступления они продвинулись на 10 километров в глубину нашей обороны. Но все же не была прорвана даже тактическая глубина. Понимая это, фельдмаршал фон Клюге с утра 7 июля вновь начал артиллерийско-авиационную подготовку и

приказал продолжать наступление. До 10 июля части гитлеровцев здесь не смогли продвинуться ни на один километр. Наши подразделения держались стойко — вся предварительная работа давала положительные результаты. Даже расчеты 45-миллиметровых пушек, снаряд которых не пробивал броню «Тигра», и те приспособились: они били по гусеницам, останавливая тем самым «Тигры», а затем — смельчаки подбирались к стальным чудищам и забрасывали их гранатами или подкладывали противотанковые мины им под днища и подрывали уже стоящие на месте танки.

9 июля позвонил Сталин и спросил, как идут дела. Жуков доложил:

— На участке Центрального фронта противник не располагает уже такой силой, чтобы прорвать оборону наших войск. Я полагаю, для того, чтобы не дать ему возможности закрепиться на достигнутом рубеже и организовать оборону, к которой он вынужден будет теперь перейти, надо немедленно переходить в наступление всеми силами Брянского фронта и левым крылом Западного фронта. Это очень облегчит действия Центрального фронта, и он сможет провести запланированное контрнаступление.

Сталин сказал:

— Ну тогда выезжайте к Попову и вводите в действие Брянский фронт... Когда вы думаете там начать?

— Двенадцатого, — ответил Жуков.

— Согласен, — сказал Сталин.

В этот же день Жуков приехал в штаб Брянского фронта и здесь вместе с командующим генералом Поповым, связавшись с командующим Западным фронтом Соколовским, организовал контрудар этих двух фронтов во фланг продвинувшимся против Рокоссовского частям фон Клюге.

Если посмотреть на расположение войск в районе Орла, то клин, выступивший в направлении города и не-

сколько восточнее, представлял собой очень удобную позицию для нанесения именно флангового удара. Вот этот фланговый удар и организовал Жуков.

12 июля два фронта — Западный и Брянский — ударили под основание гитлеровского клина.

Ах, как заметался генерал-фельдмаршал фон Клюге! Он понимал, чем грозит этот мощный удар по тылам его частей. Клюге срочно снял части даже с главного направления и перебросил их против контрудара, организованного Жуковым, пытаясь тем самым спасти положение. Получив об этом сведения от разведки, Жуков немедленно приказал перейти в наступление Центральному фронту Рокоссовского. Ослабленные части немцев на главном направлении не выдержали этого удара и стали медленно отходить.

И вот когда на Орловском направлении стало ясно все, опять позвонил Сталин и приказал Жукову немедленно отправляться на Воронежский фронт с тем, чтобы взять на себя координацию войск Воронежского и Степного фронтов, и особенно заняться направлением на Прохоровку, где происходило очень напряженное танковое сражение.

В штабе Воронежского фронта находился маршал Василевский, координируя действия войск на Белгородском направлении. Но Сталин считал, что присутствие Жукова еще более укрепит наши позиции в такой сложной обстановке.

По прибытии в штаб фронта Жуков побеседовал с Василевским, вник в сложившуюся здесь ситуацию и стал вместе с ним организовывать контрудар на этом направлении.

Что же здесь произошло и почему Сталин считал необходимым срочное присутствие здесь Жукова?

Продвинувшись за первые три дня всего на 8 километров, командующий на этом крыле Курской дуги фельдмаршал Манштейн решил окружить наши части непосредственно в тактической глубине обороны, для чего со-

средоточил около 700 танков своей группы армий «Юг» и около 300 танков группы «Кемпф», всего до 1000 танков и самоходных орудий. Когда Манштейн нанес этот удар, Василевский вместе с командующим фронтом генералом армии Ватутиным попытались остановить войска немцев своим контрударом. Вот эти две наступающие крупные группировки и столкнулись во встречном бою в районе Прохоровки 12 июля.

Сталин выделил в распоряжение Василевского резервы Ставки: 5-ю гвардейскую армию генерала Жадова и 5-ю гвардейскую танковую армию генерал-лейтенанта Ротмистрова. Кроме того, сюда двигалась 27-я армия генерал-лейтенанта Трофименко из состава Степного фронта. Именно в этот момент Сталин приказал Жукову переместиться на это направление, где разгорелось главное танковое сражение на Курской дуге.

Я не нахожу ни слов, ни красок для того, чтобы описать танковое сражение, которое произошло под Прохоровкой. Постарайтесь представить около 2000 танков, столкнувшихся на небольшом пространстве, осыпающих друг друга градом снарядов, горящие костры уже подбитых танков, выскакивающие из этих горящих танков экипажи — немецкие и наши — и бросающиеся врукопашную... И все это длилось целый день! Ожесточенность этого сражения можно представить и по потерям: более 400 гитлеровских и не менее наших танков остались догорать на этом поле боя или лежали горами искореженного металла после взрыва боекомплекта внутри машины.

Приведу хотя бы короткие цитаты из описания участников этого сражения. Вот что пишет Герой Советского Союза Г.Пенезко: «На огромном поле перемещались наши и вражеские машины. Видишь крест на броне танка и стреляешь по нему. Стоял такой грохот, что перепонки давило, кровь текла из ушей. Сплошной рев моторов, лязганье металла, грохот, взрывы снарядов, дикий скрежет разрываемого железа. Танки шли на танки... Мы

потеряли ощущение времени, не чувствовали ни жажды, ни зноя, ни даже ударов в тесной кабине танка. Одна мысль, одно стремление — пока жив, бей врага... Наши танкисты, выбравшиеся из своих разбитых машин, искали на поле вражеские экипажи, тоже оставшиеся без техники, и били их из пистолетов, схватывались врукопашную. Каждый из нас сделал на Прохоровском поле все, что было в его человеческих силах».

Это переживания нашего воина. А вот что чувствовал ефрейтор Войтхон, взятый в плен здесь, под Прохоровкой. Он сказал, что в его роте из 100 человек уцелели всего трое. И те попали в плен. Не более 12 раненых сумели уползти в тыл. Наш майор, который допрашивал пленного, среди документов увидел фотокарточку и, показав ее Войтхону, спросил: «Кто это?» — «Это я». Но на фотокарточке был полнощекий молодой человек с густыми волосами и очень бодрым, веселым выражением лица. «По-видимому, это очень давняя ваша фотокарточка?»

Пленный ответил: «Нет, это я сфотографировался в прошлом году, когда был в отпуске».

Перед майором стоял не молодой человек, а морщинистый, седой пожилой солдат. Майор достал небольшое зеркало, перед которым брился по утрам, и протянул пленному. Пленный посмотрел на себя и просто онемел: он увидел себя седым, дряхлым человеком. «Проклятая война! Я же не был седым, я же знаю это точно. Вчера, накануне этого боя, я брился и не был седым».

Жуков не стал поправлять и уточнять принятые ранее Василевским решения. Контрудар, им организованный, продолжался. Жуков поступал так совсем не потому, что опасался уязвить самолюбие маршала. Он и сам был убежден, что именно так должны действовать наши войска, и приложил все силы, чтобы довести сражение до победы. Прохоровское побоище было переломным моментом в битве под Курском.

Но Манштейн не считал себя побежденным:

«Сражение достигло своей высшей точки! Скоро должно было решиться — победа или поражение, — пишет он в мемуарах. — Такова была обстановка, когда фельдмаршал фон Клюге и я были вызваны 13 июля в ставку фюрера. Было бы правильнее, конечно, если бы Гитлер сам прибыл в обе группы или — если он полагал, что общая ситуация не позволяла ему выехать из ставки, — прислал бы к нам начальника Генерального штаба. Но во время всей Восточной кампании редко удавалось склонить Гитлера выехать на фронт.

Совещание 13 июля началось заявлением Гитлера, что положение на Сицилии, где западные державы высадились 10 июля, стало серьезным. Итальянцы вообще не воевали. Вероятно, мы потеряем остров.

Фельдмаршал фон Клюге доложил, что армия Моделя не может продвигаться дальше и потеряла уже 20 тысяч человек. Кроме того, группа вынуждена отобрать все подвижные части у 9-й армии, чтобы ликвидировать глубокие прорывы, сделанные противником в трех местах фронта 2-й танковой армии. Уже по этой причине наступление 9-й армии не может продолжаться и не может быть потом возобновлено. (Клюге имеет в виду контрудары, организованные Жуковым силами Западного и Брянского фронтов. — В.К.).

Напротив, я заявил, что если говорить о группе «Юг», сражение зашло в решающую стадию. После успешного отражения атак противника, бросившего в последние дни почти все свои оперативные резервы, победа уже близка. Остановить сейчас битву, вероятно, означало бы упустить победу!»

Далее Манштейн очень пространно излагает свой план разгрома резервов советских войск и выхода в тыл армии, которая находится в Курском выступе, и даже если 9-я армия, пишет он, не сможет наступать, то он своими частями, пусть не создав полного окружения советских

частей на Курском выступе, все же нанесет им огромные потери и, по сути дела, победно завершит операцию «Цитадель».

Правда, сам же Манштейн в своих воспоминаниях после этого оптимистического изложения предстоящих действий его группы армий «Юг» пишет: «К сожалению, из этих планов ничего не получилось».

Очевидно, что Манштейн, желая как-то оправдаться перед историей, делал хорошую мину при плохой игре. Когда он строил победные планы будущих действий своих войск, под Курском уже закончилось Прохоровское сражение, в котором его войска были разгромлены и начали отход к своим прежним позициям.

Что же касается боевых действий группы армий «Центр», о которой сам ее командующий фельдмаршал фон Клюге сказал, что она уже абсолютно не способна к дальнейшему наступлению, то там, по воспоминаниям Манштейна, произошло такое событие. Окончательно убедившись в полном провале не только наступления, но и в том, что 9-я армия не сможет отражать удары советских войск, ее командующий генерал-полковник Модель... застрелился.

Таким образом, на северном фасе Курской дуги контр-наступление трех фронтов: Западного и Брянского, а затем Центрального, завершилось полным разгромом противника. Эта операция готовилась заранее и имела свое кодовое название — «Кутузов». Здесь Жуков еще раз нанес сокрушительное поражение своему противнику, Клюге, теперь уже фельдмаршалу, с которым он встретился еще под Москвой. Под Москвой Клюге командовал 9-й армией, которую Жуков гнал от столицы на 200 километров. Но Гитлер за какие-то заслуги все же присвоил Клюге звание генерал-фельдмаршала и назначил командующим группой армий «Центр» после того, как был снят фельдмаршал фон Бок.

На южном фасе Курской дуги, после грандиозного

сражения под Прохоровкой, Жуков также нанес, вместе с командующим Воронежским фронтом генералом армии Ватутиным, сильные контрудары, в результате чего, как пишет Жуков:

«Начавшееся здесь контрнаступление, а также большое истощение войск противника в районе Белгорода заставили гитлеровское руководство признать свой широко задуманный план «Цитадель» провалившимся, и, чтобы спасти войска от полного разгрома, оно решило отвести войска генерал-фельдмаршала Манштейна обратно на оборонительные рубежи, с которых они начинали наступление».

Как только немецкие части отошли и закрепились на своих исходных позициях, Жуков посчитал целесообразным, прежде чем продолжать наступление, дать передышку войскам, произвести перегруппировку и пополнить израсходованные запасы. Но Сталин считал, что нельзя допускать паузы, и требовал от Жукова, чтобы он продолжал наступление, утверждая, что противник сейчас не может оказать сопротивления и нужно использовать моральное потрясение, которое пережила гитлеровская армия.

Жуков по этому поводу пишет: «Мне и Василевскому стоило многих трудов доказать ему необходимость излишне не спешить с началом действий и начать операцию только тогда, когда она будет всесторонне подготовлена и материально обеспечена. С нашими соображениями Верховный Главнокомандующий согласился.

После смерти Сталина появилась версия о том, что он никогда никого не слушал и единолично принимал военно-политические решения. С этим согласиться нельзя. Если Сталину докладывали вопросы со знанием дела — он слушал. И я знаю случаи, когда он отказывался от своих собственных мнений и решений. Так было с началом срока операции». Жуков имеет в виду завершающую стадию сражения на Курской дуге.

Второй этап сражения под Курском был утвержден

Верховным Главнокомандующим еще в мае месяце. Теперь, после того как первый этап завершился на Центральном фронте 12 июля, а на Воронежском фронте 21 июля, было необходимо внести в план соответствующие изменения, чем и занялся Жуков при координации действий фронтов.

На северном фасе Курской дуги против Центрального, Брянского и Западного фронтов действовала разгромленная группа армий «Центр». Здесь успешность наших наступательных действий у Жукова сомнений не вызывала. Больше ему пришлось потрудиться с организацией наступления Воронежского и Степного фронтов. Непросто было ввести в действие целый фронт. Раньше, на первом этапе, Степной фронт в сражении участия не принимал, хотя некоторые соединения, ввиду кризисных ситуаций, вводились в сражение, и таким образом этот фронт имел потери еще в ходе оборонительной фазы. Воронежский фронт на первом этапе тоже понес большие потери в людях и технике. Но все же Жуков сберег главные силы Степного фронта и, успешно решив первую фазу — оборонительную, теперь имел в своем распоряжении значительные силы.

Учитывая более благоприятные условия на Северном выступе, войска Центрального, Западного и Брянского фронтов начали наступление первыми. Запустив здесь боевые действия и будучи уверенным, что все будет развиваться благоприятно, Жуков вернулся на Воронежский фронт, где уделил главное внимание подготовке и организации наступления на этом направлении. А когда противник подтянул резервы на северный фас, где удачно развивалось наше наступление, Жуков 3 августа нанес главный удар на Курской дуге силами Воронежского и Степного фронтов. 5 августа войска Степного фронта ворвались в Белгород и продолжали продвигаться в направлении Харькова.

В этот же день на северном фасе был освобожден

город Орел. Разумеется, командующие фронтами поспешили доложить Верховному Главнокомандующему об этих победах. В кабинете Сталина были Антонов и Штеменко. Сталин пребывал в очень хорошем настроении и спросил их:

— Читаете ли вы военную историю?

Генералы не знали что ответить. Как говорил Штеменко: «Нам в эти дни было не до истории». А Сталин между тем продолжал:

— Если бы вы ее читали, то знали, что еще в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели все колокола. И нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо. А не только поздравительными приказами. Мы думаем, — кивнул он на сидевших за столом членов Ставки, — давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты и учинить какую-то иллюминацию...»

Вот так родилась идея о победных салютах, и именно в честь освобождения Орла и Белгорода в Москве был дан первый салют с залпами трассирующих снарядов из зенитных орудий. Но тогда при этом первом салюте посыпалось на крыши домов, да и на людей немало осколков от этих зенитных снарядов. И поэтому, в дальнейшем, было принято решение из зенитных и других орудий стрелять холостыми и украшать салют фейерверком ракет.

Вот так победно завершились две наступательные операции под Курском; на северном фланге эта операция называлась «Кутузов», а на южном — «Румянцев». 23 августа войска Степного фронта освободили город Харьков, и таким образом фронты, действия которых координировал Жуков, — Западный, Брянский, Воронежский и Степной, вышли на рубеж, позволявший строить и осуществлять дальнейшие планы по стратегическому наступлению в сторону Днепра и «Восточного вала», созданного на этой реке гитлеровцами.

Так завершилась полным провалом операция «Цитадель», задуманная гитлеровским командованием. Успешное оборонительное сражение, а затем и наступление наших войск на Курской дуге, в смысле военного искусства являют собой подлинно хрестоматийный пример взаимодействия всех видов войск. Сначала классическая оборонительная операция, затем не менее эффектное встречное сражение крупных армейских объединений и, в завершение, блестящая наступательная операция. Готовый и яркий образец для включения в учебники по военной истории и военному искусству! В Курской битве с обеих сторон участвовало более 2 миллионов человек, почти 30 тысяч орудий и минометов, более 6000 танков и самоходных орудий, а также более 4000 боевых самолетов. В результате этой битвы стратегическая инициатива окончательно перешла на сторону советских вооруженных сил. Гитлеровцы потеряли в сражении под Курском более 500 тысяч солдат и офицеров и около 2000 танков. Нашим войскам победа тоже обошлась очень дорого. Только убитыми было потеряно более 254 тысяч — четверть миллиона жизней.

Что касается Жукова, то Курское сражение стало еще одним подтверждением его блестящего таланта, способности предвидеть ход боевых действий, руководить колоссальным количеством войск на огромном театре боевых действий. Этот его опыт и мастерство подтверждаются тем, что план операции, разработанный заранее, был почти полностью осуществлен без каких-то крупных изменений и доработок. Вот что значит предвидение полководца и его громадный опыт! Рост мастерства маршала Жукова показывают еще и такие масштабы: под Москвой он руководил боевыми действиями 10-ти общевойсковых армий, не имея танковых дивизий, под Сталинградом было 14 общевойсковых и 1 танковая армия, несколько механизированных корпусов. А в боях под Курском он уже координировал действия 22-х общевойсковых, 5-ти тан-

ковых и 6-ти воздушных армий. Победа под Курском имела мощный международный резонанс. Многие союзники Германии поняли, что вопрос о поражении гитлеровцев в этой войне уже предрешен. К тому же для стабилизации Восточного фронта немецкому командованию пришлось перебрасывать с Запада срочным образом более 14 дивизий, что, конечно же, способствовало предстоящему открытию второго фронта союзниками.

В прежних главах я приводил приказы или выписки из них обеих воюющих сторон до того, как происходили описываемые мною сражения. Здесь мне хочется отступить от этого порядка и привести приказ Гитлера, который он отдал своим войскам перед операцией «Цитадель». Мне кажется, из этого приказа читатели более наглядно увидят, какие надежды возлагал Гитлер на эту операцию и какие беды постигли немцев в результате победных и умелых действий наших войск под руководством маршала Жукова и Верховного главнокомандующего маршала Сталина.

«Мои командиры!

Я отдал приказ о первой наступательной битве этого года. На вас и подчиненных вам солдат возложена задача добиться во что бы то ни стало ее успешного проведения. Значение первой наступательной операции этого года исключительно велико. Эта начинающаяся новая немецкая операция не только укрепит наш собственный народ, произведет впечатление на остальной мир, но и прежде всего придаст самому немецкому солдату новую веру. Укрепится вера наших союзников в конечную победу, а нейтральные государства будут вынуждены соблюдать осторожность и сдержанность. Поражение, которое потерпит Россия в результате этого наступления, должно вырвать на ближайшее время инициативу у советского руководства, если вообще не окажет решающего воздействия на последующий ход событий.

Армии, предназначенные для наступления, оснащены всеми видами вооружения, которые оказались в состоянии создать немецкий изобретательный дух и немецкая техника. Численность личного состава поднята до высшего возможного у нас предела. Эта и последующие операции обеспечены в достаточной степени боеприпасами и горючим. Наша авиация разгромит, сосредоточив все свои силы, воздушную мощь противника, она поможет уничтожить огневые позиции артиллерии врага и путем непрерывной активности окажет помощь бойцам пехоты, облегчив их действия.

Я поэтому обращаюсь к вам, мои командиры, накануне этой битвы. Ибо на четвертом году войны больше, чем когда бы то ни было, исход битвы зависит от вас, командиров, от в а ш е г о руководства, от исходящего от вас подъема и стремления к движению вперед, от вашей не останавливающейся ни перед чем непреклонной воли к победе и, если необходимо, также от ваших личных героических действий.

Я знаю, что вы заслужили большую признательность уже при подготовке этой битвы, и благодарю вас за это. Однако вы сами должны знать, что именно успех этой первой великой битвы 1943 года решит больше, чем какая-либо обыкновенная победа.

При этих обстоятельствах не сомневаюсь, что я, господа командиры, могу положиться на вас.

Адольф Гитлер.

Этот приказ уничтожить после оглашения в штабах дивизий».

И все это не только не сбылось, а почти половина солдат и офицеров, к которым обращался Гитлер, которые слушали слова этого приказа и обещали фюреру приложить все силы для его осуществления, повторяю — почти

половина из них погибли, были ранены или остались калеками. Моральный дух гитлеровской армии был окончательно сломлен, а сам Гитлер настолько травмирован, что у него еще больше, чем после Сталинградской операции, тряслись руки, нога, голова. Командующий 9-й армией генерал-полковник Модель, как мы уже упоминали, застрелился. Да и командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Клюге ненадолго пережил своего подчиненного: преследуемый другими неудачами в боях, он тоже покончил жизнь самоубийством в 1944 году. Жуков имеет, на мой взгляд, прямое отношение к этому самоуничтожению фельдмаршала, ведь его армия была разбита еще под Москвой. А теперь вот здесь, на Курской дуге, он потерпел поражение, которое, несомненно, действовало на психику, подрывало его самоуверенность, так свойственную некогда гитлеровским генералам, а в конечном счете привело к такому трагическому исходу. Под Курском Жуков нанес очередное поражение и своему давнему многоопытному сопернику — фельдмаршалу Манштейну.

Сражение на Курской дуге показало зрелое мастерство полководца Жукова на всех этапах: при подготовке к оборонительной операции и ее проведении, при быстрой перегруппировке и переходе в наступление, в мастерском проведении этого наступления. Все это осуществлялось Жуковым твердо, уверенно, демонстрировало его полное превосходство в военном искусстве над немецкими полководцами, которые противостояли ему по ту сторону фронта.

* * *

Здесь я сделаю небольшое отступление для того, чтобы показать, какой непростой, трудной была работа над этой книгой.

Читатели, неискушенные в военных делах, не обра-

тили внимания на неточность, которая допущена в последних абзацах предыдущей главы. А специалисты, особенно военные историки, наверняка увидели этот огрех. И те, кто относится ко мне недоброжелательно, уже схватились за ручки, чтобы уличить автора в некомпетентности.

Я умышленно не поправил в тексте эту ошибку, потому что она не моя. Пользовался я, казалось бы, неопровержимым источником. Судите сами: в воспоминаниях фельдмаршала Манштейна написано: «Когда Модель увидел, что битва в Курском котле проиграна, он покончил с собой». Я засомневался в достоверности этого печального факта. Но о том, что Модель застрелился, пишет его соратник, который участвовал в этом сражении. С другой стороны, я знаю, что Модель после Курского сражения был командующим группами армий «Северная Украина», «Центр» и на Западном фронте, во Франции. Как же понимать слова Манштейна? Сначала я предполагал, что это однофамилец фельдмаршала Моделя. Тем более что Манштейн пишет о «генерал-полковнике Моделе». Стал проверять послужной список, который приводит Манштейн, вспоминая о своем сослуживце: все совпадает с послужным списком фельдмаршала Вальтера Моделя. То, что пишет и говорит о его человеческих качествах Манштейн, совпадает с описанием характера именно фельдмаршала Моделя, которое я нашел и в советской Военной энциклопедии, и в английской военной энциклопедии.

В нашем энциклопедическом однотомнике (1983 года издания) указано, что именно Вальтер Модель был командующим 9-й армией в Курском сражении. Вот и получается, что после того, как он «покончил жизнь самоубийством», он еще получил звание фельдмаршала и командовал различными группами войск в других ответственных операциях. Но и фельдмаршалу Манштейну нельзя не верить — такое событие, как самоубийство командую-

щего армией, который был с ним на Курской дуге рядом, тоже ставить под сомнение как-то нет оснований.

После поисков и размышлений я понял, что истина заключается всего лишь в ошибке переводчика или корректора, которые ошиблись только в одной букве! Манштейн, рассказывая о своей совместной службе с Моделем, о его характере, о его службе, заканчивает биографию Моделя этим печальным фактом, который действительно совершился, но после того, как Модель потерпел еще одно поражение, но не в Курской, а в Рурской операции весной 1945 года в северо-западной части Германии, там-то он и застрелился. А переводчик изменил в слове «Рурской» всего только одну букву и написал «Курской», и получилось, что Модель застрелился после неудачи в «Курской» операции.

Вот так, из-за чужого огреха, я как автор мог бы иметь немало неприятностей, потому что знающие специалисты стали бы меня уличать в таком недопустимом ляпсусе, как смерть фельдмаршала, которую я объясняю поражением, нанесенным ему Жуковым под Курском. Пришлось бы мне в каких-нибудь газетных статьях оправдываться и восстанавливать доверие читателей. Но, слава Богу, этого не случилось, огрех обнаружил я сам и делаю это отступление только для того, чтобы показать сложность и трудность работы над мозаикой.

Что же касается факта самоубийств фельдмаршалов Моделя и Клюге, то я не стал править тот абзац, потому что факты эти, хотя и позднее, действительно совершились, и Жуков имеет к ним самое непосредственное отношение. Он умело бил этих врагов, побеждал их в сражениях. И то, что они, как скорпионы, добивали себя сами в безвыходных ситуациях, заслуга Жукова, потому что в конечном счете в эти ситуации он загонял их своими победными операциями.

ВПЕРЕД, К ДНЕПРУ!

Еще в ходе сражения на Курской дуге, когда шли тяжелые бои, но было ясно, что победа в этом гигантском сражении будет на нашей стороне, Ставка, не откладывая дела в «долгий ящик», ускорила разработку и уточнения ранее намеченного плана на летнюю кампанию 1943 года.

На командный пункт к Жукову в ходе этих боев дважды прилетал заместитель начальника Генерального штаба генерал Антонов и согласовывал с ним коррективы, которые вносил Верховный Главнокомандующий и которые хотел бы внести Жуков.

Наше командование понимало: после поражения в таком большом сражении как Курская дуга, куда гитлеровцы несомненно задействовали все свои резервы, складывается удобная ситуация для нанесения ударов на нескольких направлениях по всей ширине фронта — от Балтийского до Черного моря. Возможности для этого у нашего командования были, потому что многие фронты не участвовали в Курской битве и располагали достаточным количеством войск для проведения частных операций.

Жуков, как заместитель Верховного Главнокомандующего, как полководец, который к этому времени уже неоднократно проявил свои блестящие способности, да и как соратник, которому Сталин, можно сказать, уже верил неограниченно, рассматривая и уточняя план завершения летней кампании, обговорил с Антоновым весь широкий спектр предстоящих операций. А замысел был грандиозный. Кстати, эти операции были не только запланированы, но и осуществлены. Но в те дни, когда Антонов прилетал на фронт к Жукову, разговор шел только о предстоящих операциях: Смоленская и начало освобождения Белоруссии; изгнание немцев из Донбасса, этого промышленного района, которым они широко пользова-

лись; освобождение Левобережной Украины путем стремительного прорыва к Днепру; освобождение Черниговской области; Брянская операция (продвижение от Среднерусской возвышенности к бассейну Десны); Новороссийско-Таманская операция, завершающая освобождение Кавказа; Севастопольская операция (выход к Крымскому перешейку со стороны Перекопа); Керченская десантная операция (высадка в Крыму через Керченский пролив). Все эти операции планировалось начинать в разное время, они как бы перекрывали одна другую, не давая возможности маневрировать противнику резервами, которые у него еще оставались.

Генерал Антонов сказал Жукову:

— Верховный особые надежды возлагает на вас, Георгий Константинович, на вашу энергию в координации действий фронтов по выходу к Днепру.

Жуков ответил:

— Я разделяю замыслы Верховного, нужно действительно сейчас наносить удары на широком фронте, не давать возможности нигде сосредоточить резервы гитлеровцам, но с одним я не согласен — мне не нравится нанесение всюду фронтальных ударов. Надо не лобовыми ударами осуществлять эти намеченные операции, а искать возможности бить по флангам, окружать и уничтожать группировки противника. Вот, например, группировку противника в Донбассе можно бы отсечь мощным ударом со стороны Харькова — Изюма и в общем направлении на Днепропетровск и Запорожье.

Антонов сказал:

— Верховный настаивает на том, чтобы не терять времени на сложную организацию операций по окружению и выполнению каких-то перегруппировок и маневров. Это отвлекает много сил и требует затраты времени. Он говорит, что нужно использовать сложившуюся сейчас благоприятную обстановку и побыстрее гнать противника к Днепру и по возможности — за Днепр.

И еще Жуков попросил Антонова, чтобы Сталин нашел возможность доукомплектовать части после тяжелых боев в Курской битве, тогда выполнение возложенных на них задач будет действительно более динамичным.

Через несколько дней Сталин позвонил по телефону Жукову и сказал:

— Просьбу о пополнении частей фронтов Ватутина и Конева выполняем, а вот насчет нанесения удара из района Изюма на Запорожье я не согласен, потому что потребуется много времени на организацию, планирование, перегруппировки, а сейчас этого времени нет. Впрочем, приедете 25-го в Ставку, окончательно разберемся и обсудим наши планы.

25 августа 1943 года состоялось очередное заседание Государственного Комитета Обороны. Сталин заслушивал информации, давал указания по оперативным вопросам и опять поражал Жукова широтой тех проблем, которыми приходится ему заниматься. Вот на этом заседании Сталин дал указание о более энергичных работах по введению в действие «Второго Баку», чтобы избежать опасности, которая так неожиданно сложилась на Кавказском направлении, когда едва не были потеряны бакинские нефтяные источники. Сталин приложил много сил и активизировал многих для разработки разведанных в Сибири, за Уралом, нефтяных районов. И вот теперь, заслушав доклады о том, как там идут дела, он давал конкретные указания форсировать эти работы. Он разбирался с тем, как идет скоростное сооружение новых домен, электростанций, шахт. К этому времени эвакуированные заводы на новых местах уже работали в полную силу. В 1943 году было произведено 35 тыс. самолетов новых видов более 24 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, которые к тому же были улучшены конструктивно. Сталин со знанием дела говорил о более совершенной организации производства, о творческой работе конструкторов по улучшению качества боевой техники,

вникал в технологии производства, говорил о поточных методах на военных заводах. Он был в курсе всех дел.

Отпустив гражданских товарищей, Сталин тут же, без отдыха, перешел к военным вопросам. Он заслушал короткий доклад Жукова об обстановке на Воронежском и Степном фронтах и попросил Антонова сделать короткий доклад о положении на других участках. Заслушав Антонова, Сталин сказал Жукову:

— Сейчас самое главное — организовать выход к Днепру и на реку Молочную, потому что легче с ходу, во время преследования, будет захватить плацдарм. И еще одно обстоятельство, почему я вас прошу действовать побыстрее: гитлеровцы, отступая, все разрушают в Донбассе — шахты, заводы, города и уничтожают население, гибнут женщины, дети. Надо помешать этому, надо побыстрее отбросить немцев за Днепр. Договоритесь с товарищами Федоренко и Яковлевым, чтобы они вам дали для Воронежского и Степного фронтов, которые вы будете координировать, побольше пополнений, танков, артиллерии и боеприпасов, это вам, конечно, необходимо.

Жуков достал подготовленный расчет того, что бы ему хотелось получить, и положил перед Сталиным. Сталин внимательно прочитал, как обычно, взял синий карандаш и сократил все почти наполовину. И сказал:

— Остальное Ставка даст, когда подойдете к Днепру. Сейчас пока нет возможности.

В этот же день Жуков вылетел в район боевых действий фронтов, которыми ему предстояло руководить в ближайших операциях. Воронежским фронтом командовал Ватутин, Степным — Конев. Вслед за Жуковым пришла и официальная директива Ставки, которая ставила задачу: продолжая наступление, выйти в среднее течение Днепра и захватить там плацдармы.

На организацию этой сложной операции времени не было, Жуков это понимал: надо было гнать противника, пока он еще в полной растерянности после поражения

под Курском. Но с другой стороны: войска понесли большие потери в тяжелых боях, и люди устали, не хватало боеприпасов и другого снаряжения. Однако к этому времени уже и войска были не те, что раньше. У командного состава накопился большой опыт теперь уже победных действий. Да и более младший состав офицеров, сержанты и солдаты, несмотря на усталость, были вдохновлены одержанной победой, и каждый из них понимал, что надо, очень надо! — гнать врага и побыстрее выходить к Днепру. Политотделы вели активную работу, разъясняя необходимость концентрации всех сил и продолжения наступления во что бы то ни стало.

Жуков в эти дни встретился с Василевским и согласовал свои действия с той операцией, которой руководил Василевский, а он координировал действия Юго-Западного и Южного фронтов по освобождению Донбасса. У маршалов выработалось хорошее взаимопонимание. Без долгих разговоров они находили общие необходимые сроки, рубежи и способы поддержать друг друга. В общем, хорошо увязали действия этих четырех фронтов.

И все же наступление развивалось не так быстро, как хотелось бы Жукову: сил не хватало. Очень вовремя Верховный Главнокомандующий сдержал свое обещание, и в первой половине сентября на Воронежский фронт пришла из резерва 3-я гвардейская танковая армия под командованием Рыбалко и 13-я и 60-я армии под командованием Пухова и Черняховского. В состав Степного фронта вошли 52-я и 5-я гвардейские армии. Это, конечно, позволило развить более стремительное наступление. Фронты, действия которых координировал Жуков, буквально опрокинули противостоящие войска гитлеровцев и погнали их к Днепру. Очень хорошо помогала в эти дни авиация. Как когда-то наши войска била гитлеровская авиация, теперь наша истребляла колонны техники и отступавшие части гитлеровцев.

Чтобы вдохновить и заинтересовать, всколыхнуть бое-

вой дух офицеров и генералов, Ставка издала приказ о том, что те, кто первыми выйдут на Днепр, захватят плацдарм и удержат его на противоположном берегу, будут удостоены звания Героя Советского Союза. Нужно сказать, это обещание действительно возымело свое действие и очень многие командиры и рядовые с удвоенной энергией били отступающего врага и стремились выйти к Днепру, переправиться через него и заслужить эту высокую награду.

Вскоре, 23 сентября, первыми вышли и форсировали Днепр механизированные части 3-й гвардейской танковой армии. Затем, севернее Киева, части армии Чибисова. В общем, к концу сентября Днепр был форсирован во многих местах и были захвачены обширные плацдармы, на которые перебрались сначала полки, потом дивизии, а потом целые армии. Обещание свое Верховное Главнокомандование сдержало: за успешное форсирование Днепра более двух с половиной тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов были удостоены звания Героя Советского Союза.

Я помню — такое массовое присвоение высшей награды породило разговоры о том, что вроде бы не везде и не все были достойны золотых звезд. Уж очень много сразу появилось героев! Раньше это звание присваивалось за очень трудный подвиг, часто связанный с гибелью его совершившего. Всегда имелось в виду что-то невероятно трудное, почти невыполнимое, сверхъестественное. А тут вдруг сразу две с лишним тысячи героев... Считаю необходимым сказать: так могут рассуждать только люди, которые не представляют, что значило тогда форсировать Днепр и закрепиться на противоположном берегу. Сам по себе Днепр — очень широкая водная преграда. Выходили на его берег первыми группки разведчиков, небольшие подразделения, которые, опережая своих и противника, вырывались вперед. Их было мало. Они не ждали подкреплений, у них не было штатных перепра-

вочных средств. Переправлялись на тот берег кто на чем: снимали заборы в поселках, делали связки из бревен, досок, бочек, находили рыбацьи лодки. И вот на этих так называемых «подручных средствах» пытались переправиться через широчайшую реку. Я говорю «пытались», потому что очень и очень многие противоположного берега не достигли. Гитлеровцы готовили на берегу Днепра сильный оборонительный рубеж; назвали его «Восточный вал». Они намеревались укрепиться здесь надолго, простоять многие месяцы, чтобы привести в порядок свои потрепанные части. Днепр, как природный рубеж, да еще усиленный инженерными сооружениями, позволял выполнить эту большую стратегическую задачу.

Но Ставка и Жуков, тоже понимая значение Днепра, стремительным выходом к реке как раз и не дали гитлеровцам завершить строительство этого «Восточного вала».

Замысел маршала осуществляли те, кто переправлялся через Днепр первыми на подручных средствах, сбивал противника с оборонительных позиций малыми силами (а больших сил и не могло быть). Усталые, вымокшие, не имея достаточного количества боеприпасов, они вершили невозможное. Много таких смельчаков погибло. Противник понимал, что нельзя допустить укрепления переправившихся, предпринимал все меры, чтобы сбросить с берега захвативших небольшие плацдармы. Но было немало находчивых, смелых бойцов и младших офицеров, которые одолевали врага и, захватив краешек противоположного берега, удерживали его, отбивая яростные контратаки немцев до подхода своих войск.

А теперь представьте себе, как невероятно трудно малой горстке храбрецов удержать клочок земли на противоположном берегу в течение нескольких часов, а порой суток! Израненные, порой превращенные в кровавое месиво, они держались до последнего вздоха, понимая, как важен этот кусочек берега для тех, кто скоро подойдет к Днепру вслед за ними. Так что днепров-

ские герои — настоящие герои: они совершили подлинный подвиг, и золотые звезды украшают их грудь заслуженно. Каждый из них и все они вместе совершили такое большое дело, которое сберегло жизни сотням тысяч их боевых соратников. Если бы Днепр не был форсирован с ходу, если бы Жуков сразу, мгновенно не использовал эти плацдармы и не расширил бы их, не отбросил бы немцев от Днепра, сколько бы пришлось потерять жизней для того, чтобы преодолевать такую водную преграду, как говорится, в плановом порядке. Если бы немцы закрепились на этом «Восточном валу», пришлось бы не один месяц готовить и осуществлять широкомасштабную стратегическую наступательную операцию по форсированию широкой водной преграды. И еще неизвестно, была бы она удачной — Днепр и оборона на западном берегу, пожалуй, не меньшее препятствие, чем пролив Ла-Манш, который союзники не решались форсировать несколько лет! И нашим войскам подготовка потребовалась бы тоже основательная и продолжительная.

Стремительный выход к реке, захват 23 плацдармов на противоположном берегу с ходу, на фронте протяженностью более 750 километров переоценить невозможно. Здесь можно только удивляться находчивости и энергии Жукова. Он вместе с командующими фронтами и другими руководителями, и, конечно, с бойцами-исполнителями, которые непосредственно плыли, захватили и удерживали эти плацдармы, — все они вместе осуществили блестящую по искусству, очень весомую по стратегической значимости операцию.

В нашей литературе, не только в художественной, а даже военной и особенно в газетных публикациях встречаются такие выражения, как «стратегический пункт», «оперативный объект». Очень часто авторы, употребляя эти термины, совершенно не представляют их смысла и содержания. Можно прочитать такие сообщения, напри-

мер, о боях в Чечне или в Югославии: подразделение или такой-то отряд захватили стратегически важную высоту или стратегически важный мост. Стратегический — это значит такое крупномасштабное мероприятие, операция или объект, которое имеет влияние на какой-то определенный этап войны или исход войны в целом. Стратегия манипулирует только такими категориями. Ну, для примера, стратегические масштабы имела операция гитлеровцев «Тайфун», когда они пытались захватить Москву путем окружения. Вот здесь — стратегический масштаб, потому что это влияло в какой-то степени, в случае уда- чи, на исход войны. Стратегический масштаб имела Ста- линградская операция, которая, как уже говорилось, вы- рвала стратегическую инициативу у немецкой армии. К стратегическим относится битва на Курской дуге, не толь- ко по количеству участвовавших войск, но и по результа- там. Это была последняя попытка гитлеровского коман- дования восстановить инициативу на Восточном фронте и взять реванш за сталинградское поражение. Когда мы говорим о стратегическом плацдарме при форсировании Днепра, то должны помнить, что не все захваченные плац- дармы имели основание называться стратегическими. Вот операция, которую осуществил Конев, где пять армий взламывали оборону немцев на правом берегу Днепра и захватили уже огромную территорию, на которой в дальнейшем могли развернуться несколько фронтов, вот это — масштаб действительно стратегический. Гитлеровцы теряли свой «Восточный вал» на Днестре, который в слу- чае удержания позволял им вести длительную стратеги- ческую оборону. А для нашей армии этот плацдарм от- крывал широкий простор для последующих операций стра- тегической масштабности.

Оперативные масштабы — это менее крупные по срав- нению со стратегическими, по результатам и по задачам влияющие на успех действия оперативных соединений — армий, корпусов и обеспечивающие эффективный резуль-

тат, достижение победы на каком-то оперативном направлении, где действует соответствующее объединение. Оперативные мероприятия обычно являются частью, звеном стратегических.

Ну, а тактические — это уже на уровне боевых действий дивизий, полков и подразделений. Обращение с терминами без правильного их употребления не только вводит в заблуждение читателей, но и показывает некомпетентность авторов, которые их так легкомысленно употребляют.

Успешные действия наших войск по захвату плацдармов на Днепре не только беспокоили, а, прямо скажем, испугали командование гитлеровской армии. В штаб группы армий «Юг» к Манштейну прилетел сам Гитлер. Он личным присутствием хотел воздействовать на войска, чтобы удержать этот, можно сказать, последний мощный оборонительный рубеж на Восточном фронте. Так что Жуков теперь скрестил шпагу с самим немецким верховным. Собирая все силы для контрударов, Манштейн пытался сбросить в реку переправившиеся наши части. На большинстве участков в районе Киева, Черкасс, Кременчуга, Днепропетровска, Запорожья советские дивизии держались, отражая контратаки противника.

Сразу же после захвата плацдармов в районе Киева Жуков начал разработку операции по освобождению столицы Украины. Самым близким к городу был Букринский плацдарм. С него и предполагалось нанести удар силами Воронежского фронта. Ставка утвердила решение Жукова и Ватутина.

Однако Манштейн на этот раз угадал намерения Жукова, сосредоточил на этом направлении резервы и отразил натиск ударной группы с Букринского плацдарма.

Жуков позднее вспоминал:

— Проанализировав обстановку, сложившуюся после неудачи нашего десанта, я пришел к выводу, что наступление с Букринского плацдарма вряд ли может иметь

успех. Внезапность удара была утрачена. Сопротивление противника, разгадавшего наш замысел, резко возросло. Местность на этом направлении крайне неудобна для действий танков — очень овражистая, сильно всхолмленная, дорог мало. Мой вывод заключался в том, что необходимо перенести центр усилий на Лютежский плацдарм. О чем я и доложил Верховному.

Однако Сталин в очень резкой форме потребовал от Жукова строго руководствоваться ранее принятым решением и взять Киев.

Были предприняты еще две попытки, обе закончились неудачно, с напрасными потерями.

Жукова удивляли упорство и раздраженность Сталина, маршал тогда не знал, что скоро состоится встреча большой тройки — Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране, и Верховный хотел прибыть туда с таким весомым свидетельством успехов Советской Армии, как взятие Киева.

Жуков, окончательно убедившись в бесплодности атак с Букринского плацдарма, предложил новый план взятия Киева. Суть его заключалась в следующем: имитируя сосредоточение подкреплений на Букринском плацдарме, на самом деле снять с него 3-ю гвардейскую танковую армию и перегруппировать ее на Лютежский плацдарм, откуда гитлеровцы не ожидали нашего удара.

Сталин вынужден был согласиться с предложением Жукова, взятие Киева по намеченным срокам должно было произойти до открытия конференции в Тегеране.

Надо сказать, что хотя этот замысел был и уместен, его осуществление было весьма не простым. Представьте, что такое танковая армия: это колоссальное количество людей, танков, вспомогательной техники и обеспечивающих подразделений. А передислоцироваться ей надо было на 200 километров, с одного плацдарма на другой. Причем эти 200 километров — вдоль фронта противника. Он мог заметить передислокацию, и тогда все намере-

ния, все эти жуковские хитрости просто лопнули бы. Кроме танковой армии, Жуков перебрасывал еще 7-й артиллерийский корпус прорыва для того, чтобы обеспечить огнем действия наступающих войск. Все перемещения осуществлялись под строгим контролем маршала, с тщательной маскировкой. И еще он организовал имитацию активных передвижений к фронту на Букринском плацдарме.

Таким образом, Жуков создал мощную ударную группировку на том направлении, где противник этого удара не ожидал. Там были: целая танковая армия, отдельный танковый корпус, 38-я армия и еще артиллерийский корпус прорыва. Одних «катюш» — оружия, которого очень боялись немцы, — было здесь больше 500 единиц! Поддерживала действия наземных войск 2-я воздушная армия.

Наряду с такими грандиозными делами была у Георгия Константиновича, как и у всех, своя личная жизнь. Ничто человеческое и маршалам не чуждо. Вот почитайте выдержки из двух писем, которые Жуков написал жене в дни той сложнейшей перегруппировки.

«...Дела у нас сейчас по-прежнему неплохие. Сидим на Днепре. Немцы хотят во что бы то ни стало удержаться на Днепре, но, видимо, это им не удастся. Я по-прежнему езжу по армиям, в вагоне сидеть не могу — характер, видимо, такой, больше тянет в поле к войскам, там я как рыба в воде. Здоровье неплохо, плохо слышу. Надо бы опять полечить ухо, да вот пока не организовал. Иногда немного побаливают голова и нога...» (5.10.43 г.)

А это за десять дней до начала киевской операции.

«...Письмо твое я получил, за которое шлю тебе дополнительно пару горячих поцелуев. Получил посылку с бельем. До упаду я смеялся на ночную рубашку. В этой рубашке я буду похож на Матрену или Акулину. Дела у нас на фронте сейчас идут хорошо. Правда, на некоторых участках происходит заминка, но это, пожалуй, неизбеж-

но после такого продвижения. Хотелось бы скорее покончить с Киевом и тогда приехать в Москву...» (21.10.43 г.)

1 ноября началось наступление 27-й и 40-й армий именно — (правильно вы догадались!) на Букринском плацдарме! Считая этот удар главным, Манштейн сразу же подтянул сюда оставшиеся резервы, в том числе танковую дивизию ССР «Рейх».

Ну, а Жукову только этого и надо было. Через сутки, когда уже хорошо завязались в боях наши наступающие и обороняющиеся немецкие части, 1-й Украинский фронт Ватутина нанес удар с Лютежского плацдарма. Это было, конечно, полной неожиданностью для гитлеровцев! 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко к утру 5 ноября перерезала дорогу Киев—Житомир, а в 4 часа утра следующего дня танки и 38-я армия генерал-полковника Москаленко ворвались в Киев и освободили город.

Жуков послал телеграмму Верховному Главнокомандующему. Мне хочется привести эту телеграмму, потому что в ней почти не служебный стиль, а явное радостное настроение маршала Жукова:

«С величайшей радостью докладываем о том, что задача, поставленная по овладению нашим прекрасным городом Киевом — столицей Украины, войсками 1-го Украинского фронта выполнена. Город Киев полностью очищен от фашистских оккупантов. Войска 1-го Украинского фронта продолжают выполнение поставленной задачи».

Жуков, не склонный к сантиментам, в воспоминаниях написал не только о боевых действиях, но и о таких вот своих переживаниях:

«В 9 часов утра с Военным советом фронта мы прибыли в Киев, куда уже стекались толпы измученных жителей города, попрятавшихся в окрестностях от зверской расправы фашистов. Наши машины обступили со всех сторон.

Большинство людей выглядели крайне истощенны-

ми, но как светились глаза киевлян, увидевших не в мечте, а наяву своих освободителей, родных советских воинов! Многие плакали от радости, каждый хотел что-то рассказать о давно наболевшем, выстраданном...

Проезжая по хорошо знакомому мне Крещатику, когда-то красивейшему проспекту города, я ничего не мог узнать: кругом были сплошные развалины. Так выглядел наш древний Киев после ухода гитлеровцев».

Жуков вспоминал довоенные времена, когда он был командующим Киевским военным округом и штаб его находился в этом, одном из красивейших городов. Здесь он, не раз отдыхая, гулял по красивому Крещатику. Читатели видели, наверное, на снимках, какие развалины остались от уникальных архитектурных сооружений этого проспекта. Я тоже видел (не на фотографиях!) эти разрушенные здания. И самое ужасное, что многие дома были разрушены не в ходе боев, а уничтожались специальными подрывными командами гитлеровцев.

Еще одним проявлением военного мастерства Жукова была вот такая его находка. Он совершенно правильно решил: не обязательно форсировать Днепр в других местах уже с подошедшими переправочными средствами. Дело это трудное, влечет большие потери. Можно, используя успех частей, переправившихся на правый берег, с их плацдармов бить вдоль побережья Днепра, сматывая оборону противника и тем самым расширять плацдармы.

В осуществлении этой операции отличился Конев, будучи командующим Степным фронтом (он так назывался к моменту начала этой операции). Чтобы в дальнейшем не было путаницы, я здесь сразу подскажу: с 20 октября Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный фронты были переименованы — в 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Украинские фронты. Так что начинал эту операцию Конев еще будучи командующим Степным фронтом, завершал — уже как командующий 2-м Украинским фронтом. При подготовке этой операции тоже

были использованы меры предосторожности и дезинформации, чтобы не выявить сосредоточения войск для нанесения удара с плацдарма. А перегруппировка была сложная. На плацдарме сосредоточивались 5-я и 7-я гвардейские армии, 37-я и 57-я армии. Причем 5-я гвардейская армия шла сюда из-под Кременчуга. Она переправилась там, на старом своем месте, через Днепр и после 1-километрового марша еще раз переправилась уже на плацдарм 37-й армии. Здесь же, на этом плацдарме, намечалось ввести, как мощную ударную силу, 5-ю гвардейскую танковую армию, но она еще находилась на доукомплектовании в районе Полтавы. Ей тоже предстояло совершить марш от 100 до 200 километров, а потом переправиться на плацдарм по мосту, специально построенному для танков. Еще надо было подготовить и хорошо замаскировать этот мост до прибытия армии — что и было сделано. В общем, организация этой операции требовала и большого умения, и большого напряжения, и траты нервов уже в процессе самой подготовки.

Но вот, наконец, все было готово, перегруппировка осуществлена, задачи доведены до войск. И 15 октября утром, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки, этот бронированный кулак в составе четырех общевойсковых и одной танковой армии нанес совершенно неожиданный удар во фланг частям гитлеровцев на правом берегу Днепра!

А Манштейн все, что было у него под рукой в те дни, бросил для отражения неожиданного удара под Киевом. Против войск Конева фельдмаршал применял много авиации, чтобы быстро отреагировать на это наступление советских войск. Бои шли очень напряженные. В своих воспоминаниях Манштейн по этому поводу пишет: «В течение всего октября Степной фронт противника, командование которого, вероятно, было наиболее энергичным, перебрасывал все новые и новые силы на плацдарм, за-

хваченный им южнее Днепра на стыке между 1-й танковой и 8-й армиями. К концу октября он расположил здесь не менее 5 армий (в том числе 1-ю танковую армию), в составе которых находились 61 стрелковая дивизия и 7 танковых и механизированных корпусов, насчитывающих свыше 900 танков. Перед таким превосходством сил внутренние фланги обеих армий не могли устоять и начали отход соответственно на восток и запад».

Ну, прямо скажем: у страха глаза велики. Насчет количества армий Манштейн прав. Но вот насчет 7 танковых и механизированных корпусов — тут он преувеличивает. И шестьдесят одной стрелковой дивизии на этом плацдарме тоже не было. Но еще характерно то, что, перечисляя эти объединения и соединения советских войск, он ни слова не говорит о том, что он «проморгал» их сосредоточение, что удар-то этот фланговый был для него абсолютной неожиданностью. Об этом свидетельствует то, что у него на этом направлении резервов не оказалось.

В результате такой крупномасштабной операции, которую координировал Жуков, как представитель Ставки Верховного Главнокомандования (но надо отдать должное, исполнителем и непосредственным руководителем был Конев Иван Степанович), был создан огромный плацдарм меньшими усилиями, чем если бы такое пространство освобождалось с форсированием Днепра. Переправившиеся части сминали оборону противника на широком фронте вдоль Днепра и вышли к Кировограду.

В целом наступление завершилось успешно, и командующий фронтом Конев доложил Верховному, как он пишет в мемуарах: «...о сражениях за Днепром, о завоеванном большом стратегическом плацдарме, о том, что войска дерутся хорошо, имеют высокий боевой дух. Но непрерывно находясь в боях около четырех месяцев, бойцы физически устали, войскам требовался отдых и пополнение. Я попросил разрешения временно перейти к обороне на занимаемом рубеже. И.В.Сталин высказал полное

удовлетворение действиями войск фронта и согласился с моим предложением».

Читая этот доклад и то, что пишет маршал Конев в своих мемуарах о тех боях на плацдарме, так и хочется сравнить кое-что с известной песенкой о «маркизе», у которой «все хорошо», но, как выясняется в конце, все не так уж и благополучно.

За всю операцию по созданию стратегического плацдарма Сталин вполне справедливо похвалил Конева.

Но то, что Иван Степанович не говорит ни слова о Жукове и о том, что Георгий Константинович спас его, Конева, в очередной раз от больших неприятностей, и похвала Сталина могла не состояться, об этом Иван Степанович умалчивает. Ну, а я вынужден напомнить.

Вот что рассказывает человек, бывший рядом с Жуковым в те дни, его шофер Александр Бучин:

— Только приехали из Киева в Макарово, здесь размещался штаб фронта, вдруг выходит Жуков и говорит: «Поедем к Коневу». Я от штабных работников услышал: — не заладилось там на 2-м Украинском, потеснил противник войска Конева.

Поехали. Легко сказать. А это 500 километров по дорогам, где колдобина на колдобине, да еще самолеты немецкие налетают. Дороги более-менее приличные с востока на запад пролегают, а мы ехали вдоль фронта поперек этих дорог. Жуков после боев за Киев передохнуть не успел, когда у «Конева не заладилось». Вот мы и помчались помогать. Очень мучительная была эта поездка! Когда примчались в штаб Конева, мы, молодые, не могли ни согнуться, ни разогнуться. Ребята из охраны, следовавшей за нами, из машины еле-еле вылезли. А Жуков тут же с ходу за дело. Обстановка не позволяла медлить. Заслушал невеселый доклад Конева и стал командовать, каким частям что делать: где обороняться, где контратаковать. Через несколько дней выправилось положение, остановили немцев.

А вот что пишет Жуков в своей книге:

«В самый разгар ожесточенных сражений я прибыл на командный пункт И.С.Конев, который находился в четырех километрах от поля битвы...

К исходу 24 октября на ряде участков наши войска вынуждены были отойти на расстояние 10 километров, а затем, не удержавшись, еще километров на 25...»

Вот теперь сравните, о чем Конев доложил Верховному и что происходило до этого в действительности.

Жуков сделал все, чтобы остановить «драп» по 25 км в день, он привлек сюда всю авиацию, которая была в его распоряжении, своими находчивыми приказами организовал отражение контрудара противника, а затем и прочную оборону на реке Ингулец. Разумеется, все приказы отдавал командующий фронтом Конев, но почему-то до прибытия Жукова у него такие нужные приказы не возникали.

В докладе Конев Верховному сказана правда: войска «дрались хорошо», «создали большой стратегический плацдарм», «четыре месяца в боях» и так далее. Но правду надо писать всю, а не только ту, которая выгодна себе. Поэтому читатели, наверное, не посчитают обидным для Конева мое напоминание о песенке про «маркизу».

Чтобы не складывалось у читателей впечатление, что у Жукова все шло без сучка и задоринки и никаких огрехов он не допускал, приведу два боевых эпизода, которые не украшают его полководческую биографию. Но поскольку они, как говорится, имели место, умолчать о них я не считаю возможным. Тем более что сам Георгий Константинович (как и Конев) в мемуарах не упоминает об этих промахах. (Человеку свойственны слабости, даже если у него на плечах маршальские погоны.)

Первая неудача произошла в самом начале броска к Днепру. Жуков вместе с командующим фронтом Ватутиным решили для быстрого захвата плацдарма на правом берегу Днепра выбросить воздушный десант — две брига-

ды. Им ставилась задача (явно непосильная!) — захватить плацдарм около 100 километров по фронту и 25 в глубину.

В ночь на 24 сентября была выброшена одна бригада полностью и часть второй. Из-за плохой подготовки десант приземлился не компактно, а рассеялся по большой площади, многие опускались на колонны немцев, двигавшиеся по дорогам, и стали легкой добычей гитлеровцев. Из-за того, что часть летчиков потеряла ориентировку, некоторые подразделения приземлялись в расположении своих войск, а многие падали в воду Днепра.

Разумеется, нельзя всю вину за эту неудачу возлагать на Жукова, ориентировку потеряли летчики и командиры более низкого звена, но неудача есть неудача, и Жукову, и Ватутину влетело за нее в специальном приказе:

«Выброска массового десанта в ночное время свидетельствует о неграмотности организаторов этого дела, ибо, как показывает опыт, выброска массового ночного десанта даже на своей территории сопряжена с большими трудностями...»

Другая неудача связана с первым наступлением с Букринского плацдарма с целью овладеть Киевом. Жуков поспешил, надеялся, что противник не успел укрепиться на правом берегу, недооценил трудной местности, здесь Днепр имел несколько ответвлений и параллельные старые русла.

Неудачное наступление, потери очень разгневали Верховного, последовал еще один приказ:

«1. Ставка Верховного главнокомандования указывает, что неудача наступления на Букринском плацдарме произошла потому, что не были своевременно учтены условия местности, затрудняющие здесь наступательные действия войск, особенно танковой армии...»

Далее следовал прямой упрек представителю Ставки Жукову и командующему Воронежским фронтом Ватутину. И что особенно задевало самолюбие Григория

Константиновича, Верховный ставил в пример успешные действия командующего Степным фронтом И.С.Конева.

Как уже рассказано выше, Жуков реабилитировал себя тем, что провел сложную перегруппировку на Лютежский плацдарм, и вскоре Киев был освобожден.

И еще мне кажется, что необходимо рассказать хотя бы об одном из 25 000 Героев Советского Союза, первыми обеспечивших успех в грандиозной операции по форсированию Днепра на широком фронте. Жуков в своей книге пишет о некоторых из них с большим уважением и благодарностью.

Мне не довелось участвовать в тех боях, но есть у меня давний, добрый друг Василий Александрович Данилов, он удостоен звания Героя за подвиг на Днепре. Познакомились мы с Даниловым в далекой Кушке. «Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут». Мы с ним ничем не про штрафились, Кушка в шестидесятые годы была одним из обычных (уже нештрафных, как до революции) гарнизонов. Располагалась здесь одна из лучших гвардейских механизированных дивизий Туркестанского военного округа. Подполковник Данилов был начальником политотдела дивизии, я — начальником штаба. Прослужили мы в той самой южной точке более четырех лет. Дружили семьями. Я нередко брал на руки их младшего сына Колю, которого Идея Николаевна родила в Кушке, нянчил еще в пеленках. Старший Саша тогда пошел в первый класс.

Пройдет совсем немного лет, и мы, старики, отправимся туда, откуда еще никто не возвращался. Поэтому хочется мне оставить нынешним и будущим читателям рассказ непосредственного участника форсирования Днепра. Вася не раз рассказывал мне о боях, за которые получил высокое звание Героя. Но теперь я специально пригласил его к себе, расположились в моей библиотеке, и он начал рассказ.

— Родился в 1924 году на хуторе Кудинов, под Рос-

товом. Родители работали в колхозе. Я после школы, в 1941-ом, окончил в Каменске педагогическое училище. Успел поработать учителем. Когда началась война, в армию не брали по возрасту. А я и товарищи мои очень хотели попасть на фронт. Ну, пришло время, стали призывать и двадцать четвертый.

— Ты, Вася, лихо начал воевать, в 1943-м призывали — и в том же году Героем стал!

— Заждался призыва. Все воюют, а мы в тылу! Не терпелось побыстрее попасть на фронт. Мы же были страстные патриоты! Я, как форму надел, получил оружие, всегда и во всем стремился быть лучшим. Командование и сослуживцы это отметили, избрали меня комсоргом батальона, 118-го стрелкового полка, 33-й стрелковой дивизии, звание сержанта мне присвоили.

О звании Героя я не мечтал, даже в мыслях такого не было. Когда дивизия продвигалась к Днепру, для захвата плацдарма был создан передовой отряд, в основном из комсомольцев-добровольцев. Ну, меня комсоргом этого отряда назначили, выборы устраивать там не было времени.

— А большой отряд?

— Большой — человек пятьсот. Командиром выдвинули боевого, отчаянного лейтенанта Петра Прилепу. Он уже был орденосец, ротой командовал. Парторгом стал старшина Бастанджанян Мигран Мигранович, коммунист, он был старше нас по возрасту, 1913 года рождения. Придали отряду на усиление батарею 45 мм пушек на конной тяге для борьбы с танками. Ею командовал Исак Ваксман, веселый и смелый. Он, помню, шутил: «Все умные евреи в Ташкенте, и чего это я с вами на плацдарм забрался!» В его батарее был отчаянный командир огневого взвода, Безукладников Володя из Перми, студент, с первого курса призывали.

В общем, отряд получился боевой. Рванули мы к Дне-

пру — оружие, боеприпасы, продовольствие на себе несли. Только у артиллеристов пушки на конной тяге.

Вышли к реке, замаскировались, осмотрелись. Днепр широченный. Решил командир сначала на островок переправиться. Стали готовить подручные средства. Несколько лодок нашли. Артиллеристы плоты связали для пушек. Ну, как стемнело, поплыли. На острове передохнули и дальше. Противоположный берег занят. немцы ракетами реку освещают, пулеметным огнем прочесывают.

Придется с боем высаживаться. Сколько можно было, плыли втихую. Но не достигли мы берега, нас обнаружили и стали бить из пулеметов. Мы открыли ответный огонь. Парторг Бастанджанян первым увидел, что уже мелко, выпрыгнул из лодки и закричал:

— Вперед, ребята, а то в лодках всех побьют!

Ну, мы в воду и вперед. Выскочили на берег, а тут нас хорошим огоньком встречают. Погибли, конечно, многие. Но мы не остановились, ворвались в немецкую траншею — и пошла рукопашная! Врукопашной, как известно, против русских ни одна армия не устояла. Ночь, темнота, что там творилось, я не видел, но представляю какая была катавасия! Да и сам бил и стрелял направо и налево, где видел немцев.

К рассвету мы очистили первую траншею и начали расширять плацдарм. Раненых отправили назад в лодках. Убитых оставили здесь, на этом берегу, им уж все равно, где лежать.

С рассветом начался настоящий ад. Немецкая артиллерия долбила нас не переставая. В небе почти постоянно висели 10—15 пикировщиков и истребителей. Они нас не только бомбами, но из пулеметов расстреливали. А под прикрытием этого огня контратаковала пехота с танками.

Немцы понимали — нельзя ни в коем случае позволить нам закрепиться, за нами переправятся главные силы, и тогда сбивать будет еще труднее.

Семь атак мы отбили в этот день, артиллеристы молодцы, подбили несколько танков и хорошо пулеметы глушили. Почерневшие от копоти, не раз раненные, они били из своих пушечек прямой наводкой очень точно.

Плацдарм держали из последних сил. В первый день больше половины отряда погибло. На другой день почти все остальные полегли. Но плацдарм держали. Погиб командир отряда Прилепа. Четыре раза был ранен и не уходил с плацдарма. Погиб веселый, задорный Исак Ваксман.

Я принял на себя командование ротой. Офицеров в живых уже не было.

Василий Александрович помолчал, нелегко ему было вспоминать тот ад и погибших товарищей. Кто был хоть раз под бомбежкой, может представить, как почти весь день прицельно бьет артиллерия и пикируют самолеты на узкий плацдарм, на котором зарылась в землю горстка храбрецов. Да и в земле-то хорониться от бомб и пулеметов нельзя — надо отбивать атакующие цепи противника.

Данилов тяжело вздохнул и так закончил свой трудный рассказ:

— В общем, почти весь передовой отряд во главе со своим командиром Прилепой poleg на плацдарме. Уже не различали ни дня, ни ночи — едва держались на ногах. В сознании пульсировала одна мысль — надо выстоять! Но все же мы плацдарм удержали до подхода главных сил полка. Семерым, в том числе и мне, было через два месяца, 22 февраля 1944 года, присвоено звание Героев Советского Союза. Посмертно Петру Прилепе, бывшему трактористу из Ставрополя, Исаку Ваксману, веселому, остроумному еврею из Могилевской области. И оставшимся в живых — мне, парторгу армянину Бастанджаняну, бывшему счетоводу-бухгалтеру из Абхазии, артиллеристу Володе Безукладникову, студенту из Перми, командиру отделения автоматчиков слесарю из Вологды Мушникову Володе.

В братских могилах на том плацдарме лежат сыны всех республик нашего Союза, поэтому они очень правильно называются братскими. Там же похоронен и наш командир лейтенант Прилепа Петр Карпович — Герой Советского Союза.

Я подумал, какая жестокая целесообразность войны — несколько сот полегло, чтобы спасти жизни тысячам бойцов своей дивизии, избавив ее от кровопролитного форсирования Днепра.

Сегодня, наверное, трудно понять это, поверить в такое самопожертвование. Но такими уж мы были. И никакие заградотряды (как пишут сегодня) нас в бой не гнали, мы очень любили свою Родину. Великое слово «надо» помогало нам вершить все необходимое, порой и невозможное.

Василий Александрович после войны окончил Военно-политическую академию имени В.И.Ленина. Работал, как я уже сказал, начальником политотдела дивизии, вырос в члена Военного совета, начальника политуправления Северной группы войск. Последние годы был начальником политотдела своей академии. С 1986 года в запасе, генерал-лейтенант. Вот такой славный путь прошел днепровский Герой, сержант, комсомолец Данилов.

Сыны его выросли: Саша — подполковник, Коленька, которого я когда-то нянчил в пеленках, майор. Оба женаты, имеют детей. Да и мои чада подросли, сын Василий учился во Львовском военно-политическом училище. Но служба не пошла, уволился. Лейтенант запаса. А вот дочка Оля — молодец, уже дослужилась до звания подполковника — она военный журналист.

Видно, профессия отцов и любовь к армии сказалась на наших детях — и мы, и они фактически прожили жизнь в офицерских погонах.

Ну, а теперь пора нам вернуться на правый берег Днепра, где продолжаются сражения на больших стратегических плацдармах.

О том, в каком напряжении работал Жуков, мне кажется, хорошо рассказывает его шофер Бучин.

— Только наладил дело маршал у Конева под Кировоградом, а тут опять по радио срочное сообщение: у Ватутина беда, надо побыстрее туда возвращаться. На этот раз Жуков полетел на самолете, а мы те же 500 километров своими задницами отстукали, — Бучин засмеялся. — Пока он Коневу помогал, немцы со стороны Житомира ударили, хотели Киев отбить. Но не те времена, у Жукова в распоряжении были аж две танковые армии, первая и вторая. Как долбанули, более ста километров гнали фрицев и вернулись на подступы к Житомиру, Бердичеву и Белой Церкви. А тут очередной вызов в Москву. Полетели. Я почти всегда летал с маршалом, в Москве на аэродроме садился в наш «паккард», который пригоняли из гаража, и в Москве я возил Жукова по всем делам...

В этот приезд Жуков встретился в Москве с Василевским, который координировал действия 3-го и 4-го Украинских фронтов. Подвели итоги боев за лето 1943 года.

Жуков отметил: «Александр Михайлович выглядел усталым. Ему, как и мне, пришлось, начиная с апреля, почти непрерывно находиться в движении — то в полетах, то в поездках по фронтовым дорогам».

Наверное, у Жукова еще не прошли боли в теле от 500-километрового броска к Коневу, поэтому в первую очередь он говорит не о фронтовой нервотрепке, а о дорогах, по которым много пришлось ездить с апреля по декабрь в таких колоссальных сражениях!

«Обстановка в это время была довольно сложная, напряженная и изобиловала чрезвычайно острыми сменами больших успехов и досадных неудач. Все это вместе взятое, плюс систематическое недосыпание, физическое и умственное перенапряжение, особенно сказывались тогда, когда мы оказывались в Москве в тиши кабинетов, где не слышно было ни налетов авиации, ни артиллерий-

ских обстрелов, ни тревожных докладов с опасных участков фронтов».

Не могу полностью согласиться с этим замечанием Жукова. Разрядка наступала в смысле тишины и отсутствия смертельной опасности, но что касается нервного напряжения, то в кабинете Сталина оно едва ли снижалось. Здесь решались такие сложнейшие вопросы, что «мозгами шевелить» приходилось не менее энергично, чем на фронте.

На декабрьском совещании присутствовали почти все члены Государственного Комитета Обороны и многие руководители министерств, оборонных предприятий и крупные «хозяйственники». По вопросам экономики и военной промышленности сделал доклад Вознесенский.

Сталин недавно возвратился с Тегеранской конференции, он коснулся вопросов международного порядка и обещания союзников открыть второй фронт к 1 мая 1944 года, проинформировал о договоренности, достигнутой с руководителями союзных государств по вопросам послевоенного сотрудничества, и о том, что обещал объявить войну Японии после разгрома Германии. Сталин подвел также итоги боевых действий 43-го года, сказав, что именно в этом году наши войска освободили больше половины территории, захваченной гитлеровцами в предыдущие два года войны. В ходе этих боев были полностью уничтожены 56 дивизий противника и 162 дивизии понесли потери, которые потребуют больших усилий и средств для их восстановления. Было уничтожено 7 тысяч танков противника, более 14 тысяч самолетов и 50 тысяч орудий и минометов. Наши же возможности за этот год возросли: наряду с боевыми действиями и теми потерями, которые мы несли на фронте, было сформировано 78 новых дивизий, 5 танковых армий, 37 танковых и механизированных корпусов, 80 отдельных танковых бригад, 149 отдельных танковых и самоходных артиллерийских полков, 6 артил-

лерийских корпусов, 26 артиллерийских дивизий, 7 гвардейских реактивных минометных дивизий и много других вспомогательных частей.

Жуков с большим удовлетворением слушал итоговый доклад, приводимые цифры Сталиным, радовался, что в целом все-таки, несмотря на неудачи первого года войны, наше руководство смогло преодолеть почти катастрофический кризис. Как показал опыт на Западе — ни одно государство не выдержало даже более слабых ударов, все они рухнули под натиском гитлеровских полчищ. А мы вот выдержали. И не только выдержали, а благодаря самоотверженному, предельному напряжению советских людей на фронте и в тылу разгромили, перемололи столько сил врага, да еще и создали новые резервы для окончательного изгнания оккупантов с нашей земли.

Расширилось и даже в несколько раз увеличилось по количеству и по активности партизанское движение в тылу врага, действиями которого руководила та же Ставка через штаб партизанского движения. Ширилась освободительная борьба в странах Европы. Поражения, которые гитлеровская армия потерпела на Восточном фронте, в России, конечно же, подорвали ее престиж и породили надежды на скорое освобождение у народов Европы.

Сталин изложил перемены в международных делах. Союзники высадились в Италии и вывели ее из войны. Растет сопротивление немцам во Франции, Югославии, Чехословакии. В самой Германии подходят к концу людские резервы, не хватает сырья для промышленности. Зреет понимание неизбежного поражения в войне. У нас, наоборот, появилась твердая уверенность в победе. Командные кадры армии и солдаты приобрели прекрасный опыт и умело ведут боевые действия, от растерянности первого года войны не осталось и следа.

Сталин сказал:

— Рузвельт на Тегеранской конференции дал твердое слово открыть широкие действия во Франции в 1944 году. Думаю, что он слово сдержит. Ну, а если не сдержит, у нас хватит и своих сил добить гитлеровскую Германию.

ТЕГЕРАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Здесь я сделаю небольшое отступление. Верный своим намерениям быть в повествовании поближе к местам описываемых событий и опираться на рассказы их очевидцев или участников, я, собирая материалы к этой главе, слетал в Тегеран (в августе 1995 г.), нашел там хорошие материалы о Тегеранской конференции. Изложу только то, что имеет отношение к боевым действиям наших войск и, следовательно, к Жукову. Он в работе конференции не участвовал! Как заместитель Верховного Главнокомандующего все это время руководил операциями фронтов.

Я осмотрел дом, где жил Сталин, небольшой особняк на территории посольства, сейчас это резиденция нашего посла. В дни конференции на первом этаже находился начальник оперативного управления генерал Штеменко. Он поддерживал постоянную связь с Антоновым, а Сталин не раз говорил по ВЧ с Жуковым, интересуясь ходом боевых операций. Особенно его беспокоило положение под Киевом.

С разрешения посла я осмотрел весь особняк. Сталин располагался на втором этаже, здесь были кабинет, спальная, ванная, комнаты для охраны. Мебель тех времен не сохранилась.

Затем я обошел все помещения основного здания посольства, где проходили заседания и куда переселился из

американского посольства президент Рузвельт. Это было связано с вопросами его безопасности.

Еще по прибытии в Тегеран Черчилль отметил в своих воспоминаниях:

«Я был не в восторге от того, как была организована встреча по моем прибытии на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти 3 миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два-три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой.

Американская служба безопасности более умно обеспечила защиту президента. Президентская машина проследовала в сопровождении усиленного эскорта бронемашин. В то же время самолет президента приземлился в неизвестном месте и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал».

Советское и английское посольства находятся рядом, их разделяет неширокая улица. Я познакомился с Петром Ивановичем, он владелец автомобильной мастерской. В 30-х годах его отец эмигрировал из Союза и обосновался в Иране. В 1943 году Петр Иванович был еще мальчиком и приходил с другими ребятами посмотреть на иностранных солдат.

— Их было много, они ходили вдоль стен, ограждавших посольства. Охрана перекрыла улицу между посольствами — повесили на тросах брезент, и таким образом два квартала были объединены и работники ходили через эту улицу свободно. Мы старались заглянуть внутрь, когда брезент охранники приоткрывали, чтобы пропустить

своих или посетителей, нам хотелось увидеть кого-нибудь из глав государств, но солдаты нас прогоняли.

Между тем события по записям Черчилля развивались так:

«Американская миссия, которая охранялась американскими войсками, находилась более чем в полумиле, а это означало, что в течение всего периода конференции либо президенту, либо Сталину и мне пришлось бы дважды или трижды в день ездить туда и обратно по узким улицам Тегерана. К тому же Молотов, прибывший в Тегеран за 24 часа до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что советская разведка раскрыла заговор, имевший целью убийство одного или более членов «большой тройки», как нас называли, и поэтому мысль о том, что кто-то из нас должен постоянно разъезжать туда и обратно, вызвала у него тревогу. «Если что-нибудь подобное случится, — сказал он, — это может создать самое неблагоприятное впечатление». Этого нельзя было отрицать. Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, а занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет, и на следующий день он со всем своим штатом, включая и превосходных филиппинских поваров с его яхты, переехал в русское владение, где ему было отведено обширное и удобное помещение. Таким образом, мы все оказались внутри одного круга и могли спокойно, без помех, обсуждать проблемы мировой войны. Я очень удобно устроился в английской миссии, и мне нужно было пройти всего лишь несколько сот ярдов до здания советского посольства, которое на время превратилось, можно сказать, в центр всего мира».

Работник посольства Андрей Мыздриков, с которым я особенно сблизился, потому что он в молодости жил в

Ташкенте и у нас оказалось немало общих знакомых, рассказал мне подробности намечавшегося покушения. Он показал выход из колодца (кяриза), через который должен был проникнуть снайпер. Немецкая разведка подготовила вполне реальный план — снайпер по подземным кяризам проникал в самый центр территории посольства и появлялся буквально из-под земли в 100 метрах от лестницы, на которой сфотографировались главы трех государств. Этот снимок широко известен.

Я стоял у бетонного люка, который теперь закрывает этот выход, и думал о том, что с такого расстояния не только снайпер, а любой умеющий неплохо стрелять не промахнулся бы и успел сделать три выстрела, пока охрана сообразила бы, откуда стреляют.

Но, к счастью, наши чекисты вовремя раскрыли план гитлеровцев, устроили в колодце засаду и схватили всю группу террористов.

Не без удовольствия хочу напомнить, что спасли от покушения одного или всех троих глав государств мои коллеги военные разведчики из Главного разведывательного управления, в котором и я имел честь служить немало лет.

Первым засек подготовку террористической операции Николай Кузнецов (позже известный разведчик, Герой Советского Союза). В те дни он работал в Ровенской и Львовской областях под видом обер-лейтенанта Зиберта. Кузнецов завел знакомство с гитлеровскими офицерами. Один из них, фон Ортель — очень похож (если читатели вспомнят) на Вилли Поммера из фильма «Подвиг разведчика». Похож не внешностью, а поступками — любил погулять, играл в карты. Кузнецов давал ему деньги взаймы. Ну, а насчет отдавать долги у фон Ортеля было туго. И вот однажды он сказал Кузнецову, что скоро рассчитается, появилась возможность подзаработать. «Каким образом?» — поинтересовался Николай. «Куплю и перепродам ковры», — ответил таинственно Ортель. «Какие

ковры! Идет война. Где вы их купите?» Офицер понизил голос и предупредил: «Это большой секрет. Я поеду с особой группой в Тегеран. там соберется «большая тройка» — главы государств, ну и мы кое-кого... ликвидируем. А может быть, и всех троих. Поедут большие специалисты по таким делам... Только, предупреждаю, об этом нигде никому ни слова... После дела я куплю знаменитые персидские ковры и в Берлине хорошо перепродам. Тогда и рассчитаюсь с вами».

Можно ли верить подвыпившему болтуну? Однако Кузнецов передал в Центр информацию об этом разговоре. Ну а дальше это дело раскручивали наши контрразведчики.

Вообще в Тегеране происходило немало таинственного. Одну из тайн я узнал незадолго перед отъездом. Больше половины века никто об этом не знал. И вот сам «исполнитель» — сын Берия, Серго Лаврентьевич, в воспоминаниях об отце пишет о том, что занимался подслушиванием разговоров Рузвельта и Черчилля, будучи в специальной группе, имевшей сложную аппаратуру.

Серго Лаврентьевич учился в закрытой академии, командировка в Тегеран была связана с тем, что сказал ему сам Сталин.

«Сталин поинтересовался, как идет учеба в академии, и тут же перешел к делу:

— Я специально отобрал тебя и еще ряд людей, которые официально нигде не встречаются с иностранцами, потому что то, что я поручаю вам, это незтичное дело...

Выдержал паузу и подчеркнул:

— Да, Серго, это незтичное дело...

Немного подумав, добавил:

— Но я вынужден... Фактически сейчас решается главный вопрос: будут они нам помогать или не будут. Я должен знать все, все нюансы... Я отобрал тебя и других именно для этого. Я выбрал людей, которых знаю, которым

верю. Знаю, что вы преданы делу. И вот такая задача стоит лично перед тобой...

Вероятно, Иосиф Виссарионович такую же задачу поставил и перед моими новыми товарищами. А речь шла вот о чем. Все разговоры Рузвельта и Черчилля должны были прослушиваться, расшифровываться и ежедневно докладываться лично Сталину. Где именно стоят микрофоны, Иосиф Виссарионович мне не сказал. Позднее я узнал, что разговоры прослушиваются в шести-семи комнатах советского посольства, где остановился президент Рузвельт. Все разговоры с Черчиллем происходили у него именно там. Говорили они между собой обычно перед началом встреч или по их окончании...»

Я обошел комнаты, где располагался Рузвельт и его приближенные. Теперь здесь все изменилось. Но все же я прикинул, где могли быть микрофоны. При этом у меня родилась мысль — наверное, и служба безопасности Рузвельта более внимательно, чем я, обследовала эти комнаты. Неужели они ничего не обнаружили? Однако нет оснований не верить и Сергею Берия, он очень обстоятельно описывает технику своей работы.

На конференции 1943 года был решен один из важнейших вопросов, который особенно интересовал Советский Союз — об открытии второго фронта в Европе, операции «Оверлорд». Она должна была начаться не позднее мая 1944 года.

Очень много выдвигал объективных причин Черчилль, чтобы оттянуть открытие второго фронта. Он считал более выгодным вторгаться не через Францию, а через Средиземное море, как он говорил, в «мягкое подбрюшие немцев».

Но Сталин твердо отстоял вторжение через Ла-Манш. И чтобы закрепить и конкретизировать это решение, требовал здесь же, на конференции, назначить командующего этой операцией. Черчилль об этом вспоминает:

«Затем Сталин задал самый важный вопрос: «Кто бу-

дет командовать операцией «Оверлорд»?» Президент ответил, что это еще не решено. Сталин прямо сказал, что операция будет сведена к нулю, если вся подготовка к ней не будет поручена одному человеку. Рузвельт разъяснил, что это уже сделано. Английскому генералу Моргану выделен объединенный англо-американский штаб, и он уже в течение значительного времени разрабатывает планы этой операции. Фактически все уже решено, за исключением вопроса о верховном командующем. Сталин заявил, что необходимо немедленно назначить человека, который нес бы ответственность не только за разработку плана, но и за его осуществление. Иначе может получиться, что, по мнению генерала Моргана, все будет уже готово, а верховный главнокомандующий, когда он будет назначен, может придерживаться совершенно иного взгляда и пожелает все изменить».

Черчилль опять начал разговор о средиземноморских морских силах. Сталин все это выслушал, но опять спросил:

— Кто будет главнокомандующим?

Черчилль пишет:

«Я сказал, что вопрос о назначении верховного главнокомандующего скорее подлежит обсуждению тремя главами правительств, чем на довольно широком заседании. Сталин сказал, что Советское правительство не претендует на право голоса в этом назначении. Оно желает лишь знать, кто будет этим главнокомандующим. Очень важно, чтобы это назначение было сделано по возможности скорее и чтобы генерал, который будет избран для этого, нес ответственность не только за подготовку плана, но и за его осуществление. Я согласился, что вопрос о том, кто будет командовать операцией «Оверлорд», является одним из важнейших моментов, которыми нужно заняться, и заявил, что он будет решен не позже ближайших двух недель».

Представляя себе участников и события, происходив-

шие в залах посольства, я особенно реально хотел воспроизвести торжественный момент, о котором прочитал в мемуарах многих участников этой процедуры. Все они непременно отмечают два факта — Сталин поцеловал меч, а Ворошилов его уронил.

Вот как это подает Черчилль:

«Перед нашим вторым пленарным заседанием, начавшимся в 4 часа, я по поручению короля вручил Почетный меч, который был изготовлен по специальному заказу Его Величества в честь славной обороны Сталинграда. Большой зал был заполнен русскими офицерами и солдатами. Когда, после нескольких пояснительных слов, я вручил это великолепное оружие маршалу Сталину, он весьма внушительным жестом поднес его к губам и поцеловал. Затем он передал меч Ворошилову, который его уронил. Меч был вынесен из зала с большой торжественностью в сопровождении русского почетного караула».

На конференции было зафиксировано, кроме открытия второго фронта, обязательство СССР объявить войну Японии, после разгрома Германии, а так же другие вопросы сотрудничества после окончания войны.

В Тегеране Черчилль отметил свое 69-летие. Это событие, конечно же, лучше других описывает он сам:

«До сих пор мы собирались для наших заседаний и обедов в советском посольстве. Но теперь я заявил, что третий обед даю я, и он должен состояться в английской миссии. Никто не мог против этого возражать. По алфавиту и Великобритания, и я сам стояли первыми, а по возрасту я был лет на пять старше Рузвельта и Сталина. Я сказал, что 30 ноября мой день рождения. Эти аргументы, в особенности последний, оказались решающими, и наш посланник сделал все необходимые приготовления к обеду примерно на 40 человек, включая не только политических и военных руководителей, но и некоторых ответственных работников их аппарата. Советская полити-

ческая полиция, НКВД, настояла на том, чтобы обыскать здание английской дипломатической миссии снизу доверху, заглядывая за каждую дверь и под каждую подушку, перед тем как прибыл Сталин. Около 50 вооруженных русских полицейских под началом своего собственного генерала стали около всех дверей и окон. Сотрудников американской тайной полиции также было достаточно. Однако все прошло хорошо. Сталин, прибывший под усиленной охраной, был в прекрасном настроении, а президент, сидя в своем кресле, смотрел на нас с сияющей улыбкой.

Это был памятный день в моей жизни. Справа от меня сидел президент Соединенных Штатов, слева — хозяин России. Вместе мы фактически контролировали все флоты и три четверти всей авиации в мире и управляли армиями примерно в 20 миллионов человек, участвовавшими в самой ужасной из всех войн в истории человечества. Рузвельт преподнес мне в подарок прекрасную персидскую фарфоровую вазу; она разбилась в пути, когда я возвращался на родину, но была чудесно восстановлена, и я храню ее среди прочих дорогих для меня вещей». О том, что подарил Сталин, именинник не пишет, но один из подарков был такой: во время неофициальной беседы за чашечкой кофе Черчилль как-то сказал, что ему очень нравятся русские романсы в исполнении Вадима Козина.

Сталин это запомнил, дал указание привезти певца в Тегеран спецрейсом (представьте, как артист испугался, когда к нему пришли чекисты и сказали: «Собирайтесь»). И еще представьте, какой эффект произвел Козин своим появлением на именинах и исполнением песен для изумленного Черчилля.

Сталин умел делать приятные сюрпризы и умел продемонстрировать, что для него все возможно.

Дальше опять слова Черчилля:

«Во время обеда у меня завязался исключительно при-

ятный разговор с обоими моими знатными гостями. Сталин повторил вопрос, который он задавал на совещании: «Кто будет командовать операцией «Оверлорд»?» Я сказал, что президент еще окончательно не решил...»

Как видим, Сталин гнул свое даже в неофициальной обстановке. И добился — имя главкома было названо — генерал Эйзенхауэр, а начало операции «Оверлорд» не позднее мая 1944 года.

В завершение расскажу любопытный эпизод, который произошел до начала Тегеранской конференции. Сталин со своей делегацией выехал из Москвы поездом. В Сталинграде они пересели на самолеты. На аэродроме делегацию встречали командующий ВВС А.А.Новиков и командующий авиацией дальнего действия А.Е.Голованов. На поле стояли несколько самолетов Си-47. Новиков доложил:

— Для вылета подготовлены два самолета, один поведет генерал-полковник Голованов, другой — полковник Грачев. Через полчаса за нами пойдут еще два самолета с группой сотрудников МИДа. Полет прикрывают три девятки истребителей.

Сталин без церемоний сказал:

— Генерал-полковники редко водят самолеты, мы лучше полетим с полковником.

И пригласил с собой Молотова, Ворошилова, Берия и Штеменко.

Кстати, Грачев не простой полковник авиации, а один из лучших летчиков, поэтому и был он личным пилотом Берия, и самолет, который выбрал Сталин, тоже был его «личный».

* * *

Я был в Тегеране в год празднования 50-летия Победы. Посол Сергей Михайлович Третьяков и военный атта-

ше полковник Михаил Иванович Крицкий со своими коллегами сделали доброе дело к этому юбилею.

В Иране, как известно, были наши войска, перегонялась техника из портов Индийского океана на север на советскую территорию. Случались здесь аварии и террористические акты — гибли наши советские воины. Их хоронили, как и на фронте, в братских или одиночных могилах, на которых ставили фанерные красные звезды и тумбы с именами погибших. Солнце и дожди смыли эти имена. Истлели фанерные памятникки. Вот и решили работники российского посольства на свои средства поставить мраморный обелиск на российской земле (во дворе посольства) и перезахоронить здесь 48 обнаруженных ими останков наших воинов, что и сделали. В торжественной обстановке был открыт этот обелиск. Священник отец Александр отслужил панихиду. Послы бывших советских республик и бывшие союзники американцы и англичане возложили венки.

Посол сказал мне:

— В Москве могила одного неизвестного солдата, а у нас их 48. Ни одного имени нам установить не удалось...

* * *

На декабрьском совещании Ставки Сталин не рассказывал подробностей о своем пребывании в Тегеране. Я привел их, чтобы читатели ощутили обстановку тех дней.

После заседания Ставки Жуков несколько дней работал вместе с Василевским, корректируя планы на зимнюю кампанию 1944 года. В эти дни Сталин несколько раз приглашал Жукова на обед к себе на дачу в Кунцеве. Застолья эти, по сути дела, были продолжением работы, потому что в ходе их обсуждались предстоящие операции.

Завершив работу в Генштабе, Жуков вылетел для корректирования действий 1-го Украинского (Ватутин) и 2-го Украинского (Конев) фронтов по завершению освобождения Правобережной Украины.

ЖУКОВ ДАРИТ КОНЕВУ МАРШАЛЬСКИЕ ПОГОНЫ

После захвата стратегических плацдармов на западном берегу Днепра не прекращались крупные сражения. Целью их были с нашей стороны — закрепление успеха и расширение плацдармов для подготовки исходных рубежей дальнейших наступлений, а с немецкой стороны — Гитлер еще надеялся восстановить положение на «Восточном валу» по западному берегу Днепра. Последней надеждой гитлеровского командования и особенно самого фюрера был Корсунь-Шевченковский выступ. На этом участке гитлеровские части: 1-я танковая армия и 8-я полевая армия еще удерживали правый берег Днепра, и довольно широкая полоса была в их руках. Попутно следует отметить, что немецкие армии не такие малочисленные по количеству дивизий, как наши. Две армии имели здесь 9 пехотных дивизий, 1 танковую и 1 мотострелковую.

Для нашего командования этот выступ был как кость в горле, он не позволял спокойно развивать наступление дальше на запад в сторону границы, потому что с этого клина гитлеровцы могли в любой момент ударить под основание наших наступающих частей. Например, наступлением с Корсунь-Шевченковского выступа и с юга (там еще находилась целая группа армий вдоль берега Черного моря) могли отсечь крупную группировку, или ударом с этого плацдарма на север при взаимодействии с армией

«Центр» тоже могли причинить нам большие неприятности. Для гитлеровцев это был, как говорится, выступ последней надежды. И они действительно (мы об этом поговорим подробнее позже) готовили контрудар с целью восстановления своего «Восточного вала».

Жуков, как представитель Ставки, в это время координировал действия 1-го и 2-го Украинских фронтов. Он конечно же отлично знал обстановку, соотношения сил и войск. 11 января он доложил Сталину свои соображения и план отсечения, окружения и ликвидации Корсунь-Шевченковской группировки, чтобы она не мешала дальнейшему освобождению Правобережной Украины.

Сталину, Генеральному штабу, да и всей Ставке план Жукова понравился, и уже 12 числа Сталин сообщил, что этот план утверждается. Была подготовлена директива, которая предусматривала: «Нанести два встречных удара под основание Корсунь-Шевченковского выступа, соединениям войск 1-го и 2-го Украинских фронтов в районе Звенигородки поручено окружение и ликвидация этой крупной группировки гитлеровцев».

Жукову предстояло координировать силы двух фронтов, которые имели 27 стрелковых дивизий, 4 танковых, 1 моторизованный и 1 кавалерийский корпуса. Надо сказать, что в этом случае наши части превосходили по силе группировку врага, в частности, по пехоте — почти в 2 раза, по артиллерии — почти в 2,5 раза и по танкам — в 2,5 раза.

По сути дела, Корсунь-Шевченковская операция являлась одним из элементов того большого плана, который был обсужден на заседании Ставки и ГКО в начале декабря 1943 года. Тогда главная мысль, заложенная в эти действия, состояла в том, чтобы без паузы, пользуясь своим преимуществом в инициативных действиях, продолжать бить врага, не давая ему возможности закрепиться на рубежах, занимаемых им при отступлении, и осуществить перегруппировку для отражения наших ударов.

На этот раз противником Жукова был уже знакомый нам фельдмаршал Манштейн, командующий группой армий «Юг». В эту армию входили 1-я и 4-я танковые армии и 8-я полевая армия. Две армии — 1-я танковая и 8-я полевая как раз и были в этом Корсунь-Шевченковском выступе, который располагался по фронту вдоль берега Днепра на 120, а в глубину — на 130 километров. Вот такая «косточка» в горле нашего командования. Правее соседом Манштейна был тоже известный нам генерал-фельдмаршал Клейст. В его распоряжении находилась группа армий «А», и занимала она позиции от стыка с Манштейном до Черного моря.

Общий замысел нашего командования, утвержденный на совещании Ставки, о котором я уже говорил, заключался в том, чтобы освободить Правобережную Украину силами четырех фронтов и выйти к государственной границе и к Карпатам. Это огромное по пространству и по силам сражение — фактически от Полесья на севере и до Черного моря на юге, от Днепра на востоке и до Карпат. Сначала надо было расчленить войска противника, находившиеся на этом театре боевых действий, и поочередно их уничтожить. Первую часть этого плана как раз и должно было составить уничтожение Корсунь-Шевченковского выступа силами 1-го и 2-го Украинских фронтов, действия которых координировал Жуков. А на юге действия 3-го и 4-го Украинских фронтов координировал маршал Василевский.

Операцию по окружению Корсунь-Шевченковской группировки готовили в ходе очень тяжелых боев, которые продолжались непрерывно на Правобережной Украине. Гитлеровцы не только удерживали этот выступ к Днепру, но и на других участках контратаковали очень активно, стремясь вернуть позиции по «Восточному валу». Для того, чтобы было понятно, какие напряженные шли здесь бои, я расскажу только об одном направлении — Житомирско-Бердичевском, где участвовало так много

войск и такие были напряженные действия, что валилось это в целую житомирско-бердичевскую операцию. Это все происходило в полосе наступления 1-го Украинского, где находился Жуков и руководил боевыми действиями вместе с командующим фронтом Ватутиным.

Вот всего два эпизода из житомирско-бердичевской операции. Когда войска 1-го Украинского фронта пошли в наступление и очень активно продвигались вперед, Манштейн, верный своей тактике, решил прогуляться по тылам наступавшей группировки, как это у него очень хорошо получалось в битве на Крымском полуострове. Он сосредоточил 48-й танковый корпус в районе Бердичев—Казатин и нанес сильный удар во фланг наступавшим войскам 1-го Украинского фронта. Но здесь уже была не та ситуация, что в Крыму. Если в Крыму руководили тремя армиями пассивные, бездарные, растерявшиеся военачальники, то здесь был опытный командующий фронтом Ватутин, не менее опытные командующие армиями, да и Жуков, постоянно державший, как говорится, ситуацию в своих руках. Поэтому к контратакующему корпусу были быстро направлены имевшиеся в руках нашего командования резервы, и он был буквально разгромлен за короткое время. За 6 дней боев гитлеровцы потеряли здесь до 40 тысяч человек убитыми, наши войска захватили 670 танков и штурмовых орудий и более 1380 орудий и минометов. Командир 13-го армейского корпуса, остатки которого были отброшены к Бердичеву, докладывал, что его соединение уже просто не существует: в дивизиях осталось 200—300 человек, и из корпуса с трудом можно будет собрать лишь 1 полк. Но не таким был Манштейн, чтобы смириться с этим частным поражением. Он быстро сосредоточил сильную ударную группировку в направлении Умани и Винницы и нанес здесь удар опять во фланг нашим войскам.

А вот как Манштейн пишет об этом эпизоде: «48-й танковый корпус снова был высвобожден с участка ар-

мии, обращенного фронтом на север. Тщательно маскируясь, предпринимая ложные маневры, передвигаясь только ночью, он выдвинулся на открытый западный фланг стоявшей севернее Житомира 60-й армии противника. Последовавший затем внезапный удар вынудил армию к отходу на восток. Ее соединениям были нанесены большие потери. Непосредственно вслед за этим корпус нанес еще один удар по сосредоточившейся юго-восточнее Коростыня группировке противника, в результате которого были разбиты по меньшей мере 3 механизированных корпуса. Таким образом, в конце концов удалось не только частично разбить войска, накапливавшиеся для нового наступления на участке впереди Днепра, но и взять под контроль район перед левым флангом 4-й танковой армии».

Вот в ходе таких напряженных боев и осуществляя крупные частные операции, Жуков готовил контрнаступление двух Украинских фронтов по освобождению Правобережной Украины.

24 января началось наступление, которое вошло в историю войн как Корсунь-Шевченковская операция. Первым перешел в наступление 2-й Украинский фронт Конева, нанося главный удар в направлении Звенигородки. 1-й Украинский фронт перешел в атаку на сутки позже. Именно здесь на наблюдательном пункте Ватутина находился Жуков.

Ход боевых действий в первые дни в книге «История второй мировой войны», которую я уже цитировал, описывается опять-таки очень благостно: «С 27 января противник предпринял яростные контратаки на флангах наступавших советских войск, пытаясь отразить вырвавшиеся вперед подвижные соединения 5-й гвардейской и 6-й танковой армий от основных сил и ликвидировать прорыв. Однако командование 1-го и 2-го Украинского фронтов, быстро подтянув к флангам артиллерийские и танковые части и соединения, при поддержке авиации, от-

было контратаки противника. Ударные группировки обоих фронтов продолжали наступление и 28 января соединились в районе Звенигородки, отрезав пути отхода фашистским войскам, которые оборонялись внутри Каневского выступа».

Немного по-другому об этом говорится в воспоминаниях Жукова: «27 января противник, стремясь ликвидировать прорыв, организовал против частей 2-го Украинского фронта контрудар с целью закрыть образовавшуюся брешь... и это ему частично удалось».

Несколько по-иному описывает ход событий генерал Конев (в то время — командующий 2-м Украинским фронтом): «Одновременный удар по нашим флангам был, видимо, рассчитан на то, чтобы ликвидировать прорыв в обороне и отрезать от основных сил фронта наши танковые части, достигшие к этому времени района Шпола. На всем участке прорыва развернулись ожесточенные бои... Бои носили ожесточенный характер. Некоторые населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки.... Ввод в бой 2-го эшелона (18-й танковый корпус) помог быстро расчистить прорыв, обеспечить наши фланги и продолжать наступление в направлении Звенигородки. Кроме того, для устранения прорыва противника на флангах мною были введены свежие силы из резерва фронта... В ночь на 28 января было намечено ввести в сражение 5-й Гвардейский Донской кавалерийский корпус». Дальше Конев пишет, как героически сражались кавалеристы, и даже проводит такую мысль: «Мы ясно понимали, что современная война — это война моторов. Однако подходили реально к использованию всех сил и средств, имеющихся на фронте... Тем более что конница периода Великой Отечественной войны — не та конница, которая была в гражданскую войну».

Какая бы ни была конница в современных условиях, но применять ее против танков, как показала практика, раньше, так и в этом случае, дело очень печаль-

ное... Дальше Конев пишет: «Несмотря на то, что, согласно моим распоряжениям, действия корпуса были обеспечены поддержкой авиации и дополнительно введенной артиллерией... противнику удалось фланговыми контратаками пехоты и танков... преградить путь кавалерийскому корпусу. Корпус вынужден был спешиться, чтобы сбить заслоны противника. Переоценивая свои возможности, наши кавалеристы часто пытались решить боевую задачу, не слезая с коня. Но современные огневые средства противника не всегда позволяли это сделать.

Не случайно начавшийся 29 января ввод в бой, в прорыв кавалерийского корпуса, продолжался два дня... Надо сказать, что повозились с этим корпусом мы тогда немало».

Вот так все-таки корпус был брошен против механизированных частей Манштейна, которые, кстати, умели воевать не только с кавалеристами, а даже против механизированных наших частей. И конечно же, этому корпусу пришлось очень и очень тяжело. Конев пытается подсластить пилюлю и вот такой тирадой завершает этот, на мой взгляд, все-таки печальный эпизод: «Донские казаки в этой сложной и трудной операции не посрамили свою былую славу «донцов-молодцов» и внесли в историю Великой Отечественной войны еще одну яркую страницу. За это им большое-большое спасибо, а комкору генералу А.Г.Селиванову вечная слава!»

А теперь у нас есть возможность посмотреть на события с другой стороны. Именно об этом эпизоде Манштейн пишет следующее: «Во второй половине января контрудар был нанесен (он имеет в виду контрудар, который он сам организовывал. — В.К.). Правда, небольшое количество имевшихся в нашем распоряжении сил вынудило нас провести в два этапа... (Дальше Манштейн перечисляет части, которые наносили эти контрудары: 3-й танковый корпус, 26-й танковый корпус, 1-я пехотная ди-

визия, 18-я артиллерийская дивизия. — В.К.)... В западной части бреши (там, где действовали войска Конева. — В.К.) были окружены и разбиты крупные силы советской 1-й танковой армии. В результате последнего удара — данными относительно первого удара я сейчас не располагаю — противник потерял наряду с 8 тысячами убитыми только 5 тысяч 500 пленными, 700 танков, свыше 200 орудий и около 500 противотанковых орудий... Однако противнику, безусловно, удалось вывести часть людей из окружения».

Но если даже Манштейн преувеличил некоторые цифры, то все равно из описаний наших командующих и командования немецкого можно вывести некую объективную ситуацию. Она в данном случае не в пользу нашего командования, потому что оно имело превосходящие силы, и допускать такие потери, тем более введение кавалерийского корпуса против танков, это уж никак не говорит в их пользу.

Все же контратакующие части Манштейна были смяты вторыми эшелонами фронтов, наши 1-й и 2-й Украинские фронты соединились и завершили окружение Корсунь-Шевченковской группировки.

Манштейн не только по этому поводу, а вообще о боях после Курского сражения пишет: «Мы, конечно, не ожидали от советской стороны таких больших организаторских способностей, которые она проявила в этом деле, а также развертывания своей военной промышленности. Мы встретили поистине гидру, у которой вместо одной отрубленной головы вырастали две новые».

Здесь было бы уместно напомнить Манштейну высказывания Гитлера и командования немецкой армии начального периода войны, когда они громко кричали на весь мир, что Красная Армия уже уничтожена, что техника ее истреблена, что руководят соединениями и частями бездарные командиры и что вообще война через несколько недель будет победоносно закончена. А вот теперь

такое любопытное признание одного из ведущих, я бы сказал, наиболее талантливых полководцев немецкой армии.

Силы нашей армии и производственные мощности промышленности действительно с каждым годом войны не снижались, а, наоборот, увеличивались, что особенно проявилось в боях, о которых мы сейчас говорим.

После того как кольцо окружения замкнулось, дальнейшее уничтожение окруженной группировки, как говорится, было «делом техники». Опытные командующие фронтами Ватутин и Конев и руководивший действиями этих фронтов Жуков уже умели это делать и за короткий срок создали как внешнее кольцо окружения, так и внутреннее, понимая, что противник предпримет все возможное для того, чтобы выручить окруженных ударом не только извне, но изнутри кольца. Кстати, в окружении оказались силы немалые: 10 дивизий и одна бригада, около 80 тысяч солдат и офицеров, 1600 орудий и более 230 танков. Было кому и командовать и организовать прорыв: два штаба корпуса, восемь штабов дивизий, да еще и целиком мощная танковая дивизия СС «Викинг».

В своих воспоминаниях Жуков пишет: «В ознаменование прорыва позиций вражеских войск и соединения войск 1-го и 2-го Украинских фронтов в центре города Звенигородки потом был поставлен на пьедестал танк Т-34. Надпись на пьедестале гласит: «Здесь января 28 дня 1944 года было сомкнуто кольцо вокруг гитлеровских оккупантов, окруженных в районе Корсунь-Шевченковский. Экипаж танка 2-го Украинского фронта 155 танковой Краснознаменной Звенигородской бригады Прошина Ивана Ивановича — лейтенант Хохлов Евгений Александрович, механик-водитель Андреев Анатолий Алексеевич, командир башни Зайцев Яков Сергеевич пожали руки танкистам 1-го Украинского фронта. Слава героям Родины!» Далее Жуков так комментирует эту надпись:

«Хорошо, когда не забываются подвиги героев. Жаль только, что не названы имена танкистов 1-го Украинско-

го фронта. Это надо бы исправить, установив имена тех героев-танкистов 1-го Украинского фронта, которые стремительно прорвались в район Звенигородки....»

Жуков сожалел о том, что незаслуженно забыли его боевых соратников с 1-го Украинского фронта... А что же сказать тогда об очень крупных военачальниках, которые, в своих мемуарах очень пространно описывая Корсунь-Шевченковскую операцию, даже не упоминают имени Жукова?! Этим грешит Конев, который в своих «Записках командующего фронтом» на 50-ти страницах в главе «Корсунь-Шевченковский котел» ни разу не упомянул имени Жукова. И даже во втором издании этой книги в 1971 году, когда Жуков простил Ивану Степановичу многие его неблагоприятные поступки, все же Конев не внес никаких исправлений в свои мемуары.

Как уже не раз мы убеждались, высший пилотаж в способности уловить, «куда дует ветер» и «куда показывает флюгер», проявили в своих воспоминаниях политработники. Вот передо мной очень толстая книга заместителя начальника Главпура генерал-полковника Калашника «Испытание огнем». Это уже второе издание (1978 г.). В этой книге Жуков не упоминается ни разу! Но зато о совещании по поводу подведения итогов форсирования Днепра и боев на плацдарме Калашник пишет: «С особым вниманием слушал я выступление полковника Л.И.Брежнева... Два дня я провел в гостях у командиров, политработников, сержантов и солдат 18-й армии, у начальника ее политотдела полковника Л.И.Брежнева. Это была действительно полезная встреча, полезный обмен мыслями...»

Ну, а начальник Главного политического управления Голиков, за невесть какие заслуги возведенный в маршалы, пишет еще более панорамно: «На правом берегу Днепра противник возвел мощные укрепления и надеялся отсиживаться за широкой плотной преградой. Все мосты через Днепр гитлеровцы взорвали. Но разве могло что-

либо остановить могучий наступательный порыв советских воинов!

Осеняемые победоносным знаменем великого Ленина, ведомые гениальным полководцем Сталиным, советские воины, закаленные в боях, ломали все преграды». Это писалось в 1952 году, еще при жизни Сталина. Ну и о Жукове, разумеется, ни одного слова.

Жуков между тем продолжал руководить действиями войск. Писал ежедневные докладные Верховному Главнокомандующему, подробно докладывал обстановку по телефону. Вот одна из докладных от 9 февраля: «По показаниям пленных, за период боев в окружении войска противника понесли большие потери. В настоящее время среди солдат и офицеров чувствуется растерянность, доходящая в некоторых случаях до паники. По данным разведки, окруженный противник сосредоточил главные силы в районе (далее перечисляется много населенных пунктов).

8 февраля в 15.00 наши парламентарии через командующего Стеблевским боевым участком полковника Фукке вручили ультиматум окруженному противнику.

Парламентарии возвратились и сообщили, что ответ будет дан немецким командованием 9 февраля в 11.00. Подпись (Жуков)».

Вот такими будничными делами, как говорится, занимался Жуков.

Кроме этого ультиматума было отпечатано много листовок, и они разбрасывались над окруженными частями. Но немцы не сдавались. Гитлер не давал разрешения на капитуляцию, держал части в окружении до последнего, не разрешая покидать занимаемые позиции, с которых он надеялся как-то восстановить положение на Днестре.

В указанный час немцы, со свойственной им педантичностью, ответили на ультиматум. Командующий окруженной группировкой генерал Штеммерман сообщил,

что он отклоняет этот ультиматум и сдаваться они не намерены.

В донесении от 12 февраля Жуков доложил Верховному Главнокомандующему о том, какие попытки предпринимает противник для деблокации окруженных с внешней стороны и изнутри, какие идут тяжелые бои и что противнику удалось со стороны внешнего кольца продвинуться до 10 километров навстречу окруженным и их разделяет сейчас до 12 километров.

Дальше я цитирую из этого донесения несколько строк для того, чтобы читателям было понятно, кто командовал и руководил здесь боевыми действиями и кто об этом забывает:

«Степину (псевдоним Конева) приказал в Лысянке к утру иметь от Ротмистрова две бригады и по реке Гнилой Тикич на участке Лысянка—Мурзинцы занять оборону, и в первую очередь противотанковую.

У Степина: армия Ротмистрова сегодня отразила атаки до 60 танков противника в направлении Звенигородки. Разведкой установлено движение до 40 танков из Капустино на Ёрки...

Степин к утру 12 февраля 18-й танковый корпус передвигает в Михайловку (восточнее Звенигородки) и 29-й танковый корпус из района Княжье—Лозоватка...

Армия Смирнова вела бой за Мирополье, Кошак, Глушки.

Для удобства управления с 12.00 12 февраля 180-я стрелковая дивизия Трофименко передается в состав 2-го Украинского фронта.

Приказал Степину 12.2.44 главными силами армии Коротеева и Смирнова удар нанести с востока на Стеблево в тыл главной группировки окруженного противника, готовящейся для выхода навстречу наступающей танковой группе. Вся ночная авиация фронтов действует в районе Стеблево. Подпись: Жуков».

Утром 12 февраля позвонил Сталин и сказал:

— Конев предлагает передать ему руководство войсками внутреннего фронта по ликвидации Корсунь-Шевченковской группы противника, а руководство войсками на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина.

— Окончательное уничтожение группы противника, находящегося в котле, дело трех-четырех дней, — ответил Жуков, — передача управления войсками 27-й армии 2-му Украинскому фронту может затянуть ход операции.

— Хорошо, — сказал Сталин. — Пусть Ватутин лично займется операцией 13-й и 6-й армий в районе Ровно—Луцк—Дубно, а вы возьмите на себя ответственность не допустить прорыва ударной группы противника на внешнем фронте района Лысянки.

На этот раз Сталин не посчитался с мнением Жукова и через несколько часов из Ставки пришла директива, в которой были такие пункты:

«1. Возложить руководство всеми войсками, действующими против Корсуньской группировки противника, на командующего 2-ым Украинским фронтом с задачей в кратчайший срок уничтожить Корсуньскую группировку немцев...

2. Тов.Юрьева (псевдоним Жукова) освободить от наблюдения за ликвидацией Корсуньской группировки немцев и возложить на него координацию действий войск 1-го и 2-го Украинских фронтов с задачей не допустить прорыва противника со стороны Лысянки и Звенигородки на соединение Корсуньской группировки противника... Подпись: Сталин, Антонов».

Прочитав эту директиву, Ватутин очень расстроился и обиженно сказал Жукову:

— Товарищ маршал, кому-кому, а вам-то известно, что я не смыкая глаз несколько суток подряд напрягал все силы для осуществления Корсунь-Шевченковской операции. Почему же сейчас меня отстраняют и не дают

довести эту операцию до конца? Я тоже патриот своего фронта и хочу, чтобы столица нашей родины Москва отсалютовала бойцам 1-го Украинского фронта».

Жуков тоже был, несомненно, удручен таким отношением, но все же сказал Ватутину:

— Николай Федорович, это приказ Верховного, мы с вами солдаты, давайте безоговорочно выполнять приказ.

Фельдмаршал Манштейн уже имел опыт не только ведения крупных наступательных операций, но и по выручке окруженных; под Сталинградом, как известно, он организовал группу «Гот», в которой были 4 танковые дивизии, одна — моторизованная и 9 пехотных дивизий. Но там ему выручить армию Паулюса не удалось. Теперь вот, учтя все свои накопившиеся знания, Манштейн опять пытался вызволить окруженную группировку. На этот раз в его распоряжении был еще более мощный кулак — 9 танковых и 6 пехотных дивизий. Гитлер послал окруженным телеграмму: «Можете положиться на меня, как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла, а пока держитесь до последнего патрона».

Окруженные действительно действовали очень активно. Им удалось прорваться в район Шендеровка, Новая Буда на участки 27-й армии и 1-го Украинского фронта. 12 февраля в полночь Верховный позвонил Коневу. Он был очень раздражен и спросил: «Как же это вы там допустили прорыв? Мы на весь мир сказали, что в районе Корсунь-Шевченковского окружена группировка противника, а у вас, оказывается, она уходит к своим».

Конев ответил:

— Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в котел, мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты войска

5-й гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно.

— Это вы сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией фронта?

Конев ответил:

— Да, по своей, товарищ Сталин.

— Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке. Я вам позвоню.

Через некоторое время Сталин действительно позвонил:

— Нельзя ли все войска, действующие против окруженной группировки, и в том числе и 1-го Украинского фронта (27-ю армию), подчинить вам и возложить на вас руководство уничтожением окруженной группировки?

Конев в своих мемуарах пишет, что такого предложения он не ожидал, подумал и после паузы ответил:

— Товарищ Сталин, сейчас очень трудно провести переподчинение 27-й армии 1-го Украинского фронта мне. 27-я армия действует с обратной стороны конца окружения, то есть с противоположной стороны по отношению наших войск, с другого операционного направления. Весь тыл армии и связи ее со штабом 1-го Украинского фронта идут через Белую Церковь и Киев. Поэтому управлять армией мне будет очень трудно, сложно вести связь по окружности всего кольца через Кременчуг—Киев... Армия очень слабая, растянута на широком фронте. Она не сможет удержать окруженного противника, тогда как на ее правом фланге тоже создается угроза танкового удара противника с внешнего фронта окружения на направлении Лысянки...

— Хорошо, мы еще посоветуемся в Ставке с Генеральным штабом и тогда решим...

Дальше Конев пишет, что в своих мемуарах Жуков неправильно говорит о том, что якобы он, Конев, просил переподчинить ему 27-ю армию; весь вышеприведенный разговор, видимо, служит как раз самооправданием Конева.

Как решил Сталин и Ставка, мы уже знаем из отрывков директивы Ставки, приведенной выше.

Внутреннее кольцо постепенно сжималось. С внешней стороны гитлеровские контратакующие группировки истощали свои силы, и в конце концов сложилась такая ситуация, когда стало ясно, что с внешней стороны они не пробьются, и генералу Штеммерману было разрешено пробиваться из окружения своими силами.

В ночь с 16 на 17 февраля Штеммерман собрал все части, находившиеся в окружении, в район прорыва, построил их в несколько эшелонов, причем впереди шли танки и противотанковая артиллерия, за ними штабы, и по флангам обеспечивали еще выход стрелковые части. Всем было приказано оставить вещи, уничтожить ненужные документы и неисправную технику. Выпита была оставшаяся водка и солдатам разрешено было съесть неприкосновенный запас. В 3 часа ночи плотные колонны (это было уже несколько похоже на римскую фалангу) с очень сильным огнем из всех орудий и автоматов кинулись на прорыв.

Наши части, и в частности Конев как командующий, которому было поручено уничтожение (лично ему!) окруженной группировки, предприняли все, чтобы не допустить прорыва. Что там творилось, я думаю, лучше всего узнать из рассказов очевидцев.

Вот показания одного из пленных: «Основная дорога оказалась забитой остановившимся и разбитым транспортом, и двигаться по ней не было возможности. На небольшом участке дороги на Лысянку я увидел огромное количество убитых немцев. Масса обозов запрудила не только дороги, но и поля, и не могла двигаться дальше».

Еще один пленный офицер рассказывает: «Из окружения никто не вышел. Все дороги были забиты транспортом, кругом был невероятный беспорядок. Все смешалось в один поток. Все бежали, и никто не знал, куда он бежит и зачем. На дорогах и вне дорог валялись раз-

битые машины, орудия, повозки и сотни трупов солдат и офицеров».

В этой невероятной свалке погиб и командующий окруженной группировкой Штеммерман. Его труп обнаружили и по документам установили, что это именно он. По этому поводу Конев в своих воспоминаниях пишет: «Я разрешил немецким военнопленным похоронить своего генерала с надлежащими почестями по законам военного времени». И еще пишет Конев в своих воспоминаниях: «Мы приняли все меры к тому, чтобы ни один из гитлеровцев не вышел из окружения».

На этот счет есть и другое мнение. Вот что пишет Жуков в своих воспоминаниях:

«Все утро 17 февраля шло ожесточенное сражение по уничтожению прорвавшихся колонн немецких войск, которые в основном были уничтожены и пленены. Лишь части танков и бронетранспортеров с генералами, офицерами и эсэсовцами удалось вырваться из окружения... Как мы и предполагали, 17 февраля с окруженной группировкой все было покончено. По данным 2-го Украинского фронта, в плен было взято 18 тысяч человек и боевая техника группировки».

А вот еще одно мнение о финале этого сражения. Конечно, можно понять Манштейна, он не хотел, чтобы в его полководческой биографии был такой печальный конец одной из операций. Может быть, он что-то и преувеличивает, но все же тому, что описывал генерал-фельдмаршал, совсем не верить нельзя. Выглядит это так:

«Можно себе представить, с какими чувствами, надеясь и беспокоясь, мы ожидали в нашем штабном поезде известий о том, удастся ли выход из окружения. В 1 час 25 минут в ночь с 16 на 17 февраля пришло радостное известие, что первая связь между выходящими из окружения корпусами и передовыми частями 3-го танкового корпуса установлена. Противник, находившийся между ними, был буквально смят. 28 февраля мы узнали, что из

котла вышло 30—32 тысячи человек. Так как в нем находилось 6 дивизий и одна бригада при учете низкой численности войск это составляло большую часть активных штыков. Огромную боль нам причинило то, что большую часть тяжело раненных, выходивших из окружения, не смогли взять с собой. Генерал Штеммерман погиб во время боя.

Таким образом, нам удалось избавить эти 2 корпуса от той судьбы, которая постигла 6-ю армию под Сталинградом.

Конечно, при выходе из окружения большая часть тяжелого оружия и орудий застряла в грязи... Вырвавшиеся из котла дивизии пришлось временно отвести в тыл. Вследствие этого шесть с половиной дивизий из группы армий не принимали участия в боях, что еще более усложняло обстановку. Эта необходимость, однако, далеко отступала перед той радостью, которую доставляло удавшееся спасение, по крайней мере личного состава обоих корпусов...»

Правильно говорят: больше всего врут на охоте и на войне. Кто здесь говорит правду, кто преуменьшает, кто преувеличивает? Не будем гадать. Но возьмем мнение вроде бы объективного человека, историка, немца к тому же, Курта Типпельскирха. Вот что он пишет в своей книге «История второй мировой войны»: «Когда к 15 февраля наступательные силы деблокирующих войск истощились, окруженные корпуса получили приказ пробиваться в южном направлении, откуда навстречу им должен был наступать танковый корпус 1-й танковой армии. Блестяще подготовленный прорыв в ночь с 16 на 17 февраля не привел, однако, к соединению с наступавшим навстречу корпусом, т.к. продвижение последнего, и без того медленное из-за плохого состояния грунта, было остановлено противником...» Вот, как говорится, здесь поставлены все точки над «і». Нет никаких оснований подозревать Типпельскирха в каком-то преуменьшении или пре-

увеличении. Но одного все-таки традиционного для немцев фактора и этот вроде бы объективный историк не избежал: обратите внимание, что остановило наступающий навстречу корпус «плохое состояние грунта...» Не то что наши части, авиация, артиллерия громили прорывающихся, а, видите ли, главная причина была, по его мнению... в распутице.

Распутица, действительно, сыграла определенную роль в этом сражении, потому остановлюсь на ней подробнее.

Фельдмаршал Манштейн сетует на распутицу, она — одна из причин неудачных действий германских войск: «...при выходе из окружения большая часть тяжелого оружия и орудия застряли в грязи».

Жуков об этом тоже пишет:

«В связи с полной весенней распутицей на Украине это (наступление. — В.К.) было связано с величайшими трудностями. Особенно тяжело было сосредоточить снаряды, мины, бомбы, горючее и продовольствие непосредственно в войсковых частях.

Немецкое командование считало, что советские войска не смогут в таких условиях наступать... На этом необоснованном (их) расчете мы и решили поймать врага... использовать оперативную внезапность...»

Оба полководца, и Жуков, и Манштейн, говорят о распутице и грязище, наблюдая ее в бинокли или преодолевая в легковых машинах. Мне, будучи еще рядовым, пришлось на фронте хлебнуть этого лиха! Солдаты не только «накапливали боеприпасы и продовольствие», но еще шли вперед под огнем пулеметов, разрывами снарядов и бомбежкой самолетов. Они шли по колени в болотной жиже, а при близких разрывах падали в эту грязь и вжимались в нее, давимые инстинктом сохранения жизни. Они вставали и не только шли дальше, а тянули на лямках и веревках за собой противотанковые пушки, зная, что без них танки опрокинут их при первой же контратаке. Что такое

тянуть оружие по грязи выше колен, знает только тот, кто сам это испытал. Напрягаешься до того, что кажется, вот-вот лопнут жилы внутри твоего тела. От напряжения не пушка тянется за тобой, а сначала ты сам, ногами своими погрузишься в жижу. И только когда почувствуешь твердую землю, упрешься в нее, да не один, а все вместе — расчет оружия и те, кто ему помогают, упрутся, да с криком, с матом поволокут, только тогда оружие поддастся, поползет вперед. Если лихо потянут, оно проскользит несколько десятков метров. А потом опять упираешься и рвешь до искр из глаз... Вот так и волокли себя и пушки. Да еще и танки откапывали. Бывало, он, могучий, горячий, забуксует, зароется гусеницами до самых подкрылков, вот матушка пехота быстренько пособит ему, подкопает спереди или сзади, он, сердешный, и выберется из колдобины. Танк бросить нельзя. Впереди пулеметы, они нас всех выстригут, если танки их не подавят. Танк — наш спаситель, у него гусеницы — расплющат, у него пушка — сшибет пулемет, как только тот застрекочет, у него свой пулемет — срежет пехоту, если она поднимается в контратаку.

Так что танк — лучший друг пехотинца. Он только бы нас до рукопашной довел, а там мы себя покажем. Сколько злости в нас накапливается, пока по этой грязюке ныряем. Вроде бы уж и сил нет, все оставили, преодолевая жидкое, вязкое месиво, но как только замелькали вблизи каски и зеленые мундиры гитлеровцев, внутри будто какие-то дополнительные клапаны раскрываются: тут уж рвется из груди само собой «Ура!» и «За Родину!» и мать и Бога — всех вспомнят! Тут уж нас не остановят ни пули, ни гранаты, что летят нам навстречу из немецкой траншеи. Если русская пехота добралась до бруствера вражеского окопа, ее никто не остановит, против нас ни одна армия не устоит. Страшен и беспощаден российский солдат рукопашной, бьет он врага ловко, умело, самозабвенно...

И только потом — закуривая самокрутку, весь в поту, еще не отдышавшись после схватки, оглядится вокруг и с

ухмылкой сам же удивится и скажет: «Надо же — чего натворили!»

Вот этого запредельного нечеловеческого умения одолеть распутицу, выкарабкаться из грязищи, хоть она была по самые ноздри, вот этой способности у немецкого солдата не было. Поэтому мы и брали верх. И Жуков знал о таких качествах своих бойцов, верил в них, и поэтому даже внезапность и стратегический успех целого весеннего наступления обосновывал надеждой, что наш брат-солдат все выдюжит и не подведет.

Ну, а мне — полковому разведчику, по профессии своей, еще до того как пройти через все вышеописанное, полагалось ночами, до начала наступления, не ходить, а ползать по этой грязи то за «языком», то отыскивая слабые места в обороне противника. Тут уж в полном смысле нахлебаешься болотной жижи. Вернешься с задания — свои не узнают: как черт грязный от бровей до подметок.

Вот что мне хотелось добавить для полноты картины к сетованиям Манштейна на грязь и к использованию Жуковым распутицы, как элемента внезапности.

18 февраля столица салютовала победам наших войск под Корсунь-Шевченковским и был опубликован такой приказ:

«Приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Коневу:

Войска 2-го Украинского фронта в результате ожесточенных боев, продолжавшихся непрерывно в течение 14 дней, 17 февраля завершили операцию по уничтожению 10 дивизий и одной бригады 8-й армии немцев, окруженных в районе Корсунь-Шевченковского.

В ходе этой операции немцы оставили на поле боя убитыми 52 тысячи человек. Сдалось в плен 11 тысяч немецких солдат и офицеров...»

Дальше перечисляются войска и имена генералов, под

руководством которых была совершена эта операция и о присвоении частям и соединениям почетных званий.

Из Москвы позвонил Коневу Сталин и сказал:

— Поздравляю с успехом. У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза. Как вы на это смотрите? Не возражаете? Можно вас поздравить?

Конев ответил:

— Благодарю, товарищ Сталин.

— Представьте отличившихся командиров к наградам. У нас также есть соображения ввести новое воинское звание — маршал бронетанковых войск. Как ваше мнение на сей счет?

— Позвольте представить к этому новому званию маршала бронетанковых войск Павла Алексеевича Ротмистрова. Он отличился в этой операции.

— Я — за. И думаю, что мы еще присвоим такое звание товарищу Федоренко, начальнику бронетанковых войск.

Конев в своих воспоминаниях пишет:

«На второй же день самолетом мне доставили маршальские погоны, присланные Маршалом Советского Союза Г.К.Жуковым. Это было и внимание, и поздравление, и бесценный подарок».

Те, кто внимательно прочитал эту главу, наверное, несколько удивлены, почему Сталин в своем приказе, как Верховный Главнокомандующий, отмечает только 2-й Украинский фронт и Коневу. И окружение и уничтожение Корсунь-Шевченковской группировки вели два фронта: 1-й и 2-й Украинские — и руководил этими фронтами маршал Жуков.

Что можно сказать по поводу приказа Сталина как Верховного Главнокомандующего, оценивающего боевые действия в Корсунь-Шевченковской операции только как заслугу 2-го Украинского фронта под командованием Коневу? Можно, конечно, только развести руками, выразив

этим непонимание происшедшего. Можно сказать просто русскую поговорку: «Темна вода в облацех», имея в виду, что нам, простым смертным, неизвестно, что там творится наверху, и этим объяснить происшедшее. Можно привести еще одну пословицу: «Загадка сия — великая тайна есть». Но все то можно было говорить в то время, когда случилась такая, прямо скажем, несправедливость. Но теперь-то вот прошло много времени, и все загадки и тайны давно уже раскрыты. Можно определенно высказать суждение и по поводу этого поступка Сталина. Я умышленно так подчеркиваю — поступка, единоличного, именно Сталина, потому что кроме него никто такого решения принять не мог. Видимо, он сам так задумал. Что же за этим кроется? Что же это за «тайна великая»? Мне кажется, Сталин в какой-то степени уже на второй год войны втайне стал завидовать удачливому Жукову, который все операции завершал победно и у него уже складывался большой авторитет. Сталин решил немножко проучить Жукова. Верховный занимался такой «воспитательной» политикой с маршалами. Мы уже знаем, не раз одергивал или ставил на место крупных военачальников. Вспомните, как он выговаривал Коневу за то, что тот дал возможность прорваться группировке противника из окружения. Может быть, у Сталина был такой же напряженный разговор с Жуковым? Может быть, Жуков не захотел приводить его в своих мемуарах? Мои предположения высказаны не просто так: есть документ, который дает для них основание.

Вот текст телеграммы, которую Сталин послал Жукову по поводу того же случая прорыва части окруженных гитлеровцев.

«Тов. Юрьеву (псевдоним Жукова). Прорыв корсуньской группировки противника из района Стеблев в направлении Шендеровка произошел потому, что слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена. (Тут Сталин прямо упрекает Жукова в том, что у него

так много сил, а он оставил слабую армию без усиления. — В.К.)

Не было принято решительных мер к выполнению моих указаний об уничтожении в первую очередь стеблевского выступа противника, откуда, вероятнее всего, можно было ожидать попыток его прорыва... (Здесь, как видим, Сталин упрекает Жукова в прямом невыполнении его указания. — В.К.)

Сил и средств на левом крыле 1-го Украинского фронта и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить Корсуньскую его группировку... (В этом пункте Сталин еще раз упрекает Жукова в нераспорядительности, сил и средств у него много и на 1-м, и на 2-м Украинском фронтах, координацией которых он занимается — В.К.).

12 февраля 1944 года. 16 час. 45 минут. Подпись: Сталин, Антонов».

Не часто, а может быть, вообще впервые Жуков получил такой личный упрек от Верховного. А человек он был очень дисциплинированный, да и самолюбивый тоже, и, наверное, очень переживал, получив такую телеграмму.

Да и в директиве Ставки за подписью тех же Сталина и Антонова от того же 12 февраля пункт, касающийся Жукова, был явным продолжением этой строгой телеграммы Верховного. Напомню пункт 2-й в директиве: «Говарища Юрьева освободить от наблюдения за ликвидацией Корсуньской группировки немцев и возложить на него координацию действий войск 1-го и 2-го Украинского фронтов с задачей не допустить прорыва противника со стороны Лысянки и Звенигородки на соединение с Корсуньской группировкой противника».

Если еще раз внимательно перечитать этот пункт, то становится ясно, что он содержит своеобразное наказание для Жукова. Он освобождает маршала от руководства всей операцией, ему дают узкое направление — руко-

водить только созданием внешнего окружения этой группировки и не допустить прорыва к ней извне. А теперь вспомните цитату из мемуаров фельдмаршала Манштейна, где он говорит, что 20—30 тысяч из окружения вырвались, что он эти дивизии посетил, что он их благодарил и отправил на переформирование.

Несомненно, Сталину разведка докладывала о том, что часть сил из окружения вырвалась и что шедший навстречу окруженным 3-й танковый корпус достиг своей цели — соединился с пробивающимися. И в мемуарах Манштейн прямо говорит: «Мы с радостью получили сообщение по радио, что они соединились», и как они торжествовали по этому поводу. Значит, как бы ни было нам неприятно, Жуков, по сути дела, свою задачу не выполнил. Танковый корпус Манштейна пробился к окруженным и встретил их на пути. Конев получил звание маршала, хотя он свою часть операции тоже не выполнил: группировка противника вырвалась из внутреннего кольца, порученного ему.

Не будем здесь углубляться в детали и пытаться бросить какую-то тень на Конева. Я не хочу этого делать. Конев получил звание маршала заслуженно. И до этого у него было много удачных операций, где он проявил себя как полководец.

Но в отношении Жукова и по отношению к войскам 1-го Украинского фронта, которые операцию эту осуществляли, Сталин поступил несправедливо. Все-таки, да при желании упрекнуть Жукова, несправедливость по отношению к целому фронту не следовало бы допускать. По поводу этого у Жукова в воспоминаниях сказано следующее:

«Столица нашей Родины 18 февраля салютовала войска 2-го Украинского фронта. А о войсках 1-го Украинского фронта не было сказано ни одного слова. Я думаю, что это была непростительная ошибка Верховного.

Как известно, успех окружения и уничтожения вра-

жеской группировки зависит от действия как внутреннего, так и внешнего фронтов. Оба фронта, возглавляемые Н.Ф.Ватутиным и И.С.Коневым, сражались превосходно».

Жуков не пускается ни в какие рассуждения, касающиеся его лично. Он высказывает обиду за своих товарищей. И это вполне справедливо.

Но война продолжалась, новые благоприятные условия создавались для освобождения всей Правобережной Украины и выхода на границу, поэтому Жуков вылетел в Москву и доложил свои соображения по дальнейшему ведению боевых действий. Никакой тени обиды не проявил, да и Сталин ничего не сказал по поводу происшедшего. Он выслушал предложения Жукова, утвердил их и приказал выехать опять на 1-й и 2-й Украинский фронты и, не теряя времени, осуществлять намеченное.

А мы все-таки заглянем на ту сторону, посмотрим, что происходило во время Корсунь-Шевченковской битвы у немцев.

НА ТОЙ СТОРОНЕ

Следует отметить, что в руководстве, и в частности в генеральном штабе сухопутных войск германской армии, были достаточно трезвые головы, которые правильно понимали и оценивали происходящее. Да и сам новый начальник генерального штаба Цейтцлер, под руководством которого выходил «Бюллетень Генштаба по оценке положения на Восточном фронте» так выразил в нем свою точку зрения:

«Противник, правильно расценивая соотношения сил, осознал свои возможности успеха в настоящее время и...

будет стремиться продолжать свои наступательные операции без большой оперативной паузы. Силы у Красной Армии для этого достаточно... При существующем соотношении сил и боеспособности советских войск имеется опасность крушения всего Восточного фронта, если не удастся предотвратить и сдержать будущие операции по прорыву в самом начале их развития».

Как видим, оценка нелицеприятная для себя и достаточно объективная. Это делает честь германскому генеральному штабу.

В создавшейся ситуации, когда для крупных наступательных операций уже не было сил и когда инициатива была утрачена, единственно возможным и потому правильным предложением генштабовцев было: ввести позиционные формы боевых действий. Для того, чтобы построить прочную оборону, самый выгодный естественный природный и стратегический рубеж — это «Восточный вал» на Днестре. И поэтому было принято решение: укреплять в инженерном и во всех других отношениях этот рубеж и стоять насмерть на «голубой линии».

Надо было самым срочным образом пополнять части людским составом. В Германии подчистую проводилась мобилизация всех возрастов. Лишились отсрочек все, кто их получил ранее, и фюрер пошел даже на такую, для него очень крайнюю, меру: приказал изыскать среди внутренних войск СС и направить на фронт не меньше миллиона человек. Всюду, где было возможно, немцы-рабочие заменялись пригнанными с востока переселенцами и даже военнопленными. В промышленности предпринимались самые кардинальные меры для увеличения продукции для пополнения техникой ослабевших частей на Востоке. На западе силы сокращались до минимума в ожидании вторжения союзников, и все, что можно, перебазировалось, перегруппировывалось на Восточный фронт. Был принят ряд решительных мер для поднятия (как они сами отмечали) ослабленного боевого духа в войсках и морального

состояния населения. Проведено специальное совещание военно-политического руководства, где была изложена целая программа укрепления фашистской диктатуры и идеологической работы в массах. Если раньше говорилось, что армия вне политики, и солдат, вступая на службу, отказывался от каких-то политических убеждений, а офицеры даже не были членами национал-социалистской партии, то теперь ставилась задача: каждого офицера и солдата превратить в борца за ее идеи, заставить его проникнуться сознанием необходимости этой борьбы и увериться в том, что победа — это единственное спасение отечества, иначе — катастрофа!

Гитлер издал специальный приказ о национал-социалистическом руководстве в вооруженных силах. Создавался штаб по партийному руководству и в самом штабе верховного командования сухопутных войск. Возглавил этот рабочий орган Борман. Создавались соответствующие штабы по национал-социалистическому руководству при главнокомандующих видами вооруженных сил, а также во всех крупных штабах на более низком уровне. Даже в штабах дивизий, а также в учреждениях, приравненных к ним, вводились должности офицеров — нацистских руководителей.

Земля, как говорится, горела под ногами гитлеровцев не только на Востоке, но и на Средиземноморском театре военных действий. Союзники высадились сначала на Сицилии, а потом перебрались на континент, и вскоре Италия выбыла из войны, капитулировала. Да не только капитулировала, а 13 октября вновь созданное итальянское правительство Бодолю объявило войну Германии. Теперь Италия из союзника превратилась в противника, с которым тоже надо было вести вооруженную борьбу. Единственное, в чем не растерялся генеральный штаб сухопутных войск Германии — ему удалось разоружить итальянские войска. За 24 часа они взяли 82 генерала, 13 тысяч

офицеров, 402 унтер-офицеров и солдат и разоружили. И таким образом эти союзники, недавно составлявшие какую-то реальную силу, превратились в военнопленных, которых (правда) надо было кормить и охранять. Угроза высадки англо-американского десанта во Франции, через Ла-Манш, становилась все более реальной. Однако Гитлер сказал Геббельсу по этому поводу:

— Англичане, без сомнения, ни на каких условиях не хотят большевистской Европы... Если они поймут... что имеют перед собой выбор только между большевизмом или сговорчивостью национал-социализма, они без сомнения выберут второе... Черчилль сам — старый антикоммунист, и его сотрудничество с Москвой покоится сегодня только на соображениях целесообразности.

Понимая, что дело близится к развязке и вскоре придется за свои деяния даже отвечать, один из самых приближенных к Гитлеру военачальников Клейст написал Гитлеру докладную записку о «чрезмерности истребительной политики на Востоке». Гитлер прочел эту записку и пригласил к себе на беседу ее автора. В это время, несмотря на все неудачи, Гитлер все еще надеялся на то, что вывернется из создавшегося сложного положения. Это видно из того, что он сказал Клейсту:

— Вы нарисовали мне весьма мрачную картину положения в оккупированной части России... Все это фантазии. Ваша обязанность думать о настоящем моменте, а я обязан думать о завтрашнем и послезавтрашнем днях и не имею права забывать будущее ради текущего момента. В течение ближайших ста лет немецкий народ будет насчитывать сто двадцать миллионов человек. Для этого народа мне нужно пустое пространство. Я не могу предоставить восточным народам права суверенной самостоятельности и допускать существование самостоятельной России. Политика делается не иллюзиями, а жестокой реальностью. Проблема пространства для меня решающая!

Гитлер все еще был полон решимости продолжать начатую борьбу, и поэтому был в Германии выдвинут лозунг: «Непоколебимо — с боевой решимостью — к несомненной победе!»

А поздравляя с Новым годом своих соотечественников, Гитлер сообщил народу: «Национал-социалистическое руководство полно решимости вести эту борьбу с крайним фанатизмом и до последней возможности». Теперь, втайне мечтая о заключении мира с союзниками, гитлеровские газеты и радио постоянно заговаривали на тему «Третий рейх — бастион антикоммунизма», «Третий рейх — защитник Европы от большевистского нашествия».

Гитлеровская разведка добыла достаточно широкую информацию о Тегеранской конференции и знала о том, что принято решение о высадке англо-американских войск в Западной Европе. В те дни, когда шли горячие бои на Правобережной Украине, за Днестром, главнокомандующий группой армий «Запад» Рунштедт был уже достаточно информирован о подготовке союзников. Опасения перед скорым вторжением были так велики, что гитлеровское командование даже подумывало о том, чтобы, сократив фронт на Востоке, создать там непреодолимую оборону, а часть сил перебросить на запад для отражения вторжения. В «Вольфшанце» разрабатывались планы перенесения стратегических усилий с востока на запад, в них была заложена мысль Гитлера: решительно сбить вторгнувшиеся во Францию части союзников, чтобы они долго не могли повторить такую попытку. Затем немедленно перебросить части с запада на восток, назад, на российский фронт, и там укрепить оборону, а может быть, предпринять в дальнейшем и наступательные действия. Однако ситуация сложилась совершенно противоположным образом. Союзники не высадились, а наши четыре Украинских фронта перешли в решительное наступление.

Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн, отведя войска за Днестр, понимал, что ника-

кого «Восточного вала» не существует, что в инженерном оборудовании здесь все сделано не так, как о том трубила пропаганда. Поэтому он сразу написал донесение руководству о том, что оборона на фронте шириной в 700 километров, где сосредоточены 37 пехотных дивизий и когда на одну дивизию приходится более 20 километров, конечно, не очень устойчива. Кроме того, он доложил, что имеющиеся у него 17 танковых и механизированных дивизий только по названию являются таковыми, а полной боеспособностью они, из-за отсутствия полагающейся штатной материальной части, не обладают. Манштейн ставил вопрос о серьезном и надежном укреплении «Восточного вала». Однако все эти планы остались планами, а разговоры — разговорами. Стремительное продвижение советских армий к Днепру и форсирование его на широком фронте нарушило планы гитлеровского командования. И вскоре уже сам Манштейн вынужден был отводить свой штаб из Кировограда в Винницу — бывшую ставку фюрера, где, как он говорил, все было хорошо оборудовано для нормальной работы.

4 января фельдмаршал Манштейн прилетел в ставку фюрера, чтобы решить некоторые, как он считал, кардинальные вопросы. Главным из них было, конечно, сокращение фронта на Днепровской дуге для того, чтобы не рисковать силами, попадающими в окружение, а вывести их и организовать устойчивую оборону на другом, более западном рубеже. В этом отношении Манштейн был конечно же прав. Доказывая свою точку зрения, он сказал: «Намечаемые контрудары в лучшем случае временно устроят нависшую угрозу, однако ни в коем случае не смогут укрепить на длительный срок положение наших войск».

Однако, как пишет сам Манштейн в своих воспоминаниях, Гитлер не был тем человеком, который видел необходимость далекого расчета при проведении операции. Более того, он даже в такой ситуации отвергал всякую мысль об оставлении Днепровской дуги.

— Если мы уйдем с дуги, неизбежно оставление Крыма, а значит, и отход от нас Турции, а затем Болгарии и Румынии. С запада я могу перебросить к вам силы только тогда, когда будет ликвидирована попытка противника высадиться на побережье. Главное сейчас — выигрывать время, пока мы сформируем новые части и пока прояснится обстановка на западе. Да и среди союзников тоже немало противоречий. В один прекрасный день их блок может распасться. Следовательно, еще раз повторяю, главное — это выигрыш времени.

Манштейн понимал, что политическими вопросами Гитлер сейчас его запутает и он ничего не добьется из того, ради чего приехал. Но надо было во что бы то ни стало развязывать узлы немедленно, и поэтому он попросил Гитлера уделить ему время для беседы с ним лично или в присутствии начальника генерального штаба.

Гитлер очень насторожился и не, ожидая ничего хорошего от разговора с Манштейном наедине, все же сказал, чтобы остальные вышли из кабинета. Вышли все, включая и стенографиста. Остался только генерал Цейтцлер. Манштейн сказал:

— Мой фюрер, я прошу вашего разрешения говорить совершенно открыто.

— Пожалуйста, — холодно сказал Гитлер.

— Надо ясно отдавать себе отчет, мой фюрер, в том, что чрезвычайно критическая обстановка, в которой мы сейчас находимся, объясняется не только неоспоримым превосходством противника. Она является также следствием того, как у нас осуществляется руководство военными действиями.

Гитлер был просто ошарашен таким заявлением и так посмотрел на Манштейна, что тот (как он сам пишет) навсегда запомнил этот взгляд.

Вот что пишет Манштейн: «Я не припомню, чтобы я когда-нибудь наблюдал взгляд, который так передавал бы силу воли человека... Он уставился на меня такими глаза-

ми, как будто хотел своим взглядом заставить меня пасть ниц. Это была, так сказать, борьба без слов, длившаяся в течение нескольких секунд. Я понял, что взглядом своих глаз он запугал или, пользуясь, правда, не подходящим для этого случая выражением, «прижал к ногтю» не одну свою жертву. Однако я продолжал и сказал ему, что из того, как у нас организовано руководство вооруженными силами, ничего не получается».

Дальше Манштейн изложил Гитлеру уже не раз, как он говорит, предлагавшуюся идею, чтобы всеми боевыми действиями руководил один полновластный военачальник. Таким образом, он в открытую не говорил, но намекал Гитлеру, чтобы тот отказался от руководства боевыми действиями фронтов. На это Гитлер ему ответил:

— Только я обладаю всеми средствами государственной власти и могу эффективно руководить военными действиями. Только я в состоянии решать, какие силы могут быть выделены для отдельных театров военных действий и тем самым как на них нужно проводить операции. Только мне подчиняются все крупнейшие военачальники, и никому другому такой, например, как Геринг, подчиняться не будет. Никто не обладает таким авторитетом, как я. Даже мне не подчиняются фельдмаршалы! Не думаете ли вы, что вам они будут больше подчиняться? В случае необходимости я могу смещать их с занимаемых постов, никто другой не может иметь такой власти.

То, чего хотел добиться Манштейн — улучшения вопросов руководства операциями на Восточном фронте путем отхода Гитлера от этой должности — не состоялось. И Манштейн ни с чем вернулся на «свою» Днепровскую дугу для продолжения напряженнейших боевых действий. Боевые действия, как известно, складывались все сложнее и сложнее. У Манштейна уже не было сил для осуществления даже каких-то очень удачно им разработанных противодействий. У него уже, как он сам признавался, оставались только нумерации частей. А ре-

альных сил у него уже не было. Потерпев фиаско в личном разговоре, Манштейн написал Гитлеру письмо и передал его через начальника генерального штаба. В основном в этом письме выдвигались те же вопросы, что и при конфиденциальной встрече с фюрером.

27 января в ставке Гитлера состоялось расширенное совещание, на котором присутствовали все командующие группами армий Восточного фронта, центральное руководство и высокие должностные лица из ставки фюрера.

В своем докладе фюрер говорил об идеологическом обосновании войны. Говорил довольно долго и утомительно. Главной была мысль о том, что все военные должны безгранично подчиняться национал-социализму. С каким-то даже упреком к высшему командному составу, которому Гитлер, как известно, не доверял, он сказал: «Если судьба в этой борьбе на жизнь и смерть должна лишить нас победы и если эта война по воле Всевышнего должна закончиться для немецкого народа катастрофой, то вы, господа генералы и адмиралы... должны сражаться до последней капли крови за честь Германии. Я говорю, господа, что так должно быть».

Гитлер сделал небольшую паузу и прошелся взором по генералитету, который сидел в первом ряду. И вот в этой паузе Манштейн вдруг бросил такую фразу:

— Мой фюрер, оно так и будет!

После этой реплики Манштейна пауза не только затянулась, а стала какой-то гнетущей. Дело в том, что эти слова многие присутствующие поняли по-разному. Одни восприняли это как патриотический всплеск, в поддержку того, что сказал Гитлер («мы как один умрем за ваши идеи, фюрер»), другие — наоборот — восприняли это как иронию, что, мол, вот до того нас фюрер довел, что мы теперь действительно как один умрем, и ничего нам больше не остается. Гитлер после минуты явной растерянности сказал, чтобы снять напряжение:

— Благодарю вас, фельдмаршал фон Манштейн!

Затем он прервал свою речь, дальше говорить не стал. Был объявлен перерыв.

Во время перерыва Манштейн пил чай в кабинете начальника генштаба Цейтцлера. Раздался телефонный звонок, и, коротко поговорив по телефону, Цейтцлер сказал Манштейну: «Вас просят зайти в кабинет фюрера».

Когда Манштейн вошел в кабинет Гитлера, тот без всяких предисловий, видимо тоже поразмыслив над репликой фельдмаршала, понял наконец ее подлинный смысл, и поэтому вызвал его к себе и заявил:

— Господин фельдмаршал, я запрещаю перебивать меня во время речи, которую я держу перед генералами. Очевидно, вы сами не позволили бы делать это своим подчиненным.

Манштейн не был готов к такому разговору, да и что скажешь, он действительно не позволил бы никому из своих подчиненных вести себя подобным образом. А Гитлер между тем, заряженный на большую обиду, не ограничился только замечанием по поводу той реплики, и продолжал:

— Вы прислали мне несколько дней назад докладную записку об обстановке. Она, очевидно, имеет назначение, попав в журнал боевых действий, когда-нибудь позже оправдать вас перед историей?

Это уже было скрытым оскорблением самого Манштейна, и он понял это и попытался парировать:

— Письма, которые я направляю лично вам, естественно, не фиксируются в журнале боевых действий. Это письмо я направил с курьером через начальника генерального штаба. Я прошу меня извинить, если я сейчас употреблю английское слово. По поводу ваших слов я могу сказать: я джентльмен.

Наступила длительная пауза, Гитлер долго думал, но потом, не найдя ничего другого, сказал:

— Благодарю вас.

На этом разговор с фюрером закончился. В обоих случаях — и с той репликой в зале заседания, и здесь, после заявления Манштейна о его джентльменстве, — верх вроде бы остался за Манштейном. Это понимал и Манштейн, но он был уверен, что это ему просто так с рук не сойдет.

ПРОСКУРОВО-ЧЕРНОВИЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ

С 18 по 20 февраля 1944 года Жуков работал в Ставке. Он доложил Сталину свои соображения о дальнейших целесообразных действиях по освобождению Правобережной Украины. Главной в этом замысле была стратегическая, очень важная мысль о решающем ударе в сторону Карпат, выходе к этому горному хребту и рассечении таким образом всего южного участка фронта на востоке пополам, потому что через горный хребет (по понятным причинам) связь и взаимодействие двух изолированных частей фронта будут очень затруднены, да пожалуй, и невозможны. Таким образом, здесь ситуация складывалась похожая на ту, которая была задумана гитлеровцами при наступлении на Сталинград. Только с выходом к Карпатам у гитлеровцев складывалась, на мой взгляд, более тяжелая ситуация, потому что мы и за Волгой могли продолжать связь с нашими группировками, хотя и в очень трудных условиях. А здесь с выходом к горному хребту изоляция уже наступала реальная и прочная.

Обсудив детально доклад Жукова с Генеральным штабом, Сталин согласился с его предложениями и приказал Жукову вылететь на фронт, опять-таки координировать

действия 1-го и 2-го Украинских фронтов при осуществлении задуманных планов.

21 февраля Жуков был уже в штабе 1-го Украинского фронта, рассказал командующему фронтом Ватутину о решении Ставки, и они вместе начали подготовку следующей операции.

Уже начиналась весна. Наступила распутица, и у многих командиров было сомнение: стоит ли начинать крупные операции в таких условиях, потому что трудно будет продвигаться и танкам, и артиллерии, да и вообще всей технике. Не подождать ли немножко? Однако Жуков решил, что если начать операцию именно в таких неблагоприятных условиях, это будет неожиданностью для противника; надо использовать этот фактор. Да и части противника, потрепанные в предыдущих боях, не будут еще в состоянии полной боевой готовности для отражения нового наступления наших войск. В соответствии с принятыми решениями создавались новые группировки для нанесения ударов, шла отработка взаимодействия между родами войск, в общем, обычная нелегкая работа по подготовке крупной фронтовой операции.

28 февраля Ватутин решил выехать в 60-ю и 13-ю армии, чтобы там отработать вопросы взаимодействия наземных войск с авиацией и еще раз все обговорить с командующими армиями.

Жуков словно предчувствовал беду и не советовал Николаю Федоровичу выезжать. Он говорил: пусть кто-нибудь из заместителей поедет, они в состоянии провести эту работу. Но Ватутин настоял на своем и поехал. После работы в 13-й армии Ватутин с охраной в составе 8 человек, в сопровождении офицеров штаба и члена Военного совета генерал-майора Крайнюкова, 29 февраля переезжал в 60-ю армию. В восьмом часу вечера, недалеко от селения Милятын, на эту небольшую колонну штабных машин было совершено нападение бендеровцев. Они неожиданно из засады обстреляли легковые машины. Ох-

рана начала отбивать нападение, однако в этой перестрелке Ватутин был ранен. Рана вроде была не тяжелая (в бедро выше колена), но пока суета, пока довели до ближайшего поселка, Ватутин потерял много крови. Затем его доставили в госпиталь, а оттуда — в Киев. Хирурги долго боролись за жизнь Ватутина, не раз оперировали, пытаясь спасти ему жизнь. Но 15 апреля Ватутин скончался.

Все это время практически фронтом командовал Жуков, а 1 марта пришла директива Ставки, в которой Жуков назначался командующим 1-м Украинским фронтом, с возложением на него всей ответственности за успех предстоящей операции. Этой же директивой Жуков освобождался от координации действий со 2-м Украинским фронтом.

1-й Украинский фронт располагал крупными силами. В нем были: пять общевойсковых армий, три танковые армии и воздушная армия.

Противостояли здесь 1-му Украинскому фронту 4-я и 1-я танковые армии под командованием все того же фельдмаршала фон Манштейна. Даже из этого короткого перечисления сил видно, что у Жукова было явное превосходство и это давало ему возможность не только овладеть инициативой, но и, как говорится, диктовать свою волю. На направлении главного удара Жуков сосредоточил две армии — 60-ю и 1-ю гвардейскую, а для развития их успеха, за ними во втором эшелоне — две танковые армии — 4-ю и 3-ю гвардейские. Одновременно переходили в наступление и другие армии на левом фланге, чтобы не дать возможность противнику маневрировать резервами.

4 марта после мощной артиллерийско-авиационной подготовки войска фронта перешли в наступление. В первый же день успех обозначился на участке 60-й армии, и Жуков немедленно же решил вводить сразу две танковые армии на этом направлении.

Продвигающиеся танковые армии вбивали клин между

армиями Манштейна. На юге отсекалась 1-я танковая армия, а на севере — 4-я. Манштейн собирал все возможные резервы, снимал части с других направлений для того, чтобы ликвидировать этот клин и не допустить расщепления своего фронта. Ему удалось создать ударный кулак силой в девять танковых и шесть пехотных дивизий. И надо сказать, они сделали свое дело. Несмотря на то, что в распоряжении Жукова на главном направлении были мощные ударные танковые армии, Манштейну удалось не только остановить наши наступающие части, но и отбросить их на линию севернее Тернополя и Проскурова. Таким образом, Манштейн сохранил коммуникации в своем тылу и связь между своими армиями.

Как это ни прискорбно, Жукову пришлось приостановить наступление своей главной группировки и отдать приказ о переходе к обороне. Эти тяжелые оборонительные бои продолжались больше недели. Только отразив и истощив Манштейна, Жуков вновь решился на продолжение наступательных действий — 21 марта войска фронта вновь двинулись вперед. 24 марта войска с ходу форсировали Днестр и, используя полностью захваченную инициативу, очень быстро продвигались к реке Прут и 29 марта вышли к этой реке, форсировали ее и овладели Черновицами. Вот с овладением Черновицами и произошло то самое расщепление восточного фронта гитлеровцев на две части, потому что здесь находились предгорья Карпат. 1-я танковая армия Манштейна осталась на южном участке, а 4-я танковая армия — на северном.

К этому времени подоспел мощный удар 2-го Украинского фронта в направлении Хотина. В этом населенном пункте встретились войска 2-го и 1-го Украинского фронтов. Таким образом, в районе Каменец-Подольска оказались окруженными до двадцати трех дивизий противника, в их составе до десяти танковых. Это был несомненно очень крупный успех, и теперь предстояло его довести до конца.

Но в этой операции Манштейн, надо признать, переиграл своего старого противника маршала Жукова. Я говорю об этом несмотря на то, что в целом в Проскурово-Черновицкой операции победу одержал Жуков и она закончилась успешно, но что касается окруженной группировки, то Жуков и его войска не смогли ее уничтожить, хотя в распоряжении Жукова и находилось гораздо больше сил, чем у Манштейна.

Оценивая обстановку и принимая решение по уничтожению 1-й танковой армии, Жуков вполне справедливо предполагал, что она будет прорываться на юг, потому что там были более слабые наши части и еще река Днестр, укрывшись за которой противник мог организовать устойчивую оборону и таким образом избавиться от преследования после окружения. Кстати, немецкое командование, очень многие из него настаивали именно на этом варианте — на прорыве на юг. В их числе и сам командующий Клейст. Но Манштейн, исходя из своих соображений, избрал, казалось, более трудный путь: он хотел вывести 1-ю танковую армию на запад и таким образом соединить обе армии, которые были в его распоряжении. Он считал, что если 1-я танковая армия пробьется на юг, она все равно останется там изолированной, и в его руках уже не будет того, что называется группой армий «Юг». Для спасения окруженной группировки Манштейн собрал все, что было можно, и бросил на выручку окруженным. С другой стороны, он хорошо организовал и удар навстречу, изнутри. В общем, окруженным частям удалось вырваться, и, как я уже сказал, в данном случае Манштейн переиграл Жукова. Но только в этом частном случае. Сам Жуков пишет в своих воспоминаниях следующее: «Сколько гитлеровцев провалось из окружения, ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Как потом оказалось, вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше».

Когда мы с вами в очередной раз заглянем в немецкий штаб, я расскажу более детально о том, как Манштейну удалось спасти эту окруженную группировку.

Как небольшое утешение для Жукова и для нас с вами, скажу о том, что другую группировку противника в районе Тернополя войскам Жукова удалось не только окружить, но и полностью ликвидировать.

А в целом Проскурово-Черновицкая операция была одной из крупных операций Великой Отечественной войны. И она отличается от других тем, что на главном направлении вводилась впервые такая крупная группировка, как три танковые армии.

В целом 1-й Украинский фронт продвинулся до 350 километров, вышел к Карпатам, рассек фронт. Задачу, поставленную Ставкой, полностью выполнил. Что же касается эпизода, когда из окружения все-таки вырвалась часть гитлеровцев, то в вину Жукову Ставка это не поставила, потому что при планировании операции, собственно, не ставилась задача по окружению и уничтожению такой крупной группировки. Все, что предусматривалось директивой Ставки, было выполнено. Очередная крупная победа была достигнута, и стратегический успех в рассечении Восточного фронта немцев состоялся.

Войскам Жукова за эту победу салютовала Москва, и многим частям были присвоены почетные наименования Проскуровских, Винницких, Черновицких, Ямпольских, Жмеринских, Чортковских, Залешицких. Многие участники этой победной операции были награждены персонально. Не обошли в этом случае и Жукова. Он был награжден орденом «Победа». Причем номер его ордена был первым.

Награждая Жукова этим новым высочайшим полководческим орденом, Сталин, казалось, не только отмечает полководческие заслуги Жукова в Проскурово-Черновицкой операции, а вообще в сражениях — за Днепр, за Правобережную Украину, и в то же время хотел как-то

сгладить осадок, который несомненно остался в душе у Жукова, да может быть и у Сталина, после того приказа, отмечавшего заслуги только Конева.

Нет слов, конечно, великая честь — получить этот самый высокий орден, но все же некоторые нюансы, о которых скажу ниже, я считаю необходимым изложить читателям.

По статусу высшего полководческого ордена «Победа», учрежденного 8 ноября 1943 года им награждаются лица высшего командного состава Вооруженных Сил СССР за успешное осуществление крупных операций в масштабе одного или нескольких фронтов, в результате проведения которых изменилась стратегическая обстановка в пользу Советской Армии.

Теперь представим себе последовательность: как могло происходить награждение Жукова этим орденом? То, что эта мысль возникла у Сталина, я думаю, ни у кого сомнений не вызывает. Верховный Главнокомандующий мог принять такое решение, обсудить его в Ставке, опереться на коллективное мнение, а потом уже сообщить это решение Верховному Совету, чтобы Калинин оформил награждение соответствующим Указом его Президиума. Может, так все и было. Я, как офицер, который работал в Генеральном штабе немало лет, знаю, что решение высоких начальников конкретно оформляется все-таки каким-то работником Генерального штаба: он пишет соответствующий текст, оформляя решение высшего начальства.

Однако обоснование награждения, видимо, продиктовал сам Сталин. Я предполагаю это потому, что никто другой кроме него не мог бы написать такой текст для Указа. Во-первых, потому что эта формулировка не соответствовала статусу об ордене «Победа», а во-вторых, никто бы не осмелился таким вот текстом «оценивать» заслуги маршала Жукова. Вдумайтесь в подлинный текст, который я привожу ниже:

«За умелое выполнение заданий Верховного Главного Командования по руководству боевыми операциями большого масштаба, в результате которых достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских захватчиков, наградить орденом «Победа» Маршала Советского Союза Жукова Г.К.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР М.Калинин

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР А.Горкин

12 апреля 1944 г.»

Таким образом, получается, что Жуков награжден «за выполнение приказов Верховного Главнокомандующего», т.е. Сталина, а не за военное искусство, проявленное им лично в крупнейших операциях на фронте Великой Отечественной войны. Операции задуманы Верховным, а Жуков только «руководил» войсками при их осуществлении.

Жуков ничего не пишет в своих воспоминаниях о том, что Сталин позвонил ему и поздравил с этой высокой наградой. Если вы помните, когда было присвоено звание Маршал Советского Союза Коневу, Сталин позвонил ему, даже шутил, спрашивал: «Как вы к этому относитесь?», «Согласны ли вы?»... В этом же случае Сталин не звонил: если бы был звонок, Жуков, конечно, написал бы об этом, потому что разговоры, которые он вел со Сталиным по телефону, по радио и при встречах, Жуков отражал в своих воспоминаниях дословно.

Может быть, Сталин был очень занят и ему было не до того? Не до поздравлений? Может быть, он намеревался при личной встрече высказать Жукову, что

полагается говорить в таких случаях? Но в воспоминаниях Жукова на сей счет сказано очень точно:

«Когда я вошел в кабинет Верховного, там уже были А.И.Антонов, командующий бронетанковыми войсками маршал Я.Н.Федоренко и командующий ВВС генерал-полковник А.А.Новиков, а также заместитель председателя Совета Народных комиссаров В.А.Малышев.

Поздоровавшись, Верховный спросил, был ли я у Николая Михайловича Шверника. Я ответил, что нет.

— Надо зайти и получить орден «Победы».

Я поблагодарил Верховного Главнокомандующего за высокую награду.

— Ну, с чего начнем? — обратился И.В.Сталин к А.И.Антонову.

— Разрешите мне коротко доложить о положении дел на фронтах на 12.00 сегодняшнего дня».

Вот так, никаких добрых слов о той гигантской работе, которую проделал маршал Жуков, никаких слов ни от себя лично, ни от Верховного Главнокомандования! «Надо зайти и получить орден»... И все!

Обратите внимание еще на такую очень важную подробность: Указ о награждении подписан Калининым, а почему же Сталин говорит: «Зайдите к Швернику?» Может быть, Жуков забыл, что тогда Шверник еще не был Председателем Президиума Верховного Совета СССР? Может быть, Сталин что-то спутал? Или Жуков запомнил?

Никто ничего не путает! Все продумал Сталин: не Всероссийский староста — очень уважаемый в то время человек — будет вручать награду, а деятель рангом пониже, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, который к Указу *всесоюзному* не имеет отношения. Какие тут заложены «задние мысли» Сталина, я не знаю, но то, что они уже появлялись — сомнений быть не может. Факты говорят сами за себя.

Не думаю, что все то было случайно: у Сталина случайностей никогда не бывало. Или почти никогда. Он

рассчитывал, как шахматист, не только на несколько дней или месяцев вперед, но иногда на годы. Конечно же, он ценил Жукова за его талант, за его победы и умелое руководство крупнейшими операциями. Сталин всегда с ним советовался, соглашался с его предложениями, и в большинстве случаев мнение Жукова было решающим. Не оценить заслуги Жукова уже было нельзя. Война продолжалась, и, как полководец, он был ему нужен. Но мне кажется, в это время где-то в глубине души Сталин понимал, что известность Жукова в армии, в народе может отразиться на его авторитете. И Жуков, благодаря своей колоссальной популярности, мог бы заслонить его роль в начавшихся победных операциях. Исходя из этих предположений можно понять и формулировку в Указе: «за умелое выполнение заданий Верховного...», а не за полководческое искусство. И прямо скажем, пренебрежительный жест — «зайдите и получите орден» — тут не только Жукову, а и присутствовавшим при этом другим военачальникам Сталин показывал «кто есть кто», демонстрировал, что только он, и никто другой, решает все дела, что от него зависят и их судьбы, невзирая на их ранги, звания, заслуги и высокие служебные посты.

На этот раз Антонов в своем докладе подробно изложил обстановку по всем фронтам и направлениям, особенно о возможных действиях гитлеровских войск в кампании 1944 года. Он не сделал никаких предложений об операциях Советской Армии и как опытный генштабист ждал, что эти предложения выскажет Верховный Главнокомандующий. Таким образом, крупные решения на предстоящую летнюю кампанию будут исходить от Сталина и будут зафиксированы как его личные замыслы. Несомненно, Антонов со Сталиным уже говорили на эту тему не раз, да и с другими военачальниками Сталин по этому поводу советовался. Но Сталин почему-то не стал высказывать свою точку зрения, а сначала спросил командующего ВВС Новикова о состоянии военно-воздушных сил.

Потом предложил маршалу Федоренко доложить о состоянии бронетанковых войск, которые тот возглавлял, и только после этого сказал:

— Ну, а теперь слушаем Жукова.

Поскольку на этом совещании впервые (подчеркиваю — впервые!) намечались планы на новые крупнейшие операции 1944 года и эти предложения опять-таки высказывал Жуков, хочу процитировать слова Георгия Константиновича. Делаю это потому, что позднее, после того как будут победно завершены эти операции, спустя много лет опять начнутся разговоры «кто первым предложил», «кто был автором», опять начнут делить славу. Вот что сказал тогда Жуков:

«Свой доклад я начал с того, что согласился с основными соображениями А.И.Антонова о предполагаемых действиях немецких войск и о тех трудностях, которые они будут испытывать в 1944 году на советско-германском фронте.

Тут И.В.Сталин остановил меня и сказал:

— И не только это. В июне союзники собираются все же осуществить высадку крупных сил во Франции. Спешат наши союзники! Опасаются, как бы мы сами без их участия не завершили разгром фашистской Германии. Конечно, мы заинтересованы, чтобы немцы начали, наконец, воевать на два фронта. Это еще больше ухудшит их положение, с которым они не в состоянии будут справиться.

Излагая свои соображения о плане летней кампании 1944 года, я обратил особое внимание Верховного на группировку противника в Белоруссии, с разгромом которой рухнет устойчивость обороны противника на всем его западном стратегическом направлении.

— А как думает Генштаб? — обратился И.В.Сталин к А.И.Антонову.

— Согласен, — ответил тот».

Обратите внимание, что на этот раз, высказывая со-

ображения о крупнейшей операции, которая впоследствии будет названа «Багратион», Жуков предлагал ее как свое личное хорошо продуманное мнение. Если в Сталинградской операции они с Василевским вдвоем вынашивали этот замысел и ни Жуков, ни Василевский не присвоили каждый себе авторства, то в этом случае Жуков докладывает Верховному один, а присутствующие его только слушают. Но Сталин очень считался с мнением Василевского. Кроме того, если верна наша мысль о том, что Сталин как-то пытался принизить заслуги Жукова, это могло бы объяснить последовавший затем его приказ соединить его по телефону с Василевским. И когда Василевский, находившийся на фронте, доложил, что он слушает, Сталин сказал:

— Здравствуйте. У меня находятся Жуков и Антонов. Вы не могли бы прилететь посоветоваться о плане на лето? А что у вас под Севастополем? Ну хорошо, оставайтесь, тогда пришлите лично мне свои предложения на летний период.

Пока идет разработка плана будущей операции, мы вернемся немножко назад, к тем даже не дням, а часам, когда единоборство двух полководцев — Жукова и Манштейна — достигло критического напряжения.

НА ТОЙ СТОРОНЕ

Когда части Жукова стали выходить на тылы 1-й танковой армии, Манштейн, понимая, что это может кончиться окружением, попросил ОКХ выделить силы для того, чтобы воспрепятствовать этому удару советских частей. Пришел ответ, что верховное командование не располагает такими силами, а 1-я танковая армия должна во

что бы то ни стало удерживать свой фронт и не отходить. На это Манштейн ответил, что если не будут предприняты меры против заходящих с тыла советских частей, он даст распоряжение 1-й танковой армии отходить на запад.

Манштейн позвонил генералу Цейтцлеру и объяснил критическое состояние 1-й армии и нереальность приказа, чтобы армия держала прежний фронт. На это начальник генерального штаба ответил: Гитлер не понимает всей серьезности создавшегося положения.

Видимо, все-таки Цейтцлер доложил Гитлеру о своем разговоре с Манштейном, потому что вскоре он позвонил и сказал, что фюрер вызывает Манштейна к себе, в ставку.

Манштейн прилетел из Львова в Бергхоф, в эту красивейшую горную резиденцию Гитлера, и на совещании доложил фюреру о том, что части 1-й танковой армии не в состоянии сдерживать натиск превосходящих сил противника, поскольку сами они понесли очень большие потери. Советские войска вышли уже на ее коммуникации, и 1-й армии грозит окружение. Манштейн предлагал не просто отвести 1-ю танковую армию для соединения с 4-й танковой армией, а повернуть ее на северо-восток, ударить по тем советским частям, которые заходили в ее тыл, и таким образом снять и уничтожить их до того, как две армии соединятся. Как бы там ни было, в любом случае 1-я танковая армия не может оставаться неподвижной. Это будет для нее катастрофой. Для того, чтобы не только отвести эту армию, но и нанести возможно больший урон советским частям, Манштейн предлагал, чтобы 4-я танковая армия организовала со своей стороны удар навстречу 1-й. Но для этого Манштейн просил подкрепления, потому что своих сил в обеих армиях было недостаточно.

Выслушав Манштейна, Гитлер произнес:

— У меня нет возможности выделить вам дополнительные силы для осуществления вашего плана. Мне при-

ходится считаться с возможностью вторжения противника на западе. Я не могу снимать оттуда ни одной дивизии. К тому же еще и очень напряженное положение в Венгрии. По политическим соображениям я и оттуда не могу снять ни одного соединения. В случае отвода 1-й танковой армии на запад ломается вся линия нашего восточного фронта, и мы теряем огромную территорию на юге.

Опровергая предложения Манштейна, Гитлер все больше распалялся и начал упрекать фельдмаршала в том, что он не очень-то умело распоряжался теми пополнениями, которые Гитлер ему постоянно посылал.

Манштейн парировал это тем, что пополнения давались частями и их приходилось немедленно же использовать в боях для решения конкретных задач. Не было возможности накапливать эти мелкие резервы. Если бы хоть раз были даны фюрером хотя бы минимальные, необходимые в тех критических условиях, пополнения, то обстановка не сложилась бы так, как выглядит она сейчас.

Гитлер уже кричал:

— Вы всегда хотели только заниматься боевым маневрированием. Осенью вы говорили, что Днепр будет удержан. После того как Днепр вы не удержали и я скрепя сердце дал согласие отступить за реку и закрепиться на ней, вы уже стали доказывать, что надо отступать дальше. Вы сдали Киев и сдали потом всю Правобережную Украину.

Манштейн защищался:

— Так оно и должно было получиться, по вашему указанию мы удерживали Донбасс, а позже Днепровский район, в то время как все эти силы мы могли бы использовать для удержания именно восточного вала.

— По данным воздушной разведки, отмечалось, что некоторые ваши части отступали перед отдельными танками противника, бежали от них целые полки. Вместо

того, чтобы стоять насмерть и держать фронт, вы все время говорили о необходимости отхода на новые позиции.

— Если войска не могут более держаться, то это объясняется их чрезмерной усталостью, истощением их сил, сокращением численности самих соединений и частей. Я неоднократно докладывал о том, что при таких сверхрастянутых фронтах и таком состоянии войск должен наступить момент, когда силы войск будут исчерпаны. Вы не можете обвинить командование группы в мягкости. Мы требовали от командиров соединений стойкости и твердого руководства боями и заменили многих командиров, которые уже, по нашему мнению, утратили боевой дух. А все они между тем были испытанными и храбрыми командирами, которые неоднократно показали свое умение в предыдущих боях, а теперь вот, в связи с такой ситуацией, уже и у них была ослаблена стойкость.

Понимая, что такой напряженный разговор ни к чему хорошему не приведет, а 1-ю армию спасти все-таки надо, Манштейн сказал:

— Приказ о спасении 1-й танковой армии я должен отдать сегодня же. Я повторяю: только встречными ударами 1-й и 4-й армий мы создадим нашу сильную группировку и нанесем большие потери противнику, который уже окружает 1-ю танковую армию.

Гитлер и на этот раз отклонил предложения Манштейна. На сем был объявлен перерыв.

Выйдя из кабинета Гитлера, Манштейн немножко успокоился, сказал генералу Шмундту, адъютанту фюрера:

— Я считаю нецелесообразным для меня в дальнейшем командовать группой армий, если фюрер не примет мои предложения. Я прошу ему передать о том, чтобы он поручил командование группой армий кому-то другому.

Конечно же, адъютант доложил об этом разговоре Гитлеру, и на вечернем заседании фюрер явно смягчился. Он начал разговор так:

— Я обдумал все еще раз, я согласен с вашим планом относительно прорыва 1-й танковой армии на запад. Я также решил скрепя сердце включить в предлагаемую вами ударную группу 4-ю танковую армию, вновь сформированный на западе танковый корпус СС в составе 9-й и 10-й танковых дивизий СС, а также 100-ю горнострелковую дивизию из Венгрии.

Гитлер не хотел обострять до разрыва свои отношения с Манштейном: все-таки Манштейн был одним из самых опытных и талантливых полководцев среди фельдмаршалов. На этот раз фюрер настолько хотел снять напряжение, что после такого мирного завершения совещания вышел в приемную вместе с Манштейном и спросил, все ли готово, позаботились ли об обеде для фельдмаршала.

Вернувшись в свой штаб, Манштейн успел отдать все необходимые распоряжения и создать группировки войск для тех самых ударов, которые не позволили Жукову завершить окружение и уничтожение частей немецких армий в районе Каменец-Подольска.

Ну, а в ставке верховного главнокомандующего Гитлера своим чередом шли не только руководство боевыми действиями, но и интриги. В данном случае я имею в виду недоброжелательное, завистливое отношение Геринга и Гимmlера к Манштейну. Видимо, после того, как Гитлер сгладил свой намечавшийся разрыв с Манштейном, эти двое, из высшего руководства рейха, «надули в уши» фюреру о его излишней уступчивости Манштейну, который и без того злоупотребляет добротой фюрера, ведет себя вызывающе, позволяет себе публично прерывать его и заставляет фюрера принимать решения такие, какие выгодны ему.

Результат не замедлил сказаться. Манштейну позволил начальник генерального штаба Цайтумл и сообщил, что личный самолет Гитлера «Кондор» направлен за ним, за фельдмаршалом, и ему приказано незамедлительно при-

лететь из Львова в ставку фюрера. Как только самолет приземлился на львовском аэродроме, фельдмаршал Манштейн увидел в нем и фон Клейста: оказывается, сначала самолет залетел за командующим 1-й танковой армии.

Сразу после приземления в Берхтесгадене оба высокопоставленных командующих пришли к генералу Цейтцлеру узнать, что происходит. Начальник генерального штаба конфиденциально сообщил им, что после последней встречи Манштейна и его спора с фюрером Геринг и Гиммлер высказали много нелицеприятного в его адрес и настроили фюрера на решение расстаться с Манштейном и Клейстом.

Но ожидания неприятного разговора, упреков и обвинений не подтвердились. Фюрер встретил Манштейна очень спокойно и внешне радушно, вручил ему дополнительную награду к ордену «Рыцарский Крест» — так называемые Мечи, и заявил, что благодарен за все его предыдущие заслуги, но решил передать командование армиями другому генералу.

Гитлер продолжил:

— На Востоке прошло время операций крупного масштаба, для которых вы, фельдмаршал, особенно подходили. Здесь важно теперь просто упорно удерживать позиции. Начало этого нового метода управления войсками должно быть связано с новым именем, поэтому я решил сменить командование группой армий и даже ее наименование. Я хочу решительно подчеркнуть, чтобы между нами не было никакой тени недоверия, как то было в случае замены фельдмаршала Браухича, например. Я вполне доверяю вам. Я всегда был согласен с вашими решениями и с теми методами, которыми вы осуществляли операции. За минувшие полтора года, которые вы командовали той группой армий, вы, конечно же, слишком утомились от тяжелого бремени ответственности, и

потому отдых ваш мне кажется вполне заслуженным. Вы один из способнейших моих полководцев, поэтому я надеюсь использовать вас и в будущем. Но в данное время на Востоке нет таких масштабных задач, для которых вы нужны. Я еще раз заявляю вам, что не должно быть никакой атмосферы недоверия. И я всегда помнил и помню ваши заслуги, когда вы осуществляли победный поход на Запад против Франции и были правы и тогда, осуществив эту победу одним ударом.

Манштейн ответил:

— Мой фюрер, я не могу сказать ничего против принятого вами решения, поскольку оно принимается для улучшения обстановки.

Дальше Манштейн все же не упустил возможности не то чтобы уколоть Гитлера, но подчеркнуть значимость того, что он уже успел сделать.

— Я считаю, что могу сейчас передать командование группой потому, что уже приняты все решающие меры по спасению 1-й танковой армии. Мною уже отданы все необходимые распоряжения на этот счет. Новому командованию группы остается только довести то дело до конца.

Гитлер сразу же согласился с Манштейном и сказал:

— Командующим будет Модель. Это его уровень. Он будет носиться по всем дивизиям и выжмет из войск все до конца.

На это Манштейн опять ответил с некоторой строптивостью:

— Из дивизий моей группы армий, под моим командованием уже давно выжато все, что можно было выжать.

Когда Гитлер пожал на прощание руку Манштейну, фельдмаршал не упустил возможности его уколоть:

— Желаю вам, мой фюрер, чтобы ваше сегодняшнее решение не оказалось ошибочным.

После Манштейна Гитлер также мягко расстался с

фельдмаршалом фон Клейстом. Когда Манштейн и Клейст покидали кабинет фюрера, туда немедленно были приглашены генерал-полковник Модель и генерал Шернер. Назначив Моделя командующим группой армий «Юг», Гитлер тут же присвоил ему звание фельдмаршала.

Фельдмаршал Манштейн вернулся в штаб группы армий «Юг», попрощался с его работниками, командующими и командирами и 3 апреля 1944 года вернулся в Германию.

Так завершилось единоборство на этом участке фронта между фельдмаршалом Манштейном и маршалом Жуковым. После ряда крупных поражений, которые нанес своему сопернику маршал Жуков, фон Манштейн отправлялся в отставку, а Георгий Константинович, наращивая свой боевой опыт и совершенствуя полководческий талант, приступил к подготовке и проведению новых крупнейших стратегических операций.

«БАГРАТИОН»

В апреле 1944 года линия советско-германского фронта выглядела так. На юге соединения Красной Армии вышли на границу с Румынией и уже нацеливали свои удары на Бухарест. Их соседи справа отбросили гитлеровцев от Днепра и подступили к предгорьям Карпат, разрезав немецкий Восточный фронт на две части. На севере, полностью освободив Ленинград от блокады, наши войска вышли к Чудскому озеру, Пскову и Новоржеву. Таким образом, между этими флангами, продвинувшимися далеко на запад, оставался огромный выступ в сторону Москвы. Его называли «Белорусский балкон». Передняя часть

этой дуги проходила по линии городов Витебск—Рогачев—Жлобин и находилась не так уж далеко от Москвы.

Гитлеровские части в этом выступе (это была группа армий «Центр», в которую входило более шестидесяти дивизий) преграждали советским войскам путь на запад. Кроме того, фашистское командование, располагая там хорошо развитой сетью железных и шоссейных дорог, могло быстро маневрировать и бить во фланги наших войск, наступавших южнее и севернее этого выступа. С него же авиация противника наносила бомбовые удары по советским группировкам на севере и на юге. Не исключена была и возможность налетов на Москву.

В то же время немецкие войска в этом выступе и сами, благодаря такому положению, находились под угрозой наших фланговых ударов с юга и с севера и, следовательно, под угрозой окружения. Но для того, чтобы осуществить окружение такого масштаба, нужны были огромные силы. Советским войскам для этого надо было разгромить в Прибалтике группу армий «Север», на Украине группу армий «Северная Украина», и только после этого можно было охватить с двух сторон группу армий «Центр».

Еще в конце апреля 1944 года Сталин в присутствии генерала Антонова посоветовался с Жуковым о плане на летнюю кампанию. Георгий Константинович сказал:

— Особое внимание следует обратить на группировку противника в Белоруссии, с разгромом которой рухнет устойчивость обороны противника на всем его западном стратегическом направлении.

Сталин согласился и добавил:

— Надо начинать с юга, с 1-го Украинского фронта, чтобы еще глубже охватить белорусскую группировку и оттянуть туда резервы противника с центрального направления.

Антонов заметил:

— Лучше начать с севера, затем продолжить на юге,

в таком случае противник не сможет осуществлять маневрирование между соседними фронтами. А после этого провести операцию против группы армий «Центр», чтобы освободить Белоруссию.

— Я посоветуюсь еще с Василевским, — сказал Сталин. — Позвоните командующим фронтами, пусть они доложат соображения о действиях фронтов в ближайшее время. А вы, товарищ Жуков, займитесь с Антоновым наметкой плана на летний период. Когда будете готовы, обсудим еще раз.

Через три дня Сталин снова вызвал Жукова и Антонова. План, подготовленный ими, был рассмотрен более детально. Как непосредственную подготовку к операции в Белоруссии решили провести наступление на Карельском перешейке.

И опять Жуков работает в Генеральном штабе вместе с Антоновым.

28 апреля маршалу пришлось вылететь на 1-й Украинский фронт. Налаживая здесь дело, Жуков постоянно думал о грандиозной операции в Белоруссии. Как только положение на юге поправилось, маршал позвонил Сталину:

— Я предлагаю передать командование 1-й Украинским фронтом Коневу, чтобы я мог вернуться в Ставку и вплотную заняться подготовкой операции по освобождению Белоруссии.

Сталин ответил:

— Согласен. Возвращайтесь. Но и здесь будете постоянно наблюдать за действиями 1-го Украинского фронта. Потому что после Белорусской будем проводить операцию на 1-м Украинском.

В Москве Жуков встретился с Василевским, и они вместе, опираясь на опыт совместной работы, занялись разработкой Белорусской операции.

Работа происходила в обстановке строгой секретности. Боевые действия не прекращались, и даже на-

оборот, велись с еще большей активностью, чтобы противник не заметил изменений, происходивших в нашем тылу.

Вот что говорит по этому поводу С.М.Штеменко:

«В полном объеме эти планы знали лишь пять человек: заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генштаба и его первый заместитель, начальник Оперативного управления и один из его заместителей. Всякая переписка на сей счет, а равно и переговоры по телефону или телеграфу категорически запрещались, и за этим осуществлялся строжайший контроль. Оперативные соображения фронтов разрабатывались тоже двумя-тремя лицами, писались обычно от руки и докладывались, как правило, лично командующими».

«Во второй половине апреля, — пишет Штеменко, — в Генеральном штабе свели воедино все соображения по поводу летней кампании. Она представлялась в виде системы крупнейших в истории войн операций на огромном пространстве от Прибалтики до Карпат. К активным действиям надлежало привлечь почти одновременно не менее 5-6 фронтов».

Той части летней кампании, которая охватывала освобождение Белоруссии, было дано — по предложению Сталина — название «Багратион». Согласно этому плану намечалось глубокими ударами четырех фронтов разгромить основные силы группы армий «Центр», освободить Белоруссию и создать предпосылки для последующего наступления в западных областях Украины, в Прибалтике, в Восточной Пруссии и в Польше. Замысел этот предстояло осуществить таким образом: одновременными прорывами обороны противника на шести участках расчленить его войска и уничтожить их по частям. При этом мощные группировки 3-го и 1-го Белорусских фронтов, стремительно наступая на флангах, должны сойтись в районе Минска, окружить и ликвидировать войска противника, отброшенные сюда нашими фронтальными ударами.

Так выглядел в общих чертах замысел операции «Багратион».

20 мая Сталин, Жуков, Василевский и Антонов рассмотрели окончательно подготовленный план летней кампании. После этого совещания Сталин приказал вызвать командующих фронтами, которым предстояло осуществлять операцию «Багратион», — Баграмяна, Рокоссовского, Черняховского. Черняховский приболел, поэтому приехал позднее, 25 мая.

На этом заседании произошел случай, о котором много говорили и писали различные военачальники.

При обсуждении плана действий фронта Рокоссовского он предложил нанести два главных удара на правом фланге. Сталину то ли не понравилось это предложение, то ли он хотел подчеркнуть свою власть над маршалами, но он вдруг приказал:

— Товарищ Рокоссовский, выйдите в соседнюю комнату и хорошенько подумайте над своим предложением.

Присутствующие были смущены, но не подавали вида, продолжали обсуждать план.

После возвращения в кабинет Сталина Рокоссовский доложил:

— Мы все тщательно просчитали еще в штабе фронта, и я считаю необходимым наносить два главных удара.

Сталин спокойно сказал:

— Идите и еще раз хорошенько подумайте.

Рокоссовский вышел, недоумевая, почему так поступает Верховный.

Возвратясь, он упорно повторил свое ранее принятое решение.

— Настойчивость командующего фронтом, — сказал Сталин, — доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха.

Напряжение, создавшееся на совещании, было сня-

то. Сталин еще раз показал свою рассудительность... и власть.

О том, что Сталин провел эту «воспитательную игру» умышленно, подтверждает Жуков в своих воспоминаниях:

«Существующая в военных кругах версия о «двух главных ударах» на белорусском направлении силами 1-го Белорусского фронта, на которых якобы настаивал К.К.Рокоссовский перед Верховным, лишена основания. Оба эти удара, проектируемые фронтом, были предварительно утверждены И.В.Сталиным еще 20 мая по проекту Генштаба, то есть до приезда командующего 1-м Белорусским фронтом в Ставку».

На этом совещании Сталин приказал Жукову взять на себя координацию действий 1-го и 2-го Белорусских фронтов, а Василевскому 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского.

5 июля 1944 года Жуков прибыл на командный пункт 1-го Белорусского фронта. Предстояла сложная перегруппировка. Для проведения операции «Багратион» надо было перевести в новые районы войска пяти общевойсковых, двух танковых и одной воздушной армий. Кроме того, Ставка передавала фронтам дополнительно 4 общевойсковые, 2 танковые армии, 52 стрелковые и кавалерийские дивизии, 6 отдельных танковых и механизированных корпусов, 33 авиационные дивизии, 2849 орудий и минометов и 210 тысяч человек маршевого пополнения.

Все это надо было подвести скрытно, чтобы противник не заметил и не разгадал намеченный план наступления.

Была проведена работа по дезинформации, создавалось впечатление, будто удар готовится на юге, на 1-м Украинском фронте.

Жуков побывал во всех армиях и многих дивизиях, проводил рекогносцировки, увязывал взаимодействия.

14 и 15 июня Рокоссовский вместе с Жуковым провел розыгрыш предстоящей операции, на котором присутствовали все командиры корпусов и дивизий и командующие артиллерий 65-й и 28-й армий.

Затем такая же игра была проведена с командирами соединений 3-й, 48-й, 49-й армий.

В период подготовки операции произошло событие, которое несомненно имело огромное значение для поднятия боевого духа воинов Советской Армии: союзники, наконец-то!, — начали форсирование Ла-Манша и открыли второй фронт!

6 июня 1944 года англо-американские экспедиционные силы высадились на французской земле. Произошло это за семнадцать дней до начала операции «Багратион».

Я стремился к объективности при описании действий наших врагов, тем более считаю необходимым придерживаться того намерения, говоря о наших союзниках. То, что англо-американское руководство оттягивало открытие второго фронта, оставляя нас в самые трудные дни войны один на один с мощной гитлеровской армией, — то, как говорится, на их совести. Но люди погибали ради достижения победы над общим врагом, тут надо помянуть добрым словом 122 тысячи погибших в операции «Оверлорд» солдат и офицеров, из которых 73 тысячи были американцами и 49 тысяч — англичанами и канадцами.

Нормандская десантная операция под командованием генерала Д.Эйзенхауэра является самой крупной десантной операцией второй мировой войны, в ней участвовало 2 миллиона 876 тысяч человек, около 7 тысяч кораблей и судов, около 11 тысяч боевых самолетов. Вся эта армада двигалась через пролив Ла-Манш шириной от 32 до 180 километров. Читатели даже по этим цифрам могут представить масштаб морского, сухопутного и воздушного сражения при высадке во Франции.

Гитлеровскому командованию было известно о под-

готовке форсирования пролива и о том, что в июне 1944 года союзники перейдут от слов к делу. Во Франции, Бельгии и Нидерландах находились две гитлеровские группы армий: «Б» и «Г», они подчинялись командованию группы армий «Запад» во главе с генерал-фельдмаршалом Г.Рундшtedтом. К началу июня 1944 года там оставалось всего 58 немецко-фашистских дивизий, а против Советского Союза действовали 239 дивизий, в том числе 181 германская. Конечно, главные силы фашистов были сосредоточены против нас. Но теперь гитлеровское командование, да и вся фашистская армия, обращенная лицом к нам, почувствовали, как сзади, на Западе, начались практические действия.

Следуя своему принципу — искать участников описываемых мною событий, бывать на местах боев, я не раз летал в Англию, встречался с участниками операции «Оверлорд», причем стремился охватить как можно более широкий круг ее участников: беседовал с адмиралами, генералами, офицерами, рядовыми.

Побывал в Лондоне, в ставке Черчилля. Это приспособленный под бомбоубежище подвал под огромным домом, в центре города. Перекрытие укреплено толстым брусом и стволами деревьев (кругляка). Узкие коридоры с этими подпорками. Никаких удобств, общий туалет на всех. Но здесь Черчилль провел больше ста заседаний ставки под бомбежками немцев.

Сохранены рабочие места всех служб и кабинет самого Черчилля — комната № 65а, — в котором стоит большой письменный стол, на нем старомодные телефоны и лампа с зеленым абажуром. В углу кабинета широкая застланная кровать. В застекленных стендах карты и документы тех дней и в одной из витрин потертый тяжелый пистолет, который Черчилль приобрел еще в дни первой мировой войны (он держал его здесь под подушкой), и рядом с пистолетом большой белый фарфоровый ночной гор-

шок, премьер пользовался им, чтобы не ходить в туалет через длинный коридор...

Стрелки всех часов в ставке показывают время подписания союзниками капитуляции гитлеровцев — 17.00 8 мая.

На побережье в Портсмуте я побывал в штабе Верховного главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Западной Европе генерала Эйзенхауэра. Тут по сей день висит огромная во всю стену карта с прикрепленными к ней переносными фишками, обозначающими корабли и место их нахождения в определенное время.

Осмотрел я полевой штабной комплекс фельдмаршала Монтгомери, состоящий из нескольких специально оборудованных автомобилей: кабинет, комната для заседаний, спальня, салон... Вспомнил свою короткую, но памятную для меня встречу с фельдмаршалом. Знакомство было эпизодическим — произошло после войны в Москве, когда Монтгомери посетил Академию имени Фрунзе (которую я окончил в 1947 году, защитив диплом на английском языке).

В тот день я занимался в кабинете тактики. Монтгомери в сопровождении маршала Конева и других военачальников знакомился с Академией. И вот в кабинете тактики остановился около моего стола. Причина? Рядом висел портрет Конева.

— Конев, это вы? — спросил Монтгомери.

Конев улынулся:

— Похож?

Я встал, приветствуя военачальников.

Монтгомери, обращаясь к переводчику, сказал:

— Спросите у него, чем он занимается?

Стоящий тут же заместитель начальника Академии генерал-полковник Боголюбов подсказал Монтгомери:

— А вы сами спросите у него, он хорошо знает английский.

— Да? Вы знаете английский? — обратился Монтгомери ко мне.

— Да, разумеется.

— Чем вы занимаетесь? — продолжал Монтгомери.

— Готовлюсь по тактике на завтра.

— А что будет завтра?

— Завтра я должен принимать решение за командира полка.

— А кто вы по званию?

— Капитан.

— Вы участвовали в боях? Впрочем, я вижу, у вас боевые награды.

Тут в разговор вмешался Конев.

— Он Герой Советского Союза. Видите, у него Золотая Звезда.

Монтгомери пожал мне руку, спросил:

— А где вы изучали английский?

— Здесь, в Академии. (О том, что учился три года в Высшей разведывательной школе ГРУ Генштаба, я умолчал.)

— Вы хорошо говорите по-английски, — прощаясь, сказал Монтгомери. — Желаю вам покомандовать полком не только на занятиях в Академии, а настоящим полком.

Монтгомери попал «в яблочко», после работы в Генеральном штабе в течение шести лет я командовал полком с 1957 по 1962 годы.

Вернемся в Англию. В Портсмуте, к 40-летию операции «Оверлорд», построен музей «Д-Дэй» (День высадки), в нем, кроме обычных музейных экспонатов, в кинозале демонстрируется хроникальный фильм об операции, а на стене по кругу, опоясывающему весь музей, вывешен гигантский гобелен-аппликация, изображающий главные эпизоды из сражения на море и на суше.

На окраине Лондона я ознакомился с «Имперским военным музеем» (с богатейшим хранилищем документов и библиотекой). Например, в нем я просмотрел по-

минутный репортаж журналиста Колина Виллса, который шел на одном из кораблей во время форсирования пролива и видел бои при захвате плацдармов.

Побывал я в Британской военной академии. Перед фасадом — камень, привезенный из Германии 29 ноября 1958 года. На камне высечена надпись: «Здесь 4 мая 1945 года делегация немецкого главнокомандования подписала перед маршалом Монтгомери безоговорочную капитуляцию всех сухопутных, морских и воздушных сил в Северо-Западной Германии, Дании и Голландии».

Так англичане подчеркивают победу своей армии, еще до подписания американцами и англичанами акта о капитуляции немцев перед союзниками 8 мая 1945 года и до общей капитуляции гитлеровской армии, принятой Жуковым и союзниками 9 мая 1945 года.

Осмотрел я комнаты боевых традиций. В библиотеке академии много советских изданий, подшивки газет «Правда», «Красная Звезда» военных лет и множество других материалов и документов.

Есть в академии своя церковь. В памятную книгу этой церкви занесены 20 тысяч офицеров, погибших во второй мировой войне. В нее записаны не только звание и фамилия, но еще и сражения, в которых офицер участвовал, и его награды.

В небольшом городке на побережье построен специальный «Музей морской пехоты» — за этим скромным названием стоит величественное здание с богатым собранием экспонатов и документов, охватывающих историю морских пехотинцев с первых дней возникновения, когда они ходили на abordажии пиратских кораблей, и до операции второй мировой войны в разных морях и океанах.

Но самым интересным и ценным для меня были встречи с живыми участниками этой операции: адмиралом Герцем (кроме официальной встречи я побывал у него дома, в небольшом уютном городке Солсбери), с генералами

Мултоном и Таппом, бригадными генералами Александром Бридином и Джеймсом Хиллом.

Особенно я благодарен Джону Робертсу, директору ассоциации Великобритании — СССР, организатору моей поездки и встреч в Англии, и президенту ассоциации ветеранов операции в Нормандии господину Бариджу, который свел меня с боевыми друзьями, и у нас состоялся хороший, откровенный солдатский разговор.

Все это требует отдельного рассказа, но поскольку уводит от главной темы, я, показав читателям, что немало потруился, собирая достоверные сведения для этой главы, изложу их лишь в объеме, необходимом для освещения операции, открывшей второй фронт.

Наши союзники объясняют задержку в открытии второго фронта тем, что такая операция требовала длительной и серьезной подготовки. В те дни, когда впервые зашел разговор и было дано обещание высадить десант во Франции, в портах Англии не было достаточного количества ни войск, ни кораблей. Накопление, обучение, экипировка необходимых сил заняли немало времени. Сроки высадки не раз переносились.

Наконец, утром 5 июня Верховный главнокомандующий Эйзенхауэр отдал приказ — начать операцию. Огромная армада двинулась через Ла-Манш к французскому берегу. Замысел операции был таков: высадить морской и воздушный десанты на побережье Северо-Западной Франции, захватить плацдарм и расширить его к двадцатому дню операции до 100 километров по фронту и 100—110 километров в глубину.

Для осуществления этой задачи привлекались 39 дивизий, 12 отдельных бригад, 10 отрядов «коммандос» и «рейнджers». По английским данным, в этой операции участвовали 3,5 миллиона человек (из них 1,5 миллиона американцы), 4126 десантных судов под прикрытием 1213 боевых военных кораблей, 1600 судов различного обеспечения, 3500 катеров и глиссеров. С воздуха

операцию обеспечивали 11500 самолетов. 2-я американская и 1-я английская воздушно-десантные дивизии высаживались с воздуха. Вся эта армада должна была перебросить на материк в первый день 150000 десантников. Что и было осуществлено в течение 16—17 часов первого дня. Потери в день высадки были небольшие — они не превышали 11 тысяч человек.

На этом побережье союзникам противостояла группа армий «Б» под командованием Роммеля в составе 38 дивизий. Гитлеровцы ожидали высадку в другом районе, у пролива Па-де-Кале, и именно там держали главную группировку, а в месте высадки союзников находились всего три дивизии. Против десанта была брошена танковая группа «Запад», но авиация союзников, полностью господствовавшая в воздухе, не допустила ее к району высадки.

Бои разгорались по мере продвижения высадившихся войск вглубь территории. Вот здесь были горячие схватки, и солдаты сражались смело и самоотверженно. Многие сами рассказывали мне о боях.

На квартире председателя ассоциации ветеранов Нормандии господина Бариджа «за рюмкой чая» в виде хорошего виски мы поговорили о форсировании Ла-Манша и боях на побережье.

Мне показали фотографию артиллерийских позиций немцев до начала операции и после бомбардировки этих позиций английской авиацией — сплошные воронки. «Мы из них сделали коктейль!»

К большому моему сожалению, выяснилось, что эти храбрые воины не знали ничего о том, что в трудные для них дни боев советские войска тоже наступали и привлекали на себя основные силы гитлеровцев.

— Мы не знали об этом, — сказал Баридж. — Но я не думаю, что это делалось специально. После высадки на берег была такая неразбериха, что мы две недели не получали ни писем, ни газет.

Все участники операции единодушно отмечают доброжелательность и помощь французов в ходе Нормандской операции.

К 25 июля, то есть на двадцатый день, как и намечалось, был создан стратегический плацдарм. Крупнейшая десантная операция второй мировой войны завершилась успешно.

Главными ее особенностями были: умело проведенная оперативная маскировка и дезинформация противника, в результате чего гитлеровцы были введены в заблуждение относительно районов и сроков высадки; умелые и согласованные действия крупных сил флота, сухопутных войск и авиации; смелость и уверенность в справедливости своих действий солдат и офицеров в борьбе с гитлеровским фашизмом, принесшим так много бед народам Европы.

* * *

В наших газетных, журнальных публикациях и сообщениях по радио в годы войны и в послевоенный период утверждалось, что немецкое командование почти не оказывало сопротивления наступающим войскам союзников во Франции. Что вроде бы гитлеровцы все усилия сосредоточили на Восточном фронте, а перед союзными войсками на Западе почти открыли фронт и там шло чуть ли не беспрепятственное продвижение. Это не всегда соответствует действительности. То, что германское командование большую часть вооруженных сил имело на Восточном фронте против советских войск — это верно. Но и на Западе шли в первые месяцы настоящие напряженные бои, в которых гибли солдаты с обеих сторон. После высадки десантной армии на побережье Франции главнокомандующий союзными войсками Эйзенхауэр организовал первую наступательную операцию. Целью этой операции было окружение группировки немецких войск (довольно крупной,

более 20-ти дивизий), сомкнув кольцо в районе города Фалез. Поэтому и операция эта вошла в историю войны под названием Фалезской операции. Осуществляли этот замысел 1-я и 3-я американские армии, которыми командовал генерал Бредли. Он охватывал группировку немецких войск с юга, а с севера окружение осуществляли 2-я английская и 1-я канадская армии — ими командовал генерал Монтгомери. Окружали они 5-ю танковую и 7-ю полевую армии немцев группы армий «Б», которой командовал генерал-фельдмаршал Модель. Кстати, это тот самый Модель, который заменил Манштейна после неудачных боев за удержание фронта на Украине. Гитлер считал — и вполне справедливо — Моделя очень энергичным военачальником, который был способен в самых трудных обстоятельствах выжать из войск все и добиться успеха.

Осуществление плана Эйзенхауэра сначала шло довольно успешно. В фалезском «мешке» оставалось до 20 дивизий немцев, но действия союзников, благодаря их неопытности, развивались очень медленно: они продвигались по 5 км в сутки, и немцы успели вывести из того «мешка» большую часть своих дивизий. И все же союзники замкнули кольцо и окружили 8 немецких дивизий. Но ввиду отсутствия опыта в создании внутреннего и внешнего кольца окружения, они не смогли уничтожить эти окруженные дивизии. Немцы контрударом извне прорвали кольцо и помогли выйти своим войскам из окружения. Все же это был первый значительный успех войск союзников: они захватили здесь немало пленных и сумели выйти к реке Сена, с которой развивали дальнейшее наступление в сторону Парижа.

Таким образом, из этого примера видно, что бои здесь шли настоящие, и я приведу еще один пример, показывающий очень драматичные ситуации, сложившиеся с обеих сторон. После высадки союзников на побережье и осуществления операции, о которой я ска-

зал выше, командующий группой армий «Б» фельдмаршал Клюге оказался в очень трудном положении. Читатели помнят этого военачальника по боям под Москвой. Это старый противник Жукова, он командовал 4-й армией, которая должна была непосредственно овладеть Москвой после охвата ее танковыми клещами Гудериана и Геппнера. Но там Жуков одержал верх над этим полководцем и вынудил его к отступлению. Однако Клюге, отступив от Москвы, создал стабильный фронт, организовал прочную оборону и сдержал дальнейшее наше наступление, которое, как мы знаем, было организовано по решению Сталина. Тогда, в оборонительных боях, Клюге продемонстрировал свое мастерство. В наступательных операциях это ему удавалось хуже. Именно поэтому, когда поступили сведения о скором неминуемом открытии второго фронта, Гитлер перебросил Клюге, как мастера обороны, сюда, чтобы он организовал на побережье Франции отражение десанта союзных войск. Но высадка союзных войск состоялась, да еще и первое их наступление развивалось успешно, Клюге не оправдал надежд Гитлера, и тот отстранил его от командования группой армий «Б». Фельдмаршал Клюге не пережил крушения своей карьеры. Перед тем, как покончить счеты с жизнью, он написал Гитлеру письмо:

«Мой фюрер, вчера фельдмаршал Модель вручил мне ваше решение освободить меня от обязанностей командующего войсками на западе и группой армий «Б»... Меня уже не будет в живых, когда вы получите эти строки... Я не могу принять на себя тяжесть упрека в том, что я предпринял судьбу западного фронта, применив ошибочную стратегию, но оправдаться у меня нет возможности... поэтому я сделал из того соответствующие выводы и добровольно отправляюсь туда, где уже находятся тысячи моих боевых друзей. Я никогда не боялся смерти. Жизнь уже не имеет для меня никакого смысла, к тому же я чис-

люсь в списке военных преступников, которые должны быть преданы суду.

По вопросу о моей виновности разрешите мне сказать следующее...»

Дальше Клюге излагает ход боев, напоминает о решениях, которые он принимал, пытается объяснить неудачи боевых действий. Общий смысл его объяснений сводится к тому, что он неповинен в постигших немецкие войска неудачах. Свое письмо Клюге завершает так:

«Я не знаю, сможет ли еще генерал-фельдмаршал Модель, испытанный во всех отношениях военачальник, овладеть обстановкой. Если этого не произойдет и если не принесут успеха ваши давно ожидаемые новые виды оружия, вы, мой фюрер, должны принять решение прекратить войну. Германский народ перенес уже такие неопишуемые страдания, что пора положить им конец.

Есть пути и средства закончить войну и воспрепятствовать в первую очередь тому, чтобы рейх попал в руки большевиков. Проявите же теперь ваше величие и прекратите безнадежную борьбу, если это необходимо. Я расстаюсь с вами, мой фюрер, как человек, который выполняя свой долг до последнего часа, был вам ближе, чем вы, видимо, понимали. Генерал-фельдмаршал фон Клюге».

Совет Клюге искать иные пути выхода из войны, чтобы рейх не попал в руки большевиков, несколько запоздал. Гитлер давно уже искал эти пути. Сразу же после того, как на него было совершено покушение и выяснилось, что заговорщики пытались договориться с западными странами о прекращении войны и заключении сепаратного мира, Гитлер поручил Гиммлеру тщательно выявить каналы, по которым заговорщики устанавливали связь с англичанами и американцами. Как то ни странно, но Гитлер позаимствовал у заговорщиков их намерения. Он сам читал протоколы допросов заговорщиков, прослушивал пленки с записями и главным образом пытался выяснить, как устанавливались контакты. Он

прямо поставил задачу Гиммлеру искать контакты с западными противниками, и «верный Генрих» попытался напрямую заговорить об этом с государственным секретарем Стеттиниусом. Но тот отказался вести разговоры на эту тему.

Немецкие газеты пугали союзников Советского Союза тем, что Европа может стать «красной», что Советы намерены и имеют возможность захватить всю Европу. Германский посол в Ватикане Вейцзеккер встретился с бывшим американским послом в Берлине Вильсоном и, запугивая его ситуацией, когда Советская армия займет всю Европу в случае крушения третьего рейха, убеждал его побыстрее склонить союзников к договоренности с Германией. Он, например, сказал такую фразу: «Германия не может выиграть, но она еще может выбрать своего победителя».

Однако все усилия, по многим каналам гитлеровских дипломатов и тайных представителей, добиться сепаратного мира на Западе к успеху не привели. Союзники тогда еще были верны ранее подписанным договорам и не соглашались на перемирие с Гитлером в одностороннем порядке. Вот тогда Гитлер пришел к следующему выводу: «Наивно надеяться на успех переговоров в момент тяжелых военных поражений. Переговоры можно вести только с благоприятных военных позиций. Западные державы будут более склонны к миру и соглашению, если удастся нанести им военное поражение».

В общем, Гитлер решил проучить союзников, чтобы они стали более сговорчивыми.

16 сентября 1944 года Гитлер пригласил к себе Кейтеля, Йодля, начальника генерального штаба сухопутных войск Гудериана и представителя командования военно-воздушных сил генерала Крейпе. Здесь он изложил свой замысел:

— Я принял решение: будем наступать в Арденнах, — он показал это направление на карте, — форсируем Маас

и — на Антверпен! После того, как мы нанесем этот удар, англичане будут более сговорчивы.

Надо сказать, что намеченный Гитлером план был довольно эффективен и мог принести и стратегическую, и политическую выгоду Германии. Этим ударом, с выходом к Северному морю, гитлеровцы отрезали бы армию союзников, находившуюся в глубине Франции, захватили бы в Антверпене огромные запасы боеприпасов и другого имущества и окружили бы не менее 25—30 британских и американских дивизий. Если учесть, что к тому времени во Франции находились 62 дивизии союзников, то потеря почти половины из них, в основном английских, привела бы, по замыслу немцев, к коренному изменению обстановки в пользу Германии. Да к тому же быстрый разгром союзников, по замыслу Гитлера, дал бы возможность немедленно перебросить войска с Запада на Восток, чтобы отразить зимнее наступление русских.

С присущей ему энергией Гитлер отдался осуществлению этой идеи. 12 октября он рассмотрел план наступления в Арденнах, который разработал Йодль. Этим планом предусматривалось нанести удар на 100-километровом участке, где размещались всего 4 дивизии союзников. А удар по этим четырем дивизиям наносили 5-я и 6-я танковые армии СС. Кейтель предложил назвать эту операцию «Рождественская роза», но Гитлер не согласился и сказал, что к Рождеству все должно быть закончено, и назвал эту операцию «вахта на Рейне».

К этому времени Гитлеру представили планы частных наступательных операций фельдмаршал Руншtedт и фельдмаршал Модель. Гитлер эти планы не утвердил и вызвал обоих к себе, чтобы разъяснить, почему он не утверждает их планы.

— Может быть, ваши планы и целесообразны с военной точки зрения, но операция, которую я задумал, носит не столько военный, сколько политический характер. Вспомните о Фридрихе Великом: под Лейтеном и Росс-

бахом он разбил противника, вдвое превосходившего его. Арденны станут моим Россбахом и Лейтенем. И результат этого беспрецедентного исторического события будет вполне определенным: лагерь противников третьей империи разлетится на части.

10 ноября Гитлер подписал приказ войскам, в котором подчеркивалась политическая направленность операции. Цель операции: добиться решительного поворота в ходе военных действий на Западе и, возможно, войны в целом.

Чтобы все командиры высоких рангов прониклись идеей фюрера и безоглядно, до конца, выполнили бы его приказ, фюрер приказал собрать на совещание высший командный состав до командиров дивизий включительно.

12 декабря они были собраны в ставку Руншtedта. После недавних событий, связанных с покушением, были предприняты особые меры предосторожности. У всех военачальников отобрали не только оружие, но и папки, портфели и документы. Почти за каждым генералом сзади стоял офицер-эсесовец. Как вспоминал командир танковой дивизии Дайерлайн, «эсесовская охрана следила за каждым генералом с такой свирепостью, что те боялись даже сунуть руку в карман за носовым платком». В своем двухчасовом выступлении Гитлер сказал, что победа в этой операции повысит моральное состояние немецкого народа и повлияет на общественное мнение в союзных странах. Стабилизация западного фронта позволит перебросить войска на Восток и там остановить наступление русских.

— В мировой истории еще никогда не было коалиции, составленной из столь инородных элементов и со столь противоположными целями, как коалиция наших врагов... Они уже сейчас день ото дня расходятся в своих целях... противоречия между ними растут с каждым часом. Если теперь последует пара очень сильных ударов,

то можно в любой момент ожидать, что этот искусственно сохраняемый единый фронт рухнет при оглушительных раскатах грома.

Очевидно, что политическая направленность той крупной наступательной операции ставилась во главу угла.

Кроме действий войск Гитлер предпринял меры и для дезорганизации тыла союзников. Он вызвал уже знакомого читателям по многим другим специальным заданиям эсесовца Скорцени и поставил ему задачу сформировать специальную бригаду, включить в нее рядовых и офицеров, говорящих по-английски, экипировать всех в американскую военную форму, снабдить трофейным оружием и транспортом и, действуя в тылу противника, проводить там диверсионные операции и уничтожать живую силу. В особенности следовало уделить внимание захвату мостов через реку Маас для обеспечения быстрого продвижения немецких войск. Кроме того, ставилась задача дезорганизовать работу штабов и физически устранить крупных военных руководителей противника. И еще предусматривалась высадка парашютного десанта на дорогах в глубине обороны англо-американских войск, чтобы не допустить подхода подкрепления к участку прорыва. В частях 6-й танковой армии и среди населения был специально пущен слух, что скоро эти части будут отправлены на Восток. Гитлеру удалось на участке прорыва создать превосходство в людях в 2,5 раза, в танках — в 1,5 раза, в артиллерии — почти в 5 раз.

16 декабря 1944 года этот «удар больших надежд и чаяний» Гитлера был нанесен. Он был сокрушительным. Один из очевидцев так пишет в своих воспоминаниях: «Не ожидавшая удара 1-я американская армия была буквально сметена со своих плохо укрепленных позиций. Она потеряла все свои запасы горючего и боеприпасы». Одновременно диверсанты Скорцени, перемещаясь на трофейных джипах, навели панику и ужас в американских тылах. Американский журналист Ингерсолл пишет: «Вра-

жеские войска хлынули в прорыв, как вода во взорванную плотину. А от них по всем дорогам, ведущим на запад, бежали сломя голову американцы».

Беспечность союзников перед этим наступлением немцев была просто поразительной. В ночь на 16 декабря все легли спать как обычно. В этот вечер ни один из американских командующих не предполагал крупного немецкого наступления. Командующий 12-й группой армий генерал Бредли собирался на следующее утро отправиться в ставку союзников близ Парижа, чтобы поздравить Эйзенхауэра с присвоением тому звания генерала армии — высшего в армии США. Вечером 15 декабря командующий английской армией фельдмаршал Монтгомери высказался в том смысле, что немцы более не способны на какое-либо крупное наступление, и испросил у Эйзенхауэра разрешения провести рождественский отпуск дома, в Англии.

Нетрудно представить торжество и восторг на германской стороне. Газеты и радио просто захлебывались, описывая потрясающие успехи немецких войск. Гитлер торжествовал, и для того, чтобы как-то особо отметить это стратегический успех, так желанный для него, он ввел новую высшую награду — «Золотые дубовые листья к рыцарскому кресту». Первую такую награду 1 января 1945 года он вручил прославленному ассу Руделю.

Но на этом успехе Гитлер не собирался останавливаться. Он сказал:

— Только наступление может дать нам еще возможность привести войну на Западе к благоприятному повороту.

Он был абсолютно уверен, что теперь союзники уж обязательно станут более сговорчивыми.

Эйзенхауэр, в свою очередь, тоже понимал, что наступление в Арденнах — не только законченная операция: «Немцы предпринимают максимальное и решительное усилие с целью достижения победы на Западе в воз-

можно кратчайший срок. Битва в Арденнах является, по моему мнению, только эпизодом, и мы должны ожидать, что противник нанесет удары и в других направлениях».

И вдруг, после таких потрясающих успехов, 8 января Гитлер срочно позвонил командующему Западным фронтом Руншtedту и приказал немедленно отвести войска на исходные позиции. И все соединения, совсем недавно нацеленные на продолжение наступления на Запад, были повернуты в обратном направлении и стали отходить на Восток.

Что же произошло? Для того, чтобы выяснить это, нам необходимо вернуться на Восток, на советско-германский фронт.

* * *

С 23 июня по 29 августа 1944 года силами четырех фронтов была осуществлена Белорусская операция, которая способствовала успеху союзников, так как накрепко сковала действия гитлеровского командования, не позволяя ему перебросить на Запад войска для борьбы с нормандским десантом. Эти две операции вообще хороший пример того, как надо было действовать нашим англо-американским союзникам. Вот так сразу бы навалились на фашистов вместе с нами, и война была бы короче, и потеря было бы меньше. Хотя, конечно, союзники к этому не стремились, как ни горько это сознавать.

В Белорусской операции особенно динамичными и успешными были боевые действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов, ими руководил маршал Жуков. На первом этапе были стремительно проведены две крупные операции войск этих фронтов — Могилевская и Бобруйская, в результате которых Жуков и командующие фронтами Рокоссовский и Захаров загнали противника в окружение — под Бобруйском.

Обычно операции на окружение совершались путем

охвата группировки противника, противостоящей нашим войскам, которая имела прямое соприкосновение с нами на общей линии фронта. Клещи окружающих войск как бы отсекали из противостоящей обороны огромный массив территории с находящимися на ней войсками. Именно по такой схеме было осуществлено окружение на первом этапе Белорусской операции, о котором сказано выше.

Но маршал Жуков к этому времени стал настолько опытным полководцем, что применил совершенно новый, никем ранее не осуществленный вид окружения крупной группировки врага в глубине его обороны.

Высочайшее полководческое мастерство Жукова проявилось в этой операции в полную силу!

Как только состоялось окружение частей 3-й танковой армии противника под Витебском и 9-й армии под Бобруйском, Жуков тут же использовал образовавшиеся бреши, стремительно бросил войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов в преследование вглубь обороны противника и на глубине 200—250 километров захлопнул огромную ловушку, окружив под Минском отступавшие войска и резервы фельдмаршала Моделя! (Вот они-то и маршировали позднее по улицам Москвы под конвоем.)

Такого гигантского котла окружения в глубине обороны, в ходе преследования, до Жукова еще никто не осуществлял. Вторая Золотая Звезда заблестела на груди полководца за грандиозную Белорусскую операцию вполне заслуженно!

«Багратион» является одной из блестящих операций в смысле военного искусства. В ней показали свое высокое мастерство Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин, его заместитель Г.К.Жуков, талантливые военачальники А.М.Василевский, К.К.Рокоссовский, И.Д.Черняховский, И.Х.Баграмян, Г.Ф.Захаров, командующий 1-й армией Войска Польского С.Г.Поплавский, многие генералы, офицеры, сотни тысяч сержантов и солдат. В результате операции «Багратион» была освобождена Бе-

лоруссия, не вставшая за долгие три года на колени перед фашистами. Наши войска, продвинувшись на 500—600 километров, вышли на территорию Польши и к границе с Восточной Пруссией. В ходе операции было окружено несколько группировок противника и ни одна из них не вырвалась. 17 дивизий и 3 бригады врага были полностью уничтожены, а 50 дивизий потеряли больше половины своего состава.

* * *

После публикации моей повести «Полководец» я получил много писем, в которых читатели просят подробнее рассказать о себе. Велик соблазн. Но это была бы уже другая книга. Надеюсь, когда-нибудь я к ней подойду, в этой же, как было задумано и обещано, я буду писать о жизни и деятельности Жукова, а о моих фронтовых делах, только если они, будучи лишь маленькими каплями в операциях маршала, о которых он даже не знал, имели отношение к этим стратегическим операциям.

Перед началом Белорусской операции произошел один из таких случаев.

К тому времени я был уже опытным войсковым разведчиком. Говорить о своих успехах неприлично, поэтому сошлюсь на некоторые публикации знавших меня на фронте авторов.

В книге, которая издана в 1982 году и называется «Сдумой о Родине», генерал Бойко Василий Романович вспомнил и меня добрым словом:

«Замечательными боевыми делами прославил себя командир взвода разведки 629-го полка 134-й стрелковой дивизии лейтенант В.В.Карпов.

За время наступательных боев в августе и сентябре на территории Духовщинского района Карпов неоднократно проявлял личное геройство и отвагу. Со своими

разведчиками он десятки раз проходил через линию обороны противника в его тылы...

В ночь на 19 августа Карпов с группой разведчиков проник в расположение противника, который готовился к контратаке против наших войск. Рискуя жизнью, вызвал на себя артогонь, корректировал стрельбу... Карпов получил ранение, но продолжал вести неравный бой. Контратака врага была сорвана:

15 сентября группа бойцов во главе с Карповым перешла линию фронта... На следующий день разведчики под командованием Карпова, действуя опять в обход с фланга, ворвались в деревню Ефремово и вместе с подошедшими подразделениями полка разгромили оборонявшихся здесь гитлеровцев, захватили 11 пленных...»

Я опускаю другие подробности и оставляю только то, что связано с вылазками в тыл, потому что именно это определило выбор командования для выполнения спецзадания перед операцией «Багратион».

Приведу еще одну цитату из книги «Разведчики всегда впереди...» генерала Волошина Максима Афанасьевича, бывшего начальника разведки 39-й армии. В его словах хорошо объясняется обстановка, сложившаяся на 3-м Белорусском фронте, и то, почему именно мне было поручено ответственное задание.

«Медвежий вал»... Я пытаюсь вспомнить, где и когда появились эти слова. Пытаюсь и не могу. В официальных документах разведотдела 39-й армии я так и не нашел этого названия. Часто в них, да и в книгах, встречается другое: «Восточный вал». О строительстве этого вала фашисты объявили еще в августе 1943 года.

И все же я позволю употребить название «Медвежий вал», подразумевая под ним часть «Восточного вала», примыкавшую к Витебску. В дни боев это название было в обиходе.

...По данным авиаразведки, из показаний пленных... мы знали, что в районе Витебска создана мощная, хоро-

шо оборудованная в инженерном отношении оборонительная полоса. Она включала в себя две позиции с двумя-тремя линиями траншей, опорными пунктами, узлами сопротивления. Подступы к переднему краю прикрывались проволочными заграждениями и минными полями. Второй оборонительный рубеж проходил на расстоянии 1-3 километров от города и состоял из сплошных траншей, опорных пунктов, дзотов, бронеколпаков.

Этим дело не ограничивалось. Сам Витебск был подготовлен к круговой обороне, превращен в настоящую крепость. Кирпичные дома и хозяйственные постройки связывали ходы сообщения. Подвалы были дооборудованы и стали надежными укрытиями...

Боевая работа разведчиков стала значительно сложнее, но и мастерство их неизмеримо возросло. Не буду вдаваться в подробности, но скажу только, что им стали под силу не только рейды в глубокий вражеский тыл, но и действия непосредственно в Витебске, оккупированном врагом. Там, в частности, побывал Владимир Карпов, о котором я уже неоднократно упоминал ранее. Переодевшись в немецкую форму, он пробрался в город, связался с подпольщиками, получил у них копии важных документов и возвратился назад.

Я не рассказываю об этом подробно потому, что к этому времени Карпов действовал уже по заданиям начальника разведотдела фронта. Это он позвонил мне однажды и попросил подобрать опытного офицера-разведчика для выполнения ответственной задачи. Я, не задумываясь, назвал Карпова».

Происшедшее после того, как генерал Волошин назвал мою кандидатуру, описано в книге А. Шарипова «Черняховский». Предоставлю слово этому автору:

«Готовя войска к решительной операции по освобождению Белоруссии, Черняховский уделял особое внимание изучению противостоящей группировки противника. По его заданию начальник разведки фронта генерал-майор

Алешин в полосе 39-й армии подготовил важную разведывательную вылазку в тыл противника. Непосредственным исполнителем ее он назначил старшего лейтенанта Карпова. Проинструктировав Карпова, Алешин предупредил его:

— Командующий фронтом придает большое значение разведывательным данным, которые вам предстоит добыть. Он хочет поговорить с вами.

...Черняховский их принял на командно-наблюдательном пункте...

— В Витебске вас ждут. Там наши разведчики подготовили ценные фото пленки со снимками вражеской обороны. Но передать нам не могут. (Подпольщики сумели сфотографировать чертежи и карты с «Медвежьим валом», но по радио, естественно, план передать невозможно. — *В.К.*).

От переднего края обороны до города — километров восемнадцать. По глубине это тактическая зона, она насыщена немецкими войсками. Прыжок с парашютом исключается. Группой пробраться тоже трудно, — пояснил Черняховский, — поэтому пойдете один... старший лейтенант Карпов ночью благополучно прошел через немецкие позиции и добрался до Витебска. Ему удалось разыскать нужных людей и получить от них сведения, за которыми его послали. В городе Карпова заподозрили патрульные. Они пытались его задержать, но ему удалось уйти... Ночью Карпов был уже вблизи от передовых позиций немцев. Отважный разведчик прошел их все, лишь в последней траншее наткнулся на немецкого часового. Вражеская пуля ранила его... Теряя сознание, он все же собрал силы и выбрался из колючей проволоки, пополз дальше...

Отважный разведчик доставил нужные сведения».

Как мне стало известно, разведданные о «Медвежьем вале» в порядке информации были переданы на сосед-

ние с 3-м Белорусским фронтом — 1-й Прибалтийский и 2-й Белорусский. Об этом пишет маршал И.Х.Баграмян:

«...Я, будучи командующим 1-м Прибалтийским фронтом, встречал в разведывательных сводках фамилию старшего лейтенанта Карпова. И вот он, тот же самый лихой, смелый разведчик, теперь — известный писатель...

Владимир Карпов сражался не только на фронте, которым я командовал, он вел активные боевые действия и на соседнем, 3-м Белорусском, и, как мне известно, пользовался уважением командующего фронтом Ивана Даниловича Черняховского».

В итоге Белорусской операции было взято огромное количество пленных. Великое благородство и гуманизм были проявлены победителями к этим пленным — не месть, не надругательство и побои, а предметный урок вразумления был им преподан. Пленных провели через Москву, ту самую Москву, об уничтожении которой немецкой авиацией твердил им Геббельс.

Поскольку я имел к этому событию некоторое отношение и в тот день был в Москве, расскажу о нем подробнее.

В газете было опубликовано сообщение:

«Извещение от начальника милиции гор.Москвы.

Управление милиции г.Москвы доводит до сведения граждан, что 17 июля через Москву будет проконвоирована направляемая в лагеря для военнопленных часть немецких военнопленных рядового и офицерского состава в количестве 57600 человек из числа захваченных за последнее время войсками Красной Армии 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов.

В связи с этим 17 июля с 11 часов утра движение транспорта и пешеходов по маршрутам следования колонн военнопленных: Ленинградское шоссе, ул.Горького, площадь Маяковского, Садовое кольцо, по улицам: Первой Мещанской, Каланчевской, Б.Калужской, Смоленской, Каляевской, Новослободской и в районе площа-

дей: Колхозной, Красных ворот, Курского вокзала, Крымской, Смоленской и Кудринской — будет ограничено.

Граждане обязаны соблюдать установленный милицией порядок и не допускать каких-либо выходов по отношению к военнопленным».

В те дни я выписался из госпиталя после ранения, полученного во время вылазки в Витебск, долечивался и учился на курсах усовершенствования офицеров разведки. Перед конвоированием пленных через Москву меня вызвали в штаб и сказали, чтобы я с утра был в комнате дежурного — за мной заедут из кинохроники. Печальное и поучительное шествие пленных через Москву, оказывается, было решено зафиксировать для истории. Этот фильм был снят. Меня по просьбе командования запечатлели на фоне пленных, в районе площади Маяковского. Фамилия моя в картине не названа, потому что я тогда служил в разведке. Просто я стоял (конечно же выпятив грудь в орденах) на фоне бредущей зеленой массы гитлеровцев, похожих в тот момент на безликих призраков.

Впереди неторопливо, не в ногу, шли генералы. Разные. Поджарые. Оплывшие от жира. Круглолицые. Горбоносые. Золотые вензеля блестили в красных петлицах. Витые, крученые погоны, выпуклые, словно крем на пирожных. Ордена и разноцветные ленты на груди. Генералы не смотрели по сторонам, шли, тихо переговариваясь. Один коротышка отирал платком седой щетинистый бобр на продолговатой, как дыня, голове. Другой, здоровенный, равнодушно смотрел на лица москвичей, будто это не люди, а кусты вдоль дороги.

За генералами шли неровными рядами офицеры. Эти явно старались показать, что плен не сломил их. Один, рослый, хорошо выбритый, со злыми глазами, встретив мой взгляд, быстро показал большой кулак. Я тут же ответил ему: покрутил пальцем вокруг шеи, словно веревкой обвил, и ткнул им в небо: гляди, мол, как бы тебе не

ответили этим! Фашист несколько раз оглянулся и все показывал кулак, щерил желтые прокуренные зубы, видимо, ругался. «Какая гадина, — подумал я, — жаль, не прибили тебя на фронте».

За офицерами двигались унтеры и солдаты. Их было очень много, они шли сплошной лавиной по двадцать в ряд — во всю ширину улицы Горького.

Пленных сопровождал конвой — кавалеристы с обнаженными шашками и между ними пешие с винтовками наперевес.

Москвичи стояли на тротуарах. Люди молча, мрачно смотрели на врагов. Было непривычно тихо на заполненной от стены до стены улице. Слышалось только шарканье тысяч ног.

Глядя на немцев, я думал: может быть, среди них и те, которых я с моими боевыми друзьями разведчиками брал как «языков»? Наверное, они здесь. Куда же им деться?

Семерых мы взяли при подготовке наступления в Белоруссии. С некоторыми я, наверное, встречался, когда ходил в тыл. Ох, не такие они были пришибленные, когда я их видел там. Они чувствовали себя хозяевами на нашей земле. Были в этих рядах и те, от которых я едва ушел живым, когда переходил линию фронта, возвращаясь из Витебска. Где-то рядом шагал теперь и тот, кто попал в меня из автомата в темноте, сам не зная об этом.

По сей день, как только вспомню прохождение пленных гитлеровцев через Москву, встает перед глазами зеленая, как плесень, масса бредущих людей и среди них лицо бритого офицера с желтыми, оскаленными от ненависти зубами и черным мосластым кулаком.

Но это впечатление выплыло позже, а тогда я с удовольствием и гордостью позировал перед кинокамерой. И еще помню, не соответствовало мое настроение тому, как вели себя москвичи, глядевшие на пленников. Они были суровы, а меня распирало ощущение счастья. Ну как же мне не радоваться и не быть счастливым, стоя

живым в Москве, на площади Маяковского, с Золотой Звездой на груди, которую мне вручили несколько дней назад в Кремле.

ЖУКОВ ВЫПОЛНЯЕТ ОСОБЫЕ ЗАДАНИЯ

22 августа 1944 года Жукову в штаб фронта Конева, где он находился, позвонили из Москвы и передали:

— Верховный Главнокомандующий приказал вам немедленно прибыть в Ставку.

Жуков спросил:

— Не скажете ли, чем объясняется такая срочность?

— Вам предстоит выполнить особое задание Государственного Комитета Обороны. Больше мы пока ничего не знаем.

На следующий день вечером Жуков был уже в Москве и сразу же прибыл к Верховному Главнокомандующему.

Без долгих предварительных объяснений Сталин сказал:

— Вам необходимо срочно вылететь в штаб 3-го Украинского фронта и подготовить войска к войне с Болгарией. Мы уже в ходе Кишиневской операции вплотную подходим к границам, и поскольку болгарское правительство, несмотря на наши неоднократные предупреждения, нарушает нейтралитет, о котором они официально заявили, и продолжает помогать фашистской Германии, практически сотрудничает с ней, мы вынуждены объявить Болгарии войну. Вам необходимо вместе с Толбухиным подготовить войска 3-го Украинского фронта к проведению операции против болгарской армии. До того, как вылететь на фронт, обязательно зайдите к Георгию Ди-

митрову. Он отлично знает обстановку — и общую и то, что происходит внутри страны. Он также вас проинформирует о состоянии болгарской армии и о партизанском движении в этой стране.

Жуков не знал, где находится Коминтерн и служебное помещение Димитрова. В Генеральном штабе ему помогли созвониться с секретариатом Димитрова, и он договорился о встрече. Георгий Димитров встретил Георгия Константиновича очень радушно, с явной симпатией. А сам Димитров произвел на Жукова тоже очень сильное впечатление. Маршал знал нелегкую историю жизни его, знал о том, что в 1923 году он был приговорен к смертной казни после подавления антифашистского восстания, которое Димитров вместе с Коларовым подняли в те годы. Ну и, конечно, Жуков хорошо знал о Лейпцигском процессе, где Димитров бесстрашно выступал против фашистских обвинителей и превратил процесс по обвинению его в поджоге рейхстага в разоблачение фашистов-фальсификаторов. Тогда, благодаря своей исключительной эрудиции, мужеству и находчивости, Димитров не только не был осужден «за поджог рейхстага», но был полностью оправдан и отпущен на свободу.

Георгий Димитров рассказал Жукову следующее:

— Хотя вы и едете на 3-й Украинский фронт с задачей подготовить войска к войне с Болгарией, я думаю никакой войны наверняка не будет. Болгарский народ с нетерпением ждет подхода Красной Армии, чтобы с ее помощью свергнуть царское правительство Болгарии и установить власть Народно-освободительного фронта. Болгарский народ не будет воевать с советскими войсками, наоборот, по старой доброй традиции, по славянскому обычаю встретит советских воинов с хлебом и солью. Что касается правительственных войск, то вряд ли они рискнут вступить в бой с могучей Красной Армией. По моим данным, почти во всех частях болгарской царской армии проводится большая работа нашими людьми, нашими подполь-

щиками. В горах и в лесах — значительные партизанские силы. Они тоже будут вам большими помощниками. Они и сейчас не сидят без дела. Они спускаются с гор и будут поддерживать и вас и народное восстание.

После короткого разговора с Жуковым Димитров добавил:

— Успехи советских войск оказали большое влияние на усиление народно-освободительного движения в Болгарии. Наша партия возглавляет это движение и взяла твердый курс на вооруженное восстание, которое будет немедленно осуществлено, как только части Советской Армии вступят на нашу землю.

Жуков поблагодарил Димитрова за очень полезную беседу, за то, что тот его принял, за то, что состоялся у них такой хороший разговор. Но все же, несмотря на то, что Георгий Димитров сказал, что боевых действий не произойдет, Жуков пошел в Генеральный штаб и уточнил здесь какие ведутся подготовительные мероприятия, какие планируются операции на тот случай, если в Болгарии все же дело не кончится миром.

После такой подготовительной работы Жуков прилетел в город Фетешти, где находился штаб 3-го Украинского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза Ф.И.Толбухин. Здесь же, в штабе фронта, находился маршал Тимошенко. Ему была поручена координация действий 2-го и 3-го Украинских фронтов. Особое задание Жукова, как он понимал, заключалось в какой-то полудипломатической миссии. Если здесь находится представитель Ставки Тимошенко, который координирует боевые действия фронтов, то Жуков — представитель Государственного Комитета Обороны.

Но пока не было еще ясности в обстановке, и Жуков сказал:

— Мы люди военные и, получив задачу от политического руководства, должны ее выполнять с величайшей точностью.

И поэтому он попросил командующего фронтом ознакомить его детально с обстановкой. Толбухин доложил, что в его распоряжении три общевойсковых и 17-я воздушная армия. Ему же подчинены Черноморский флот и Дунайская военная флотилия. Разработана наступательная операция, в которой будут участвовать все три армии, и еще 4-й и 7-й Гвардейские механизированные корпуса, которые обеспечат быстрое продвижение в западном направлении.

5 сентября 1944 года советское правительство официально объявило войну Болгарии. А на следующий день Жукову позвонили из Москвы, и Верховный Главнокомандующий отдал приказ, чтобы 3-й Украинский фронт начал военные действия.

8 сентября утром, на которое было намечено начало наступления, Жуков с командующим фронтом находились на наблюдательном пункте. Войска были готовы к наступлению, артиллерия — к проведению артиллерийской подготовки. Однако положение было каким-то странным, непривычным для Жукова. В стереотрубу он не видел на территории Болгарии войск противника. Там передвигались мирные жители, повозки, машины, а воинских частей на переднем крае просто не было. Посоветовавшись с Толбухиным, решили двинуть вперед без артиллерийской подготовки передовые отряды. А затем пошли за ними и основные силы, потому что никакого сопротивления передовые отряды не встретили. И вот поступает первый доклад командующего 57-й армией:

— Мы продвигаемся, не встречая никакого сопротивления, а в глубине нас встретила дивизия болгарской армии, построенная по дороге со знаменами. Встретила нас торжественной музыкой. Как докладывают командиры частей с других направлений — там происходит аналогичная картина. Везде армейские болгарские части стоят в строю и приветствуют наши войска.

Жуков немедленно доложил об этом Сталину. Сталин явно остался доволен и сказал:

— Все оружие болгарских войск оставьте при них, пусть они занимаются своими обычными делами и ждут приказа своего правительства.

Всюду части Красной Армии население встречало по-братски, радушно, хлебом-солью. Немедленно же спустились с гор партизанские отряды, вышли из лесов руководители подпольного движения, произошло восстание в глубине страны, было свергнуто профашистское правительство и образовано демократическое правительство Отечественного фронта. Это правительство уже официально обратилось к советскому правительству с предложением немедленно заключить перемирие.

Жуков получил указание из Ставки немедленно прекратить продвижение наших войск дальше по территории Болгарии. И в 21 час 9 сентября движение наших войск было остановлено, и они расположились гарнизонами.

Это была первая, пожалуй, в практике маршала Жукова бескровная война с обеих сторон. А он, как один из руководителей этой «мирной войны», таким образом выполнил свою особую миссию блестяще. Антинародный режим в Болгарии был ликвидирован, и вся болгарская армия благодаря тому, что с ней поступили так благородно, оставили ей оружие, не применяли никаких репрессий, перешла на сторону нового болгарского правительства.

Жуков вернулся в Москву, где его ждали с нетерпением. На этот раз ему предстояло решать еще одну задачу, не менее сложную и тоже наполовину связанную с боевыми действиями войск, а наполовину — политического характера.

Для краткости я приведу сообщение ТАСС, в котором изложена суть ситуации, в которой оказалась Варшава к тому времени, когда туда выехал Жуков.

«...В последние дни в зарубежной печати появились сообщения со ссылкой на газеты и радио польского эмигрантского правительства о восстании и боях в Варшаве, начавшихся 1 августа по приказу польских эмигрантов в Лондоне и продолжающихся до сих пор. Газеты и радио польского эмигрантского правительства в Лондоне упоминают при этом, что повстанцы в Варшаве якобы были в контакте с советским командованием, но оно не пришло к ним с необходимой помощью.

ТАСС уполномочен заявить, что эти утверждения и упоминания зарубежной печати являются либо результатом недоразумения, либо проявления клеветы на советское командование. Агентству ТАСС известно, что со стороны польских лондонских кругов, ответственных за события в Варшаве, не было предпринято ни одной попытки, чтобы своевременно предупредить и согласовать с советским военным командованием какие-либо выступления в Варшаве. Ввиду этого ответственность за события в Варшаве падает исключительно на польские эмигрантские круги в Лондоне...»

Сталин поручал Жукову выяснить на месте, что там происходит, разобраться и доложить, что можно сделать, чтобы помочь восставшим в Варшаве.

Жуков так пишет в своих воспоминаниях:

«По заданию Верховного к Бур-Комаровскому были посланы два парашютиста-офицера для связи и согласования действий, но он не пожелал их принять».

Здесь мне представляется возможность еще раз воспользоваться не только первоисточником, но и рассказом самого исполнителя поручения, о котором говорит Жуков. Дело в том, что одним из офицеров, упомянутых Жуковым, был Иван Колос, в то время капитан, мой старый друг и коллега по работе в разведке. Сегодня он живет в Москве. Недавно мы с ним и другими товарищами «обмыли» очень запоздавшее высокое звание Героя Рос-

сии, которое наконец-то, к празднованию 50-летия Победы, ему было присвоено.

Ваня не раз рассказывал мне об этом сложном и очень ответственном поручении. Кстати, он написал книгу «По заданию Центра». Колос — опытный разведчик, всю войну прослужил в разведке, и в этой книге описано много заданий, которые ему пришлось выполнять, в том числе и особое задание, которое давал ему лично командующий фронтом маршал Рокоссовский.

Я набрал номер телефона Ивана Колоса и сказал ему:

— Ваня, я хочу воспользоваться твоим рассказом о восстании в Варшаве и о том, как ты выполнял задание командующего фронтом.

— Ну что ж, Володя, спасибо за то, что ты меня не забываешь. Расскажи, расскажи, пусть знают, особенно молодежь, как нелегко нам давалась победа.

Мы поговорили еще о делах, не имеющих отношения к моему последующему рассказу, и я повесил трубку.

Вот что Колос пишет в своей книге: «Первоначальный этап общей операции, начавшейся в районе Витебска и Бобруйска, должен был закончиться на линии Буга. Быстрый разгром противника в Белоруссии позволил нашему командованию наметить дальнейший план форсирования Буга и освобождения Люблина. Это был уже последний этап летней операции, дальше предстояла новая концентрация сил и сокращение растянутых коммуникаций».

Я напомним читателям, что первоначальный этап, о котором говорит Колос, как раз и связан с моим заданием, которое я выполнял в Витебске и принес тогда снимки укреплений так называемого «Медвежьего вала». И вот этот этап, как говорит Колос, здесь заканчивался, а ему предстояло выполнять задание для новой крупной операции. Кстати, события у Колоса развивались подобно тому, как то было у меня под Витебском. Его срочно вызвали к командующему. Дальше я привожу рассказ самого Колоса:

— В кабинете командующего были Рокоссовский и член Военного совета генерал-лейтенант Телегин. Рокоссовский встретил меня очень радушно, поздоровался, пригласил сесть и спросил: «Вы знаете о том, что в Варшаве восстание?» Я ответил, что знаю. Дальше Рокоссовский, внимательно посмотрев мне в глаза, спросил:

— Готовы ли вы к выполнению сложного задания?

— Так точно!

— Так вот. Мы отправляем самолетами в Варшаву медикаменты, оружие, продовольствие для повстанцев и не знаем, в чьи руки это все попадает. Так что вам поручается завтра вылететь на самолете, с парашютом приземлиться в осажденную Варшаву, выяснить обстановку в городе, связаться с командованием восставших и доложить нам по радио о том, какая там обстановка, какие гитлеровские части действуют в районе Варшавы. С вами вылетит радист, ваш старый друг Дмитрий Стенько.

— Я встал, больше говорить, собственно, было не о чем, и готов был к выполнению данного мне поручения. Командующий пожал мне руку и очень тепло сказал: «Счастливого вам возвращения».

Выполняя задание командующего, Колос с радистом Димой, ночью, с небольшой высоты выпрыгнули с самолета. Летели они на двух так называемых «кукурузниках», потому что каждый мог брать всего одного пассажира. И поскольку прыжок был совершен с небольшой высоты, Ваня говорит, что он раскрыл парашют уже перед самым приземлением. И от этого произошел очень сильный удар о землю. Да, собственно, и не о землю, он упал на развалины, на груды кирпича, обломки какого-то здания. Ударился очень сильно, потерял сознание. Как выяснилось потом, повредил руку и получил небольшое сотрясение мозга. Его нашли повстанцы. Очень повезло, что это были бойцы Армии Людовой: не те, которые действовали по указке из Лондона, а те, которые сотрудничали с нами. Эти отряды возглавлял майор Сэнк. С ним дальше Колос

и взаимодействовал. Не буду пересказывать все трудности, которые пришлось пережить Ване Колосу при исполнении задания, скажу только об одном: он сделал все и даже больше того, что ему поручалось. Поддерживая постоянную связь по радио, он сообщал нашему командованию о том, что происходит в Варшаве, и увязывал взаимодействие наших войск с восставшими.

У Жукова не совсем точно сказано, что с офицерами, которые были сброшены в Варшаву, Бур-Комаровский не пожелал встретиться. Официально да, такой встречи не было, но неофициально она состоялась. Вот как об этом рассказывает Иван Колос:

— Не так-то просто было встретиться с руководством представителей из Лондона. Но все же, благодаря моей настойчивости, я добился этой встречи, и в назначенный день меня принял сначала заместитель Бур-Комаровского генерал Монтер в своем кабинете. И когда мы с ним беседовали, дверь распахнулась, сопровождаемые адъютантом, в кабинет вошли два человека в штатском. Генерал Монтер поднялся. Встали и мы. Адъютант подвинул вошедшим два кресла. Они обменялись со мной молчаливым поклоном. Первым опустился в кресло невысокий узкоплечий человек с желтовато-восковым лицом, впалыми щеками, покрытыми сетью глубоких морщин, и лихорадочно блестящими глазами. Второй из пришедших накинуд поверх пиджака полувоенного покроя просторный плащ. Этот человек был крупнее, довольно тучен и краснолиц. Отодвинув кресло, он уселся подальше от стола, закинул ногу на ногу и с вялым интересом поглядывал на нас сквозь дымчатые очки. Затем сорвал обертку с пачки заграничных сигарет и протянул ее соседу, но тот отмахнулся — он не спускал с нас своих острых, лихорадочно блестящих глаз. Сидевший в кресле закурил, спесиво выставив подбородок, и выдохнул дым в потолок:

— Мы слушаем вас, — проговорил Монтер, выжидательно взглянув на меня.

Я коротко изложил наши соображения по освобождению Варшавы.

— С ответом придется подождать, — сказал Монтер, — но моя обязанность напомнить вам, что Советы вступают в какое-то сомнительное отношение с кучкой самозванцев, засевших в Люблине. А это многих настораживает.

— Не знаю, о каких людях говорит пан генерал, волонтеры, а также весьма многие офицеры Армии Краевой относятся к Советам, как и к другим союзникам, с полным доверием. Сейчас речь о совместных усилиях повстанцев, Советской Армии и Войска Польского в освобождении Варшавы.

Человек в очках сердито перебил меня (это был Бур-Комаровский):

— Никакого Войска Польского, кроме того, что сражается здесь, не существует!

Все присутствующие замолчали. Наконец генерал Монтер сказал:

— Считаю разговор исчерпанным. Прошу подождать.

Все, кроме адъютанта, вышли из комнаты. Через некоторое время Монтер вернулся и сказал:

— Окончательный ответ получите на днях.

Но так этого «окончательного ответа» и не последовало, и лондонские ставленники продолжали проводить сепаратистскую линию. Вскоре они приняли условия капитуляции, которые им предложили гитлеровцы. Всех повстанцев-волонтеров, добровольно сложивших оружие, гитлеровцы согнали в концентрационный лагерь в Прушкове (недалеко от Варшавы), а Бур-Комаровскому был предоставлен самолет, и он вылетел сначала в Швейцарию, а затем в Лондон.

Повстанцы и партизаны, руководимые коммунистами, продолжали сопротивление до последнего, и с ними Иван Колос прошел эту тяжкую эпопею до конца.

Жуков разобрался со всем происходящим и так пишет о своем впечатлении после изучения сложившейся здесь ситуации:

«Мне была непонятна оперативная цель этого наступления, сильно изматывающая наши войска. К.К.Рокоссовский был со мной согласен, но Верховный требовал выхода 47-й армии на Вислу, на участок Модлин—Варшава и расширения плацдарма на реке Нарев».

Через некоторое время, еще раз убедившись, что после тяжелых и неудачных боев части наши обескровлены и никакого успеха они не добьются, Жуков позвонил Сталину и сказал:

— Я прошу вашего разрешения прекратить наступательные бои на участке 1-го Белорусского фронта. Они абсолютно бесперспективны. Прошу вас дать приказ о переходе войск правого крыла 1-го Белорусского фронта и левого крыла 2-го Белорусского фронта к обороне, чтобы они привели свои части в порядок, получили пополнение и хотя бы немного отдохнули.

Однако Сталину обстановка была известна шире, чем Жукову на фронте. Дело в том, что очень многие газеты и радио на Западе, да и наши союзники даже, подняли шум вокруг неудачного восстания в Варшаве и обвиняли советское командование в пассивности, в том, что оно не только не смогло помочь восставшим, но, учитывая, что восстание это было начато лондонским эмигрантским правительством, умышленно не предпринимало активных наступательных действий, чтобы это восстание было гитлеровцами подавлено. По сути дела, Верховное Главнокомандование и лично Сталина обвиняли в предательстве. Поэтому Сталин так нервничал и требовал от Жукова продолжать наступление и оказать все-таки помощь восставшим, и когда Жуков доложил довольно убедительно (и сделал это неоднократно) о невозможности продолжения наступления, Сталин очень разгневался и

перед тем как бросить трубку, решив, что по телефону с Жуковым договориться не удастся, приказал:

— Вылетайте завтра в Ставку с Рокоссовским. Поговорим на месте.

В Москве Жукова и Рокоссовского принял не один Сталин, в кабинете находились Антонов, Молотов и Маленков. Сталин очень сухо поздоровался с маршалами и сказал:

— Ну, докладывайте.

Жуков развернул карту и стал излагать ситуацию и свое отношение к происходящему. Здесь мне кажется уместным привести слова Жукова, потому что они отражают его впечатление о происходящем: «Вижу, И.В.Сталин нервничает: то к карте подойдет, то отойдет, то опять подойдет, пристально поглядывая то на меня, то на карту, то на К.К.Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что было всегда, когда он начинал терять хладнокровие и был чем-нибудь недоволен.

— Товарищ Жуков, — перебил меня В.М.Молотов, — вы предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый противник не в состоянии сдержать напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

— Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы, он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несем ничем не оправданные потери.

— Вы поддерживаете мнение Жукова? — спросил Сталин Рокоссовского.

— Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

— Думаю, что передышку противник не хуже вас использует, — сказал Сталин. — Ну, а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить ее танками, артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Модлином и Варшавой?

— Трудно сказать, товарищ Сталин, — ответил Ро-

коссовский, — противник тоже сможет усилить это направление.

— А как вы думаете? — спросил Сталин Жукова.

— Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв. А с оперативной точки зрения, нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Город нужно брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем направлении на Лодзь—Познань. Сил для этого сейчас на фронте нет, но их следует сосредоточить. Одновременно нужно основательно подготовить к совместным действиям и соседние фронты на Берлинском направлении.

Сталин, видно, окончательно вышел из себя из-за этой несговорчивости полководца.

— Идите и еще раз проверьте ваши предложения, — сказал он жестко.

Сталин не раз прибегал к этому приему, обращаясь с маршалами как со школьниками, когда они были не согласны с его точкой зрения. Выдворение из комнаты было своеобразной угрозой и явным наказанием. Но Сталин считал возможным так обращаться даже с прославленными полководцами.

О дальнейшем Жуков пишет так: «Мы с К.К.Рокоссовским вышли в библиотечную комнату и опять разложили карту. Но не успели мы как следует расположиться, как нас снова вызвали в кабинет Верховного.

— Мы тут посоветовались и решили согласиться на переход к обороне наших войск, — сказал Верховный, — что касается дальнейших планов, мы их обсудим позже. Можете идти.

Очень не любил Верховный, когда с ним не соглашались. Но в этом случае его можно понять. Ему хотелось снять, сбить накал зарубежных обвинений в том, что советская армия не пришла на помощь восставшим в Варшаве, а Жуков, не будучи политиком, не хотел ради не совсем понятных ему политических интересов идти на

дальнейшие жертвы и продолжить наступление, которое, как он считал, не принесет успеха. Политические и военные интересы в данном случае не совпадали. Но верх одержал Жуков и тем самым спас десятки тысяч жизней советских солдат и офицеров, не согласившись и твердо отстояв свою точку зрения в этой напряженной дискуссии с Верховным Главнокомандующим. Не просто было, глядя в лицо властолюбивому Верховному и в присутствии трех членов Политбюро, которые тоже заседали на Жукова, отстоять свое мнение и доказать нецелесообразность дальнейших жертв на фронте. Этот случай является своеобразным ответом и тем современным обвинителям, которые пытаются утверждать, что Жуков проводил операции, не считаясь с потерями, лишь бы добиться успеха. Проще всего в данном случае было бы, как говорится, взять под козырек и угодить Верховному, сказав: «Ваше приказание будет исполнено» и продолжать наступление... Но Жуков на это не пошел. Жуков не хотел допустить ненужных жертв в этом, по его твердому убеждению, совершенно бесполезном продолжении военных действий.

Сложилась ситуация в отношениях Жукова и Сталина, очень похожая на ту, которая была в 1941 году, когда Сталин за такое же отстаивание Жуковым своей точки зрения снял его с должности начальника Генерального штаба. Причем обстоятельства повторялись даже в деталях. И тогда Сталин сказал Жукову: «Выйдите и подумайте, а мы тут пока будем решать...» Там тоже Жуков только разложил карты, чтобы собраться с мыслями, а его сразу же вернули в кабинет, и Сталин ему объявил: «Мы сможем обойтись и без вас» — и, освободив его от обязанностей начальника Генштаба, назначил командующим Резервным фронтом и отправил организовывать наступление под Ельней, которое, собственно, и предлагал проводить Жуков.

Теперь время было уже не то. И Сталин был не тот, и

Жуков тоже очень изменился, завоевал авторитет в вооруженных силах, да и у самого Сталина. Теперь просто так с ним круто обойтись было нельзя. И Сталин это понимал. Но все же, как бы ни смягчал он эту «размолвку», как бы ни обставлял ее какими-то «декорациями» необходимости перемен, суть дела не изменялась: фактически Сталин после этого разговора Жукова с должности снял. Маршал в воспоминаниях фактически обходит стороной это происшествие. Он просто описывает ход разговора и его последствия. Но давайте спокойно проанализируем то, что произошло, и, я уверен, мы еще раз увидим, с одной стороны, проявление самовластия Сталина, его болезненной амбициозности, и с другой — твердости и решимости Жукова.

В то время уже входил в употребление термин «сталинские удары». Позднее в учебниках и в исторической литературе прочно укрепилось определение — «Десять сталинских ударов».

Мы в предыдущих главах уже отмечали проявление у Сталина ревности по отношению к популярности Жукова. С приближением победного завершения войны вполне допустимо предположить некое намерение Верховного: после многих неудач в первый год войны (несомненно «подмочивших» его репутацию) подправить свой авторитет более активным вмешательством в успешные боевые дела, которые, несомненно, принесут ему славу умелого полководца и лавры победителя.

В подтверждение допустимости такого предположения приведу продолжение разговора Сталина с Жуковым:

— Как вы смотрите на то, чтобы руководство всеми фронтами в дальнейшем передать в руки Ставки? — просил Сталин.

Обращаю внимание на то, что Сталин даже не пытается пояснить причины или обстоятельства, требующие сосредоточения военного руководства в его руках. Юри-

дически он и так Верховный Главнокомандующий, практически — неограниченный властелин. Зачем ему понадобилось это более детальное вмешательство в боевые дела?

Жуков так ответил на этот вопрос Сталина:

— Да, количество фронтов уменьшилось. Протяжение общего фронта тоже сократилось, руководство фронтами упростилось, и имеется полная возможность управлять фронтами из Ставки.

Вот так, по-деловому, исходя из общей обстановки, сформулировал Жуков аргументы в пользу намечаемых Сталиным перемен. Если такое обоснование высказал бы сам Сталин, все мои предположения о личных амбициозных чувствах Верховного не стоили бы, как говорится, и ломаного гроша. Но подкрепление моим предположениям дает сам Сталин в продолжение разговора:

— Вы это без обиды говорите?

Значит, Иосиф Виссарионович имел в виду, спрашивая мнение Жукова, не только изменения в стратегическом руководстве, но и личностные: как отнесется Жуков к тому, что Верховный отстраняет его как представителя Ставки от руководства крупными операциями фронтов и, говоря по-простому, тянет одеяло на себя.

Жуков отвечает со спокойным достоинством:

— А на что же обижаться? Думаю, что мы с Василевским не останемся безработными.

Жуков в ремарке к этим своим словам в «Воспоминаниях...» пишет: «...пошутил я». Но взвесьте, какой подтекст в этой «шутке». Разговор идет об «обиде», и Жуков, как человек тактичный, отвечает обидчику, как принято в таких случаях: мол, что вы, что вы, не беспокойтесь, я не обижаюсь. Значит, обиду Сталин все же наносил. В чем она заключается? В том, что Верховный отстраняет его от больших дел. То, что Жуков это понимает и дает понять собеседнику, что понимает, отчетливо просматривается в его словах: «Думаю... не останемся безра-

ботными». Все тут прозрачно высказано: с объявлением этого решения Сталина маршалы Жуков и Василевский уже «безработные», но Жуков надеется, что выйдет из уже состоявшегося положения «безработного».

На этом разговор был прерван. Но Сталин, видимо, обдумал свой ход еще раз и, посчитав, что элемент обиды все же присутствует, а ссориться с Жуковым он не хотел, потому что по-настоящему уважал и ценил маршала, пригласил его к себе и «позолотил пилюлю»:

— Вы и впредь останетесь моим заместителем.

Ну и чтобы окончательно уважить Жукова, Верховный буквально играет на его полководческом самолюбии:

— 1-й Белорусский фронт находится на Берлинском направлении. Мы думаем поставить вас на это направление.

Вот он главный козырь: я беру все в свои руки, а вам дарю лавры покорителя гитлеровской столицы — Берлина. Для Жукова, как полководца и «военной косточки», до глубины души такая перспектива конечно же лестна, почетна и... утешительна.

Этим назначением Сталин в большой степени оправдал себя в глазах военачальников, которые восприняли назначение Жукова как заслуженный, закономерный шаг. Кому же брат Берлин, как не Жукову? И вот Сталин, вместе со всей армией, любящей и уважающей маршала Жукова, именно ему и оказывает эту высокую честь.

Все восприняли это решение Сталина как еще одно проявление его мудрости. И действительно, в тонкости мышления ему не откажешь: добился чего хотел — будет завершать войну, возглавляя всю победоносную армию. И конкурента «выдвинул». Да, именно, не снял, не обидел, не понизил, а выдвинул на почетное руководство завершающей исторической операцией.

Обиженным оказался один Рокоссовский, который уже предвкушал лавры покорителя Берлина, но вдруг

судьба отвернулась от него — и пришлось передать фронт Жукову.

Много лет Рокоссовский и Жуков считались друзьями, но горький осадок в душе Константина Константиновича остался на всю жизнь. И не только остался, но порой и выплескивался. (Но об этом поговорим позже.)

ШЕДЕВР ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Варшавско-Познаньская, которая переросла в Висло-Одерскую операцию, — произведение высочайшего личного полководческого искусства маршала Жукова. Если во многих крупных стратегических операциях он был координатором действий нескольких фронтов, в то время как идеи, замысел этих операций были заложены Ставкой и где большую роль играли командующие фронтами как разработчики и исполнители этого замысла, то в этой операции Жуков — единоначальник, творец замысла и его исполнитель с начала и до победного конца.

В этой операции Жуков сказал новое слово в военном искусстве — применил оригинальный способ прорыва глубоко эшелонированной обороны противника в кратчайшие сроки.

Подобной битвы в истории войн не было! По красоте, лихости, скорости, результативности это сражение вошло в историю военного искусства как один из блестящих примеров талантливое новаторства полководца. Историки и теоретики военного дела, на мой взгляд, еще не до конца оценили, не придали должного значения в своих трудах Висло-Одерскому шедевру мастерства Жукова.

После таких подступов, наверное, пора перейти к описанию самой операции. Однако она настолько сложна, многопланова и многоступенчата, что изложить ее коротко и доступно для широкого круга читателей невозможно. Но образное художественное описание дает возможность показать суть дела наглядно и более доходчиво, чем в сухом профессиональном, научном изложении.

Даже неискушенные в военных делах читатели, наверное, слышали о «кумулятивных» и «подкалиберных» снарядах. Для тех, кто не слышал, поясню. С увеличением толщины брони танков появилась необходимость увеличивать пробивную способность снарядов. Большим по величине снарядом можно пробить и более толстую броню. Но большой снаряд должна выстреливать и более крупная пушка. А большая пушка не годится для стрельбы прямой наводкой в борьбе с танками. Для противодействия маневренным и быстроходным танкам необходима тоже подвижная, легкая пушка. Да и производство тяжелых пушек и снарядов стоит гораздо дороже. Изобретатели и военные ученые пошли по пути создания более пробивных снарядов для пушек, уже имевшихся на вооружении. И создали. Кумулятивный снаряд, в котором благодаря особой конфигурации взрывчатки внутри снаряда увеличивается ударная сила взрыва, направляя его не вразброс, как в осколочном для поражения живой силы, а в одном направлении. Для сравнения представьте себе увеличительное стекло, которое собирает солнечные лучи в пучок и прожигает или поджигает дерево или бумагу, на которую этот луч направлен.

Очень оригинально и экономно решили военные ученые проблему пробойной силы изобретением еще и подкалиберного снаряда. Сохранив внешнюю конфигурацию и калибр, пригодный для стрельбы из существующих пушек, они вставили внутрь снаряда сердечник (разумеется, описываю я это упрощенно). И вот снаряд, по старому расчету, бьет в броню, пробивает ее или недопробивает

ет ее, и на этом его расчетная функция завершается. А тяжелый сердечник, находящийся внутри снаряда, продолжает полет по инерции, да еще толкаемый силой взрыва, добивает броню (если снаряд ее не прошиб) и, влетая внутрь танка, поражает в нем экипаж и оборудование. Следовательно, в противотанковом снаряде его пробивную силу увеличивает вот этот самый сердечник, находящийся внутри основного калибра, поэтому и название такое — подкалиберный.

А теперь нам придется заглянуть в далекую историю — в 1916 год, третий год первой мировой войны. Тогда, из-за появления большого количества пулеметов и скорострельной артиллерии, стало почти невозможно прорывать оборону, хорошо оборудованную в инженерном отношении. Война стала изнурительно-позиционной. Войска долго стояли на одних позициях, все попытки прорыва приводили к неудачам и большим потерям.

Наконец, в июне 1916 года командующий Юго-Западным фронтом русский генерал Брусилов нашел способ прорыва позиционной обороны. Он, имея почти равные с противником силы (573 тысячи штыков и сабель против 448 тысяч, легкой артиллерии 1770 против 1301, не уступая в тяжелой артиллерии более, чем втрое: 168 против 545 орудий), решил, наступая на всем фронте, создать на нескольких участках, намеченных для прорыва, превосходство в 2—2,5 раза.

Благодаря этому «изобретению» Брусилов прорвал фронт противника на 70 километров на одном из участков и за три дня продвинулся в глубину на 25—30 километров, взяв г. Луцк. Через неделю войска Брусилова разгромили 4-ю австро-венгерскую армию эрцгерцога Иосифа Фердинанда и продвинулись на глубину 65—75 километров. Дальнейшее (вполне возможное) развитие прорыва было остановлено из-за отсутствия резервов, пассивности соседей и противодействия свежих частей противника.

В этом сражении, в течение мая—июля, противник потерял полтора миллиона только убитыми, а российская армия — 500 тысяч.

Некоторые теоретики считали, что оборона, благодаря современному инженерному оборудованию и массовому насыщению пулеметами и артиллерией, стала неодолимой для наступления.

Брусиловский прорыв вошел в историю военного искусства, как новая форма прорыва позиционной обороны.

Этим способом прорыва широко пользовались полководцы всех воюющих государств во второй мировой войне, в их числе и Жуков.

А то, что изобрел Георгий Константинович в Висло-Одерской операции по вкладу в военное искусство, не менее значимо.

Жуков прибыл в г.Люблин, в штаб 1-го Белорусского фронта, 15 ноября 1944 года (начальник штаба генерал М.С.Малинин, член Военного совета К.Ф.Телегин) и на следующий день вступил в командование. Рокоссовский в этот же день убыл на 2-й Белорусский фронт.

На сей раз маршал Жуков «скрестил шпаги» с командующим группой армий «А» генерал-полковником И.Гарпе и не только с ним, но и с самим верховным главнокомандующим Гитлером, потому что 1-й Белорусский фронт стоял на Берлинском направлении и этому участку уделялось постоянное внимание всего военного руководства Германии, здесь были сосредоточены главные силы.

Перед фронтом Жукова была выявлена всеми видами разведки мощнейшая оборона глубиной до 500 километров, с семью оборудованными, последовательно один за другим, мощными укрепленными рубежами. В каждом рубеже до трех позиций, и в каждой позиции по несколько траншей, опять же последовательно одна за другой. И всюду минные поля, провололочные заграждения, надолбы и рвы против танков, доты и дзоты, вры-

тые в землю танки, орудия прямой наводки, бесчисленное количество пулеметов, пушек, минометов. В глубине обороны авиация на ближних и дальних аэродромах. Ну и, наконец, эти позиции занимала и совершенствовала самая главная сила — войска, солдаты, офицеры, генералы, хорошо обученные, прекрасно владеющие оружием.

Жукову надо было пробить всю эту оборонительную машину, выполненную в семи рубежах, каждый глубиной 10—15 километров, со всеми ловушками, отсечными и ложными позициями, общей глубиной, повторяю, 500 километров. (Брусилев прорывал всего один такой 10-километровый рубеж.)

Прикиньте, как пробивать такую оборону?

Не станем мучиться долго в предположениях, воспользуемся опытом известных полководцев.

Маршал Еременко, наверное, тщательно изучил бы позиции противника, нашел бы в них слабые места, сосредоточил бы там главные силы и стал прорывать один рубеж за другим.

Маршал Рокоссовский в проведенных им операциях показал большую гибкость, он — любитель фланговых ударов, обходов. И в этом случае он прорвал бы оборону на каком-то узком участке и стал бы сматывать рубеж за рубежом, громя их с флангов и тыла.

Что изобрел Жуков? (Не боюсь этого сравнения — анализ, изучение ситуации и находку в методе вполне можно приравнять к научному открытию, изобретению, ну а коль скоро мы говорим об искусстве, то и к блистательному проявлению этого самого военного искусства.) Жуков пропорол все семь рубежей одним ударом на всю глубину в 500 километров в феноменально короткий срок — за 15 дней!

Чтобы пройти 500 километров пешими колоннами без боев, нужно именно столько дней и ночей — по уставу суточный переход 45 километров — 500:45+12 суток; после

каждых трех дней перехода полагается отдых — сутки — вот и получается $12+3=15$ суток, обычного марша без боевых действий.

Как же можно за 15 дней пробить такую махину с боями?!

Оказывается, можно! В этом и проявилась талантливость и гениальность полководца Жукова.

Вот теперь нам понадобятся ранее приведенные пояснения о подкалиберных снарядах.

Наметив три участка для прорыва обороны противника, Жуков создал на этих главных направлениях — пробивные мощные танковые кулаки. Например, с Магнусhevского плацдарма, после первого удара трех общевойсковых армий, били в наметившийся прорыв две танковые армии (по взятой нами аналогии — кумулятивные противотанковые снаряды с мощной пробивной силой, направленной в одном направлении).

И как только эти танковые армии пробивали главный оборонительный рубеж, — дальше, в глубину обороны, устремлялись передовые отряды (подкалиберные сердечники!) и мчались вперед в пространстве, не имевшем плотного насыщения войсками (они остались позади на главном рубеже).

Таким образом, построив войска по принципу действия подкалиберного снаряда, Жуков пробил мощнейшую оборону противника на глубину 500 километров в невиданно короткие сроки.

Причем передовые отряды были введены Жуковым на трех направлениях. Они не только пробились в глубину, но дезорганизовали, деморализовали войска на тыловых рубежах и помогли следующим за ними армиям расширить прорыв до 500 километров по фронту.

Левее фронта Жукова 12 января перешел в наступление (на два дня раньше) 1-й Украинский фронт, под командованием маршала Конева. Правее 13 января (на день раньше) двинулся вперед 2-й Белорусский фронт Рокос-

совского. Эти фронты наступали успешно и продвинулись на несколько десятков километров.

Фронт Жукова ударил 14 января, да так, что через два дня войска 1-го Белорусского фронта догнали и обогнали ушедших ранее вперед соседей справа и слева.

Чтобы долго не описывать сложные перипетии сражения, приведу цитату (ее и Жуков использовал в своих воспоминаниях) из книги немецкого генерала Типпельскирха: «К вечеру 16 января на участке от реки Ниды до реки Полицы уже не было сплошного, органически связанного немецкого фронта. Грозная опасность нависла над частями 9-й армии, все еще оборонявшимися на Висле у Варшавы и южнее. Резервов больше не было».

Благодаря таким успешным действиям, 1-й Белорусский фронт не только осуществил план Варшавско-Познаньской операции, но сражение приобрело более широкие и глубокие масштабы и переросло в крупнейшую в истории войн Висло-Одерскую операцию, осуществленную двумя фронтами — 1-м Белорусским (Жуков) и 1-м Украинским (Конев) при содействии 2-го Белорусского (Рокоссовский).

Жуков настолько опережал своих соседей, что Сталин был вынужден сдерживать его:

— С выходом на Одер вы оторветесь от фланга 2-го Белорусского фронта больше, чем на 150 километров. Этого сейчас делать нельзя. Надо подождать, пока 2-й Белорусский фронт закончит операцию в Восточной Пруссии и перегруппирует свои силы за Вислу.

— Сколько времени это займет? — спросил Жуков.

— Примерно дней десять. Учтите — 2-й Украинский фронт сейчас не сможет продвигаться дальше и обеспечивать вас слева, так как будет занят некоторое время ликвидацией противника в районе Оппельн—Катовице.

Жуков понимал, противник деморализован и не способен сейчас на упорное сопротивление, и поэтому настаивал на своем:

— Я прошу не останавливать наступление войск фронта, так как потом нам будет труднее преодолеть Мезерицкий укрепленный рубеж. Для обеспечения нашего правого фланга достаточно усилить фронт еще одной армией.

Сталин обещал подумать. Но время шло, а никакого решения Верховный не сообщал. В это время Жуков получил данные разведки о том, что Мезерицкий укрепленный рубеж на многих участках не занят немецкими войсками.

Командующий группой армий «А» И.Гарпе не успевал отводить части, которые остались на первых рубежах. А Гитлер опаздывал с выдвиганием резервов из глубины.

Жуков, не дожидаясь ответа Верховного и не принимая во внимание его рекомендацию приостановить наступление, решил ускорить продвижение войск к Одеру и захватить на его западном берегу плацдармы.

Главные силы фронта (как кумулятивные снаряды!) ударили на определенных направлениях и пробили Мезерицкий укрепленный рубеж. И тут же (как подкалиберные сердечники) Жуков опять запускает передовые отряды, для захвата переправ и плацдармов на Одере.

Жуков в своей книге с явным удовольствием напоминает имена прекрасных офицеров и солдат, которые поняли замысел своего командующего и отлично выполнили этот маневр.

«Огромная заслуга в захвате плацдарма принадлежит передовому отряду 5-й ударной армии. Возглавил этот отряд заместитель командира 89-й гвардейской стрелковой дивизии полковник Х.Ф.Есипенко...

В состав отряда входили 1006-й стрелковый полк 266-й стрелковой дивизии, 220-я отдельная танковая бригада во главе с полковником А.Н.Пашковым, 89-й отдельный тяжелый танковый полк, истребительный противотанковый полк и 489 минометный полк».

Вот какой «подкалиберный сердечник» запускал

Жуков впереди главных сил, пользуясь благоприятной обстановкой!

Дальше маршал пишет:

«Появление советских войск в 70 километрах от Берлина было ошеломляющей неожиданностью для немцев.

В момент, когда отряд ворвался в город Кинигтц, на его улицах спокойно разгуливали немецкие солдаты, в ресторане было полно офицеров. Поезда по линии Кинигтц—Берлин курсировали по графику, нормально действовала связь».

Далее Жуков с восхищением рассказывает, как смельчакам в передовых отрядах пришлось тяжело удерживать захваченные плацдармы. Гитлеровцы понимали, какими непоправимыми бедами для них станут эти наши вклинения на противоположный берег Одера, который они намеревались превратить в непреодолимый, последний рубеж перед Берлином.

Передовые отряды совершили невозможное, они удержали плацдармы до подхода главных сил. Многие погибли, многие стали Героями Советского Союза в этих боях. Но с приходом главных сил напряжение не ослабло. Наоборот, подходили новые резервы гитлеровцев, и сражение разгоралось с еще большей силой.

Символический поединок маршала Жукова с командующим 9-й немецкой армией генералом С.Лютвицем и командующим группой армий «А» генералом И.Гарпе завершился победой Жукова. Гитлер снял обоих этих командующих и заменил первого генералом Г.Буссе, второго генералом Ф.Шернером (которого вскоре произвел в фельдмаршалы).

Воздавая должное Жукову, мы, конечно, понимаем, что блестящее осуществление операции не только его заслуга. Но, к сожалению, нет возможности описать трудности, которые преодолевали солдаты, и сложнейшие, подчас критические, ситуации, возникавшие перед командирами всех степеней, от сержанта до генерала, в

многотысячных побоищах людей и техники. Они были опытными мастерами тяжелейшего на земле военного дела, прошедшие за годы войны огни, воды, госпитальные кровати. Они не раз ощутили на себе холодное дыхание смерти.

Сколько бы ни заняли места имена ближайших соратников маршала Жукова в этом сражении, я считаю обязательным назвать их, хотя бы самых близких, кого он видел тогда в лицо, с кем говорил по телефону или радио, кто вкладывал все силы и душу, рисковал жизнью ради выполнения его замыслов. По сути дела, все они были соавторами Георгия Константиновича в этой блестящей победе: (позднее некоторые из них стали маршалами, но в те дни они были еще генералами): командующий 8-й гвардейской армией Василий Иванович Чуйков, 5-й ударной армией Николай Эрастович Берзарин, 61-й армией Павел Алексеевич Белов, 3-й ударной армией Василий Иванович Кузнецов, 679-й армией Владимир Яковлевич Колпакчи, 47-й армией Франц Иосифович Перхорович, 33-й армией Вячеслав Дмитриевич Цветаев, 1-й гвардейской танковой армией Михаил Ефимович Катуков, 2-й гвардейской танковой армией Семен Ильич Богданов, 16-1 воздушной армией Сергей Игнатьевич Руденко, командующий 1-й армией Войска Польского Станислав Гилярович Поплавский, командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса Владимир Викторович Крюков, 7-го гвардейского кавалерийского корпуса Михаил Петрович Константинов. Все они — Герои Советского Союза, а кое-кто — дважды.

Чтобы не сложилось впечатление, что в этой операции успех давался Жукову очень легко и наступление развивалось быстро и стремительно по взмаху его маршальской длани, расскажу не об обычных трудностях при организации и проведении таких грандиозных операций.

По этому поводу придется сделать небольшое отступление.

В новых, необычных для действия советских войск условиях, Жуков опять проявил находчивость и широту мышления. Для экономии сил и средств маршал предложил свернуть партизанское движение, поскольку с выходом на территорию Румынии, Польши и Германии партизанские отряды фронтового подчинения уже не могли действовать так эффективно, как на советской земле при поддержке своего населения.

Вносить такое предложение было в некоторой степени, даже опасно для Жукова. Шутка ли — ликвидировать партизанское движение!

Это движение курировал близкий к Сталину маршал Ворошилов. Предложение Жукова прямо затрагивало интересы Ворошилова, лишало его авторитетного поля деятельности (а в годы войны, как известно, Климент Ефремович ничем особенно не отличился). В общем, Ворошилов мог «надуть в уши» Сталину все что угодно, вплоть до пособничества Жукова противнику.

Но государственные и военные интересы для Жукова были выше каких-либо личных амбиций, и маршал написал Сталину следующее письмо:

«Штабы партизанского движения при фронтах в настоящее время, в связи с освобождением нашей территории от противника, потеряли свое значение. Сейчас, кроме Прибалтики, штабы ничего не делают.

Я считаю: штабы партизанского движения при фронтах нужно ликвидировать.

Прошу Вашего решения.

4.09.1944 г., 20.30.

Жуков».

С выходом наших войск на территорию сопредельных государств «партизанская ситуация» — как бы поворачивалась на 180 градусов: теперь в тылу наших войск развили активную диверсионно-террористическую деятельность враждебные нам силы, которые организовывало, вооружало и снабжало гитлеровское командование — это бандеровцы, националисты различных мастей и окрасок, аковцы — бывшие офицеры и солдаты Армии Краевой, руководимые польским эмигрантским правительством, и другие просто бандитские отряды.

Насколько они затрудняли боевые действия и снабжение советских войск, видно из таких вот докладных:

«Начальнику Генерального штаба Красной Армии.

28.10.1944 года в 9.00 в районе ст.Быстрица (15 км сев.Люблин), на складе авиабомб в ВА, при разгрузке эшелона с боеприпасами произошел взрыв, который продолжался до 14.00 28.10.44 г.

По предварительным данным, взрывом уничтожено 300 вагонов боеприпасов и 10 тонн д.т., убито 100 человек и ранено 200—300 человек, главным образом местных жителей...

Причины взрыва пока не установлены...»

Шестая воздушная армия была придана войскам 1-го Белорусского фронта, и потеря 300 вагонов бомб, конечно же, была для Жукова и для его наступавших войск ощутимым ослаблением авиационной поддержки.

Из другого донесения:

«13 октября 1944 года аковцы организовали восстание в 31 полку 7-й польской стрелковой дивизии. В результате бунта ушли в леса 1661 солдат и 81 офицер. Бунтовщики убили русских офицеров. Они призывают другие польские части переходить на их сторону, а мирному населению приказывают уклоняться от мобилизации и вступать в А.К.

Деятельность А.К. по разложению Польского войска

облегчается засоренностью подразделений и штабов Польского войска агентурой А.К....»

Во многих донесениях говорится об уничтожении партийных работников, милиции и советских учреждений. Террор приобрел массовый характер, нападения совершались на госпитали, колонны войск, склады и штабы тыловых учреждений.

Жуков и в этом случае не ограничивался только своими мерами, он считал, что необходимо организовать специальную службу по охране тылов и борьбе с бандитами, о чем также написал докладные в Генштаб и Берии.

Последний ответил:

«1-й Белорусский фронт — тов. Жукову, Телегину.

Для ликвидации оуновских банд органами и войсками НКВД проводятся чекистские и войсковые мероприятия. Руководят борьбой с бандитизмом на территории Ровенской и Волынской областей зам. НКВД УССР генерал-лейтенант Строкач, в западных областях Белоруссии зам. НКГБ СССР тов. Кобулов.

Усилена охрана железнодорожных мостов и полотна.

Проводимыми в настоящее время мерами обеспечивается выполнение задачи по ликвидации оуновского бандитизма и в первую очередь задача охраны от диверсионно-террористической деятельности фронтовых коммуникаций и военных объектов.

23 декабря 1944 г. № 533

Л.Берия».

* * *

Перегруппировка, подвоз боеприпасов, горючего, продовольствия и других видов обеспечения требовали гораздо большего времени, чем при подготовке менее сложных операций. Но случилось такое непредвиденное об-

стоятельство, из-за которого время подготовки пришлось не увеличить, а сократить! Начало Варшавско-Познаньской операции намечалось Ставкой на 20 января 1945 г. Но за месяц до этого, как знают читатели, гитлеровцы нанесли союзникам сокрушительный удар в Арденнах, они собирались сбросить в море часть соединений американцев и англичан и окружить остальные, отрезанные от снабжения по морю, в глубине территории Франции.

Премьер-министр Англии Черчилль обратился к Сталину с просьбой выручить союзников из создавшегося для них тяжелого положения. Приведу часть его письма.

«На Западе очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы... я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января... Я считаю дело срочным».

7 января 1945 года, когда подготовка к наступлению с плацдармов на Висле шла очень напряженно, Сталин в своем ответе Черчиллю сообщил:

«Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января».

Учитывая военную неудачу, которая произошла у союзников, Ставка нашла возможным начать наступление даже не во «второй половине января», как обещал Сталин, а перенесла начало сражения с 20 на 12 января.

Это осложнило работу Жукова и всех других участ-

ников операции. Пришлось корректировать документы, сокращать сроки подвоза снаряжения, ну и вообще все мероприятия осуществлять в более ускоренном темпе. А это могло повлиять на качество подготовки и успех боевых действий. Но, слава Богу, обошлось!

Наши войска свои задачи выполнили и союзников выручили, немцы прекратили наступление в Арденнах и стали перебрасывать части на Восточный фронт.

Но в это время возникли главные трудности, которые подстерегли Жукова именно тогда, когда он радовался захвату плацдармов на Одере и был готов к успешному продвижению на Берлин.

Не тут-то было! Все могло стремительно перевернуться, и войска Жукова не только потеряли бы захваченные плацдармы, но оказались бы в окружении. Гитлеровцы готовили его войскам нечто вроде сталинградского котла.

Замысел германского командования был прост и вполне реален по осуществлению, его разработал старый соперник Жукова во многих операциях, а теперь начальник генерального штаба Гудериан, опытный и талантливый полководец.

Войска Жукова вырвались далеко вперед. 2-й Белорусский фронт отстал. Правый фланг группировки Жукова был на несколько сот километров открыт. Вспомните, Сталин предупреждал Жукова о такой опасности. Но предвидя ее, Верховный не дал армию, которую просил Жуков для прикрытия этого пространства на фланге.

Войска 1-го Белорусского фронта не только выполнили, но и перевыполнили задачу, поставленную Ставкой, появилась возможность продолжать наступление и с ходу ворваться в Берлин. Жуков видел — после сокрушительных ударов, полученных в ходе Висло-Одерской операции, гитлеровцы были в растерянности, больших резервов под Берлином у них не было.

27 января Ставка утвердила предложение Жукова о продолжении наступления на Берлин с плацдармов на

Одере. Маршал дал указание своим войскам о подготовке к новой операции. Познакомьтесь с этим документом в сокращенном виде.

«Военным советам всех армий, командующим родами войск и начальнику тыла фронта. Сообщаю ориентировочные расчеты на ближайший период и краткую оценку обстановки.

1. Противник перед 1-м Белорусским фронтом каких-либо крупных контрударных группировок пока не имеет.

Противник не имеет и сплошного фронта обороны. Он сейчас прикрывает отдельные направления и на ряде участков пытается решить задачу обороны активными действиями.

Мы имеем предварительные данные о том, что противник снял с Западного фронта четыре танковые дивизии и до 5-6 пехотных дивизий и эти части перебрасывает на Восточный фронт. Одновременно противник продолжает переброску частей из Прибалтики и Восточной Пруссии.

Видимо, противник в ближайшие 6—7 дней подвозимые войска из Прибалтики и Восточной Пруссии будет сосредоточивать на линии Шведт—Штаргард—Нойштеттин, с тем чтобы прикрыть Померанию, не допустить нас к Штеттину и не допустить нашего выхода к бухте Померанской.

Группу войск, перебрасываемую с Запада, противник, видимо, сосредоточивает в районе Берлина с задачей обороны подступов к Берлину.

2. Задачи войск фронта — в ближайшие 6 дней активными действиями закрепить достигнутый успех, подтянуть все оставшее, пополнить запасы до 2 заправок горючего, до 2 боекомплектов боеприпасов и стремительным броском 15-16 февраля взять Берлин».

Но гитлеровское командование спешно готовило контрмеры. Ведь угроза стала реальной. Генерал-пол-

ковник Гудериан так писал об этом замысле: «Немецкое командование намеревалось нанести мощный контрудар силами группы армий «Висла» с молниеносной быстротой, пока русские не подтянули к фронту крупные силы или пока они не разгадали наших намерений».

В группе армий «Висла» было до 40 дивизий, да еще в Штеттине находилась 3-я танковая армия. Если бы эти силы нанесли удар по тылам фронта Жукова, произошла бы катастрофа. Советские части, ушедшие далеко вперед, израсходовали к этому времени запасы горючего, боеприпасов, продовольствия. Все службы обеспечения отстали. Удар противника пришелся бы именно по ним. Трагическая развязка казалась неотвратимой.

В этих вроде бы безвыходных условиях (резервы Ставки, если бы она их дала, не успели оказать помощь) Жуков проявил исключительную находчивость, связанную с огромным риском. Но риск этот был основан на точных расчетах маршала. Он сам говорил об этом так: «Рисковать следует, но нельзя зарываться».

Войска 2-го Белорусского фронта должны были разгромить гитлеровцев в Восточной Померании и тем обеспечить фланг 1-го Белорусского фронта, но они не справлялись с этой задачей. Жуков понимал: окончательный исход Висло-Одерской операции и успехи, достигнутые в ней, теперь зависят от ликвидации немецкой группировки в Восточной Померании. Можно было обезопасить свой фланг, прикрыв его частью сил. Но удержат ли они мощный удар группы армий «Висла»? Вот в этом случае будет риск, не подкрепленный расчетом, а по принципу «или—или». Это был не жуковский вариант. Он привык решать проблемы с твердой уверенностью в успехе и поэтому принял решение — развернуть в сторону нависшей угрозы четыре общевойсковые и две танковые армии, в короткий срок уничтожить группу армий «Висла» совмест-

но с 2-м Белорусским фронтом и затем быстро вернуть войска на Берлинское направление до того, как противник создаст здесь группировку, способную наносить контрудары.

Легко и просто рассуждать нам о повороте войск на новое направление. Представьте себе, что такое шесть армий и как невероятно трудно повернуть такую армаду для переноса ее ударной силы с запада на север, в сторону Балтийского побережья.

Но все это состоялось: и поворот наших армий, и удар гитлеровской армады «Висла», и полный ее разгром усилиями войск Жукова и Рокоссовского. К сожалению, нет возможности описывать происходившие там тяжелые и кровопролитные сражения — они длились почти два месяца и завершились нашей победой в конце марта 1945 года. В этом очень динамичном сражении оппонентом Жукова был командующий группой армий «Висла» рейхсфюрер СС Гиммлер — и его наш славный маршал одолел блестяще.

А теперь представьте себе, как сложно и тяжело было Жукову удерживать плацдарм на Одере, после того как шесть армий он перевел для уничтожения группы армий «Висла». Гитлеровцы стремились воспользоваться ослаблением наших войск на плацдармах и ликвидировать их. Немецкая авиация совершала ежедневно более тысячи самолетовылетов для бомбежки наших войск на Кюстринском плацдарме. 5-я ударная армия несла большие потери. Генерал Берзарин, понимая сложности командующего фронтом, все же запросил усиления поддержки, хотя бы авиацией.

Нетрудно представить, как переживал Жуков за своих боевых соратников, которые совершали все возможное и невозможное для удержания плацдармов. В его телеграммах явно просматриваются эти переживания, сочувствие и не свойственная военным документам своеобразная суровая нежность к героям. Маршал не

приказывает, он просит их продержаться еще немного. Как старший, опытный воин он дает практические советы для более умелых боевых действий. Вот одна из таких телеграмм Жукова.

«Военному совету 5-й ударной армии, командирам корпусов и командирам дивизии 5-й ударной армии.

На 5-ю ударную армию возложена особо ответственная задача удержать захваченный плацдарм на западном берегу р.Одер и расширить его хотя бы до 20 км по фронту и 10-12 км в глубину.

Я всех вас прошу понять историческую ответственность за выполнение порученной вам задачи и, рассказав своим людям об этом, потребовать от войск исключительной стойкости и доблести.

К сожалению, мы вам не можем пока помочь авиацией, так как все аэродромы раскисли и взлететь самолеты в воздух не могут. Противник летает с берлинских аэродромов, имеющих бетонные полосы. Рекомендую:

- 1) зарываться глубоко в землю;
- 2) организовать массовый зенитный огонь;
- 3) перейти к ночным действиям, каждый раз атакуя с ограниченной целью;
- 4) днем отбивать атаки врага.

Пройдет 2-3 дня — противник выдохнется.

Желаю вам и руководимым вами войскам исторически важного успеха, который вы не только можете, но обязаны обеспечить.

Г.Жуков».

Как видим, Жуков был не только строгим, но и мягким к подчиненным. Точнее сказать, он был справедливым. Много пишут и говорят о его жестокости. Бывало и такое, но, опять-таки, требовательность маршала соответствовала проступку. Он наводил порядок, невзирая на

ранги и прошлые заслуги. Да, был грубоват, мог ввернуть обидное слово — были и такие проявления его характера.

А вот пример его строгости. Кое-кто, торжествуя после достигнутых успехов, начал погуливать в ущерб делу, Жуков нелицеприятно пресекал такие проступки. Я думаю, не повредит авторитету Катукова, маршала бронетанковых войск, документ, написанный (у меня есть ксерокопия) лично Жуковым. Тем более что Михаил Ефимович был сам виноват и позднее просил извинения у Георгия Константиновича.

«В собственные руки т.Катукову, Попелю (член Военного совета 1 гв. танковой армии. — *В.К.*).

Я имею доклады особо ответственных людей о том, что т.Катуков проявляет полнейшую бездеятельность, армией не руководит, отсиживается дома с бабой и что сожительствующая с ним девка мешает ему в работе. Авторитета Катуков в корпусах сейчас не имеет, и даже Шалин и командиры штаба вокруг Катукова ведут очень нехорошие разговоры.

В частях Катуков как будто не бывает. Бой корпусов и армии не организует, вследствие чего за последнее время имелись в армии неудачи.

Требую:

1) От каждого из вас дать мне правдивое личное объяснение по существу.

2) Немедля отправить от Катукова женщину. Если это не будет сделано, я прикажу ее изъять органам «смерш».

3) Катукову заняться делом.

Если Катуков не сделает для себя нужных выводов, он будет заменен другим командармом.

1.2.45.

Г.Жуков».

Маршал не был злопамятным, он оценивал людей по их делам и поступкам, и когда генерал Катуков испра-

вился и очень умело руководил армией в последующих боях, маршал Жуков написал на него прекрасное представление к награде, и Катуков всего через два месяца после того неприятного воспитательного письма был награжден второй Золотой Звездой Героя Советского Союза.

В общем, Висло-Одерская операция, одна из крупнейших стратегических операций, завершилась разгромом и уничтожением 60 гитлеровских дивизий, была освобождена Польша, Советская Армия вступила на территорию Германии и вышла на подступы к Берлину.

А теперь вспомните, какая мощная оборона противостояла войскам Жукова на глубину 500 километров и как он ломал ее, продвигаясь по 45—70 километров в сутки. Жуков в своих воспоминаниях при описании этих боевых действий не применяет сравнения с «подкалиберным» и «кумулятивным» способом прорыва оборонительных рубежей, это я применил для большей наглядности, но маршал сам отмечает:

«Такая стремительность была достигнута впервые в ходе Великой Отечественной войны...

Особая роль в развитии наступления на фронтах прорыва обороны противника принадлежала танковым армиям, отдельным танковым и механизированным корпусам, которые во взаимодействии с авиацией представляли собой быстроподвижный таран огромной силы, прокладывавший путь для общевойсковых армий...

Сильные передовые отряды (подкалиберные сердечники. — В.К.) наносили глубокие удары, в то же время не ввязываясь в затяжные бои с отдельными группировками противника... Противник не сумел практически ни на одном из заранее подготовленных рубежей организовать прочную оборону».

Здесь, наверное, самое удобное время и место поговорить о потерях.

Многие, не говоря о недоброжелателях, даже вроде бы объективные историки и исследователи обвиняют Жукова в том, что в проведенных им операциях были большие потери.

Вот мои возражения на такие обвинения.

Во-первых: Жуков всегда осуществлял крупнейшие стратегические операции, и потери в них были соответствующие.

Во-вторых: потери в операциях Жукова были меньше, чем у других наших полководцев. Прикиньте, сколько полегло бы солдат и офицеров, если бы эти семь рубежей пробивать последовательно, в стиле Еременко. Сколько на это потребовалось бы времени? По 3—5 дней на каждый рубеж (как минимум) это 21—35 дней. А в стиле Рокоссовского? Тоже не меньше месяца. И еще неизвестно, как развивались бы события, немцы могли и остановить наше наступление. А потери в этом случае были бы намного более тяжелые. Прибавьте расход боеприпасов, горючего и прочего обеспечения — операция стоила бы во много дороже — это тоже надо учитывать, возможности снабжения — не бездонная бочка. Израсходовали запасы здесь, пришлось бы 2-3 месяца накапливать, подвозить для следующей операции.

Таким образом, ввиду быстротечности жуковской операции, потери в ней были минимальные, потому что противник не успевал последовательно занимать свои рубежи, а наши войска, уходя вглубь обороны противника, несли меньшие потери. И, следовательно, Жуков в этой операции не потерял, а спас десятки тысяч жизней людей, которые могли бы погибнуть в иной ситуации.

В 1993 году в Военном издательстве вышло статистическое исследование «Гриф секретности снят». После многих дискуссий и споров о потерях наших войск в годы войны книга, составленная работниками Генштаба на основе подлинных архивных документов, как бы подво-

дит итог и пытается положить конец всем кривотолкам на эту тему.

О потерях 1-го Белорусского фронта в Висло-Одерской операции сказано следующее:

«Продолжительность операции 23 суток. Ширина фронта боевых действий — 5 км. Глубина продвижения советских войск — 500 км. Висло-Одерская операция включает... Варшавско-Познаньскую операцию... численность войск 1-го Белорусского фронта к началу операции — 1028900. Безвозвратные потери (за весь период) (убитые) 17032; санитарные потери (раненые и больные) 60.310. Всего потеряно 77342».

Если напомнить, что в брусиловском прорыве, который принято считать очень удачным, в российской армии только убитыми насчитывалось 500.000 человек, то потери 1-го Белорусского фронта при таком размахе и количестве участников можно назвать не только минимальными, но просто мизерными даже в сравнении с потерями наших войск в других операциях.

Например, в победной наступательной Сталинградской операции на Юго-Западном фронте (Ватутин) из общего числа 398100 человек убито 64649, раненых и больных 148043, всего потеряно 212692 (больше половины!).

На Донском фронте под Сталинградом (Рокоссовский) из 307500 чел. убито 46365, ранено 123560, всего потеряно 169925 (больше половины).

На Сталинградском фронте (Еременко) было всего 429200 чел., убито 43552, ранено 58078, всего потеряно 101630 (25%).

А всего в ходе сталинградского наступления из 1143500 человек убитых оказалось 154885, раненых и больных 330892, общие потери составили 485777 (почти половина всех участников сражения).

Напомню, в результате этой операции наши войска окружили 6-ю армию Паулюса и другие части всего 330000

человек, после завершения операции «Кольцо» в плен взято 95 тысяч солдат и офицеров. Сравнив цифры, мы убеждаемся, как дорого нам стоил поворот в войне под Сталинградом (причем цифры эти без потерь в оборонительных боях).

Нижнеднепровская стратегическая наступательная операция, в которую входят несколько операций 2-го Украинского фронта под командованием И.С.Конева при освобождении Правобережной Украины. В период этих боев в его подчинении было 463500 человек (35 дивизий), из них убито 77700, раненых/больных 226217, всего потеряно 303617 (почти 70% личного состава).

Не буду приводить другие цифры, скажу коротко для сведения всех критиков маршала Жукова: посмотрите эту книгу и убедитесь: потери в боях под руководством Жукова были меньше, чем у других наших полководцев.

Еще, встречал я не раз сомнения насчет мастерства Жукова: у него, мол, всегда было много войск и средств усиления. Не вижу необходимости пространно опровергать такое мнение, напомним кратко: Жуков руководил самыми крупными сражениями, и наличие в них больших масс войск и техники закономерно и естественно, иначе просто не могло быть.

Каждый вид искусства — живопись, скульптура, театр — по-своему вызывает у зрителя положительные эмоции: восхищение мастерством, удовольствие от соприкосновения с талантом, удивление, что может быть достигнуто такое совершенство, и, наконец, нравственное и даже идеологическое воздействие на того, кто видит творение мастера.

Как же быть с военным искусством? Если оно действительно искусство, то должно оказывать такое же воздействие и вызывать подобный прилив положительных эмоций. На первый взгляд, военное искусство таких высоких чувств и взволнованности не вызывает. В чем оно

проявилось? В беспощадной, грубой схватке людей и техники, обоюдно уничтожающих друг друга. Казалось бы, о каком искусстве может идти разговор, когда льется кровь и гибнут люди? Но, повторяю, это лишь первое, поверхностное, дилетантское, некомпетентное мнение.

Военное искусство имеет все вышеперечисленные привлекательные стороны других видов искусства и даже кое-что сверх того.

Вот доказательства. Возьмем для примера одну из победных операций, ну, хотя бы Висло-Одерскую наступательную операцию, проведенную маршалом Жуковым. Сравним со зрительным впечатлением человека, рассматривающего (тоже беру первый широкоизвестный пример) картину художника Шишкина «Утро в сосновом бору». Что может про себя отметить простой зритель: красиво, очень похоже, медведи как живые, и деревья как настоящие. Более искушенный отметит игру солнечного света и восхитится мастерством художника, который сумел масляные краски превратить в свет. Что еще? Многие другие тонкости доступны профессиональным критикам или коллегам-художникам: композиция, содержательность, сюжет, перспектива и т.д.

То же можно повторить в отношении скульптуры, актерского мастерства и... военного искусства.

У военных мастеров своего дела тоже свой индивидуальный стиль, свой почерк, свои особенности в творчестве. И в целом военное искусство, и каждое его отдельное произведение вызывает определенные эмоции, как и в других видах искусства — положительные или отрицательные (нравится — не нравится, успешно — неуспешно). Все это присутствует и при оценке творческих результатов полководцев.

Но и есть еще кое-что, порождаемое только военным искусством: это радость победы над врагом, приближающая конец войны, гордость за нашего полководца, взяв-

шего верх, одолевшего проклятых фашистов, которые принесли так много горя и страданий советским людям, это, наконец, горькое и сладкое чувство отмщения за погибших родных и близких.

И все эти эмоции в крупных общенародных масштабах. Картина, скульптура, актер на сцене порождают чувство восхищения у сотен, пусть тысяч, людей, но только у тех, кто воочию воспринимает искусство этих мастеров.

Военное искусство, как видим, имеет широчайшее воздействие на всех соотечественников, порождает их благодарность, чувство гордости, воспитывает патриотизм, укрепляет веру и прибавляет силы для дальнейшей борьбы с врагом. Вспомните, как всколыхнула нас небольшая по масштабам первая наступательная операция, проведенная Жуковым под Ельней. А разгром Жуковым немцев под Москвой! (После того как Конев умудрился засадить 5 армий в окружение, которые предназначались для обороны столицы, а Жуков, по сути дела, на голом месте слепил оборону.) Опять-таки, благодаря своему искусству, остановил врага малыми силами, а потом опрокинул и погнал гитлеровцев вспять. Это ли не мастерство полководца, достойное восхищения! А Сталинградское окружение, Курская дуга, преодоление с ходу Днепра — «Восточного вала».

Да, не один Жуков планировал и проводил эти операции, другие прекрасные наши полководцы, в том числе и Верховный Главнокомандующий Сталин, приложили много ума и сил для их осуществления, но почти во всех этих операциях первоначальный импульс, зародыш идеи, изюминка целесообразного решения были высказаны в устной или письменной форме Жуковым. И этого никуда не денут, не спрячут, не замолчат и не очернят дилетанты (и не только дилетанты), непрофессиональные оппоненты, сколько бы они ни напрягались в изощренных приемах лжи и подтасовки...

Вернемся к Висло-Одерской операции — у меня, да

и у каждого военного профессионала, эта операция вызывает восхищение блестящим замыслом и еще более великолепным осуществлением задуманного. Эта операция военачальника с могучим талантом, ясным, смелым мышлением и огромным опытом, творчество его на уровне гениальных мастеров Брюллова, Репина, Врубеля, Айвазовского, Шаляпина, Вучетича, Игоря Ильинского, Жарова в годы их полного расцвета.

К юбилею 10-летия Победы (в 1955 году) Военно-историческому управлению Генерального штаба, кроме другой его работы, было поручено определить самую выдающуюся по военному искусству операцию Великой Отечественной войны.

Военные ученые и историки, еще раз проштудировав и оценив весь ход боевых действий с 1941 по 1945 год, определили, что самой яркой и лучшей по полководческому мастерству является Висло-Одерская операция.

К оценке такого высокопрофессионального и уважаемого управления, я думаю, невозможно, да и не нужно ничего добавлять.

НА ТОЙ СТОРОНЕ В ПЕРИОД ВИСЛО-ОДЕРСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Начальнику германского генерального штаба Гудериану план нашего наступления в общих чертах стал понятным с первых же дней. О том, что такое наступление готовится, он тоже был хорошо осведомлен в результате работы всех видов разведки и допросов пленных, которые попали к ним с нашей стороны. Вот что он пишет в своем дневнике:

«12 января 1945 года ударная группа войск русских начала хорошо подготовленное наступление с предмостного наступления у Баранова. (Гудериан имеет в виду начало наступления войск Конева, 1-го Украинского фронта. — В.К.). 13 января противник успешно расширил участок прорыва... в бой вступили 3-я и 4-я гвардейские танковые армии русских. На этом участке фронта противник сосредоточил 32 стрелковые дивизии и 8 танковых корпусов... В Восточной Пруссии началось ожидаемое крупное наступление... (Далее он указывает, где и в каких направлениях.) В бой были введены 12—15 стрелковых дивизий и соответствующее количество бронетанковых соединений. И здесь противнику удалось вклиниться в нашу оборону.

14 января план русских стал ясен».

Гудериан понял, что главный удар наносится войсками Жукова на Варшавско—Познаньско—Одерском направлении. Он доложил Гитлеру, который находился на Западном фронте, о начавшемся крупном наступлении и просил его немедленно прибыть в Берлин, что Гитлер и сделал. Выслушав доклад Гудериана, Гитлер отдал приказ о переходе к обороне на всех участках фронта на Западе и о переброске резервов, да и не только резервов, а всего, что только было можно, с Западного фронта сюда, на Восточный.

Но Гудериан был очень удивлен, когда Гитлер приказал 6-ю армию, пребывающую с Западного фронта, отправить не на Берлинское направление, а в Венгрию. Гудериан пытался доказать нецелесообразность подобного использования танковой армии в создавшейся ситуации, но Гитлер не принял во внимание его доводы и настоял на своем.

В обоснование своего решения Гитлер сказал следующее:

— Венгерские нефтяные запасы и нефтеперегонные заводы имеют для нашей промышленности решающее

значение, так как противник своими воздушными налетами уничтожил наши химические заводы. Если у вас не будет горючего, ваши танки не будут двигаться, самолеты не будут летать, с этим-то вы должны согласиться. Но мои генералы ничего не понимают в военной экономике.

Выслушав доклады Гудериана о неудачах на Восточном фронте, Гитлер, как всегда, нашел виновных. Он приказал заменить генерала Гарпе генерал-полковником Шернером, командующим 9-й армией, вместо барона фон Лютвица, назначил генерала Буссе.

Гудериан, опытный военачальник, уловил особенность действия войск Жукова в той операции: «Противник необыкновенно быстро продолжал преследовать отступающие войска группы армий «А».

...Сильные резервы русских следовали за частями прорыва. К вечеру 17 января мне доложили о том, что советские войска окружают Варшаву. Когда я доложил Гитлеру об этом, он разразился гневом и приказал любой ценой удержать Варшаву». Гитлер не согласился с доводами начальника генштаба о том, что подкрепление туда не успеет, а гарнизон Варшавы, не способный удержать ту крепость, попадет в окружение и будет пленен. Однако Гитлер не хотел ничего слушать и приказывал удержать Варшаву во что бы то ни стало. Но распоряжения Гитлера, а точнее, генерального штаба на этот счет опоздали, и комендант Варшавы, опасаясь окружения, самостоятельно принял решение отступить из города с остатками гарнизона. Гитлер решил, что Варшава была сдана из-за того, что офицеры генерального штаба опоздали с передачей его приказа, и поэтому приказал арестовать подчиненных Гудериана, виновных в этом проступке. Гудериан парировал:

— За события вчерашнего дня несу ответственность только один я, и поэтому прошу допрашивать меня, а не моих подчиненных.

— Нет, я хочу покарать не вас, а генеральный штаб.

Я терпеть не могу, когда группа интеллигентов осмеливается внушать свои взгляды своим начальникам. Это является системой в работе генерального штаба, и я хочу покончить с ней!

Гудериану не удалось отстоять своих офицеров, и вечером он послал на доклад к фюреру своего заместителя, генерала Венка, и попросил его объяснить фюреру, что он, Гудериан, готов к тому, чтобы его арестовали, но не трогали подчиненных.

Но все же были арестованы: полковник фон Боннен, подполковник фон Дем Кнесбек и фон Кристиан.

Гудериан на следующее утро подал запрос на конфиденциальный доклад, во время которого заявил фюреру:

— Этот арест парализует работу важных отделов главного командования в самый критический момент войны. Если даже и будут назначены новые офицеры в генштаб, они не будут иметь такого опыта и заменить арестованных не смогут. Я прошу вас не только об этих невиновных офицерах, но и назначить расследование моей деятельности. Гитлер не стал долго спорить и ответил: «Хорошо, такое расследование я назначу».

В своих воспоминаниях Гудериан с горечью пишет:

«Продолжительные допросы, проводившиеся уже известными господами Кальтенбруннером и Мюллером, отнимали в те роковые для нашей страны дни много времени, энергии и нервов, тогда как на Восточном фронте шли смертельные бои за территорию родины и за жизнь ее граждан. Допрос, проводившийся Кальтенбруннером, закончился тем, что спустя несколько недель Кнесбек и Кристиан были освобождены из заключения. Боннен остался под арестом. Однако было запрещено использовать их в работе генерального штаба, и они уехали на фронт командирами полков».

После окружения войск в Познани армии Жукова продолжали стремительное наступление уже к Одера. Гудериан пишет по этому поводу следующее:

«Для предотвращения той угрозы я предложил Гитлеру создать новую группу армий в районе между бывшей группой армий «А», которая с 25 января стала называться «Центром», и бывшей группой армий «Центр», которая называлась теперь «Севером». Эта группа армий в данном районе должна была заново организовать оборону и приостановить наступление противника». Гудериан предложил перебросить сюда штаб группы армий на Балканах, которой командовал фельдмаршал барон Вейхс, чтобы он уже с готовым организующим ядром мог сразу приступить к руководству боевыми действиями. Однако Гитлер с этим предложением не согласился:

— Фельдмаршал фон Вейхс производит на меня впечатление усталого человека. Я не верю, что он может справиться с этой задачей. Я назначаю командующим этой группой армий рейхсфюрера СС Гиммлера.

Из воспоминаний Гудериана:

«Эта явная ошибка фюрера привела меня в ужас. Я использовал все мое красноречие, чтобы оградить несчастный Восточный фронт от этой бессмыслицы. Но все было напрасно. Гитлер утверждал, что Гиммлер очень хорошо справился со своей задачей на Верхнем Рейне. Имея под рукой армию резерва, он быстро сможет ее использовать. Поэтому он лучше всех обеспечит новый фронт как солдатами, так и техникой. Попытка хотя бы передать хорошо сработавшийся штаб Вейхса рейхсфюреру СС тоже провалилась. Гитлер приказал, чтобы Гиммлер сам подбирал себе штаб».

Понимая, что это новое назначение и быстрое продвижение советских войск приведут Германию к очень скорому и неотвратимому краху, Гудериан попытался найти общий язык с министром иностранных дел фон Риббентропом на тот счет, чтобы поискать какие-то возможности к заключению перемирия, хотя бы на Западном фронте. Он попросил Риббентропа завести об этом разговор с фюрером. На это министр ответил:

— Нет, я сделать не могу. Я являюсь верным последователем фюрера. Я знаю совершенно точно, что фюрер не захочет вести никаких дипломатических переговоров с противником, и поэтому не могу говорить ему о вашем предложении.

— Что вы скажете, если русские через три—четыре недели будут стоять под Берлином?

— Вы считаете, это возможно?

— При нашем теперешнем положении это не только возможно, но и очевидно.

Риббентроп был в полной растерянности. Желая все же как-то поставить министра рядом с собой, Гудериан сказал:

— Я предлагаю вам пойти к фюреру вместе со мной и поставить этот вопрос.

На что Риббентроп, даже не пытаясь скрыть страх, ответил отказом. И последнее, что он сказал в завершение этого свидания, было:

— Все останется между нами, не правда ли?

Гудериан обещал.

Но когда вечером начальник генерального штаба пришел на очередной доклад к Гитлеру, тот, увидев его в двери, сразу же начал выкрикивать:

— Если начальник генерального штаба посещает министра иностранных дел рейха и информирует его об обстановке на Восточном фронте, доказывая необходимость заключения перемирия с западными державами, он совершает тем самым государственное преступление!

Видя, что фюрер полностью осведомлен Риббентропом об их беседе, Гудериан не стал отказываться, посчитав, что поскольку фюрер уже в курсе дела, то сейчас необходимо продолжить разговор на эту тему. Однако это привело фюрера в еще большее бешенство, и, конечно же, ни на какие предложения о перемирии он не соглашался.

Тем временем Жуков продолжал осуществлять наме-

ченный план, используя те методы неудержимого прорыва, о которых говорили выше. Начальник немецкого генерального штаба отметил это в своих записях:

«К 27 января наступление русских достигло невиданных темпов. Все быстрее и быстрее приближался день катастрофы».

Когда передовые отряды Жукова стремительно вышли к Одру и захватили два плацдарма на его западном берегу, Гудериан предложил Гитлеру казавшееся ему наиболее логичным в тех условиях действие: он просил Гитлера отказаться от наступления в Венгрии, собрать силы, которые отходили из Прибалтики, и начать наступление во фланг частей Жукова, во фланг клина, который был вбит до самого Одера, воспользовавшись тем, что главные силы советских армий отстали. Таким образом он хотел попытаться отрезать выдвинувшиеся вперед передовые соединения Жукова. Гудериан поясняет свои намерения так: «Этим я надеялся усилить оборону столицы рейха, и вообще оборону территории страны и выиграть время, необходимое для ведения переговоров о перемирии с западными державами».

Гитлер, не отрицая его замысел в общих чертах, не согласился прекращать боевые действия на Балканах, переводить остатки войск из Италии, Норвегии, Прибалтики. Раздраженный Гудериан, понимая, что это последний шанс, стал очень горячо отстаивать свои предложения:

— Не подумайте, что из-за своего упрямства продолжаю настаивать на оставлении Прибалтики. Я просто не вижу другой возможности для создания резервов, а без них мы не сможем оборонять столицу рейха. Я стараюсь только для Германии!

Гитлер просто затрясся от ярости:

— Как вы смеете говорить мне подобные вещи? Вы что думаете, что я веду войну не для Германии? Вся моя жизнь — в борьбе за интересы Германии.

Желая избавить фюрера от продолжения этой неистовой ярости, Геринг взял Гудериана за рукав и увел в соседнюю комнату. Через некоторое время Гудериана снова вызвали к фюреру, и он, не видя никаких других выходов из создавшегося положения, опять стал настаивать на своем, требуя собрать все возможные резервы, и особенно из Прибалтики, для подготовки к обороне Берлина. Сцена ярости опять повторилась. Лучше я покажу ее в описании самого Гудериана:

«Он стоял передо мной с поднятыми кулаками, а мой добрый начальник штаба Томале тащил меня за фалды мундира, боясь, что между нами начнется рукопашная схватка».

Гитлер с доводами не согласился, а начальник генерального штаба после этого совещания, еще раз оценив создавшуюся обстановку и подсчитав все возможности, которые появятся после сбора сюда резервов с других направлений, пришел к выводу: «По моим расчетам, которые основывались на данных о противнике, добытых генералом Геленом, русские смогут ежедневно перебрасывать к Одру до четырех дивизий. Значит, чтобы наступление имело вообще какой-нибудь смысл, его нужно провести с молниеносной быстротой, пока русские не подтянут крупные силы или пока они не разгадали наших намерений».

На очередном совещании Гудериан с еще большей настойчивостью стал доказывать Гитлеру о необходимости проведения именно такой операции. Разговор проходил в присутствии командующего армией «Висла», рейхсфюрера СС Гиммлера, командующего 6-й танковой армией Зеппа Дитриха и заместителя начальника генерального штаба генерала Венка. Не надеясь, что Гиммлер, будучи человеком не очень компетентным в чисто военных вопросах, справится с таким контрударом, Гудериан предложил прикомандировать к штабу Гиммлера своего заместителя генерала Венка. Гиммлер стал доказывать, что этот контрудар сейчас осуществить пока невозможно,

потому что не подвезли достаточного количества боеприпасов и горючего. А Гудериан, понимая, что уходит время и что скоро весь его замысел будет вообще никому не нужен, стал настаивать на своем:

— Мы не можем ждать, пока разгрузят последнюю бочку бензина и последний ящик со снарядами. За это время русские станут еще сильнее.

В разговор вмешался Гитлер:

— Я запрещаю вам делать мне упреки в том, что я хочу ждать!

— Я не делаю вам никаких упреков, но ведь нет никакого смысла ждать, пока разгрузят все предметы довольствия. Ведь мы можем упустить подходящее время для наступления.

— Я уже вам только что сказал, что не желаю слышать ваших упреков в том, что я хочу ждать!

— Я вам только что доложил, что я не хочу делать вам каких-либо упреков, я просто не хочу ждать.

— Я запрещаю вам упрекать меня за то, что я хочу ждать.

— Генерала Венка следует прикомандировать к штабу рейхсфюрера, иначе нет никакой гарантии на успех в наступлении.

— У рейхсфюрера достаточно сил, чтобы справиться самому.

— У рейхсфюрера нет боевого опыта и хорошего штаба, чтобы самостоятельно провести наступление. Присутствие генерала Венка необходимо.

— Я запрещаю вам говорить мне о том, что рейхсфюрер не способен выполнять свои обязанности.

— Я все же вынужден настаивать на том, чтобы генерала Венка прикомандировали к штабу группы армий и чтобы он осуществлял целесообразное руководство операциями.

Эту достойную коммунальной кухни перепалку Гудериан комментирует следующим образом: «Гитлер с покрасневшим от гнева лицом, с поднятыми кулаками стоял передо мной, трясаясь от ярости всем телом и совер-

шенно утратив самообладание. После каждой вспышки гнева он начинал бегать взад и вперед по ковру, останавливался передо мной, почти вплотную лицом к лицу, и бросал мне очередной упрек. При этом он так кричал, что глаза его вылезали из орбит, вены на висках синели и вздувались».

После такой перепалки Гитлер убежал в угол комнаты к камину и некоторое время стоял там, чтобы отдышаться. Затем он вернулся и почти спокойно сказал, обращаясь к рейхсфюреру:

— Итак, Гиммлер, сегодня ночью генерал Венк приезжает в ваш штаб и берет на себя руководство наступлением:

Затем он повернулся к Венку и приказал:

— Вам, генерал Венк, немедленно отправиться в штаб группы армий «Висла».

Сказав это, Гитлер сел на стул, пригласил Гудериана сесть рядом и даже чуть улыбнувшись, сказал:

— Пожалуйста, продолжайте ваш доклад. Сегодня генеральный штаб выиграл сражение.

Но Венку не суждено было оправдать доверие Гудериана. 16 февраля 3-я танковая армия генерал-полковника Рауса нанесла удар во фланг Жукова, 17 февраля Венк приехал в ставку Гитлера для того, чтобы сообщить об успехах этого наступления. Но поскольку он перед этим переутомился при организации контрудара, да и дорога к Гитлеру, и доклад Гитлеру отняли немало сил, Венк очень устал. И когда он возвращался на машине в Штетин, то заметил, что и шофер его чуть не падает от того, что не выспался. Венк пожалел водителя, сел за руль, но через некоторое время сам заснул, и автомобиль ударился на мосту о заграждение. В результате Венк сильно разбился. Несколько недель он лежал в госпитале. Вместо него Гудериан назначил Кребса, бывшего начальника штаба у фельдмаршала Моделя. Это был типичный штабной генерал, который почти не коман-

довал соединениями в боях на фронте, но никого другого под рукой не было, и Гудериану пришлось назначить его. Опытный штабной работник Кребс на первом же докладе так умело преподнес Гитлеру успехи развивающегося контрудара, что Гитлер наградил его «Дубовыми Листьями к Кресту».

Но, как известно, никакими умелыми докладами поправить положение на фронте невозможно, и контрудар не достиг успеха и не оправдал надежд, которые на него возлагались. А доклады из штаба группы армий «Висла» стали приходить нерегулярно. Видно, многоопытный Кребс побаивался теперь докладывать о неудачах действий войск. Связаться по радио Гудериану тоже не удавалось, чтобы получить подробную информацию, и поэтому он сам решил выехать в штаб группы армий «Висла».

Начальник штаба Гимmlера генерал Ламмердинг, тоже эсэсовец, после обычных приветствий первое, что сказал Гимmlеру:

— Вы не можете освободить нас от нашего командующего?

— Это дело СС. Он ваш рейхсфюрер. А кстати, где находится главнокомандующий?

— Рейхсфюрер болен и находится в санатории Хозн-льхен. Там его лечит его личный врач профессор Гебхардт.

Гудериан отправился в этот санаторий и был удивлен, что Гимmlер с незначительным заболеванием, что-то вроде насморка, покинул свои войска и в тяжелые дни уделяет себе такое внимание. Это поведение Гимmlера еще больше прибавило неуважения к нему со стороны начальника генерального штаба, и он открыто сказал рейхсфюреру, что тот занимает слишком много всевозможных должностей: начальник германской полиции, имперский министр внутренних дел, командующий армией резерва, командующий группой армий «Висла»... Все

это требует много времени, нервов и здоровья, в чем Гиммлер еще раз наверное убедился. И, чувствуя, что неудачи на фронте пугают самого Гиммлера, и он с удовольствием избавился бы от должности командующего, Гудериан предложил:

— Мне кажется, вам следует отказаться от должности командующего группой армий и заняться выполнением других своих обязанностей.

— Об этом я не могу сказать фюреру. Он не даст своего согласия.

— Тогда, разрешите, я скажу ему об этом.

Гиммлер согласился. В тот же вечер Гудериан убедил Гитлера, что Гиммлер не очень-то успешно командует группой армий «Висла» и многие неудачи происходят только потому, что он не компетентен в военном отношении. Гитлер дал согласие на его замену. Командующим группой армий был назначен генерал-полковник Хейнрици.

Таким образом, у маршала Жукова появился новый соперник.

Завершив мы тот визит в распоряжение гитлеровского командования двумя очень характерными эпизодами, как бы подводящими итог победной Висло-Одерской операции маршала Жукова.

У Гитлера был свой давно уже установившийся распорядок работы. Он спал до полудня, работать любил ночью. Совещания проводил допоздна. А совсем за полночь сидел со своими приближенными, адъютантами, секретаршами и рассуждал на всевозможные отвлеченные темы, демонстрируя свою, как он полагал, глубочайшую эрудицию. В первые годы войны присутствовать на таких беседах считалось делом весьма престижным, и все, кто попадал в это окружение Гитлера, считали себя счастливыми. Но позднее, когда пошла полоса неудач, особенно после Сталинграда, Гитлер на некоторое время даже прекратил эти «посиделки». Но и теперь иногда собирал

наиболее приближенных к нему соратников и беседовал с ними до глубокой ночи. А потом отправлялся спать до 11—12 часов дня, и никто не смел его беспокоить, когда он отдыхал. И только однажды, 31 января 1945 года, был нарушен этот распорядок. Рано утром, когда Гитлер еще почивал, к нему вошел, а точнее вбежал в спальню Борман. Только Борман, этот самый близкий к Гитлеру и его доверенный партайгеноссе, мог решиться на такую дерзость. Итак, он вбежал в спальню, и как только Гитлер открыл глаза, воскликнул:

— Мой фюрер! Советские танковые соединения форсировали Одер вблизи Врицена. Они двигаются на Берлин!

Вот какой переполох наделал маршал Жуков в ставке Гитлера своим занятием плацдармов на Одере.

Дальше, как читатели уже знают, были и контрудары по плацдармам, и попытка отрезать передовые войска Жукова мощным ударом группы армий «Висла», и бои под Будапештом ради сохранения источников нефти, так необходимых гитлеровской армии. Автором этих планов был Гудериан, и многие из своих предложений он продвигал, как говорится, «с боем»: Гитлер не всегда с ним соглашался. И вот когда все эти планы закончились провалом, Гитлер решил расстаться с Гудерианом. Поводом послужил разговор, который состоялся 27 марта в бункере Гитлера. Очередная операция по ликвидации советского плацдарма в районе Кюстрина окончилась неудачей. Гитлер упрекал за неудачи командующего 9-й армией генерала Буссе. На этом совещании Буссе не было. Гитлер сказал:

— В первую мировую войну во Фландрии расходовалось для такой же операции в десять раз больше артиллерийских боеприпасов.

Гудериан пытался защитить генерала Буссе:

— Но Буссе не располагал большим количеством боеприпасов, а потому и не мог израсходовать больше того, что у него было.

— Тогда вам следовало бы об этом позаботиться!

Гудериан привел цифры, которые показывали, что находится в его распоряжении. Он отдал все, что мог, генералу Буссе.

— Тогда виноваты войска! — воскликнул Гитлер.

— Обе дивизии, которые участвовали в этой операции, понесли очень большие потери. Это говорит о том, что солдаты с величайшей храбростью выполняли свой долг, — вставил Гудериан.

Гитлер прервал на этом разговор и не стал больше спорить. Гудериан вернулся в расположение своего штаба в Цоссене.

На вечерний доклад он к Гитлеру не поехал, послал Кребса. У него не было ни малейшего желания продолжать эти совершенно, как он считал, ненужные препирательства. Гудериан попросил Кребса, чтобы он после доклада об обстановке доложил Гитлеру о намерении Гудериана выехать в район Франкфурта-на-Майне, где американские войска форсировали Рейн и тоже захватили большой плацдарм. Вернувшись после доклада Гитлеру, Кребс сообщил, что фюрер не разрешил Гудериану выезд во Франкфурт-на-Майне.

28 марта на доклад к Гитлеру прибыл Гудериан, и сюда же был вызван генерал Буссе. Гитлер приказал генералу Буссе первым сделать доклад об обстановке. Но не успел тот сказать и нескольких фраз, как Гитлер тут же прервал его и стал упрекать в неудачах, опять-таки заявляя, что одной из причин был малый расход боеприпасов.

Гудериан не выдержал, он считал, что вчера уже все было разъяснено и незачем это все снова поднимать:

— Разрешите прервать вас. Вчера я обстоятельно докладывал как в устной, так позже и в письменной форме, что генерал Буссе не виноват в неуспехе наступления под Кюстрином. 9-я армия использовала все боеприпасы, которыми она располагала. Войска выполнили свой долг.

Об этом говорят их слишком большие потери. Поэтому я прошу не делать генералу Буссе никаких упреков.

Наступило молчание, которое Гитлер прервал спустя некоторое время:

— Я прошу всех, кроме генерал-полковника, покинуть помещение!

Все быстро вышли из кабинета Гитлера. Фюрер продолжил:

— Генерал-полковник Гудериан! Ваше здоровье говорит о том, что вы нуждаетесь в немедленном шестинедельном отдыхе!

Гудериан вскинул руку в гитлеровском приветствии и громко отчеканил:

— Я ухожу в отпуск! — и пошел к двери.

Однако, когда он дошел до двери, Гитлер сказал:

— Пожалуйста, оставайтесь же до окончания доклада.

Гудериан вернулся на свое место, были приглашены другие участники совещания, и доклад об обстановке продолжился. Больше Гитлер никаких выпадов в адрес генерала Буссе не допускал. Для того, чтобы смягчить обстановку и показать, что ничего особенного не произошло, Гитлер несколько раз спрашивал мнение Гудериана по поводу обсуждавшихся вопросов.

После завершения совещания в кабинете остались Гудериан, Кейтель, Йодль и Бургдорф. Гитлер сказал, пытаясь сгладить размолвку:

— Пожалуйста, подумайте о восстановлении своего здоровья. За шесть недель обстановка станет критической. Тогда вы мне и будете особенно нужны. Куда вы хотите поехать?

Кейтель посоветовал:

— Поезжайте в Бад-Либенштейн. Там так прекрасно.

— Там уже американцы, — сердито буркнул Гудериан.

— Ну, тогда в Гарц, в Бад-Заксель, — как ни в чем не бывало предложил заботливый фельдмаршал.

— Благодарю вас, фельдмаршал. Я как-нибудь сам

выберу место для отдыха. Причем такое, какое противнику не удастся занять в течение сорока восьми часов.

Подняв еще раз руку для приветствия, Гудериан вышел из кабинета фюрера.

На том служба одного из многолетних, очень опытных противников маршала Жукова закончилась. Больше он в руководстве боевыми действиями не участвовал. 10 мая после подписания безоговорочной капитуляции Гудериан сдался в плен американцам.

Приближалось время завершающего сражения в этой войне — Берлинской операции, поэтому нам пора вернуться в расположение наших войск.

НА ПОДСТУПАХ К ПОБЕДЕ

Само слово история, суть его, по определению энциклопедий, происходит от греческого, которое в первоначальном смысле означает расследование, в более широком значении — установление и объяснение фактов прошлого. Я бы добавил — и описание, потому что мало «установить» и «объяснить», надо еще все это изложить на бумаге — описать. А это, как известно, очень непростое дело. Вот словесное изложение прошлых событий и есть — история.

Родоначальник исторической науки Геродот, начиная свой девятикнижный труд, так определяет смысл и задачи своего творения:

«Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвенье и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в без-

вестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом».

Так, за пять веков до нашей эры великий мыслитель Геродот полно и точно определил задачи и смысл науки истории. В его словах есть все ориентиры, определившие на многие века (вплоть до сегодняшних дней), чем и как должны заниматься историки. Во-первых, собрать все сведения. В подлиннике приведенной выше цитаты сказано: «изложение сведений, полученных путем расспросов». Затем Геродот собранное «записал», причем не все подряд, а «великие» и «удивления достойные деяния». Значит, история не собирание всех прошедших событий, а отобранные и достойные сохранения в памяти человечества деяния, имевшие значение и влияние в прошлой жизни.

Очень важное на все времена пожелание мудрого «отца истории» об объективности суждений, и сам он дает пример этой непредвзятости, излагая дела «как эллинов, так и варваров», объясняя при этом, почему они так поступали.

Не случайно начинаю я главу о Берлинской операции с таких предварительных рассуждений. Собрал и перечитал я очень много книг, документов, исследований и разных статей в журналах и газетах. И первое, что пришло мне в голову после изучения всего этого, было: «Изреченное слово — есть ложь».

Не помню точно, где я прочитал это мудрое выражение — то ли в Библии, то ли в каком-то сборнике пословиц и поговорок.

Вспомнил я эти слова потому, что многое из прочитанного не соответствовало рекомендациям Геродота. Пишут все об одном — о Берлинском сражении, говорят об одних рубежах, где велись боевые действия, одно у всех время, количество войск, направление атак и контратак. А в целом получается не только разное, но иногда прямо противоположное описание и особенно выводы и

оценки. Бывшие союзники американцы и англичане говорят одно, бывшие враги — другое (ну, от них иного и ожидать нельзя). Но самое удивительное — наши доморощенные авторы и даже участники событий пишут поразному.

Вот и всплеснулось в моей уставшей голове: «Изреченное слово — есть ложь». Я имею в виду не умышленное вранье, а добросовестные, с клятвенным обещанием писать правду творения различных авторов.

Почему и как произошли искажения, отступления от действительности? Причины разные. Ограниченность знаний, материалов или вообще — мышления, личные амбиции, симпатии или антипатии, партийные, идейные взгляды и многое другое руководит пером или авторучкой, скользящей по бумаге. Вот и получается иногда объективная правда у человека в голове, он ее знает полную и точную, пока она не высказана. А как легла на бумагу, тут на пути от головы до ручки (клавишей машинки или магнитофона) происходит трансформация изрекаемого слова в ложь. Если человек заблуждается или ошибается по причине неполного знания фактов, то можно понять и простить. Но я говорю об изречении того, что не соответствует подлинным знаниям самого автора.

А теперь приведу один конкретный текст о Берлинской операции, подтверждающий вышесказанное. Начнем с самых первых импульсов — как рождался замысел этого великого сражения?

Мы уже не раз обнаруживали желание некоторых военных «потянуть на себя одеяло». С авторством плана Берлинской операции произошло то же.

О Берлинской битве написано, пожалуй, больше, чем о каком-то другом сражении. Наиболее достоверным и компетентным, на мой взгляд, является написанное главными действующими лицами этого исторического события — маршалами Жуковым и Коневым.

Придется мне приводить длинные цитаты, но без них не обойтись.

Итак, в 1972 году маршал Конев опубликовал «Записки командующего фронтом». Обратите внимание на дату и на то, что книга вышла при жизни автора. В главе, посвященной Берлинской операции, Конев пишет следующее:

«Первого апреля 1944 года в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г.Г.Жуков и я. Сталин принял нас, как обычно, в Кремле, в своем большом кабинете с длинным столом и портретами Суворова и Кутузова на стене. Кроме И.В.Сталина присутствовали члены Государственного Комитета Обороны, начальник Генерального штаба А.И.Антонов и начальник оперативного управления С.М.Штеменко.

Едва мы успели поздороваться, Сталин задал вопрос:

— Известно ли вам, как складывается обстановка?

Мы с Жуковым ответили, что по тем данным, которыми располагаем у себя на фронтах, обстановка нам известна. Сталин повернулся к Штеменко и сказал ему:

— Прочтите им телеграмму.

Штеменко прочел вслух телеграмму, существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Советской Армии.

После того как Штеменко дочитал до конца телеграмму, Сталин обратился к Жукову и ко мне:

— Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил:

— Берлин будем брать мы, и возьмем его раньше союзников.

— Вон какой вы, — слегка усмехнувшись, сказал Сталин и сразу в упор задал мне вопрос по существу: — А как вы сумеете создать для этого группировку? У вас главные силы находятся на вашем южном фланге, и вам, по-

видимому, придется производить большую перегруппировку.

Я ответил на это:

— Товарищ Сталин, можете быть спокойны: фронт проведет все необходимые мероприятия, и группировка для наступления на берлинском направлении будет создана нами своевременно.

Вторым отвечал Жуков. Он доложил, что войска готовы взять Берлин. 1-й Белорусский фронт, густо насыщенный войсками и техникой, был к тому времени прямо нацелен на Берлин, и притом с кратчайшего расстояния.

Выслушав нас, Сталин сказал:

— Хорошо. Необходимо вам обоим здесь, прямо в Москве, в Генштабе, подготовить свои планы и по мере готовности, через сутки-двое, доложить о них Ставке, чтобы вернуться к себе на фронты с уже утвержденными планами на руках.

Верховный Главнокомандующий предупредил, что Берлин надо взять в кратчайший срок, поэтому время на подготовку операции весьма ограничено.

Мы работали немногим более суток. Все основные соображения, связанные с предстоящей операцией, у Жукова, как у командующего 1-м Белорусским фронтом, были уже готовы. У меня тоже ко времени вызова в Ставку сложилось представление о том, как перегруппировать войска 1-го Украинского фронта с южного на берлинское направление и спланировать операцию.

Работали мы в Генштабе над своими планами каждый отдельно, но некоторые возникавшие и требовавшие согласования вопросы обсуждали вместе с руководящими работниками Генштаба. Речь шла, разумеется, не о деталях, а о вещах сугубо принципиальных: об основных направлениях, о планировании операции во времени и о сроке ее начала. Срок начала операции нас особенно беспокоил».

Из этого рассказа отметим несколько обстоятельств: вопрос о том, кто и как будет брать Берлин, ранее не поднимался, план Берлинской операции разрабатывали Конев, Жуков и генштабисты. Вернее, маршалы включили свои ранее сделанные разработки в единый план и согласовали некоторые общие вопросы. Происходило это в ночь с 1-го на 2 апреля, Конев указывает точную дату: «2 апреля утром мы явились в Ставку с готовыми для доклада планами».

Его, опытного военачальника, не смущает тут легкость и быстрота, с которой был создан план сложнейшей операции. Сам он в других операциях со своим штабом тратил на такую работу месяц и более. Главный подтекст в этом описании заключается в том, что он, маршал Конев, разрабатывал вместе со Сталиным, Жуковым и Антоновым план Берлинской операции. И даже первым (как он утверждает) уверял Верховного, что Берлин будет взят раньше, чем к нему подойдут союзники. «Вторым отвечал Жуков», — еще раз подчеркивает Иван Степанович.

Теперь считаем, что по этому поводу пишет Жуков. В своей книге, в главе, предшествующей рассказу о Висло-Одерской операции, маршал отметил следующее:

«В конце октября и начале ноября 1944 года мне пришлось по заданию Верховного Главнокомандующего основательно поработать над основными вопросами завершающей компании войны, и прежде всего над планами операций на берлинском направлении».

Жуков являлся заместителем Верховного и в соответствии со своим служебным положением и по прямому поручению Сталина делал такие разработки вместе с Генеральным штабом.

7 марта Сталин еще раз вызывает Жукова с фронта. Они встретились на даче Сталина. Верховный рассказал Жукову о Ялтинской конференции. Но главное, для чего он вызвал маршала с фронта, было:

— Поезжайте в Генштаб и вместе с Антоновым посмотрите расчеты по Берлинской операции, а завтра в 13 часов встретимся здесь же.

Остаток дня и добрую половину ночи мы с А.И.Антоновым просидели у меня в кабинете...

Мы еще раз рассмотрели основные наметки плана и расчеты на проведение Берлинской стратегической операции, в которой должны были участвовать три фронта. Поскольку об этом в Ставке и Генштабе неоднократно говорилось, мы сделали лишь уточнения в связи с затяжкой операции в Восточной Пруссии, в районе Данцига и в Прибалтике.

На следующее утро Верховный позвонил А.И.Антонову и передал, чтобы мы приехали не в 13, а в 20 часов.

Вечером при обсуждении вопроса о Берлинской операции присутствовал ряд членов Государственного Комитета Обороны. Докладывал А.И.Антонов.

Верховный Главнокомандующий утвердил все наши предложения и приказал дать фронтам необходимые указания о всесторонней подготовке решающей операции на берлинском стратегическом направлении».

Но и этим Сталин не ограничился при разработке плана Берлинской операции. Через некоторое время Жуков опять пишет в своей книге:

«29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отрабатывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И.В.Сталин вызвал меня к себе в кремлевский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на Западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку, Верховный продолжал:

— Думаю, что драка предстоит серьезная...

Потом он спросил, как я расцениваю противника на Берлинском направлении.

Достав свою фронтовую разведывательную карту, я положил ее перед Верховным. И.В.Сталин стал внимательно рассматривать всю оперативно-стратегическую группировку немецких войск на берлинском стратегическом направлении...

— Когда наши войска могут начать наступление? — спросил И.В.Сталин.

Я доложил:

— 1-й Белорусский фронт может начать наступление не позже чем через две недели. 1-й Украинский фронт, видимо, также будет готов к этому сроку. 2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

— Ну что ж, — сказал И.В.Сталин, — придется начать операцию, не ожидая действий фронта Рокоссовского. Если он и запоздает на несколько дней — не беда...

...Подойдя к письменному столу, он позвонил А.И.Антонову и приказал ему тотчас прибыть.

Через 15 минут А.И.Антонов был в кабинете Верховного.

— Как идут дела у Рокоссовского?

А.И.Антонов доложил обстановку и ход боевых действий в районе Данцига и Гдыни, после чего Верховный осведомился о положении дел у А.М.Василевского в районе Кенигсберга.

Алексей Иннокентьевич доложил обстановку на 3-м Белорусском фронте.

Обратившись к А.И.Антонову, Верховный сказал:

— Позвоните Коневу и прикажите 1 апреля прибыть в Ставку с планом операции 1-го Украинского фронта, а эти два дня поработайте с Жуковым над общим планом».

И Конев прибыл 1 апреля в Ставку (когда план операции был разработан), а через несколько десятков лет написал то, что вы прочитали в приведенном мною отрывке из его мемуаров. Получилось то самое «изреченное слово», о котором было рассуждение в начале главы. Там же были высказаны предположения, почему так происходит. Если бы маршал Конев не знал о встречах Жукова со Сталиным, о его работе как заместителя Верховного над планом Берлинской операции, тогда можно было бы посчитать написанное им в воспоминаниях досадной неосведомленностью. Но беда в том и заключается, что книга Конева вышла в 1972 г., после публикации воспоминаний маршала Жукова в 1969 г., и все приведенные выше цитаты из нее о разработке Берлинской операции Иван Степанович, конечно же, читал.

Чем же тогда объяснить поведение Конева? Тем же, чем объясняется его очень неприличная статья в газете «Правда», обливавшая Жукова грязью после Октябрьского пленума 1957 года. (Желающие могут ознакомиться с этой статьей в приложениях к моей книге «Опала»). Личную неприязнь к Жукову (который, к слову сказать, не раз спасал его от расстрела), свои амбиции маршал Конев поставил выше исторической правды, и это не делает ему чести. Но я ни в коем случае не намерен приуменьшать его полководческих заслуг. Просто этим примером

мне хочется еще раз подчеркнуть — все, что писалось о Жукове после 1957 года, следует рассматривать с поправкой на русскую пословицу об «изреченном слове». Хотелось бы, чтобы читатели, как старшего поколения, так и особенно более молодые, помнили об этом.

А что касается Берлинской операции, то в исторических очерках, художественной литературе и особенно в статьях перестроечного периода «изреченная ложь» просматривается невооруженным глазом.

Я бы не хотел, чтобы все рассуждения об «изреченном слове» были восприняты как заявка на мою непогрешимость, как-то, что мое слово является истиной в последней инстанции. Нет, и я грешен, определенный субъективизм, несомненно, имеет место и в моем повествовании. Но у меня — в положительную сторону. Ведь он порождается большой любовью и уважением к Георгию Константиновичу. Если мое слово кое-где превращается в «ложь», то она чистая, как говорят, «во спасение», нечто вроде перебора, допускаемого в речах и статьях в дни юбилеев. А у Жукова, кстати, 1996 год юбилейный — 100 лет со дня рождения. Так что не претендую на исключение из общего правила и обращаюсь ко всем доброжелателям маршала Жукова с очень старой шуткой: прошу извинить за доставленное удовольствие.

Ну, а теперь вперед, на Берлин

Описать весь ход боевых действий в этой крупнейшей стратегической операции, завершающей Великую Отечественную войну, в коротком художественном повествовании нет возможности, да и нет надобности. Моя задача более прицельна и конкретна — показать полководческое искусство Жукова.

За ту операцию маршала подвергали не только критике, но и развенчанию, обвиняли в отсутствии таланта, в прямолинейности, огромных потерях, недопустимых и ненужных за несколько дней до конца войны, в самолюбивой амбициозности, что проявилось в соперничестве с

Коневым за лавры покорителя немецкой столицы и стоило большой солдатской крови. И еще во многом другом, и, как это бывало уже много раз, все эти наветы были надуманны, лживы и преследовали одну цель — опорочить великого полководца.

* * *

Обе воюющие стороны готовились к последнему, решительному сражению. Гитлеровское командование стянуло на Берлинское направление все, что было возможно: 48 пехотных, 4 танковые, 10 моторизованных дивизий, 37 отдельных пехотных полков, 98 отдельных пехотных батальонов и другие формирования. Эти части были объединены в две группы армий — «Висла» (в нее входили 3-я танковая и 9-я армии), группа армий «Центр» (в нее входили 4-я танковая и 17-я полевая армии). Всего в этих соединениях насчитывалось боле 1 миллиона человек, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 самолетов. Комендантом обороны Берлина был назначен генерал-лейтенант Рейман, а верховным комиссаром, на которого возлагалась главная ответственность за оборону столицы, Гитлером был назначен самый близкий ему человек — Геббельс.

Генерал Рейман издал 9 марта 1945 года специальный приказ по подготовке обороны имперской столицы.

С присущей ему энергией Геббельс взялся за организацию отрядов фольксштурма, вооружая их фауст-патронами для борьбы с советскими танками. Он даже приступил к формированию женских батальонов, утверждая, что поступает очень много рапортов от женщин-патриоток, которые хотели бы отдать все силы защите столицы... Геббельс считал, что создавшаяся ситуация похожа на ту, в какой оказалась советская армия, когда гитлеровские войска готовы были взять Москву. Он решил использовать опыт советской армии, для чего вызвал к себе одного из

«защитников Москвы» — генерала Власова. Состоялась продолжительная беседа. Геббельс спрашивал совета, как лучше оборонять Берлин. И Власов такие советы дал.

Позднее Геббельс рассказал о своей беседе с Власовым Гитлеру, и тот похвалил его за то, что он использует опыт русских по обороне столицы, поддержал его затею создания женских батальонов. Гитлер сказал:

— Наша задача сейчас должна заключаться в том, чтобы при всех обстоятельствах выстоять на ногах. Кризис в лагере противника хотя и возрастает до значительных размеров, но вопрос все же заключается в том, произойдет ли взрыв до тех пор, пока мы еще кое-как в состоянии обороняться. А это и является предпосылкой успешного завершения войны. Чтобы кризис взорвал лагерь противника до того, как мы будем разбиты.

В период боев за Москву гитлеровское командование и тот же Геббельс были очень невысокого мнения о советских военачальниках, они называли их бездарными, считали, что война идет к концу, и то, что эти военачальники ее так быстро проиграли, как раз и свидетельствует об их бездарности. А вот теперь, готовясь к обороне Берлина, Геббельс запросил данные о советских генералах и, ознакомившись с представленными ему материалами, сделал следующую запись в своем дневнике:

«Мне представлено генштабом досье, содержащее биографии и портреты советских генералов и маршалов... Эти маршалы и генералы почти все не старше 50 лет. С богатой политико-революционной деятельностью за плечами, убежденные большевики, исключительно энергичные люди, и по их лицам видно, что они хорошего народного корня... Словом, приходится прийти к неприятному убеждению, что военное руководство Советского Союза состоит из лучшего, чем наш, класса».

Таким образом, Геббельс довольно объективно судит по конкретным делам о наших военачальниках. В начале войны он и в грош не ставил, потому что они допустили

противника до Москвы, а теперь дает им весьма высокую оценку, потому что они, преодолев все трудности, привели свои победные армии под стены Берлина.

Геббельс понимал, как трудно фюреру, поэтому он всячески пытался поддержать его слабеющий моральный дух. Для этого он рассказывал ему о ситуациях, в которых оказывался Фридрих Великий — любимый исторический персонаж Гитлера. И в частности, он обрисовал ему наиболее критический момент в жизни Фридриха Великого, когда тот из-за постигших его неудач был готов покончить жизнь самоубийством. Тогда один из приближенных предсказал Фридриху: «подожди немного, и дни твои страданий останутся позади. Солнце твоего счастья за тучами, скоро оно озарит тебя». И предсказание сбылось. Неожиданно скончалась русская царица Елизавета, и это спасло Фридриха от окончательного позорного разгрома в Семилетней войне. Рассказывая Гитлеру эту историю, Геббельс поддерживал его надежду на какое-то чудо, которое, собственно, сам Гитлер и изобрел: надежду на то, что союзники скоро перессорятся, и то спасет Германию.

И надо же случиться такому совпадению: через несколько дней после этой беседы с Гитлером действительно свершилось «историческое чудо». Геббельс, восторженный, сияющий, вбежал в кабинет Гитлера и радостно прокричал:

— Мой фюрер! Я поздравляю вас. Чудо свершилось! Умер президент Рузвельт!

В ставке Гитлера был настоящий праздник. Пили шампанское, все поздравляли фюрера с тем, какой он провидец, потому что считали смерть Рузвельта тем поворотным пунктом, о котором не раз говорил Гитлер. Фюрер звонил командующим армиями, другим высокопоставленным подчиненным, чтобы срочно сообщить об этой радостной вести, чтобы она и их вдохновила на более активную деятельность.

Радость Гитлера не была беспочвенной, потому что приход Трумэна к власти действительно сулил перемены к лучшему. В Германии были известны слова, сказанные Трумэном еще в июне 1941 года: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше...»

На следующий же день после похорон Рузвельта Трумэн собрал совещание, на котором присутствовали военные руководители и финансовые магнаты. Трумэн сказал, что необходимо изменить политику Рузвельта и искать какие-то компромиссы для сохранения Германии. Он очень опасался, что победное завершение войны Советским Союзом превратит Европу в коммунистический материк. Трумэн заявил: «Русские скоро будут поставлены на место, и тогда США возьмут на себя руководство движением мира по пути, по которому следует его вести». Однако приступить немедленно к конкретному осуществлению этой новой своей линии Трумэн не мог. Об этом очень хорошо сказал американский историк Д.Толланд: «Даже если у Трумэна было намерение, например, решительнее выступить против России, это было бы чрезвычайно трудно сделать — подавляющее большинство американского народа поддерживало рузвельтовскую политику дружбы с Россией». Играло определенную роль и то обстоятельство, что Соединенным Штатам еще предстояло непростое завершение войны с Японией. А согласно договоренности, достигнутой в Ялте, Советский Союз обещал объявить войну Японии после разгрома гитлеровской Германии. И чтобы не потерять эту мощную и реальную силу своего союзника, Трумэн вынужден был пока держать свои недружелюбные отношения к СССР в секрете.

Итак, наступил день решающего сражения.

16 апреля ночью Жуков выехал на наблюдательный пункт командующего 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова, откуда он решил руководить войсками. По дороге Жуков заехал к командующему 1-й гвардейской танковой армией генералу Катукову, еще раз убедился в полной готовности этой армии к выполнению поставленной задачи. Затем Жуков побывал у командующего 2-й гвардейской танковой армией генерала Богданова. И здесь все было в порядке. Прибыв на командный пункт Чуйкова, маршал по телефону еще раз убедился в полной готовности войск к сражению. Последние минуты, как вспоминает Жуков, были особенно томительными. И хотя генералы для успокоения попили чайку, внутреннее их волнение без труда можно представить.

В 5 часов утра словно небо рухнуло на землю, в одно мгновение загрохотали залпы, а затем и разрывы тысяч и тысяч снарядов: так началась артиллерийская подготовка. Через некоторое время над этой грохочущей огненной вздыбленной землей пошли волны авиационных соединений. В течение 30 минут на позиции противника обрушилось неимоверное количество снарядов (достаточно сказать, что эти боеприпасы были привезены в 2450 вагонах). Всего было произведено 1236 тыс. артиллерийских выстрелов. Это почти по одному снаряду на каждого оборонявшегося в Берлинской группировке противника.

Жуков, наблюдая за артиллерийской подготовкой и не видя ответных огневых действий противника, принял решение сократить артиллерийскую подготовку до 30 минут. Что и было сделано. После того, как огневой вал стал продвигаться в глубину обороны противника, поднялись в атаку пехота с танками. И в это время вспыхнули 140 прожекторов, расположенных в двухстах метрах

один от другого. Жуков рассчитывал на внезапность этого моря света, которое должно было не только ослеплять противника и освещать дорогу нашим войскам, но главным образом воздействовать на психику врага как нечто непонятное, необъяснимое, как какое-то новое оружие, которое должно испугать, морально подавить противника. Я думаю, Жуков решил применить эти прожекторы, используя свой опыт боев под Халхин-Голом. Там случился очень неприятный эпизод, когда японские танки пошли в атаку с включенными фарами и дополнительными прожекторами, установленными на башнях. Тогда то непонятное и неожиданное для наших войск освещение в ночном бою имело очень выгодный для японцев психологический эффект. Наши обороняющиеся части поддались панике и бросили свои позиции. Положение было Жуковым восстановлено путем введения в контратаку танковых бригад. Но эффект психологического воздействия Жуков запомнил и решил здесь, на завершающем этапе войны, использовать подобное для подавления противника и уменьшения потерь в своих войсках.

Однако применение прожекторов оценивается военными специалистами по-разному. Одни считают, что они действительно морально подавили противника, ослепили его, другие говорят, что тот свет не принес должного эффекта, потому что поднимавшаяся при артиллерийской подготовке пыль, земля, дым представляли собой такую плотную стену, что свет прожекторов ее не пробивал. Сам Жуков с восхищением записывает свое впечатление: «Более 100 миллиардов свечей освещали поле боя, ослепляя противника и выхватывая из темноты объекты атаки для наших танков и пехоты. То была картина огромной впечатляющей силы, и, пожалуй, за всю свою жизнь я не помню подобного зрелища!»

Следуя за двойным огненным валом, наша пехота и танки к рассвету овладели первой позицией противника. Однако наши войска, к своему удивлению, не обнаружи-

ли множества трупов, как это ожидалось под таким шквальным артиллерийским огнем. Противник, предвидя мощную артиллерийскую подготовку, отвел свои главные силы в глубину обороны. Это было не только большой неожиданностью, но и неприятностью для Жукова. Войска продолжали движение вперед, но встречали все большее сопротивление. А с выходом к Зееловским высотам продвижение наших войск вообще застопорилось.

Как позже выяснилось, главный рубеж обороны противника был построен именно здесь, на Зееловских высотах. Крутые склоны этих высот стали очень трудным препятствием на пути прежде всего танков, да и пехоты. А обширное плато за этими высотами скрывало построение системы обороны в глубине и артиллерийские позиции противника. Жуков пишет: «К 13 часам я окончательно понял, что огневая система обороны противника здесь в основном уцелела, и в том боевом построении, в котором мы начали атаку и ведем наступление, нам Зееловских высот не взять».

Жуков почувствовал, что его замысел рушится. Не получилось сплошного безостановочного движения в сторону Берлина. Атака захлебывалась на первых же километрах. Однако, понимая, что в его распоряжении находятся огромные силы, которые в состоянии проломить любую оборону, Жуков принял решение ввести две танковые армии в первый же день сражения, хотя этот ввод и планировался после того, как тактическая оборона противника будет прорвана и танки получат возможность для действия в оперативной глубине. Принимая такое решение, Жуков шел на огромный риск и взваливал на себя ответственность за неизбежные потери при применении танков в условиях непрорванной траншейной обороны противника.

Более того, Жуков принял решение о вводе в бой двух танковых армий без доклада Верховному Главнокомандующему. Он опасался, что если об этом доложить, Ста-

лин не разрешит ему ввод в действие этих армий. Но Жуков не мог допустить своего отставания от соседа слева — Конева. И, видимо, это сыграло немалую роль в его отчаянном применении танковых армий в первый же день сражения.

Только в 3 часа дня Жуков доложил Сталину о том, что:

— Первая и вторая позиции обороны противника прорваны. Войска фронта продвинулись до 6 километров, но встретили серьезное сопротивление на рубеже Зееловских высот, где, видимо, уцелела в основном оборона противника. Для усиления удара общевойсковых армий мною введены в сражение обе танковые армии. Считаю, что завтра к исходу дня мы прорвем оборону противника.

Сталин выслушал этот доклад, спокойно сказал:

— У Конева оборона противника оказалась слабей. Он без труда форсировал реку Нейсе и продвигается вперед без особого сопротивления. Поддержите удар своих танковых армий бомбардировочной авиацией. Вечером позвоните, как у вас сложатся дела.

Нетрудно отметить, что Сталин и в этом случае подогревал самолюбие Жукова, рассказывая об успешном продвижении войск Конева.

Бои за Зееловские высоты продолжались безуспешно. Войска не могли преодолеть этот тяжелый рубеж. С вводом в бой двух танковых армий произошло скопление войск на дорогах и, поскольку ввод этих армий на первом этапе не предусматривался, нарушилось взаимодействие со стрелковыми частями и соединениями. Вот что пишет в своем донесении командир 79-го стрелкового корпуса генерал Переверткин:

«18.4.45 г. в районе г. дв. Меглин скопились три танковые бригады. В 19.30 18.4.45 г. прибыл в этот район; я приказал в 21.00 подготовить артогонь и пехоту для атаки противника. Через начальника штаба 23 тбр 9 тк Катырлова я передал приказание командиру бригады подгото-

вить бригаду и совместно с пехотой смять противника и войти в прорыв.

Командир бригады Морозов мой приказ не выполнил, и, несмотря на то, что пехота атаковала противника в течение всей ночи, наступала и продвинулась на 5 км, танки в прорыв не вошли.

В 2.00 я приказал разыскать еще раз любого командира бригады. В 4.00 был найден командир 65 тбр 9-го гвардейского танкового корпуса подполковник Максимов, который отказался явиться ко мне для увязки вопросов взаимодействия.

В течение трех суток боев пехота прошла 26 км непрерывными боями, и в течение этого времени танки все время болтались сзади боевых порядков пехоты».

Вечером, как и приказывал Верховный, Жуков докладывал ему о результатах того дня. Доклад был не из приятных: Зееловские высоты не взяты. Но Жуков обещал взять этот рубеж на следующий день к вечеру.

Сталин на этот раз говорил с Жуковым далеко не спокойно:

— Вы напрасно ввели в дело 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской армии, а не там, где требовала Ставка. Есть ли у вас уверенность, что завтра возьмете Зееловский рубеж?

Жуков, стараясь быть твердым, ответил:

— Завтра, 17 апреля, к исходу дня оборона на Зееловском рубеже будет прорвана. Считаю, что чем больше противник будет бросать своих войск навстречу нашим войскам здесь, тем быстрее мы возьмем затем Берлин, т.к. войска противника легче разбить в открытом поле, чем в городе.

— Мы думаем приказать Коневу двинуть танковые армии Рыбалко и Лелюшенко с юга, а Рокоссовскому ускорить форсирование и тоже ударить в обход Берлина с севера.

Танковые армии Конева имеют полную возможность быстро продвигаться, и их следует направить на Берлин,

а Рокоссовский не сможет начать наступление ранее 23 апреля, т.к. задержится с форсированием.

Сталин не стал больше говорить с Жуковым, не поставил ему никаких задач, а сухо сказал: «До свидания». И повесил трубку.

Жуков явно нервничал. Боевые действия складывались не по намеченному плану. Его настроение видно и из приказа войскам, который он отдал к исходу 17 апреля.

**Приказ командующего войсками
1-го Белорусского фронта всем командующим армиями
и командирам отдельных корпусов
о необходимости устранения недостатков
и активизации наступательных действий на Берлин**

17 апреля 1945 г. 20.30

1. Хуже всех проводят наступательную Берлинскую операцию 69-я армия под командованием генерал-полковника Колпакчи, 1 ТА под командованием генерал-полковника Катукова и 2 ТА под командованием генерал-полковника Богданова.

Эти армии, имея колоссальнейшие силы и средства, второй /день/ действуют неумело и нерешительно, топчась перед слабым противником.

Командарм Катуков и его командиры корпусов Юшук, Дремов, Бабаджанян за полем боя и за действием своих войск не наблюдают, отсиживаясь далеко в тылах (10—12 км). Обстановки эти генералы не знают и плетутся в хвосте событий.

2. Если допустить медлительность в развитии Берлинской операции, то войска истощатся, израсходуют все материальные запасы, не взяв Берлина.

Я требую: А) Немедля развить стремительность наступления. 1-й и 2-й танковым армиям и 9 тк прорваться

при поддержке 3, 5 и 8-й гв.армий в тыл обороны противника и стремительно продвинуться в район Берлина.

Все крупные населенные пункты и узлы дорог обходить, имея в виду, что в этих местах противник будет иметь сильную ПТО. Танковым армиям не разбрасываться по фронту и действовать кулаком.

Б) Всем командирам находиться на НП командиров корпусов, ведущих бой на главном направлении, а командирам корпусов находиться в бригадах и дивизиях первого эшелона на главном направлении.

Нахождение в тылу войск категорически запрещено.

В) Всю артиллерию, в том числе БМ, подтянуть к первому эшелону и держать ее не далее 2-3 км за эшелоном, ведущим бой.

Действия артиллерии концентрировать на те участках, где решается задача на прорыв.

3. Иметь в виду, что до самого Берлина противник будет сопротивляться и цепляться за каждый дом и куст, а потому танкистам, самоходчикам и пехоте не ждать, пока артиллерия перебьет всех немцев и предоставит удовольствие двигаться по чистому пространству.

4. Бейте беспощадно немцев и двигайтесь вперед днем и ночью на Берлин, тогда Берлин будет очень скоро наш.

Жуков
Телегин.

Вспоминая свой недавний успех в Висло-Одерской операции, Жуков решил и здесь воспользоваться опытом удачного применения передовых отрядов. Он приказал армиям выбросить в тыл противника отряды небольшой численности с задачей занимать переправы, узлы дорог, создавать панику в расположении противника, разрушать узлы связи, нарушать управление войсками противника. Этот приказ был выполнен. Но заслать отряды в условиях, когда оборона противника очень плотная, было не

так просто. К тому же действия этих отрядов в тылу оказались очень затруднены, потому что до самого Берлина все пространство было занято артиллерийскими позициями и резервами, которыми еще располагал противник. Так что желание Жукова помочь наступающим войскам действиями передовых отрядов в тылу в той операции успеха почти не принесло.

В те дни (и позже) Жуков, анализируя ситуацию, которая сложилась 16 и 17 апреля, искал ошибки и просчеты. Но несмотря на то, что просчеты, объективно говоря, все-таки были, Жуков пишет так:

«Ошибок не было. Однако следует признать, что нами была допущена оплошность, которая затрудняла сражение при прорыве тактической зоны на один-два дня.

При подготовке операции мы несколько недооценивали сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10—12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врывшись в землю, особенно за обратными скатами высот, противник смог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировок авиации. Правда, на подготовку Берлинской операции мы имели крайне ограниченное время, но и то не может служить оправданием.

Вину за недоработку вопроса прежде всего я должен взять на себя».

* * *

Заминка в наступлении наших войск 16 и 17 апреля вызвала большую радость в ставке германского командования. Гитлер с воодушевлением сказал:

— Мы отбили этот удар. Под Берлином русские потерпят самое кровавое поражение, какое только вообще может быть!

Фюрер обратился к войскам со специальным обра-

щением, в котором, опираясь на успех, достигнутый в первый день отраженного наступления советских войск, говорил: это предзнаменование будущей победы, наступает решающий поворот в войне.

Гитлер и его ближайшие соратники предпринимали лихорадочные усилия для того, чтобы не только поссорить союзников, но и заключить сепаратный мир с английскими и американскими войсками. 18 апреля в ставку прибыл Вольф и доложил о своих встречах и предварительных договоренностях с Даллесом. Гитлер так высоко оценил успехи Вольфа, что тут же присвоил ему одно из высших званий войск СС — обергруппенфюрера. Вольф получил указание продолжать контакты и как можно скорее добиться договоренностей с англо-американским командованием.

По возвращении в Италию Вольф встретился с Даллесом, и переговоры о сепаратном мире и о послевоенном переустройстве Германии продолжились. Даллес, несмотря на то, что уже имел указания от своего правительства прекратить переговоры о сепаратном мире, поскольку советское командование, узнав об этом, заявило протест, продолжил контакты, не вняв указаниям своего правительства.

Учитывая успешность идущих закулисных переговоров с англо-американцами, командование германских войск фактически прекратило боевые действия на Западном фронте. Черчилль, а теперь еще и Трумэн всячески подгоняли Эйзенхауэра и Монтгомери, чтобы они как можно быстрее продвигались на Восток и захватили побольше территорий. Особенно усердствовал Черчилль. Он предпринимал все для того, чтобы войска союзников раньше Советской Армии вступили в Берлин.

А на Восточном фронте тем временем шли тяжелейшие и упорные бои. Особенно трудные и кровопролитные схватки шли за Зееловские высоты. В конце концов войска Жукова преодолели этот рубеж, сломили сопротив-

ление врага. К 18 апреля Зееловские высоты были взяты. Противник бросал все имеющиеся у него резервы для того, чтобы восстановить положение, но наши части, имея превосходство в артиллерии, да и в численном составе, ломали это сопротивление, отбивали контратаки и продвигались вперед. К 19 апреля все рубежи обороны здесь были прорваны, и танковые соединения Жукова наконец-то получили возможность действовать, используя оперативный простор. Они ринулись в обход Берлина с северо-востока. А те танковые корпуса и бригады, которые были приданы войскам, вместе с пехотой продолжали теснить противника и наступали прямо в сторону города. Гитлеровцы отводили свои части на внешний обвод обороны Берлина.

* * *

Дальше мне придется описывать события, происходившие на стороне противника. Они широко известны и не раз описаны в книгах, журнальных статьях, но ничего иного я предложить читателям не могу, поскольку они происходили в результате наступательных действий Жукова. К тому же когда эти события описывались «по горячим следам», многое было еще неизвестно, ходило немало выдумок и слухов. Я излагаю происходившее в ставке Гитлера в последние дни с уточнениями и добавлениями, которые, может быть, неизвестны широкому кругу читателей.

20 апреля Гитлер отмечал свой день рождения. Раньше это всегда был торжественный праздник с многолюдными демонстрациями и военными парадами. Не только Берлин, но и вся страна украшалась знаменами, радио гремело о подвигах и достоинствах фюрера. Теперь Гитлер принимал поздравления в тесной комнате подземного бункера, куда заходили его ближайшие соратники и высказывали ему традиционные поздравления. Среди них

были Геринг, Гиммлер, Борман, Геббельс, Риббентроп, постоянно работавший с Гитлером генералитет.

Гитлер к этому времени был развалиной: у него дрожали нога, рука, голова. Он стоял с опущенными глазами, принимая поздравления, негромким голосом благодарил и очень вяло реагировал на происходящее.

Руководитель молодежной организации «гитлерюгенд», однорукий Аксман, как и полагается молодежному лидеру, громким бодрым голосом высказал поздравления фюреру и сказал, что гитлеровская молодежь преподносит Гитлеру подарок в день его рождения. Затем он попросил Гитлера подняться из бункера на поверхность, где были построены два отряда мальчишек по 15-16 лет, вооруженных фаустпатронами.

Это был последний выход Гитлера на поверхность из бомбоубежища. С опущенными плечами и нетвердо ступая, он прошел вдоль строя, кое-кого похлопал по плечу, других погладил по щеке. Мальчики, еще опьяненные былой славой и популярностью фюрера, выкатывали хилые грудки и с восторгом смотрели на вождя.

Другие подарки в этот день были очень неутешительны. Генерал Хейнрици доложил о том, что линия обороны по Одру на Зееловских высотах окончательно прорвана и советские войска продвигаются к Берлину. Начальник генштаба Кребс доложил, что вслед за другими фронтами перешел в наступление и 2-й Белорусский фронт, который обходит Берлин с северо-востока. Генерал Йодль тоже не порадовал, сообщив, что танки (это были танки маршала Конева) вышли в район Цоссена, где располагались управления генерального штаба гитлеровской армии. Йодль, не желая окончательно огорчать фюрера, не сказал, что бегство высшего руководства гитлеровской армии было настолько поспешным, что они не успели взорвать ни служебные помещения, ни бомбоубежища генерального штаба.

После торжественной части и бокалов шампанского состоялось совещание высшего руководства, на котором последний раз присутствовали Геринг, Гиммлер, Риббентроп и многие другие высокопоставленные нацисты. Обсуждался один вопрос — что делать дальше? Многие понимали: судьба Берлина решена, его не удержать, надо организовать руководство армией где-то вне столицы. И только Геббельс, имперский комиссар по обороне столицы, яростно настаивал на том, что Берлин должен держаться до последнего и что контакты с англо-американским командованием дают надежду на то, что скоро произойдет перелом. После долгих споров было решено разделить военно-политическое руководство на три части. Гитлер с Геббельсом и Борманом остаются в Берлине, с ними штаб оперативного руководства и часть офицеров генерального штаба сухопутных сил. Второе руководство создавалось в Баварии и в Австрии под названием «Альпийская крепость». Там высшим руководителем был назначен фельдмаршал Кессельринг. Основная его задача заключалась не столько в ведении боевых действий, сколько в содействии Вольфу. Он должен был также предпринимать все меры для достижения конкретных результатов по сговору с англо-американским командованием. В северной части Германии создавалось третье управление, где руководителем был адмирал Дениц.

После совещания все присутствовавшие в этот день на торжестве в честь дня рождения старались как можно быстрее выбраться на своих машинах из Берлина.

Последний и самый весомый подарок ко дню рождения Гитлера преподнесла артиллерия Жукова: в этот день она впервые обстреляла район имперской канцелярии. Гитлер позвонил начальнику штаба ВВС и потребовал, чтобы тот авиацией подавил дальнобойные батареи противника, обстреливавшие территорию его бункера. Но на-

чальник штаба генерал Коллер даже не осмелился доложить фюреру, что его обстреливает уже не дальнобойная артиллерия, которую надо подавлять авиацией, а обычная полевая артиллерия с окраин Берлина.

ДВИЖЕНИЕ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

В боях на Одере Жуков впервые встретился с власовцами. Точнее будет сказать, что в одной из стычек за плацдарм участвовала первая и единственная дивизия из так и не созданной армии Власова. Эпизод этот на общем фоне происходившего сражения был так незначителен, что Жуков даже не знал, наверное, о нем. В своей книге маршал ни одним словом не упоминает о власовцах в боях на подступах к Берлину.

Но, поскольку мы эту тему затронули раньше и я обещал довести до конца рассказ об «освободительном движении», которое пытался создать Власов, придется изложить несколько заключительных эпизодов из этой истории.

После того как немецкой разведкой был создан «отдел восточной пропаганды особого назначения» в Дабендорфе, Власов и его ближайшие помощники главным образом занимались сочинением листовок и подготовкой пропагандистов, призывавших советских солдат переходить на сторону гитлеровцев.

Разведотдел штаба сухопутных войск еще до появления Власова пытался создать оппозиционное движение для подрыва «изнутри» идеологических устоев Советской Армии. В Смоленске «городской управой» был сочинен адрес «Комитета освобождения народов России», кото-

рый направили фюреру. Эта идея Гитлеру не понравилась. Комитету даже не ответили, затея лопнула.

С появлением Власова руководители разведки, желая придать масштабность своей работе, попытались реанимировать «смоленский проект». Власов и его приближенные хотели использовать эту акцию в своих целях и пытались выпустить обращение от имени «Комитета освобождения народов России».

Воззвание было отпечатано миллионным тиражом. Но... поступило строжайшее указание — «сбрасывать эту листовку только над территорией противника».

О каком-то «освободительном движении» гитлеровское командование и мысли не допускало, его интересовало только разложение Советской Армии и увеличение числа перебежчиков. Катастрофа под Сталинградом привела в замешательство гитлеровское руководство. Разведчики генерала Гелена решили использовать эту беду в своих интересах и сделали еще одну попытку активизировать идею создания «Освободительного движения». Они организовали агитационную поездку генерала Власова в группу армий «Север». Он выступал в лагере военнопленных, призывал их идти добровольцами в создаваемую им «Русскую освободительную армию». Генерал разгорячился до того, что разработал план под названием «Акция Просвет», в котором предлагал силами добровольцев захватить под Ленинградом Ораниенбаум и Кронштадт! Начальник разведотдела генерал Гелен готов был поддержать эту акцию — она поднимала авторитет возглавляемой им службы. Но... опять это «но»: с одной стороны — это «НО» спасло Гелена от опалы — он не успел войти с ходатайством об осуществлении «Акции Просвет», а с другой, низвергло Власова с заоблачных вершин его мечтаний на брентную землю. А произошло вот что: из группы армий «Север» от контрразведчиков поступили доклады о том, что русский генерал в своих выступлениях договорился до какой-то «свободной России», до русской

армии, которая будет всего лишь «союзницей» вермахта, и вообще: «Этот наглый русский чувствует себя уже правителем независимой России!»

Все это вызвало яростный гнев фюрера, последовало категорическое запрещение Власову заниматься политической деятельностью.

17 апреля 1943 года был издан специальный приказ:

«Ввиду неправомерных, наглых высказываний военнопленного русского генерала Власова во время его поездки в группу армий «Север», осуществленную без того, чтобы Фюреру и мне было известно об этом, приказываю немедленно перевести русского генерала Власова под особым конвоем обратно в лагерь военнопленных, где и содержать безвыходно. Фюрер не желает слышать имени Власова ни при каких обстоятельствах, разве что в связи с операциями чисто пропагандного характера, при проведении которых может потребоваться имя Власова, но не его личность. В случае нового личного появления Власова предпринять шаги к передаче его тайной полиции и обезвредить.

Фельдмаршал Кейтель».

Обращаю на этот приказ особое внимание. Сколько бы ни писали о создании «освободительной армии» — ничего этого не было. Было желание создать ее, а на деле гитлеровцы не позволили Власову осуществить задуманное, и функционировал он практически как сотрудник разведотдела генерала Гелена. На большее ему хода не дали.

Различные русские и национальные формирования были после 1943 года по приказу фюрера переведены на Западный фронт и включены под названием «четвертых батальонов» в германские полки. Они использовались для борьбы с партизанами и повстанцами в Дании, Италии, Норвегии и других странах. Руководил ими немец-

кий генерал Гельмих, а затем генерал Кёстринг. Их называли «генералами восточных войск», а позднее — «генералами добровольческих частей».

Власова к руководству этими частями никогда не допускали. Больше того, «генерал добровольческих частей» Кёстринг заявил Штрикфельдту, курировавшему Власова:

— Власов стал пугалом для фюрера и господ в верхах ОКВ. Поэтому я предпочитаю выполнять мои чисто солдатские и человеческие обязанности без связи с ним. Лучше, если я его не буду знать... И если в будущем нам придется когда-нибудь опереться на какую-либо ведущую русскую личность, то мы должны будем найти другого человека.

Это еще одно свидетельство, что «РОА» и «освободительное движение» всего лишь миф, созданный теми, кто об этом пишет. Чего не было — того не было!

Вот подтверждение тому одного из очень близких к Власову людей — его духовного наставника протоиерея Александра Киселева. Я познакомился с ним в Нью-Йорке в январе 1988 года. Он жил в небольшом особняке в самом конце Бродвея. В нашем обычном представлении Бродвей — это море электрического огня, рекламы, шикарные магазины, театры, казино. Однако тот же Бродвей, пересекая центральную часть города, на окраине превращается в довольно заурядную улицу с городским мусором — банками от пива, обертками от мороженого, шкурками от бананов.

Во втором или третьем особняке от угла, в переулке, и находится обитель протоиерея. На первом этаже домовая церковь — сюда приходят помолиться бывшие власовцы и кое-кто из русских эмигрантов.

Меня встретил высокий священник с белой окладистой бородой. Я ему сказал, что я советский писатель и мне хотелось бы поговорить о Власове.

Протоиерей сначала пригласил меня в свою домовую

церковь, она занимает первый этаж. Здесь он показал мне икону святого Александра Невского.

— Эта та самая?

— Да, с этой иконой я служил молебны перед власовскими подразделениями, благословляя их на освобождение России. Я сохранил эту святыню и привез ее сюда.

Затем мы поднялись на второй этаж, в квартиру священника. Нас приветливо встретила матушка, пригласила откусать чая с вареньями, ею сваренными.

На стенах висело множество фотографий, на коих были запечатлены бородатые лица духовных служителей. Имелся там и портрет императора Николая II. И, конечно же, генерала Власова.

Отец Александр рассказал о себе:

— Я стал священником в 1933 году, жил в Прибалтике, потом эмигрировал в Германию, служил в берлинской церкви простым священником.

— А когда вы с Власовым познакомились?

— Меня пригласили крестить новорожденного на дому. Во время крещения крестные должны читать молитву «Верую». По опыту я знал: никто не помнит слов этой молитвы, и потому я произносил слова громко, а присутствующие повторяли за мной. И вдруг я слышу — крестный отец, высокий басистый генерал, опережает меня, читая «Верую».

Это был Власов, он в духовной семинарии учился, помнил слова молитвы. Потом мы встречались и позже. Я стал официальным духовником штаба армии Власова.

— Вы служили молебен в Смоленске при обнаружении манифеста?

— Нет, тогда мы еще не были знакомы. Мы сблизились в период Пражского манифеста.

— Но это уже 1945 год — завершающий этап в освободительном движении?

— Да, к сожалению, движению не дали развиваться нем-

цы. Они не поняли возможностей борьбы с большевиками через это движение. И проиграли. А если бы раньше поняли — все могло бы обернуться иначе. Великую русскую силу они не использовали. Они боялись ее. Она бы их ослабленных оттерла на второй план. Россия стала бы свободной без Сталина и Гитлера.

О многом мы поговорили с протоиереем Александром. Главным было то, что он подтвердил: движение не состоялось. «Власовское движение погибло... не по вине власовцев. Оно было дружно придушено и коммунистами, и нацистами, и демократами».

На прощание отец Александр подарил мне свою книгу «Облик генерала А.А.Власова».

Было ему в 1988 году 80 лет. Высокий, седой и крепкий, он проводил меня до Бродвея, где я остановил такси, и мы попрощались.

Утопающий хватается за соломинку. Такой соломинкой для гитлеровцев к 1945 году стал Власов с его намерением создать РОА.

О том, как Власов давал советы Геббельсу по созданию обороны Берлина, я уже рассказал. Но даже своя собственная земля горела под ногами фашистов, и они решили более широко использовать «русский солдатский материал».

Сменив гнев на милость, Гитлер разрешил Гиммлеру встретиться с Власовым. Сам Гитлер так ни разу с ним и не виделся.

О беседе и ее последствиях лучше всего расскажет тот, кто присутствовал при этой встрече — эсесовец д'Алькен. Я располагаю его личными записями, выдержки из которых привожу с сокращениями:

«Власов произвел на Гиммлера впечатление своим ростом, достоинством и глубоким голосом.

— Было сделано много ошибок, — сказал Гиммлер, — знаю все ошибки, которые касаются вас. Поэтому сегод-

ня я хочу говорить с вами с бесстрашной откровенностью...

(Д'Алькен был совершенно поражен тем, с какой легкостью и умением Гиммлер обошел и сгладил все то, что пропастью лежало между ним и Власовым).

— Не моя вина, что назначенная нами первая встреча была отложена, — мягко продолжал «Черный Генрих». — Вам известны причины, а также и вся ответственность, тяжелым бременем павшая на мои плечи. Я надеюсь, что вам все то знакомо и понятно!

Когда Гиммлер окончил свое обращение, Власов немного помолчал, а затем спокойно, разделяя слова, как бы облегчая работу переводчика, начал:

— Господин министр! Благодарю вас за приглашение. Верьте, я счастлив, что, наконец, мне удалось встретиться с одним из настоящих вождей Германии и изложить ему свои мысли... господин министр, вы сегодня самый сильный человек в правительстве третьего рейха. Прежде, чем изложить вам свою программу, я должен подчеркнуть следующее: я ненавижу ту систему, которая из меня сделала большого человека. Но это не мешает мне гордиться тем, что я — русский. Я — сын простого крестьянина. Поэтому я и умею любить свою родину, свою землю так же, как ее любит сын немецкого крестьянина. Я верю в то, что вы, господин министр, действительно готовы в кратчайшее время прийти к нам на помощь. Если удар будет нанесен в самое чувствительное место, система Сталина, уже обреченная на смерть, падет, как карточный домик. Но я должен подчеркнуть, что для обеспечения успеха вы должны вести с нами работу на принципе полного равенства. Именно поэтому я и хотел бы говорить с вами так же откровенно, как вы это сделали...

Гиммлер медленно опустил голову в знак согласия и, помолчав, сказал:

— Теперь мой черед задать прямой вопрос, господин генерал: действительно ли русский народ и сейчас под-

держит вас в попытке свергнуть политическую систему, и признает ли он вас как своего вождя?

Настороженность Власова исчезла. Он почувствовал почву под ногами и спокойно, но веско ответил:

— Я могу честно сказать «да» при условии, что вами будут выполнены известные обязательства. Господин министр! Я знаю, что еще сегодня я могу покончить войну против Сталина. Если бы я располагал ударной армией, состоящей из граждан моего отечества, я дошел бы до Москвы, и тогда закончил бы войну по телефону, поговорив с моими товарищами, которые сейчас борются на другой стороне. Вы думаете, что такой человек, как, например, маршал Рокоссовский, забыл про зубы, которые ему выбили в тюрьме на допросе? Это мои боевые товарищи, сыны моей родины, знают, что здесь происходило и происходит, и не верят в честность немецких обещаний, но если появится настоящая русская освободительная армия, носительница национальной, свободной идеи — массы русского народа, за исключением негодяев, массы, которые в своем сердце антикоммунистичны, поверят, что час освобождения настал и что на пути к свободе стоят только Сталин и его клика...

...я никогда не думал, господин министр, что мне придется так долго ждать встречи, которая произошла сегодня... Однако, несмотря на все оскорбления, на все разочарования, я и дальше придерживаюсь взгляда, что только в сотрудничестве с Германией мы найдем путь к освобождению России. Возможно, что сама судьба, успехами Сталина, ускорила это свидание. Господин министр, я — не нищий. Я не пришел к вам сюда с пустыми руками. Поверьте, что в спасении и освобождении моей родины лежит и спасение Германии!

(Смел ли кто-нибудь до сих пор сказать Гиммлеру о спасении Германии? — думал д'Алькен. Он никак не мог понять, что заставляло Гиммлера выслушивать Власова, не впадая в бешенство).

Власов продолжал:

— Дайте мне необходимую русскую силу! Я все время был против того, чтобы многочисленные батальоны, сформированные из моих соотечественников, перебрасывались во Францию, на Западный фронт или в любые другие места. Теперь они попали под волну англо-американского наступления. Они должны бороться, а за что — они сами не знают. Они разрознены, они разбиты. А ведь вы можете их срочно собрать, поставить под мою команду и положить этим начало большой освободительной армии!

...Еще не поздно, господин министр. Еще не поздно! Находящихся в Германии русских людей достаточно для армии в миллион и больше человек.

Гиммлер выждал, очевидно, намеренно делая напряжение еще большим, а затем бесстрастным голосом сказал:

— Господин генерал! Я разговаривал с фюрером. С этого момента вы можете считать себя главнокомандующим армией в чине генерал-полковника. Вы получите полномочия собрать офицеров по своему усмотрению, до чина полковника. Только, что касается ваших генералов, я должен попросить доставлять ваши предложения начальнику кадров немецкой армии. Все, что вы мне рассказали, в высшей степени интересно.

Опять Гиммлер сделал паузу и затем продолжал:

— Я придерживаюсь мнения теперь, выслушав вас, что конечно существует возможность формирования армии. Как главнокомандующий резервами я имею в своих руках средства для того, чтобы это сделать. Но, к сожалению, эти средства ограничены. Возможно, что вы найдете достаточно людей, но мы не должны забывать, что те, кто устремится в вашу армию, оставят за собой пустые места на наших заводах. Мы же не смеем разрешить себе снизить продукцию нашей промышленности! Однако все же решающим вопросом является вооружение. Я могу

пойти на формирование первых двух дивизий. Было бы крайне некорректно с моей стороны обещать вам сегодня больше и затем сокращать свои обязательства. Будете ли вы, господин генерал-полковник, удовлетворены моим предложением — приступить теперь к формированию только двух дивизий? Если да, то я немедленно отдам соответствующие приказания.

Лицо Власова потемнело. Он упал с высоты, на которую его подняли его стремления. В глазах его ясно отразилось разочарование, но он взял себя в руки.

— Господин министр, — сказал он с глубоким вздохом, — я принимаю во внимание существующие препятствия. Но я не теряю надежды, что две дивизии — это только скромное начало, так как вы сами знаете, что одни вы не сможете пробить стену головой. Поэтому расширение формирования — в наших обоюдных интересах.

— Конечно, конечно! — торопливо и почти весело воскликнул Гиммлер, облегченно почувствовав, что все трудное и неприятное прошло.

Власов продолжал:

— Несмотря на то, что русские части во Франции разрознены и разбиты, я считаю своим долгом еще раз подчеркнуть необходимость собрать их и реорганизовать...

Гиммлер поторопился с ответом:

— Конечно, конечно, это само собой разумеется...

— Эти ваши слова я принимаю с благодарностью к сведению, — пробасил Власов, — но одновременно и как обещание прекратить распыление национальных русских сил в Германии. Если мы хотим победить Сталина, то это будет невозможно, если и дальше «Восточное министерство» будет делать, что ему заблагорассудится, разбивая наши силы на разные сепаратистские группы и комитеты. Эти группы управляются честолюбивыми людьми, которым все равно, что они ведут людей бороться за чужие интересы...

Если вы искренне стремитесь к победе, то вы долж-

ны снять с меня запрет вести разговоры с представителями так называемых «националов». У вас есть для этого власть. Вы можете все разрозненные силы объединить на базе предположительного федерализма, который существовал бы на протяжении всего времени борьбы с коммунизмом. В общем, я не могу скрыть от вас, что я пережил столько разочарований, что больше не хочу тратить силы на бесцельную, ненужную борьбу одних против других. Я стремлюсь к тому, чтобы прямые переговоры вести только с одним немецким авторитетом...

Гиммлер слушал, не перебивая. Ответил без всякого размышления:

— Здесь, рядом со мной, сидят два человека, с которыми вы познакомились. Группенфюрер Бергер будет заменять меня во всех вопросах, касающихся вас. С ним вы будете тесно сотрудничать. Кроме того, я назначу доктора Крэгера связным...

— Благодарю вас, господин министр, — поклонился Власов. — Я даже не рассчитывал на это. Но я еще не закончил. Я должен затронуть еще некоторые факты. Наша победа над Сталиным лежит не в одном формировании освободительной армии, а и в создании единого политического центра, который будет иметь право обнародовать программу нового строя на родине.

— Об этом мне уже было сообщено, — поторопился Гиммлер, — у меня есть общее представление о центре, так же как и об освободительной армии. Я предполагаю, что вы одновременно будете и главой этого центра...

— Если мы уделили сегодня столько времени всем вопросам, то я прошу разрешения дать мне возможность доложить вам об уже разработанных планах для армии и для правительства, которые мы сначала, из осторожности, назовем «комитетом».

Гиммлер заерзал. В его взгляде была неуверенность и даже растерянность, он пробормотал:

— Спасибо! Я отдам приказ просмотреть ваши предложения...

Власов продолжал:

— Я не закончил вопрос о «комитете». В связи с ним я хочу просить, чтобы план был расширен и все мои соотечественники, находящиеся в Германии, все русские подданные были бы подчинены именно комитету.

Когда Гиммлер начинал заикаться, искать слова и рассыпаться в неясных и незаконченных фразах, это обычно говорило о том, что прием закончен. Гиммлер поднялся. Поднялся и Власов. Как любезный домохозяин, Гиммлер пригласил Власова к столу. Все последовали в столовую.

С начала разговора и до конца обеда прошло шесть часов.

Когда Власов попрощался и ушел, Гиммлер сказал эсэсовцам, назначенным кураторами к Власову:

— Вы не должны забывать, что он славянин. Я вам приказываю все время находиться начеку и немедленно докладывать мне обо всем, что будет выходить за пределы нами сегодня говоренного. Я должен все время быть настороже. Славянин остается славянином...

Таким образом, с сентября 1944 года Власов из разведотдела был передан в подчинение рейхсфюрера СС Гиммлера. Постоянный наблюдающий от разведотдела Штрикфельдт так пишет об этих переменах:

«Немецкий штаб в Дабндорфе отошел теперь совсем на задний план... Появились офицеры войск СС и разного рода «уполномоченные» и брали на себя функции связи с организуемыми или уже работающими русскими учреждениями».

Самого Штрикфельдта заменил постоянный представитель главного управления СС оберфюрер СС Крёгер. Общим руководителем будущей РОА был назначен обергруппенфюрер СС Бергер. Он занимался формированием первой русской дивизии. Приказ о ее создании подписал

Гиммлер. Таким образом, все разговоры о РОА до марта 1945 года были просто разговорами — первая и единственная дивизия появилась лишь в самом конце войны. Вторая дивизия так и не была окончательно сформирована до капитуляции гитлеровцев.

Командиром первой дивизии был назначен немцами (не Власовым!) полковник Буняченко, которому они же присвоили в феврале 1945 года звание генерал-майора.

Полковник Буняченко, бывший командир дивизии Красной Армии, был разжалован и отправлен штрафником на основании приказа 227 от 28 июля 1942 года. После этого он перешел к немцам. Летом 1944 года он командовал русским полком на Западном фронте, где был отмечен как умелый командир. Этот полк и стал основой 1-й русской дивизии РОА. В нее включили несколько других русских формирований. Например, бригаду РОНА («Русская освободительная народная армия»), которой в прошлом командовал Каминский. Эта бригада по немецким документам «полностью очистила от партизан обширную область между Курском и Орлом». В 1944 году РОНА насчитывала пять полков, до 20 тысяч человек. Полк под командованием подполковника Фролова участвовал в подавлении Варшавского восстания. Вся РОА до того разложилась и «занималась грабежом и мародерством», что немецкий военно-полевой суд приговорил к расстрелу ее командира Каминского — «бригадного генерала, поляка по происхождению».

Вот такие кадры вливались в первую русскую дивизию Буняченко.

Сам Власов был занят созданием «Комитета освобождения народа России», который, по его замыслу, должен был объединить под его командованием все национальные формирования, все «антибольшевистские силы». Однако «силы» эти сопротивлялись, не хотели терять своей самостоятельности. Казачий генерал Краснов отказался подчиняться «бывшему красному генералу». Ру-

ководство СС приструнило всех: украинцев, кавказцев, выходцев из среднеазиатских республик и прочих и загнало в КОНР — «Комитет освобождения народов России» под руководством Власова.

Был написан «Манифест», который приняли «представители народов» в Праге. (По желанию Власова этот документ должен был родиться на славянской земле.) Так как к тому времени под немецкой оккупацией уже не было ни одного советского города, выбрали славянскую Прагу.

Принятие манифеста пропагандировалось как большая победа в освободительном движении. Но реально ничего не изменилось, все оставалось на уровне гово-
рильни.

Гитлеровское командование напрягало последние силы, чтобы остановить продвижение Красной Армии. Соединения Жукова уже вышли на Одер.

Руководители СС решили испытать в деле русское формирование. Дивизия Буняченко была передана в подчинение командующего 9-й армией генералу Буссе. Власов дал на это согласие.

Буняченко просил назначить его дивизии самостоятельную операцию, в которой без помощи немцев русские смогли бы показать свою доблесть. Немецкое командование предоставило ему такую возможность, поручив сбить советскую часть с небольшого плацдарма на Одере — всего четыре километра шириной и два глубиной. Был разработан план операции «Апрельский ветер». Он предусматривал двумя ударами с севера и с юга уничтожить советские части и очистить плацдарм. Атака была назначена на 5.15 утра 13 апреля. Вечером 12 апреля власовские подразделения заняли исходное положение. За полчаса до атаки власовская и немецкая артиллерия открыла совместный огонь по плацдарму. В атаку пошли с севера 2-й полк подполковника Артемьева, с юга — 3-й полк подполковника Александрова-Рыбцова. Буня-

ченко наблюдал за ходом операции с НП в стереотрубу. Власовцы поднялись в атаку быстро и дружно. Их поддерживала и немецкая авиация — 26 штурмовиков.

Чем все это кончилось? Ради полной объективности, сошлюсь на мнение гитлеровских офицеров и самих власовцев:

«К 8 часам было... отвоевано 500 метров земли». «Оба полка оказались под фланговым огнем противника, перед советскими полевыми фортификациями и мощными проволочными заграждениями».

Из этих цитат вырисовывается весьма печальная картина: атакующие «отвоевали 500 метров» — то есть прошли нейтральную полосу, и их положили огнем советские пулеметы «перед проволочным заграждением».

Таким образом, атакующие не только не вступили в бой за плацдарм, а не отбили ни одного метра у советских частей.

Буняченко, понимая, что все кончится истреблением его полков, дал приказ отойти на исходные позиции.

Представитель немецкого командования подполковник Нотц доложил, что «отступление проходило довольно беспорядочно, на поле боя было брошено много оружия — пулеметов, автоматов, огнеметов».

Командующий 9-й армией генерал Буссе попытался привлечь к ответственности Буняченко за невыполнение приказа, но русский генерал даже не прибыл в немецкий штаб для дачи объяснений.

Он заявил, что имел приказ только на одну атаку. И коль скоро она не удалась, теперь он, «выполнив приказ», опять подчиняется только Власову. Собрав дивизию, Буняченко совершил с ней более чем стокилометровый марш и прибыл в Прагу.

В немецких штабах шла переписка о «недисциплинированности» и «привлечении к ответственности» и даже о «разоружении дивизии», но все это было оставле-

но без последствий, потому что 16 апреля войска Жукова перешли в решительное наступление на Берлинском направлении.

Дивизия Буняченко, да и сам Власов, возможно, пытались как-то себя реабилитировать перед приближавшимися советскими войсками, они поддерживали чехов, восставших в Праге, и не позволили немцам разрушить город. Но то была уже агония.

Опасаясь кары, Власов приказал дивизии Буняченко и второй, так и несформированной дивизии Зверева, идти на запад и сдаваться американцам. Сам Власов двинулся туда же, но на пути был взят в плен советскими разведчиками.

Из сказанного выше, на мой взгляд, можно сделать окончательный и вполне объективный вывод: «русское освободительное движение», которое пытался создать генерал Власов, не состоялось, «русской освободительной армии» в действительности не было. Власов, как изменник, служил сначала под руководством начальника немецкой разведки генерала Гелена, а затем рейхсфюрера СС Гиммлера. И как бы ни старались различные доброжелатели рядить Власова в благородные мундиры «патриота» и даже «освободителя», документами и фактами это не подтверждается. В перестроечное время «демократы» и бывшие диссиденты всячески восхваляли деяния Власова, говоря о сходстве его замыслов с их «демократическими» реформами. Мне кажется, они правы. Их несомненно объединяет предательское отношение к Родине и русскому народу.

Позорный конец генерала-предателя зафиксирован в приговоре Военного трибунала.

ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА

21 апреля войска Жукова ворвались в Берлин, на его северо-восточные окраины, а танковые соединения, обходя город, устремились на запад. К южной окраине Берлина подступили части Конева, а его танковые соединения, также обходя город, продвигались тоже на запад. Таким образом, уже четко наметились клещи, которые вот-вот должны были сомкнуться западнее Берлина.

Командующий 2-й гвардейской танковой армией генерал Богданов получил приказ от Жукова:

«2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично Вам поручаю организовать исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4-х часов утра 21 апреля 1945 года любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада Сталину и объявления в прессе. Жуков. Телегин».

Однако выход частей на окраину Берлина не оправдал надежд Жукова на быстрое продвижение войск по городу. Завязались очень тяжелые уличные бои, и, как известно, 2-я гвардейская танковая армия не смогла выполнить этот приказ командующего фронтом.

Берлин, как губка, впитывал в свои кварталы войска. Сохранить управление, не утратить возможность руководить ходом боевых действий было очень трудно. Жукову и войскам, несмотря на долгую войну, не приходилось вести уличных боев в таком огромном городе. Скопище многоэтажных домов, переплетение улиц и переулков поглотили несколько армий. Сражение распалось на тысячи разрозненных схваток за дом, этаж, подвал.

Жуков не видел своих войск даже на главном направлении. Да и где оно теперь, это направление главного

удара — там, где танковые армии рвались в обход, чтобы замкнуть кольцо окружения, или в рукопашных схватках за каждый дом на подступах к рейхстагу?

Линия фронта в прежнем, привычном понимании здесь уже не существовала. На некоторых участках фронт стал вертикально — дыбом, потому что шел бой в многоэтажных домах. А в соседнем квартале передний край ушел глубоко под землю, в подвалы, канализационные шахты, в тоннели метро.

Но где бы ни шли бои, Жуков ощущал их напряжение, знал, кто продвигается вперед, а у кого дело застопорилось. Маршал как тысячами нервов был связан проводами телефонной связи и невидимыми радиоволнами со всеми наступающими соединениями. Он говорил с командирами, они слышали его твердый, уверенный голос. Невидимый, он был с ними повсюду, одних подбадривал, других строго подгонял, третьих — бранил нещадно. Как говорится, каждому свое, что заслужил, то и получай!

* * *

В бункере Гитлера предпринимались все меры для того, чтобы, с одной стороны, стянуть в Берлин войска, находившиеся поближе, и использовать еще существовавшие крупные группировки для деблокирования столицы. Утром 21 апреля в ставку был вызван командующий группой армий «Центр» Шернер. Он был самым исполнительным и даже среди немцев отличался не только педантичностью, но зверской требовательностью. Солдаты дали ему кличку «мясник» за жестокость и беспощадность в отношениях с подчиненными.

Фюрер приказал Шернеру пробиваться с его группой армий на выручку Берлина. Генерал Шернер щелкнул каблуками и бодро ответил, что приказ фюрера будет выполнен в точности. Чтобы прибавить своему спасителю

энергии, Гитлер произвел Шернера в фельдмаршалы, причем тут же собрал присутствующих в бункере военачальников и службу, представил им нового фельдмаршала, которые его поздравили с высоким званием.

После процедуры с Шернером начальник генштаба Кребс, а также Йодль, докладывая обстановку Гитлеру на фронте, упомянули о боевой группе Штайнера. Это была небольшая группа из оставшихся частей, которые объединились под командованием генерала СС Штайнера.

Командующий группой армий «Висла» хотел прикрыть свой правый фланг этой группой. Гитлер тут же ухватился за это сообщение и приказал поставить задачу группе Штайнера ударом с юга отрезать вклинившиеся части Жукова, окружающие Берлин. Для осуществления этой задачи Гитлер приказал 56-му танковому корпусу перейти в контрнаступление навстречу группе Штайнера.

Весь этот и следующий день ждали докладов и сообщений о том, как группа Штайнера выполняет свою задачу. Но никак не могли установить прямую связь со Штайнером. Наконец Гиммлер сообщил: Штайнер начал наступление. 56-й танковый корпус продвигается навстречу.

Гитлер, окрыленный этим сообщением, отдал приказ:

— Всех, кто может ходить по земле, немедленно передать Штайнеру. Каждый командир, который не выполнит этого приказа, будет казнен в течение пяти часов!

Гитлер в своем пылком воображении уже представлял, как эти две группировки, наступающие навстречу друг другу, отсекают клинья советских армий и деблокируют Берлин. Однако эти радостные надежды существовали только в воображении Гитлера. В действительности, соединения Жукова громили группу Штайнера и 56-й танковый корпус и продолжали наступление. Но никто не осмеливался доложить фюреру правду.

2 апреля на совещании в бункере Кребс и Йодль до-

кладывали обстановку. Йодль, уже привыкший не огорчать Гитлера, пытался и на этот раз пространно говорить о каких-то частных успехах войск в Саксонии и в Италии. Гитлер прервал его:

— Что вы ублажаете меня мелочами! Где же все-таки находится Штайнер?

После продолжительного молчания и растерянности генералы были вынуждены доложить правду о том, что группа Штайнера успеха не имела и фактически разгромлена. Гитлер просто закатил истерику:

— Немецкий народ не понимает моих целей! Он слишком ничтожен, чтобы осознать и осуществить мои цели. Если мне суждено погибнуть, то пусть погибнет и немецкий народ, потому что он оказался недостойным меня.

Гитлер вызвал коменданта Берлина генерала Реймана и приказал ему:

— Соберите все силы и ни в коем случае не допустите прорыва противника в центр города, обеспечьте прикрытие правительственных кварталов!

Во исполнение приказа фюрера были брошены в бой 32 тысячи берлинских полицейских и одновременно были из тюрем выпущены все уголовники и тоже брошены в бой. Собрав эти последние резервы, и еще солдат из разбитых частей (около 80 тысяч) и несколько батальонов фольксштурма, Рейман «сколотил» группировку численностью до 300 тысяч человек. Он прилагал все силы для того, чтобы выполнить приказ фюрера.

Кейтель предложил фюреру еще один, на его взгляд, довольно эффектный шаг: снять войска с Западного фронта и бросить их на деблокаду Берлина. Кейтель сказал, что это, конечно, ослабит позиции в переговорах с англо-американцами, но другого выхода нет. С другой стороны, чем быстрее англо-американцы продвинулись на Восток и встретятся с советскими частями, тем скорее произойдет между ними конфликт.

Для выполнения этой задачи предполагалось срочно развернуть 12-ю армию Венка, находившуюся на Западном фронте и ближе всех к Берлину. Йодль поддержал предложение Кейтеля и уверил фюрера в том, что Венк со своей армией способен прорваться к Берлину и деблокировать его. Гитлер после некоторого размышления отдал приказ — снять все войска с Западного фронта и перебросить их на выручку Берлина. Для выполнения этого приказа из ставки Гитлера выехал Кейтель. Он встретился с генералом Венком и объявил ему: «Мы боремся отныне только против Востока, а не против Запада».

Что представляла собой к тому времени 12-я армия Венка? В нее входили курсанты военных училищ и школьники, недавно призванные в армию, а также старцы самых предельных возрастов, мобилизованные в последнее время. Многие соединения этой армии просто числились номинально, а в действительности уже не представляли боевых единиц. Например, 41-й танковый корпус, оборонявшийся против англо-американцев на Эльбе, по сути не имел ни одного боеспособного полка. Правда, был в распоряжении Венка один 20-й корпус под командованием генерала Коллера, который более-менее сохранил вид боевого соединения. Вот ему и приказал Венк наступать в направлении Потсдама для деблокады Берлина.

Йодль сказал генералу Коллеру при постановке задачи:

— Мы повернем 12-ю армию на Восток, независимо от того, что предпримут американцы на Эльбе. Возможно, что тем самым мы покажем им, что хотим драться лишь против русских.

Теперь в ставке Гитлера появилась новая надежда. Все ждали прихода армии Венка. Изыскивались возможности для того, чтобы продержаться до ее прихода в Берлин. Геббельс, как всегда энергичный и верноподданный фюреру, заверил, что он, как верховный комиссар Берлина, заставит каждого жителя драться с советскими вой-

сками. Срочно печатались тысячи листовок, которые расклеивались по всему городу. В этих листовках имперский комиссар возлагал на каждого жителя города ответственность «за оборону своего дома, своей квартиры». Все члены молодежной организации «Гитлерюгенд», независимо от возраста, считались мобилизованными. Фаустпатроны раздавались 12-летним мальчикам. Во всех этих распоряжениях, листовках и приказах непременно присутствовала фраза: за невыполнение распоряжения будет применяться расстрел.

Геббельс посчитал, что генерал Рейман недостаточно энергично организовал оборону города, и на его место был назначен новый комендант Берлина, полковник Кетнер.

Понимая, что крах третьего рейха уже недалек, Геринг и Гиммлер, желая спасти свои шкуры, начали вести переговоры и искать возможности договориться с союзниками за спиной Гитлера. 23 апреля Йодль сообщил Герингу о том, что Гитлер принял решение оставаться в Берлине до последнего. Йодль также проинформировал Геринга о том, что принято решение повернуть 12-ю армию под командованием генерала Венка, да и все войска Западного фронта на Восток.

Геринг, опасаясь, что Борман перехватит инициативу переговоров с союзниками и таким образом возглавит Германию после капитуляции, принял решение действовать более активно. Поскольку он был официально объявлен преемником Гитлера в случае его смерти, он решил воспользоваться этим своим положением, хотя и опасался вызвать гнев Гитлера. Для того, чтобы подстраховаться, Геринг послал Гитлеру 23 апреля следующую телеграмму:

«Мой фюрер! Ввиду Вашего решения остаться в Берлине, согласны ли Вы с тем, чтобы я немедленно взял на себя в качестве Вашего преемника на основе закона от 29 июня 1941 г. общее руководство рейхом с полной свободой действий внутри страны и за рубе-

жом? Если я не получу ответа до 10 часов вечера, я буду считать это подтверждением отсутствия у Вас свободы действовать во имя блага нашей страны и нашего народа. Вы знаете, что я чувствую по отношению к Вам в этот суровый час моей жизни. Я не имею возможности выразить это словами. Может быть, Бог защитит Вас и быстро доставит сюда несмотря ни на что. Преданный Вам Геринг».

Эту телеграмму первым прочитал Борман. Он пришел с ней к Гитлеру и подал ее тому с соответствующими комментариями, очень неблагоприятными для Геринга, который, мол, не дождавшись результатов битвы за Берлин, уже берет на себя обязанности главы государства, заказал самолет для того, чтобы вылететь в штаб Эйзенхауэра и лично с ним договориться о капитуляции на Западном фронте.

Телеграмма Геринга и комментарии Бормана потрясли фюрера. Он сначала расплакался, а потом пришел в неопишемую ярость. Незадолго до этого Гитлеру доложили о том, что англо-американцы отказались от продолжения переговоров с генералом Вольфом. И теперь, получив телеграмму от Геринга, Гитлер понял, почему эти переговоры прерваны; теперь все берет на себя Геринг, и с Гитлером уже не желают разговаривать через Вольфа.

Борман, давно ненавидевший Геринга и искавший возможности убрать его, решил воспользоваться удобным моментом и подсказал фюреру, что за такое предательство Геринга надо бы расстрелять. Но Гитлер, несмотря на свою ярость, посчитал это чрезмерным. И тут же вместе с Борманом сочинил следующую телеграмму:

«Время вступления в силу закона от 29 июня 1941 г. я определяю сам. Я не лишен свободы действия. Запрещаю любой шаг в указанном вами направлении».

Одновременно Гитлер устно приказал шефу службы безопасности и СД Франкони оберштурмбанфюреру

Франку немедленно арестовать Геринга по обвинению в государственной измене. Приказ Гитлера был выполнен. Геринг был арестован. Вместо него командующим ВВС был назначен генерал фон Грейм, бывший командующий 7-м воздушным флотом.

В эти же дни вел активнейшие переговоры и рейхсфюрер СС Гиммлер. Он намеревался встретиться с Эйзенхауэром и через Бернадотта послал заявление:

«Я заявляю, что западные державы победили немецкие вооруженные силы. Я готов безоговорочно капитулировать на западном фронте. Я готов также обсудить технические детали осуществления капитуляции немецких вооруженных сил в Дании и Норвегии».

Кроме этого Гиммлер отправил письмо и английскому фельдмаршалу Монтгомери с надеждой, что о его содержании будет доложено и Черчиллю. В этом письме были и такие слова: «Теперь, когда Германия разгромлена, Британия осталась один на один с азиатскими варварами. Важно спасти живую силу Германии... Поскольку она вскоре вновь понадобится, чтобы вместе с англичанами драться против русских».

И еще в одну инстанцию обратился Гиммлер. Он послал обращение к главе временного правительства Франции генералу де Голлю: «Готов признать: вы победили! Но что вы станете делать теперь! Собираетесь положить на англо-саксов? Они будут обращаться с вами как с сателлитом и растопчут ваше достоинство. Или, может быть, вы вступите в союз с Советами? Они установят во Франции свои законы, вас же ликвидируют... В самом деле, единственный путь, который может привести ваш народ к величию и независимости, — это путь договоренности с побежденной Германией. Заявите об этом немедленно! Вам необходимо безотлагательно вступить в контакт в теми деятелями рейха, которые еще располагают реальной властью и готовы направить свою страну по новому пути. Они готовы к этому. Они просят вас об

этом». Таким деятелем, готовым вступить в новые отношения, Гиммлер конечно же считал себя.

25 апреля предложения Гиммлера были рассмотрены и в Вашингтоне и в Лондоне. Но поскольку к этому дню советские войска, обойдя Берлин, соединились в Потсдаме, а части 1-го Украинского фронта встретились на Эльбе с войсками союзников, уже не было никакого смысла начинать переговоры с Гиммлером. И 28 апреля предложение Гиммлера не только было отвергнуто, но было объявлено по радио, что он вышел с таким предложением и что последовал отрицательный ответ западных держав. Это сообщение лондонского радио было доложено Гитлеру.

Гитлер вновь потерял самообладание, впал в ярость и, несмотря на то, что Гиммлер начинал и вел эти переговоры с его благословения, отдал приказ о его розыске и аресте. На этот раз Гитлер был раздосадован не столько действиями Гиммлера, сколько тем, что намерения о капитуляции перед западными союзниками срываются окончательно.

Фюрер приказал немедленно разыскать и вызвать к нему представителя Гиммлера при ставке группенфюрера Фегелейна. Однако в служебном помещении, там, где должен был находиться Фегелейн, его не обнаружили. Гитлер кричал:

— Разыскать Фегелейна живым или мертвым!

Но вскоре выяснилось, что Фегелейн, спасая свою шкуру, еще три дня назад убежал из бункера фюрера.

Все же Фегелейна эсэсовцы изловили и доставили к Гитлеру, и тут же по приказу Гитлера он был расстрелян во дворе имперской канцелярии.

22 апреля был напечатан последний приказ Гитлера: «Запомните: каждый, кто пропагандирует или даже просто одобряет распоряжение, ослабляющее нашу стойкость, является предателем! Он немедленно подлежит расстрелу или повешению! Это имеет силу также и в том случае,

если речь идет о распоряжениях, якобы исходящих от гауляйтера, министра, доктора Геббельса или даже от имени фюрера. Адольф Гитлер».

По радио постоянно объявлялось, что фюрер остается в столице и что там, где фюрер, там — победа.

21 апреля Гитлер перешел в новое, более глубокое бомбоубежище, которое только что для него специально было достроено. Оно находилось рядом с прежним, размещавшимся под рейхсканцелярией, новым бункером уже был 8-метровый слой бетона. Этот «фюрербункер» находился ниже прежнего на 40 ступенек, более тесным, здесь располагались комнаты, предназначавшиеся для наиболее приближенных к фюреру особ. В этот новый бункер фюрер пригласил преданного ему Геббельса и его семью.

Магда Геббельс была фанатичной нацисткой, очень преданной фюреру. Даже своих шестерых детей она назвала именами, начинающимися с первой буквы фамилии фюрера «Н» — Hitler. Пять девочек — Хайда, Хильда, Хельда, Хеуда, Хольда и единственный сын Хельмут (ему шел 10-й год). Фрау Геббельс переехала в бункер фюрера вместе с детьми не только с целью обезопасить свою семью. Она решила до конца быть с любимым фюрером. А конец этот приближался.

Управлять войсками из бункера становилось все труднее. Связь часто прерывалась. Неразбериха в руководстве все более усиливалась. Вот только один эпизод, который весьма красноречиво иллюстрирует царившую неразбериху и, как следствие, необоснованность и хаотичность решений Гитлера. Ему доложили, что 56-й танковый корпус под командованием генерала Вейдлинга отходит из Берлина на юг. А ведь Гитлер приказывал все силы сосредоточить в столице для ее обороны. Посчитав, что Вейдлинг со своим корпусом хочет удрать, избежать сражения, фюрер приказал арестовать и расстрелять Вейдлинга без долгих разбирательств. У него вообще в последнее время «арест», «расстрел», «повесить» были един-

ственными мерами взыскания для неисполняющих его приказы. Вейдлинг был верным служакой, и поэтому, несмотря на грозившую ему опасность, решился прийти в ставку и разобраться в чем дело. В бомбоубежище Вейдлинга очень холодно встретил начальник генерального штаба Кребс, но все-таки согласился его выслушать. Вейдлинг доложил, что получил приказ командующего 9-й армией на перемещение командного пункта, а затем и частей корпуса на юг (туда, где к Берлину приближались соединения Конева), но он этот приказ еще не выполнил, и поэтому не виноват.

Кребс приказал Вейдлингу позвонить немедленно в свой штаб и отменить выполнение приказа штаба 9-й армии, а сам пошел доложить об этом недоразумении фюреру. Через полчаса Кребс вернулся и сказал, что фюрер хочет сам выслушать генерала Вейдлинга.

В итоге на сей раз обошлось. Генерал Вейдлинг ушел из ставки, получив вместо расстрела новое высокое назначение. Стал командующим обороны восточного и юго-восточного секторов Берлина, куда должен был сосредоточить свой 56-й танковый корпус и все части, которые находились в этом районе. Этот опытный служака, прошедший в боях все войны, в которых участвовала гитлеровская армия, прибыв на место, умело организовал оборону в своем секторе и на какое-то время стабилизировал положение. Вскоре опять последовал звонок из ставки, и генерал Кребс потребовал, чтобы Вейдлинг немедленно прибыл в бомбоубежище Гитлера. Пройдя все посты, проверку документов и даже обыск в нескончаемых коридорах бункера, Вейдлинг наконец предстал перед Кребсом. Первая же фраза, которую произнес начальник генерального штаба, поразила Вейдлинга:

— При своем докладе вчера вечером вы произвели на фюрера благоприятное впечатление, и он назначил вас командующим обороной Берлина.

Вейдлинг был так ошарашен этим неожиданным на-

значением, что у него вырвалась необдуманная и неуместная в данном случае фраза:

— Вы бы лучше приказали меня расстрелять, тогда бы меня миновала чаша сия!

Чехарда с назначениями комендантов Берлина в последнее время шла необыкновенная. 22 апреля снят генерал Рейман, а на его место назначен полковник Кантор. Вновь назначенный комендант был начальником штаба национал-социалистического руководства и не имел абсолютно никаких практических знаний и опыта, но несмотря на это, ему был сразу присвоен чин генерал-лейтенанта. Вскоре некомпетентность новоиспеченного генерала стала очевидной. Вот поэтому так быстро и решительно Гитлер и Кребс решили исправить свою ошибку и назначили подвернувшегося под руку опытного боевого генерала новым комендантом обороны Берлина.

Надо отдать Вейдлингу должное — он сумел в очень сложных условиях организовать управление частями, ранее понесшими огромные потери, и теми, которые были сформированы из фольксштурмовцев и стариков. Он нашел место для командного пункта в бункере управления зенитной обороной города. Там была хорошо налаженная связь, он быстро подчинил себе, объединил все разрозненные отступающие части и организовал сопротивление наступающим советским войскам.

* * *

Когда у Жукова произошла заминка на Зееловских высотах, Верховный Главнокомандующий дал указание маршалу Коневу:

— У Жукова идет туго, поверните Рыбалко и Лелюшенко на Целендорф, помните, как договорились в Ставке.

Немедленно были отданы распоряжения обоим ко-

мандующим танковыми армиями — Рыбалко и Лелюшенко и была написана часто упоминаемая военными историками директива о повороте двух танковых армий на штурм Берлина.

Ох, не просто было повернуть круто — почти на девяносто градусов — две такие танковые махины! Причем сделать это в ограниченное время, а точнее, немедленно, в течение нескольких часов! 3-й гвардейской танковой армии под командованием генерал-подполковника П.С.Рыбалко приказывалось в течение ночи на 18 апреля форсировать реку Шпрее и далее, развивая стремительное наступление на южную окраину Берлина, в ночь с 20 на 21 апреля ворваться в город. 4-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника Д.Д.Лелюшенко должна была к этому же времени овладеть Потсдамом и юго-западной частью Берлина.

Не раз бывая в Германской Демократической Республике, выезжал в тот район, где танковая армия Рыбалко выполняла этот стремительный поворот и ринулась на Берлин с юга. Ходил и ездил по этому району, по его небольшим городкам, полям и старался представить, как дрожала здесь мокрая, раскисшая (апрель!) земля, как рычали сотни танков, как старались танкисты осуществить маневр на незнакомой местности, да еще ночью! И как они все это блестяще выполнили! У них за плечами была большая и трудная война, огромный опыт. Они вели в бой лучшие в мире — по тем временам — танки, которые произвел народ, измученный усталостью и недоеданием. Народ, ждавший от них победы! И она была близка. Я представлял, с каким злым энтузиазмом, с какой радостью и вдохновением действовали в эту ночь чумазы от гари танкисты. Они не спали уже третьи сутки — но не ощущали усталости. Я видел, как разя с ходу появляющихся на пути гитлеровцев, они мчались вперед — к логову врага.

Походил я и по окраинам Цоссена. 20 апреля сюда

прорвались танкисты Рыбалко. Знатный подарочек они преподнесли фюреру, может быть, даже сами не зная о том, что это был его день рождения. Очень символический получился «подарок» — в Цоссене находилась штаб-квартира верховного командования гитлеровской армии. Именно здесь проходила разработка плана «Барбаросса». И вот какой потрясающий финал — советские войска громят эту адскую кухню, откуда была выпущена на свет война, громят именно в день рождения фюрера!

Я смотрел на серые особняки, двух-трехэтажные дома довоенной постройки. Они живописно расположены в хвойном лесу. Уютно жили в этом тихом и красивом месте те, кто принес так много страданий народам Европы, да и немецкому народу.

Представляю, как они ходили друг к другу в гости, как поднимали бокалы в честь захвата городов, да и целых стран — Польши, Франции, Бельгии, Дании, Греции и многих других. Как распирали их спесь и как они уверовали сами, что представляют собой особую расу господ.

Здесь же, в этих домах, уже были проложены на картах маршруты, составлены графики движения войск в Иран, Ирак, Афганистан, Индию.

Мог ли представить я, окопный лейтенант, что буду ходить под Цоссеном, среди домов гитлеровской ставки! Даже во сне мне такое не могло присниться!

И вот я опять здесь спустя почти полвека! После того, как бежали отсюда хозяева этих домов, бежали, боясь быть пойманными, боясь ответственности за содеянное ими зло.

Как они метались по этим ухоженным лужайкам, как торопливо жгли бумаги со своими преступными планами, как бежали, понимая, что и бежать-то уже некуда, но все же уходили, уползали, только бы не быть захваченными и опознанными как работники этой главной штаб-квартиры.

Я сохранил старую вырезку из газеты со статьей Бориса Полевого. В ней приводится любопытный документ, дающий представление о том, что здесь происходило в те последние часы:

«У меня в руках оказались листки переводов последних переговоров узла связи гитлеровского верховного командования сухопутными вооруженными силами с военачальниками, находившимися на юге Германии и в странах, еще оккупированных фашистскими войсками. На одном конце провода были встревоженные ходом событий гитлеровские военные сатрапы, а на другом — четыре пьяных солдата-телеграфиста, заживо похороненных в бункере узла связи и мысленно уже простившихся с жизнью.

Вот отрывки из этих разговоров, в которых по причинам, легко понятным, я заменяю наиболее выразительные слова многоточиями.

Эдельвейс. Вручите немедленно генералу Кребсу. Отсутствием информации вынужден ориентироваться обстановке радиопередачам англичан. Сообщите обстановку. Сообщите дальнейшие действия. Подписано А-15.

Ответ. Вызвать кого-либо невозможно. Погребены в могиле. Передачу прекращаю.

Эдельвейс. Что за глупые шутки? Кто у провода? Немедленно позвать старшего офицера. А-15.

Ответ. Офицер насалил пятки. Все насалили пятки. Замолчи, надоед.

Эдельвейс. Какая пьяная скотина у провода? Немедленно позвать дежурного офицера.

Ответ. Поцелуй в... свою бабушку, идиот.

Эдельвейс. У аппарата А-16. Весьма срочно.

Ответ. Не торопитесь в петлю.

Эдельвейс. Не понял, повторите.

Ответ Вонючий идиот. Все драпанули. По нас ходят Иваны. К тебе еще не пришли?

Эдельвейс. Снова настаиваю на связи с Кребсом. Сообщите обстановку в Берлине.

Ответ. В Берлине идет мелкий дождик. Отстань.

Эдельвейс. Кто со мной говорит? Назовите фамилию, звание.

Ответ. Надоел. Все удрали. Танки Иванов над нами...»

Фланги 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, обтекающие берлинскую группировку, сходились все ближе. К исходу 22 апреля танковую армию Лелюшенко отделяло от 47-й армии генерала Перхоровича 1-го Белорусского фронта всего сорок километров, а танковая армия Рыбалко от 8-й гвардейской армии Чуйкова была в двенадцати километрах. Таким образом, намечались сразу два кольца окружения.

Ставка, учитывая это положение, потребовала от маршалов Жукова и Конева не позднее 24 апреля завершить это двойное окружение, в первом кольце которого остался бы Берлин, а во втором оказалась бы франкфуртско-губенская группировка противника.

25 апреля был издан приказ Верховного Главнокомандующего. На этот раз он адресовался двум командующим фронтами и двум начальникам штабов этих фронтов:

«Маршалу Советского Союза Жукову, генерал-полковнику Малинину, Маршалу Советского Союза Коневу, генералу армии Петрову.

Войска 1-го Белорусского фронта перерезали все пути, идущие из Берлина на запад, и сегодня, 25 апреля, соединились северо-западнее Потсдама с войсками 1-го Украинского фронта, завершив, таким образом, полное окружение Берлина».

В тот же день войска 1-го Украинского фронта встретились на Эльбе с войсками союзников.

Приказ об этом историческом событии вышел 27 апреля 1945 года. В нем говорилось:

«Войска 1-го Украинского фронта и союзные нам анг-

ло-американские войска ударом с востока и запада рассекли фронт немецких войск и 25 апреля в 13 часов 30 минут соединились в центре Германии, в районе города Торгау. Тем самым немецкие войска, находящиеся в северной Германии, отрезаны от немецких войск в южных районах Германии».

9-я немецкая армия Буссе сделала попытку прорваться навстречу армии Венка. Надо сказать, в 9-й армии гитлеровцев были немалые силы — 14 дивизий и много отдельных специальных частей, в общей сложности до 200 тысяч солдат и офицеров. Главный удар Буссе нанес в направлении Луккенвальде. Удар был довольно сильным. Противнику удалось продвинуться к Луккенвальде, он перерезал наши коммуникации и, что было особенно неприятно, в разгаре боев нарушил всю проводную связь со штабами армий, которые участвовали в штурме Берлина и окружали его.

Когда пробивающиеся части армии Буссе перерезали наши коммуникации, связь с армиями Жуков поддерживал по радио, и она ни на минуту не прерывалась.

Пробиваясь на запад, части Буссе выходили к очень важным участкам в наших боевых порядках. Так, например, на одном из направлений оказался штаб 4-й гвардейской танковой армии, гитлеровцы вышли к нему внезапно. Всем офицерам штаба, включая и самого командарма Лелюшенко, пришлось взяться за оружие и за гранаты. Только подоспевшие на помощь находившиеся поблизости части выручили штаб армии.

Не успели закончиться бои, чтобы выручить штаб 4-й танковой армии, как уже понеслись тревожные звонки с аэродрома 9-й гвардейской истребительной авиадивизии. Прямо к аэродрому вышли части противника. Здесь атаку гитлеровцев отразили летчики и обслуживающий персонал аэродрома. Сам командир дивизии будущий трижды герой Советского Союза А.И.Покрышкин участвовал в этой неожиданной схватке. В районе аэро-

дрома не только был отражен удар гитлеровцев, но захвачены три тысячи пленных.

28-го Кребс передал отчаянный и последний приказ:

«Всем соединениям, сражающимся между Эльбой и Одером, всеми средствами и как можно скорее привести к успешному завершению охватывающее наступление для выручки столицы рейха».

Но никто не откликнулся. Разгромленный вермахт уже не мог никого и ничего выручать.

* * *

Боевые действия в условиях большого города имеют свою специфику. И Жуков очень своевременно реагировал на изменения условий боя и обстановки. Используя свой огромный опыт и знания, он принял решение создать все условия для эффективных действий более мелкими группами. В огромном скопище зданий с подвалами, коммуникациями, действия с тактическими приемами, свойственными для дивизий и даже полка в полевых условиях, не подходили. Жуков отдал распоряжение создать в частях и соединениях штурмовые группы. В каждую группу включить танки, самоходные орудия и особенно артиллерию, вплоть до 203-миллиметрового калибра. Жуков также рекомендовал тактику действия этим штурмовым группам: тщательно выявлять огневые точки в зданиях или кварталах, открывать быстрый и эффективный огонь и атаковать противника после подавления его артиллерийскими средствами. А дивизионным и даже корпусным артиллерийским группам вести огонь на глубину 1 километра от наступающих по улицам, перекресткам, дворам, скверам для того, чтобы не допустить подхода резервов для контратак или отхода на новые рубежи отступающих подразделений. После продвижения штурмовой группы на 450—500 метров огонь переносился да-

лее в глубину, а штурмовая группа со своими непосредственными огневыми помощниками и танками зачищала здания на этом участке.

Бои были тяжелые. Особенно много вреда приносили мальчишки-фольксштурмовцы со своими фаустпатронами. Они по подвалам, по канализационным сооружениям пробирались в подворотни, подъезды домов и били по танкам и самоходкам с малого расстояния.

26 апреля, в тот день, когда генерал Вейдлинг был у Гитлера на совещании, описанном выше, Жуков докладывал в очередном боевом донесении Верховному Главнокомандующему:

«1. Противник в течение 25.4.45 г. продолжал оказывать упорное сопротивление наступлению наших войск. В городе Берлине большое количество батальонов фольксштурма, различные спецчасти и остатки разбитых в предыдущих боях соединений и частей, опираясь на заранее созданные оборонительные сооружения и используя крупные городские здания, подготовленные к обороне, упорно обороняются, предпринимая многочисленные контратаки...

2. Войска фронта, продолжая наступление, в течение 25.4.45 г. вели напряженные уличные бои в городе Берлине и, продвигаясь к центру города, заняли ряд кварталов. Продвигаясь в направлении Ратенов, Бранденбург, Потсдам, обошли Берлин с севера, с северо-запада и с запада, соединились с войсками 1-го Украинского фронта в районе Кетцин—Потсдам и этим завершили окружение группировки противника в городе Берлин».

Вечером 27 апреля на совещании в немецкой ставке генерал Вейдлинг доложил о том, что потеряны аэродромы Темпельхов и Гатов. Снабжение по воздуху, которое и раньше-то было не очень значительным, теперь окончательно прекратилось. Генерал Кребс не мог доложить ничего утешительного. Он сказал, что в группе армий «Висла», по докладу генерал-полковника Хейнрици, по-

ложение критическое, нет боеприпасов, моральный дух войск снизился до предела. О наступлении армии Венка нет никаких известий. Группа Штайнера, видимо, прекратила свое существование.

В бункере Гитлера появился генерал фон Грейм Тот, кого Гитлер назначил вместо смещенного Геринга. Он прибыл по вызову фюрера для получения его указаний. Фон Грейма доставила в Берлин его жена — летчица-спортсменка Ханна Рейч. Она была большим мастером по пилотажу и на одноместном учебном самолете умудрилась сесть в центре Берлина на Шарлоттенбургер Шоссе, недалеко от Бранденбургских ворот, причем мужа своего в том одноместном аэроплане она втиснула вниз, у себя в ногах, под пультом управления. Перед посадкой самолет был обстрелян, и Грейм был ранен в ногу. Так что вновь назначенный командующий ВВС прибыл к Гитлеру на носилках.

Гитлер тут же принял фон Грейма и Ханну Рейч. Он пожаловался, что вокруг него — измена, что и Геринг его предал и он был вынужден отстранить его. Назначив фон Грейма главнокомандующим ВВС Германии, Гитлер тут же произвел его в фельдмаршалы. Растроганные муж и жена фон Грейм сказали, что останутся здесь с Гитлером до конца. Гитлер отблагодарил их за эту преданность, подарив и мужу и жене по ампуле с ядом. Оценив по достоинству преданность нового фельдмаршала, Гитлер все же сказал, что им необходимо вылететь из окруженного Берлина и оттуда, извне, приложить все усилия, собрать всю авиацию и помочь войскам деблокировать Берлин.

Жена фельдмаршала, Ханна Рейч, еще раз продемонстрировала свое искусство: она сумела взлететь на своем маленьком самолете с улицы, заваленной обломками, вывезла нового командующего ВВС из Берлина. Кстати, они же увезли с собой и письма мадам Геббельс ее родственникам. Геббельс тоже послал письмо своему пасынку Харальду. В нем были такие строки: «Не думаю, чтобы

нам удалось еще раз увидаться, значит, это, скорее всего, последние строки, которые ты от меня получаешь».

Дальше Геббельс пишет о матери Харальда, своей жене. «Такой матерью, как твоя, ты можешь гордиться. Вчера вечером фюрер вручил ей золотой партийный значок, который он многие годы носил на кителе. И она это вполне заслужила». А фрау Геббельс писала своему сыну следующее: «Мой возлюбленный сын! Уже шесть дней мы, папа, твои пять сестер, братик и я, находимся в фюрербункере, чтобы завершить нашу национал-социалистическую жизнь единственно возможным почетным исходом. Мир, который наступит после фюрера и национал-социализма, уже не стоит того, чтобы в нем жить, и потому я взяла с собой также и детей».

Как известно, эта фанатичная мать собственными руками дала яд всем шестерым своим детям и отравила их. А Геббельс, как на протяжении всей своей деятельности обманывал германский народ, так и в эти последние дни и часы продолжал врать. Он кричал по радио: «Защитники Берлина! Армия Венка на подступах!»

Части Жукова прорвали внутреннее кольцо обороны Берлина и продвигались уже к самому «сердцу» города. Генерал Вейдлинг доложил об этом Кребсу. Кребс, не имея надежной военной связи, но пользуясь тем, что продолжала работать городская телефонная станция, по телефонной книге набирал номера телефонов квартир на тех улицах, где, по его предположениям, шли боевые действия, и спрашивал: «Извините, сударыня, русские уже у вас?» На что иногда следовал ответ: «Да, русские танки уже прошли».

В этот же день командующий группой армий «Висла» генерал-полковник Хейнрици доложил, что группа армий уже не в состоянии не только удерживать занимаемые рубежи, но и выполнять какие-нибудь приказы. За что был немедленно отстранен от должности, и командующим группой армий был назначен командующий 1-й пара-

шютно-десантной армией генерал Штудент. Но пока его не нашли, группой должен был командовать командующий 3-й танковой армией Мантейфель. Однако Мантейфель не хотел брать на себя эту ответственность, заявив, что не может бросить свои войска, которые ведут бой в критической обстановке. Тогда командование группой армий возложили на генерала пехоты Типпельскирха. Тот тоже сначала отказывался, но в конце концов Кейтель приехал к нему непосредственно в штаб и уговорил его, что в такой обстановке надо брать на себя командование.

Вейдлинг на очередном своем докладе сообщил, что не видит никакого выхода, кроме прорыва оставшимися силами из окруженного Берлина, и получил указание от начальника генштаба Кребса разработать этот прорыв. Вейдлинг со своим начальником штаба составили план прорыва, довольно неплохой в тех условиях и при наличии тех сил, которыми они располагали. В общих чертах план сводился к следующему. В первом эшелоне следует 9-я десантная дивизия. Левее ее пробивает путь 18-я танко-гренадерская дивизия. Во втором эшелоне движется боевая группа СС Монке со своей личной охраной фюрера и полком СС, который переброшен по воздуху. В этой группе должен находиться фюрер и все высшее командование. В третьем эшелоне прикрывает отход дивизия «Мюнхеберг», боевая группа «Беренфенгер» и остатки дивизий СС «Нордланд». Все танки и самоходные орудия придаются 1-му эшелону, который является главной пробивной силой. На вечернем докладе Вейдлинг доложил о безвыходном положении берлинского гарнизона и сказал, что единственный выход — это попытаться совершить прорыв. Здесь же он подробно изложил разработанный им план. Гитлер долго молчал, молчали все окружающие. Наконец он произнес довольно тихим голосом:

— Если прорыв даже и в самом деле будет иметь успех, то мы просто попадем из одного котла в другой. Я

должен буду ютиться под открытым небом или в крестьянском доме, или в чьем-либо подвале и ожидать конца. Лучше уж я останусь в имперской канцелярии.

После этого Гитлера охватила последняя вспышка злобы. Он с пеной у рта кричал, что все его предали, что немецкий народ — ублюдок и что измена — всеобщая, и пусть все погибнут вместе с ним. Он принял окончательное решение остаться в Берлине и покончить с собой.

Но, удалившись в свою личную комнату, Гитлер и здесь вынужден был решить еще одну немаловажную проблему, которую поставила Ева Браун. Она заявила фюреру:

— Не хочу уходить на тот свет твоей любовницей. Я была твоей женой и хочу уйти с тобой вместе на тот свет как твоя жена.

И вот в бункере, находящемся под артиллерийским обстрелом, под гром канонады разыгрывается некое фантазмагорическое действо. Гитлер объявляет о своем бракосочетании с Евой Браун и о том, что здесь будет проведен свадебный обряд и свадебное застолье. Срочно ищут священника, для того чтобы он совершил обряд венчания. Но где найти в этой сумятице священника? Наконец, Геббельс находит своего подчиненного Вальтера Вагнера, инспектора по религиозным делам. Он прибывает в бомбоубежище и совершает обряд венчания, будучи одетым в военную форму с повязкой фольксштурмиста на рукаве, потому что у него не было с собой одежды, подобающей человеку духовного сана.

Гитлер едва мог расписаться в брачном свидетельстве: так сильно у него ходила ходуном рука. А Ева Браун начертала первые буквы Ева Б..., а потом зачеркнула и поставила новую фамилию — Ева Гитлер. После этого в личной комнате состоялся свадебный ужин, где были мадам Геббельс, сам Геббельс, две секретарши Гитлера и сами новобрачные.

А между тем после этой брачной ночи, 29 апреля,

советские войска уже взяли Ангальтский вокзал и по Вильгельмштрассе рвались к имперской канцелярии. Командующий обороной бункера и ближайших подступов Монке сообщает, что ему с большим трудом удастся сдерживать наступление советских войск, которые находятся уже в 500 метрах от бункера. Борман, Кребс и другие высшие чины на свадебном ужине изрядно накачались спиртным и даже под артиллерийским обстрелом крепко спали. А Гитлер в это время диктовал своим секретарям завещания. Их было два. Одно — «политическое», другое — «личное».

Специальные посланцы — эсэсовцы — отправляются с копиями завещаний, один к фельдмаршалу Шернеру, а другой — к гроссадмиралу Деницу.

29 апреля в 12 часов в кабинете Гитлера по его приглашению собираются: Борман, Геббельс, Бургсдорф и Кребс с помощниками и адъютантами. У них уже нет связи с внешним миром, они совершенно не знают, что происходит там, наверху. Гитлер пытается все еще отдавать какие-то распоряжения, и Йодль, и Кребс передают эти распоряжения, которые конечно же не доходят до войск.

30 апреля Кребс докладывает Гитлеру о том, что советские войска уже овладели Тиргартеном, Потсдамской площадью, проникли на Фосштрассе, куда выходит фасад имперской канцелярии. Гитлер все еще не мог решиться на то, чтобы покончить с собой.

Но, наконец, уже понимая, что нет иного выхода и его могут взять живым, он решается на последний шаг в своей жизни. Сначала он дает ампулы с ядом своей любимой овчарке Блонди и ее щенку. Яд действует мгновенно, собака издыхает. За дверью стоят Борман, Геббельс, Аксман, Гюнше, камердинер Линге, которому уже поручено раздобыть 200 литров бензина для сжигания трупов. Они ждут.

В половине четвертого дня 30 апреля они приоткрыли дверь и увидели следующую картину: Гитлер, отки-

нувшись на спинку дивана, сидит в одном углу; Ева Браун с бледным лицом сидит в другом углу. Оба мертвы.

В газетах того периода появлялись публикации, что Гитлер застрелился. Это были последние попытки создать рыцарский ореол вокруг имени фюрера. Ни сам он в себя не стрелял, и никто другой ему не помогал (как якобы это было согласно одному из вариантов рассказа). У ног его лежала ампула от яда — и никаких гильз.

Камердинер Линге и врач Штумпфеггер завернули труп Гитлера в армейское одеяло и через запасный выход с помощью охраны канцелярии вынесли труп в сад, окружавший рейхсканцелярию. Вслед за ним вынесли и тело Евы Браун. Советская артиллерия обстреливала улицы и дома, окружавшие рейхсканцелярию.

Приведу короткую выдержку из воспоминаний личного шофера Гитлера — Эриха Кемпки «Я сжег Гитлера», хотя строки эти широко известны, здесь они, на мой взгляд, будут уместны как завершающий эпизод в судьбе человека, который хотел завладеть всем миром, но так мелко и ничтожно, в какой-то яме завершал свой жизненный путь.

«Линге и д-р Штумпфеггер вынесли завернутое в темное полевое одеяло тело Гитлера и понесли его к выходу. Лицо шефа было закрыто до переносицы, а на лбу уже выступила восковая свинцовая синева. Вывалившаяся из одеяла до локтя левая рука безжизненно свешивалась вниз. За обоими шел Мартин Борман. Он нес на руках мертвую Еву Гитлер. Она была в черном платье, светлые локоны откинuty назад. Эта картина потрясла меня еще больше, чем вид мертвого шефа. Ева ненавидела Бормана. Она давно уже распознала его игру, его стремление к власти, и вот теперь, когда она умерла, ее нес к месту последнего успокоения ее величайший враг! Нет, она ни минуты больше не должна оставаться в руках Бормана! Я коротко бросаю Гюнше:

— Помогите нести шефа, а я возьму Еву!

Подхожу к Борману и без слов беру на руки труп Евы.

На двадцать ступеней вверх к выходу из бункера я не рассчитывал, силы мои были на исходе. На половине лестницы на помощь поспешил Отто Гюнше. Вместе мы вынесли тело мертвой Евы Гитлер наружу.

Было два часа дня. Имперская канцелярия находилась под сильным артобстрелом. Русские снаряды рвались совсем рядом. Вздymались фонтаны земли. Воздух был пропитан известковой пылью.

Д-р Штумпфеггер и Линге быстро положили мертвого шефа примерно в трех метрах правее выхода из бункера. Непосредственно рядом стояла большая бетономешалка, с помощью которой собирались нарастить толщину крыши бункера еще на метр.

Адольф Гитлер лежал на земле в том же виде, в каком его вытащили из кабинета, закутанный в свое серое одеяло, ногами к бункеру. Одеяло, использованное только для переноски трупа, еще не было снято. Гюнше и я положили Еву Гитлер рядом с мужем...

Вокруг рвались русские снаряды: казалось, артиллерия в этот момент удвоила свой огонь по саду имперской канцелярии и по бункеру фюрера. Я бросился обратно к бункеру и на миг остановился, тяжело дыша, чтобы переждать разрыв снарядов. Потом схватил одну из канистр с бензином, выскочил из бункера и поставил ее рядом с обоими трупами. Я рывком открыл кран канистры. Снаряды рвались теперь уже совсем близко. Мы были покрыты грязью и копотью, свистели осколки. Укрывшись в бункере, мы возбужденно выжидали момент, когда обстрел уменьшится и мы сможем поднести бензин. Пригнувшись, я снова выскочил и схватил канистру. Дрожа всем телом, я всеми силами заставлял себя делать это. Я вылил бензин на обоих мертвецов. Одежда мертвецов слегка развевалась на ветру, пока не пропиталась насквозь бензином и не опала под его тяжестью. Поднятая разрывами снарядов земля осыпала нас. Преодолевая страх

смерти, я подтаскивал все новые и новые канистры. /.../ Артогонь усилился до такой степени, что мы уже не решились выйти из тамбура бункера. /.../ С нами вместе у выхода стояли д-р Геббельс, Борман, д-р Штумпфеггер. А снаружи неистовствовал настоящий ад!

Но как же нам поджечь бензин? Предложение сделать это при помощи ручной гранаты я отклонил. Случайно взгляд мой упал на большую тряпку, лежавшую рядом с пожарными шлангами у выхода из бункера. Гюнше схватил ее и разорвал на куски. Открыть кран канистры и сунуть туда тряпку было делом секунды. Я наклонил канистру, тряпка хорошо намочла, напиталась бензином. «Спички!» Д-р Геббельс вынул коробок из кармана и протянул мне. Я зажег спичку и сунул в тряпку, а потом высокой дугой швырнул на облитые бензином трубы. С широко раскрытыми глазами мы смотрели на лежащие там тела. В одну секунду высоко вспыхнуло бурлящее пламя, к небу поднялись темные столбы дыма. На фоне горящей столицы рейха они создавали ужасающую картину».

* * *

Считаю необходимым сказать о некоторых особенностях битвы за Берлин. Это было заключительное сражение Великой Отечественной войны, оно окончательно разрешило военно-политические противоречия между СССР и фашистской Германией.

Берлинская операция — первая, в которой при планировании учитывались не только силы, группировка и возможные действия противника, но и действия союзных англо-американских войск. Причем не в смысле взаимопомощи, взаимодействия, как то было при высадке союзников во Франции, в дни Арденского контрудара немцев, или нашей операции «Багратион».

В Берлинской битве особенностью стало то обстоя-

тельство, что союзные войска имели задачу упредить Советскую Армию в овладении Берлином и превращались из союзника в конкурента, оппонента, соперника.

Особенностью для Жукова в этой операции являлось то, что он лично командовал войсками 1-го Белорусского фронта, а не координировал действия нескольких фронтов, как это было в других крупных стратегических операциях.

Маршал Жуков как заместитель Верховного Главнокомандующего с 2 ноября 1944 г., участвовал в разработке плана Берлинской стратегической операции, которая разрабатывалась и проводилась под руководством Верховного Главнокомандующего.

И только 1 апреля 1945 года (после 4 месяцев работы над общим планом) доложил Ставке «План наступления войск 1-го Белорусского фронта».

В соответствии с этим планом фронт Жукова должен был самостоятельно брать Берлин при содействии 1-го Украинского фронта слева и 2-го Белорусского фронта справа.

Но Сталин, предвидя возможные осложнения при наступлении 1-го Белорусского фронта, зачеркнул разграничительную линию в верхней ее части между войсками Жукова и Конева — исключавшую для Конева вход в столицу Германии.

Этим Сталин создал еще одну особенность Берлинской операции — зародил соперничество между двумя довольно самолюбивыми полководцами.

Сталин рассчитывал ускорить взятие Берлина, подтолкнуть маршалов, но как показал ход боевых действий, это породило не только положительные последствия, но и отрицательные. У Жукова появилась торопливость и связанные с ней ненужные потери.

Да и Конев гнал подчиненные войска «в хвост и в гриву», не считаясь с потерями, лишь бы опередить Жукова.

Вот из этого и вытекает еще одна особенность Берлинской операции, не украшающая наших самых крупных полководцев — Сталина, Жукова и Конева, потому что игра на самолюбии стоила многих жизней.

Хотел ли Жуков самостоятельно, без помощи Конева взять Берлин? Конечно хотел! Это в его характере. Отрицать фактор соревновательности — грешить против истины.

Но правда не в том, на что, передергивая ход событий, упирают некоторые авторы, утверждая — Жуков, не щадя войск, гнал их вперед, стремясь любой ценой опередить Конева, войска которого подступали к южным окраинам Берлина.

Нет, Жуков отнюдь не был так примитивно прямолинеен! Конечно, были и ревность, и амбиции, но маршал прекрасно понимал и то, что не нахрапом, не навалом надо решать дело в таких условиях. Хладнокровный расчет, глубочайшее проникновение в тонкости ситуации и точнейшая, просто ювелирная реакция на действия противника, и соответствующее применение своих войск — вот чем добивался успеха Жуков в соперничестве с соседом слева.

И еще, искусство и превосходство маршала проявились в необычном, новаторском применении танковых соединений. И у Жукова, и у танкистов, и по теории применения механизированных войск всюду, у всех и всегда основной идеей было стремление выйти на оперативный простор после прорыва тактической зоны обороны. Это правильно и подтверждено успешной практикой в победных операциях, проведенных маршалом Жуковым и другими.

Но критикующие Жукова за Берлинскую операцию за «преждевременный» ввод танковых армий почему-то упускают из виду важнейшую особенность обороны противника. Здесь фронт Жукова наступал «в лоб». Не было в глубине пространства для маневра. Не было вообще «оперативного простора». Потому что от Одера и до Берлина

несколько оборонительных рубежей представляли собой сплошную тактическую оборону — в самом ее классическом значении.

Если в других операциях после прорыва первых рубежей сопротивление противника ослабевало, то здесь, наоборот, возрастало! И в завершение боевых действий в полевых условиях войска упирались в могучий оборонительный массив-крепость — Берлин.

Жуков понимал это, и военное искусство его проявилось в этой операции в том, что он вводом танковых армий «не по правилам» решил уничтожить главные силы врага — на первых рубежах обороны. Вложить все, сломать, раздавить, уничтожить войска противника в поле! Тогда легче будет брать крепость Берлин. Если бы немецкие войска не понесли огромные потери в боях за Зееловские высоты и организованно отошли в город, они бы в домах-крепостях оборонялись несколько месяцев, как мы в Сталинграде. А Жуков их уничтожил, подавил, деморализовал могучими ударами в поле, и в город отошли остатки почти неуправляемых частей. За две недели прорвать 60-километровую оборону и затем взять такую машину, как Берлин — победа выдающаяся.

Но все же, на завершающем этапе такой грандиозной войны от полководцев, накопивших прекрасный опыт организации и проведения крупных стратегических операций, вполне закономерно было ожидать (в том числе и от Жукова) завершения войны более блестящей, особенно эффектной, в смысле военного искусства, операций.

Состоялось ли это?

При попытке ответить на этот вопрос всегда началась и много лет продолжается дискуссия: одни авторы видят в Берлинской операции только ее недостатки, а другая сторона отмечает только положительные стороны.

Причем обе стороны, находящиеся под влиянием

современных, сегодняшних политических групповых схваток, забывают, что разговор идет о состоявшемся историческом событии, при объективной оценке которого недопустима однобокость, так как смещение оценочных критериев к субъективным постулатам уводит обсуждаемый вопрос из области науки (истории) в область пропагандистской возни и болтовни, давно известной как нечто лживое, грязное, непорядочное.

К сожалению, в этой политической свалке участвуют люди с учеными степенями и труды их останутся на книжных полках библиотек.

Некоторые из них особенно подчеркивают якобы напрасные большие потери в боях за Берлин, совершенно не учитывая при этом особенности Берлинской операции, которых немало. Кроме уже вышеизложенных, отмечу еще несколько, касающиеся именно потерь.

Впервые за всю войну целый фронт вел бои в одном огромном городе (если не считать силы, обходившие Берлин с севера). Раньше, когда крупные населенные пункты оказывались в полосах наступления фронтов, их чаще обходили. В Сталинградской битве бои шли тоже в городе, но там наши войска вели оборонительные действия.

Такого сражения, когда фронт почти целиком вступил в огромный город, не было — улицы и дома поглотили войска.

Бои шли в домах и подвалах, тоннелях метро и канализации.

Сохранить управление в такой невероятно сложной обстановке было весьма и весьма трудно. А Жуков такое управление сохранил вплоть до командиров дивизий и даже некоторых полков!

Берлинское сражение было последним, гитлеровцы стояли насмерть, отступать было некуда. И это обстоятельство объясняет яростное сопротивление фашистов, какого не было в предыдущих боях. Сравнить его можно

только с нашей защитой Москвы, когда мы стояли на-
смерть, или битвой за Сталинград.

Почему-то, понимая и оценивая нашу стойкость под Москвой и в Сталинграде, некоторые исследователи не учитывают подобную яростную оборону противника в Берлинской операции.

А это была одна из особенностей последнего сражения, которая, кстати, и объясняет наши немалые потери. Да, были недостатки и огрехи в этой операции — произошла заминка на Зееловских высотах; неоднозначно оценивается применение прожекторов.

Конечно же, хотелось бы, чтобы в завершающем сражении никто не погиб — победа близка, обидно и жалко терять бойцов и офицеров, прошедших через всю войну!

Однако Маниловы бывают не только в литературе, а война есть война, и без потерь она не обходится.

Тут можно отметить и особый героизм наших солдат и офицеров — встать в атаку в последний день или даже час войны — очень не просто!

И последняя особенность Берлинской операции — она проведена в кратчайший срок. За Москву и Сталинград мы бились несколько месяцев. Бились против свежей, еще мощной гитлеровской армии образца 1941 года.

А Берлин был взят за 9 дней!

21 апреля войска Жукова ворвались на окраины Берлина, а в 21 час 50 минут 30 апреля сержант Егоров и младший сержант Кантария водрузили Знамя на рейхстаге и командующий 3-й ударной армией генерал Кузнецов докладывал Жукову:

— На рейхстаге — Красное Знамя! Ура, товарищ Маршал!

И Жуков расстроганно ответил:

— Дорогой Василий Иванович, сердечно поздравляю тебя и всех твоих солдат с замечательной победой. Этот исторический подвиг войск никогда не будет забыт советским народом!

Очень точно определил в этой фразе Георгий Константинович главную особенность Берлинской операции — это исторический подвиг. Нередко мы все разбрасывались этим весомым словом — исторический съезд, пленум, исторические встречи — все кануло в лету, оказалось преходящим.

А вот битва за Берлин — действительно историческое событие и таким останется на века! И правильно сказал маршал — никогда не будет забыта!

РЯДОМ С ЖУКОВЫМ

Моя работа над книгой очень осложнялась «добыванием» документов с грифом «секретно». Некоторые из них можно было только прочесть, а о снятии копий и подумать было нельзя. Трудности встречались не только в немецких и английских архивах и музеях, но и в наших, российских. В таких случаях я зачитывал документ, предварительно включив маленький магнитофончик в верхнем кармашке пиджака. Опыт разведчика и в писательском деле пригодился. И вообще я оказался везучим — застал в живых самого Жукова и многих его соратников.

Что касается битвы за Берлин, то при сборе материалов для этого раздела мне особенно повезло: я был знаком, беседовал с людьми, которые стали историческими личностями. Жуков их привел к столице Германии, под его непосредственным руководством они свершили свои знаменитые боевые подвиги. Георгий Константинович знал, уважал, награждал каждого из них. Я же, встречаясь с ними, как бы еще раз общался с Жуковым, потому что они мне передавали свои разговоры и впечатления от встреч с маршалом во всех подробностях.

Начну рассказ об этих замечательных победителях с Владимира Семеновича Антонова. Мы с ним познакомились в 1959 году в городе Ош, в предгорьях Памира. Я там командовал Отдельным горнострелковым полком, а генерал-лейтенант Антонов, будучи начальником военной кафедры в одном из институтов столицы Киргизии — Фрунзе, привозил в наш полк студентов на стажировку.

Вот в те дни он мне рассказал о боях за Берлин, в которых командовал 301-й стрелковой дивизией, и подарил свою книгу «Путь к Берлину».

Его дивизия брала главное здание гестапо, министерство авиации, Карлсхорст (где позднее была подписана капитуляция), Трептов парк и другие крупные объекты.

Жуков пишет:

«24 апреля 5-я ударная армия (в которую входила 301-я дивизия Антонова), ведя ожесточенные бои, продолжала успешно продвигаться к центру Берлина, к площади Александерплац, к дворцу кайзера Вильгельма, берлинской ратуше и имперской канцелярии.

Учитывая наиболее успешное продвижение 5-й ударной армии, а также особо выдающиеся личные качества ее командарма Героя Советского Союза генерал-полковника Н.Э.Берзарина, 24 апреля командование назначило его первым советским комендантом и начальником советского гарнизона Берлина». (Приятно и мне погреться в лучах славы генерала Берзарина, я служил под его командованием в 39-й армии почти все время пребывания на фронте.)

Дивизия Антонова штурмовала имперскую канцелярию и взяла последнее прибежище Гитлера — фюрербункер. Владимир Семенович рассказывал:

— Ночью и утром первого мая мы готовились к последнему штурму. В десять часов утра позвонил командир корпуса генерал Рослый, поздравил с праздником и приказал начать атаку в одиннадцать часов.

После артиллерийского налета полки ворвались в сад, в северной его части в дыму и пыли просматривалось громадное бетонное сооружение. Мы тогда не знали, что это бункер фюрера. Эсэсовцы из особых частей и ораны Гитлера оказывали яростное сопротивление. Перед самым бункером они черной волной ринулись в контратаку, схлестнулись мы с ними в отчаянной рукопашной схватке. Сад имперской канцелярии кипел, как адский котел. Мне плохо было видно в дыму и пыли, что происходит в саду. Я позвонил командиру полка Гумерову, он, выдавший виды подполковник, коротко ответил:

— В саду творится что-то невообразимое! Там все смешалось в рукопашной.

Из двери, ведущей в бункер, били пулеметы, очень кстати оказался здесь сержант Тимошенко со своей «сорокапяткой». Пушечка маленькая, но дело сделала большое. Прямой наводкой сержант всадил несколько снарядов по пулеметам, и тут же в двери бункера кинулись бойцы взвода лейтенанта Пескова.

1054-й полк одолел эсэсовцев в саду в рукопашной!

Даже маршал Жуков отметил этот жестокий бой:

«Вечером 1 мая 301-я и 248-я стрелковые дивизии 5-й ударной армии вели последний бой за имперскую канцелярию. Схватка на подступах и внутри этого здания носила особо ожесточенный характер».

— После взятия бункера Жуков его осматривал?

— Утром пришел генерал рослый, мы спустились с ним в бункер. Я показал наши трофеи: штандарт «Адольф Гитлер». Тогда я, понятно, еще не знал, что на параде Победы его бросят на брусчатку к подножию Мавзолея.

Вскоре прибыл и командующий армией Берзарин. Я ему передал личную карту Гитлера с последней обстановкой.

Берзарин посмотрел на висевшие на стенах орлы — гитлеровские символы и приказал:

— Снять всех этих хищников.

Утром 3 мая приехал маршал Жуков. Я доложил о последнем бое. Маршал был в хорошем настроении, говорил весело, шутил. Он осмотрел сад. В бункер спуститься не стал, оттуда шел тяжелый трупный запах.

— Где же Гитлер? — спросил Жуков.

— Труп Геббельса нашли, а Гитлера еще не обнаружили, — ответил я.

— Постарайтесь найти, товарищ командир дивизии.

Я показал маршалу штандарт Гитлера, его карту и маршальский жезл Роммеля, который мы нашли в столе фюрера.

Полки дивизии получили почетное название «Берлинских», и вся моя 301-я дивизия была отмечена орденом Суворова 2-й степени.

Следующий, с кем я познакомлю читателей, — командир прославленной 150-й дивизии, штурмовавшей рейхстаг, — генерал-полковник Шатилов.

Последние годы Василий Митрофанович жил в доме на Старой площади, напротив тогдашнего здания ЦК КПСС. Место и дом престижные, здесь жили многие известные люди. На той же лестничной площадке, где была квартира Шатилова, до войны жил маршал Егоров.

Я бывал у Василия Митрофановича много раз, и он мне рассказывал подробности штурма рейхстага и водружения Знамени Победы.

— В горячке боя едва не получился казус с этим рейхстагом, — улыбаясь говорил Шатилов. — Звонит мне командир полка Зинченко, которому я поставил задачу брать рейхстаг, он докладывает: — Перед нами какой-то большой серый дом, он закрывает рейхстаг. Силы на него я тратить не буду, обойду справа, а там уже будет рейхстаг.

Смотрю я на карту, вроде бы большого серого дома в

полосе наступления полка нет. О чем он докладывает? Спрашиваю:

— Уточни, что за дом перед тобой? Кроль-опера? Не может быть, — она на юго-запад от тебя.

Разобрались. Оказалось — большой серый дом и есть рейхстаг. Вот так, чуть не обошли мы его в дыму сражения.

Тяжелые шли бои, каждый метр с боем брали. Жалко было солдат, за несколько часов до конца войны жизни отдавали!

Зинченко докладывает:

— Рота Сьянова приближается к главному входу. К нему пошел комбат Неустроев — поторопить.

— А где знамя Военного совета? — спрашиваю.

— Рядом, на моем НП.

— Так его же сразу надо водружать, как ворвутся.

— Да некому этим заниматься, такой бой идет, товарищ генерал!

Я решил его попутать:

— Ну, раз тебе некогда, передам знамя в полк Плеходанова. Он найдет подходящих людей.

Зинченко тут же опомнился и про бой забыл. Как же, знамя хочет комдив забрать. Кричит в трубку:

— Товарищ генерал, уже нашел нужных людей, вот они рядом со мной, боевые, опытные разведчики — сержант Егоров и сержант Кантария. Я им уже задачу ставлю.

— Ну то-то же! — усмехнулся я.

Военный совет армии выдал девять знамен — по одному каждой дивизии, наступавшей в центре города. Кто первый возьмет рейхстаг, тот и будет водружать знамя. Мы тогда его не называли Знаменем Победы.

Не стану пересказывать другие перипетии разведчиков и знамени на пути в рейхстаг. Сразу перехожу к тому, что узнал от полковника Зинченко. Мы с ним не только были знакомы, а я даже снял о нем телефильм для переда-

чи «Подвиг», которую вел несколько лет на центральном телевидении.

Герой Советского Союза Зинченко со своим полком брал рейхстаг и был назначен первым его комендантом.

— Бои за рейхстаг были очень тяжелые на подступах и в самом здании. Оно огромное, сюда несколько тысяч гитлеровцев сбилось. Сопротивлялись отчаянно. Бои шли на этажах и в подвалах. Кантария и Егоров со знаменем тоже расчищали себе дорогу, огнем из автоматов.

Не буду пересказывать эпизоды боя знаменосцев, их лучше будет узнать от Кантарии. А Зинченко я спросил:

— Кто придумал, кто начал делать надписи на стенах рейхстага? Может быть, ваши бойцы, как только вышли к стенам рейхстага, стали запечатлевать этот исторический момент?

— Нет, мы еще вели бои внутри здания, а надписи уже появились. Я вышел из рейхстага, смотрю, уже весь низ исписан. Стали подниматься выше, на плечи друг другу вставали. А потом лестницы нашли в подвале, притащили и расписали весь дом до самых карнизов.

— Жуков тоже расписался?

— Да, и он, и сопровождавшие его генералы.

— А как это произошло?

— Первым его встретил один из моих комбатов — капитан Неустроев, а потом и я подошел, как только мне сообщили, что командующий фронтом прибыл. Жуков читал надписи на стенах, улыбался, был очень доволен. Спросил: «Как же наверх до самого потолка добрались?» Я рассказал, показал лестницы. Неустроева спросил: «Ну вы, конечно, первыми расписались?» «Никак нет, товарищ маршал, — ответил капитан, — пока мы немцев внутри добивали, тут уже другие свои надписи нацарапали».

Жуков больше часа беседовал с солдатами, которые ходили с ним вокруг рейхстага, а потом и сам расписался на одной стене...

Я был в рейхстаге в шестьдесят восьмом году. Внутри, на первом этаже, немцы устроили выставочный зал. Все здание еще не было капитально отремонтировано, однако снаружи стены были оштукатурены и все надписи, в том числе и роспись Жукова, затерты. В связи с этим мне вспомнились слова Георгия Константиновича, которые он сказал капитану Неустроеву в утешение, что бойцы его батальона не первыми расписались на рейхстаге:

— Это не беда, свои имена вы и без того вписали в историю на веки вечные!

В заключение осталась беседа с Кантарией. С ним приключился у меня сначала неприятный казус. Работал я в 1980—1985 годах главным редактором журнала «Новый мир». В одном из номеров незадачливый автор (не помню его фамилию, а комплекта журналов за те годы под рукой нет) упомянул в своей статье Кантарию, как умершего после войны.

Вскоре после публикации раздастся звонок телефона:

— Это говорит Кантария, которого вы похоронили...

Нетрудно представить мое удивление, а потом и стыд, которые меня охватили. Я доверился автору и полагал, что он знал подлинную судьбу героя.

В общем, надо было исправлять ошибку и перед Кантарией извиниться не только лично, но и публикацией в журнале.

Я немедленно отправился в гостиницу «Москва», встретился с Мелитоном Варламовичем, принес извинения от имени редколлегии. А в очередном — седьмом номере журнала за 1982 год была опубликована моя беседа с ним. Привожу эту публикацию полностью без изменений и дополнений.

«Кантария среднего роста, очень подвижный, несмотря на свои шестьдесят два года. Он не носит традиционные для грузин усы — гладко выбрит. Светлые глаза его

улыбчивы и приветливы. Необыкновенно контактен. Может быть, потому, что мы оба бывшие разведчики, и по годам почти ровесники, и Звезды Золотые у нас на груди, с первой минуты заговорили на «ты», как давние знакомые.

С естественным для него и приятным для слушающего акцентом Кантария стал свободно и весело рассказывать:

— Как жил после войны? Сам знаешь, дорогой, после войны нелегко было. Я вернулся в Очамчири, откуда ушел служить в армию. Радостное и горестное было мое возвращение. Радостно — победили! Горестно: мои односельчане, ушедшие на фронт, — их было шестьдесят один — многие погибли.

— Как налаживалась жизнь?

— Хорошо налаживалась! Женился я на кубанской казачке Анне Илларионовне. Росли дети — сыновья Резо и Шота и дочка Циела. Сыновья водителями работают. Дочка замужем. Давно уж дед! У меня шесть внуков!

— А какая у тебя мирная профессия, кем работал?

— У меня самая хорошая, самая прекрасная профессия. После войны на родную землю вернулся — пять лет пахал и сеял. Потом пять лет в шахте работал в Ткварчели. А шестнадцать лет на стройках — плотником. Работать надо было. Я люблю работать. Меня за это уважают. За труд орденом Ленина наградили. Депутатом Верховного Совета Абхазии меня избрали. Вот так, дорогой.

— Не потерял после войны связь с боевыми друзьями, переписывался?

— Как можно потерять связь с друзьями! Не только переписывались — много раз ко мне в гости в Сухуми приезжали: командир нашей дивизии генерал Шатилов Василий Митрофанович, командир полка Зинченко, командир батальона Неустроев, разведчик Егоров. Все были. Все Ге-

рой Советского Союза. Еще ко мне в гости в Сухуми приедут. И ты приезжай, другом будешь. Запиши адрес.

— А сам, Мелитон, много ездешь?

— Очень много! В Москве часто бываю. В ГДР больше десяти раз был — я почетный гражданин города Берлина. Немецкие друзья наградили меня орденом Карла Маркса. Вот сейчас приехал в Москву по приглашению комсомольцев на съезд. Я ведь был комсомольцем, когда знамя на рейхстаг поднимали. В партию позднее вступил, а тогда шел на купол комсомольцем.

— О чем думал, когда взял в руки знамя и понес его в зал съезда?

— Волновался очень, много думал! Очень... Пожалел, что нет в живых Егорова. Вспомнил, как мы на рейхстаг в дыму, в огне поднимались. Кругом пули, осколки, понимаешь, летят. А меня не зацепило! Четыре раза я был ранен до этого. А тут все мимо пролетели! Повезло, дорогой! Ну еще вспомнил себя молодым. Я ведь на съезд в военной форме пришел. Специально новую форму сшил. Погоны младшего сержанта надел.

— А какое у тебя сейчас воинское звание?

— Младший сержант.

— Но ведь после войны, когда числился в запасе, должны были повысить тебя в звании.

— Я сам просил, чтобы не повышали.

— Почему?

— Когда я шел на рейхстаг, был младший сержант. Так это всюду и записано. Пусть и останусь для всех младшим сержантом Кантарией.

— Как сейчас здоровье, ранения не сказываются?

— На здоровье не жалуюсь. Здоров, слушай, сам удивляюсь! И тут ранен, и тут, и тут, — он быстро показывает на руку, ногу, спину, — а все равно здоров! Гвардия, дорогой, не болеет!

Мы говорили еще о многом. Мелитон был весел, шутил, энергично жестикулировал. Я смотрел на него и ду-

мал о том, что таким же он был и в дни войны, и на параде Победы. Я вспоминал своих фронтовых друзей, и мне думалось: все войсковые разведчики чем-то похожи друг на друга. Много я их видел на фронте — разных национальностей: русские, украинцы, грузины, татары, сыны других народов, внешне разные и в то же время, как братья, наделены чем-то общим. Может быть, вот этой, как у Кантарии, открытой душой, веселым нравом, готовностью ради друга на все. Недаром же среди военных любой профессии, будь то летчики, танкисты или моряки, высшей оценкой человека служили слова: «Я бы с ним пошел в разведку».

Вот и Мелитон Кантария из таких — верный, надежный, добрый, прочный человек!»

Вот такие у меня происходили счастливые, полезные для писателя приятные встречи с Героями, которых представлял к высшей награде маршал Жуков, лично, так высоко оценивая их подвиги. А в беседах с ними прибавлялись еще какие-то черты к образу полководца, а нередко в рассказах о встречах с Георгием Константиновичем я просто слышал его голос.

КАПИТУЛЯЦИЯ. ЖУКОВ ПОДПИСЫВАЕТ ПОСЛЕДНИЙ ДОКУМЕНТ ВОЙНЫ

Советские воины так умело и старательно били гитлеровцев в их столице, что наконец-то спесивые фашистские генералы запросили пощады.

Первый сигнал об этом поступил Жукову в 3 часа 50 минут 1 мая: на командный пункт 8-й армии прибыл начальник генерального штаба германских сухопутных войск

генерал Кребс. Он сообщил о самоубийстве Гитлера и вручил письмо Геббельса Советскому Верховному командованию:

«Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера мы уполномочиваем генерала Кребса в следующем. Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Дёницу, мне и Борману. Я уполномочил Бормана установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс».

К письму Геббельса было приложено завещание Гитлера со списком нового имперского правительства. Завещание было подписано Гитлером и скреплено свидетелями.

Событие было неординарное. Несмотря на поздний час, Жуков позвонил Сталину. Тот был на даче. К телефону подошел дежурный генерал, который сказал:

— Товарищ Сталин только что лег спать.

— Прошу разбудить его. Дело срочное и до утра ждать не может.

Сталин подошел к телефону. Жуков доложил о самоубийстве Гитлера и письме Геббельса с предложением о перемирии.

Сталин ответил:

— Доигрался, подлец! Жаль, что не удалось взять его живым. Где труп Гитлера?

— По сообщению генерала Кребса, труп Гитлера сожжен на костре.

Верховный сказал:

— Никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести. Если ничего не будет чрезвычайного, не звоните до утра, хочу немного отдохнуть.

Обратите внимание на похожесть ситуаций — когда

произошло нападение Германии ночью 22 июня 1941 г., Сталин спал, и Жуков просил дежурного разбудить его. И вот кончается война, немцы запросили мира, и опять Жуков поднимает Верховного с постели.

Генерал Кребс хитрил, говорил о перемирии, а не о безоговорочной капитуляции.

Жуков заявил:

— Если до 10 часов не будет дано согласие Геббельса и Бормана на безоговорочную капитуляцию, нанесем удар такой силы, который навсегда отобьет охоту сопротивляться. Пусть подумают о бессмысленных жертвах.

Кребса отправили в распоряжение немцев. В 10 часов ответа не последовало. Жуков приказал артиллерии открыть огонь и особенно по району рейхсканцелярии. В 18.30 войска пошли на штурм последнего убежища гитлеровского командования.

В 6 часов 30 минут 2 мая генерал Вейдлинг сдался в плен. Он отдал приказ войскам о прекращении сопротивления:

«30 апреля фюрер покончил с собой и, таким образом, оставил нас, присягавших ему на верность, одних. По приказу фюрера мы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то, что иссякли боевые запасы, и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление.

Приказываю: немедленно прекратить сопротивление. Вейдлинг (генерал артиллерии, бывший командующий зоной обороны Берлина)».

Даже в последнем приказе генерал явно ищет оправдание своему поступку: фюрера нет, присяга не действует, боеприпасы кончились.

Немногие знают о том, что после водружения Знамени Победы на куполе рейхстага разведчиками Кантарией и Егоровым бои в этом огромном здании продолжались еще двое суток.

В середине дня 2 мая сопротивление гитлеровцев в Берлине прекратилось.

Умелыми совместными действиями войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов ликвидировали и окруженные группировки гитлеровцев юго-восточнее Берлина. В честь этого был издан приказ Верховного Главнокомандующего, адресованный двоим славным военачальникам — Жукову и Коневу.

И еще один приказ Верховного Главнокомандующего, еще один салют в этот же день, 2 мая, отмечали нашу победу. Для того чтобы разделить эти два победных салюта, первый из них, о котором сказано выше, был дан в 21 час из 224 орудий, а второй — в 23 часа 30 минут, на этот раз из 324 орудий. В истории Великой Отечественной войны это был первый салют из такого количества орудий. Надо сказать, событие было исключительное — салютовали не чему-нибудь, а взятию Берлина!

В приказе Верховного, адресованном на этот раз Красной Армии и Военно-Морскому Флоту, говорилось:

«Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова, при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева, после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлин — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

Берлинский гарнизон, оборонявший город, во главе с начальником обороны Берлина генералом от артиллерии Вейдлингом и его штабом, сегодня, в 15 часов, прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен.

2 мая к 21 часу нашими войсками взято в плен в городе Берлине более 70 тысяч немецких солдат и офицеров...»

Гитлеровская армия, претендовавшая на власть над всем миром, дошла до последних степеней деградации.

Это состояние можно отчетливо разглядеть в той картине, которую увидел личный шофер фюрера эсэсовец Эрих Кемпка, выйдя из бункера, где он находился последнее время вместе с ближайшим окружением фюрера:

«...Глазам нашим представилась потрясающая картина. Смертельно усталые солдаты, раненые, о которых никто не заботился, и беженцы лежали у стен, на ступеньках лестниц, на платформе. Большинство этих людей уже потеряло всякую надежду на бегство и было безучастно ко всему происходящему».

Вот как все обернулось. Обратите внимание — вместе лежат и солдаты и беженцы — то есть те, кто когда-то стройными, четкими рядами шел, сверкая алчными глазами, на Восток, и те, кто вытягивая вверх руку в фашистском приветствии, неистово раздирали рты в крике «Хайль!». Теперь они вместе лежат под заборами, под стенами. Когда-то они мечтали о восточных землях, о большой добыче, а теперь «потеряли всякую надежду на бегство».

Уже и бежать некуда! Полный крах всех планов, всех намерений, всех иллюзий, всех претензий, вообще всего!

После взятия имперской канцелярии Жуков прибыл осмотреть это логово. Вот что он пишет о своем впечатлении в те часы:

«Прибыв на место, мы оказались в затруднительном положении. Нам доложили, что все трупы немцы якобы закопали в местах захоронения, а где и кто закопал — толком никто не знал. Высказывались разные версии.

Захваченные пленные, главным образом, раненые, о Гитлере и его окружении ничего не могли сказать.

Людей в имперской канцелярии обнаружили мало, всего несколько десятков человек. Видимо, находившиеся там руководящие офицеры и эсэсовцы в самый последний момент бежали через потайные выходы из здания имперской канцелярии и попрятались в городе.

Мы искали место сожжения трупов Гитлера и Геб-

бельса, но так и не нашли. Правда, остались потухшие очаги от каких-то костров, но они были малы: скорее всего, там кипятили воду немецкие солдаты.

Мы уже заканчивали осмотр имперской канцелярии, когда нам доложили, что в подземелье обнаружены трупы шестерых детей Геббельса. Признаюсь, у меня не хватило духу спуститься туда и посмотреть на детей, умерщвленных матерью и отцом. Вскоре недалеко от бункера были обнаружены трупы Геббельса и его жены. Для опознания был привлечен доктор Фриче, который подтвердил, что это именно они.

Обстоятельства вначале побудили меня усомниться в правдивости версии о самоубийстве Гитлера, тем более что нам не удалось обнаружить и Бормана. Я тогда подумал, а не удрал ли Гитлер в самый последний момент, когда уже не было надежды на помощь Берлину извне?

Такое предположение я высказал в Берлине на пресс-конференции советских и иностранных корреспондентов.

Несколько позже в результате проведенных исследований, опросов личного медицинского персонала Гитлера и т.д. к нам стали поступать дополнительные, более определенные сведения, подтверждающие самоубийство Гитлера. Я убедился, что для сомнений в самоубийстве Гитлера оснований нет».

Сталин знал все подробности о самоубийстве Гитлера и Евы Браун и сожжении их трупов. Но почему-то он ничего не сказал об этом Жукову. Моя знакомая, писательница Елена Ржевская, подробно рассказывает в своей книге «Берлин, май 1945» о том, как происходило расследование и идентификация трупов Гитлера и его супруги. Приведу отрывок из ее беседы с маршалом Жуковым в ноябре 1965 года, из которого видно, что сразу после окончания боевых действий Сталин считал, что его заместителю Жукову не обязательно знать все, что известно ему — Сталину.

«Я знала, что все, связанное с обнаружением и опознанием трупа Гитлера в те майские дни, держалось в строгом секрете и докладывалось прямо Сталину — по его распоряжению, — минуя командование фронтом, то есть маршала Жукова. Почему было так, то мог бы разъяснить только Сталин.

— Не может быть, чтобы Сталин знал, — решительно отверг Жуков. — Я был очень близок со Сталиным. Он меня спрашивал: где же Гитлер?

— Спрашивал? Когда?

— В июле, числа девятого или одиннадцатого.

— К этому времени Сталин уже давно все знал, провел проверку и удостоверился.

— Но ведь он меня спрашивал: где же Гитлер?

— Очевидно, не хотел дать понять, что знает.

— Зачем?

Зачем было скрывать от него? Может, решив не оглашать этот факт, Сталин никого не посвящал в него, не делился. Более полный ответ, вероятно, коренился также и в сложности, нестабильности отношений двух людей: в них Жуков предстал с органичной, присущей ему прямоотой, ценившей, куда шла война. Естественно, в это я не входила и не располагала исчерпывающим ответом, почему вообще такое решение — не оглашать — принял Сталин».

Жукова смущало то, что он на пресс-конференции в Берлине в мае 1945 года заявил иностранным корреспондентам, что ничего не знает о смерти Гитлера. Теперь же выясняется, что многое тогда было известно, и Жуков, как командующий фронтом, должен был знать правду, но солгал журналистам. В переиздании своих мемуаров Жуков еще раз подтвердил, что в мае сорок пятого действительно ничего не знал, и тем, кого интересуют подробности, рекомендовал читать книгу Елены Ржевской.

Но вернемся в май 1945 года.

7 мая позвонил Сталин и сообщил Жукову:

— Сегодня в городе Реймсе немцы подписали акт безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед Верховным командованием союзных войск. Я не согласился и с тем, что акт капитуляции подписан не в Берлине, центре фашистской агрессии. Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин придут представители немецкого главного командования и представители Верховного командования союзных войск. Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаетесь вы. Завтра к вам придет Вышинский. После подписания акта он останется в Берлине в качестве вашего помощника по политической части.

Кончилась война, вступала в права «ее величество политика», которая всегда считалась «грязным делом».

Вопрос о безоговорочной капитуляции гитлеровцев перед всеми союзниками был решен на Ялтинской конференции.

Приведу ниже письмо Трумэна Сталину от 26 апреля 1945 года, в котором он подтверждает правильное понимание вопроса о капитуляции.

«1. Посланник Соединенных Штатов в Швеции информировал меня, что Гиммлер, выступая от имени германского правительства в отсутствие Гитлера, который, как утверждается, болен, обратился к шведскому правительству с предложением о капитуляции всех германских вооруженных сил на Западном фронте, включая Норвегию, Данию и Голландию.

2. Придерживаясь нашего соглашения с Британским и Советским правительствами, правительство Соединенных Штатов полагает, что единственными приемлемыми условиями капитуляции является безоговорочная капитуляция

на всех фронтах перед Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами.

3. Если немцы принимают условия вышеприведенного 2-го пункта, то они должны немедленно сдаться на всех фронтах местным командирам на поле боя.

4. Если Вы согласны с вышеуказанными 2-м и 3-м пунктами, я дам указания моему посланнику в Швеции соответственно информировать агента Гимmlера.

Аналогичное послание направляется премьер-министру Черчиллю».

И все же Трумэн разрешил командованию союзников принять отдельную — сепаратную капитуляцию гитлеровцев.

Сталин немедленно отреагировал на этот факт нарушения договоренности.

«7 мая 1945 г.

Секретное и личное послание премьера И.В.Сталина президенту г-ну Трумэну.

Ваше послание от 7 мая относительно объявления о капитуляции Германии получил.

У Верховного Командования Красной Армии нет уверенности, что приказ германского командования о безоговорочной капитуляции будет выполнен немецкими войсками на Восточном фронте. Поэтому мы опасаемся, что в случае объявления сегодня Правительством СССР о капитуляции Германии мы окажемся в неловком положении и введем в заблуждение общественное мнение Советского Союза. Надо иметь в виду, что сопротивление немецких войск на Восточном фронте не ослабевает, а, судя по радиоперехватам, значительная группа немецких войск прямо заявляет о намерении продолжать сопротивление и не подчиняться приказу Деница о капитуляции.

Поэтому командование советских войск хотело бы

выждать до момента, когда войдет в силу капитуляция немецких войск, и, таким образом, отложить объявление Правительств о капитуляции немцев до 9 мая, в 7 часов вечера по московскому времени».

Вот к этому времени Жуков и его штаб стали готовить все необходимое к подписанию последней, окончательной, официальной капитуляции германского командования.

Много пришлось поработать начальнику тыла 1-го Белорусского фронта генералу Антипенко Н.А.

Я был близко знаком с Николаем Александровичем.

Однажды он приехал ко мне на дачу в Переделкино. У генерала было плохое настроение — никак не мог «пробить» переиздание своих доработанных и расширенных воспоминаний. Не надеясь, что это осуществится, Николай Александрович подарил мне ксерокопию рукописи с такой надписью:

«Владимиру Васильевичу Карпову, прошу принять на память мою рукопись о Жукове. Н.Антипенко.

Желаю успеха в Вашем большом начинании.

Москва 1978 год».

Позднее его мемуары были изданы в Минске, эту книгу Антипенко мне тоже подарил с добрыми пожеланиями.

Разумеется, из бесед с Николаем Александровичем и из его книг я использую некоторые факты в моем повествовании.

Антипенко много лет служил рядом с Жуковым, дружил с ним. Маршал поручил ему заниматься обеспечением процедуры подписания акта о капитуляции.

Прежде всего было подобрано помещение в предместье Берлина Карлсхорсте, здесь раньше была столовая

инженерного училища. Неподалеку подобрали дом для немецких представителей. Антипенко рассказывал:

— Еще с утра 8 мая нами были приняты меры к тому, чтобы стол для немецких представителей в отведенном для них особняке был накрыт подобающим образом. Поручив официанткам столовой военторга заняться сервировкой стола для Кейтеля и сопровождающих его лиц, я вызвал к себе начальника военторга фронта Н.В.Каширина и шеф-повара В.М.Павлова, чтобы выслушать их доклад о подготовке торжественного обеда, который должен был начаться после подписания акта о капитуляции, примерно в 15 часов 8 мая. Еще накануне шеф-повар Павлов предложил разработанное им меню этого обеда.

Впервые пришлось нам заниматься «снабжением» такого рода.

Каждый, конечно, хорошо понимал, каковы были моральные переживания и материальные затруднения людей в связи с войной. Казалось бы, не до банкетов в такое время... Но ведь была завершена невиданная по масштабам война! Впервые собрались представители стран-победительниц по такому торжественному поводу. Надо было хорошо принять гостей.

Предложенное Павловым меню было одобрено маршалом Жуковым.

Днем 8 мая прибыли представители Верховного командования союзников: от американцев — командующий стратегическими воздушными силами США генерал Карл Спаатс, от англичан — маршал авиации Артур В.Теддер и главнокомандующий французской армией генерал Жан Делатр де Тассиньи.

По чинам и по именам видно отношение, а точнее пренебрежение, желание принизить значимость предстоящего подписания общего акта о капитуляции. Полагалось бы прибыть первым лицам их командования союзников: Эйзенхауэру и Монтгомери. Только хорошо воспитанных французов представлял главнокомандующий.

Жуков поступал соответственно: он не поехал встречать гостей на аэродром Темпельгоф, прибывающие были не его ранга. Встречал их заместитель Жукова генерал армии Соколовский.

С гитлеровцами было проще — генерал-фельдмаршал Кейтель, адмирал флота фон Фридебург и генерал-полковник авиации Шумпф прилетели на тот же аэродром, под конвоем английских офицеров.

Говорят, Кейтель, проезжая по улицам Берлина, сказал:

— Я потрясен степенью разрушения!

Наш офицер из сопровождения спросил:

— Господин фельдмаршал, а вы были потрясены, когда по вашему приказу стирались с лица земли тысячи советских городов и сел, под обломками которых погибли миллионы людей, в том числе детей?

Кейтель не привык к такому обращению, побледнел, пожал плечами и ничего не ответил.

Жуков не пишет в своих воспоминаниях о том, в каком напряжении он находился из-за каких-то бюрократических неувязок. Пришло время, назначенное для официальной части, а из Москвы не поступали необходимые указания.

Антипенко волновался, рассказывая об этом даже спустя много лет:

— Начались осложнения. К 15 часам 8 мая обед был приготовлен, а подписание акта о капитуляции откладывалось. Уже вечерело, а команды о созыве людей в зал заседания все не было. Несколько раз я обращался к маршалу Жукову, высказывая ему тревогу за качество обеда. Но не от него зависела проволочка, на то были причины высокого дипломатического порядка: Москва, Вашингтон, Лондон не могли договориться о процедуре принятия капитуляции... Поварам не было дела до этих переговоров, их беспокоило одно — как бы не ударить лицом в грязь и показать именитым европейцам во всем блеске русское поварское искусство.

Раза два я заходил в домик Кейтеля. Он сидел за столом, накрытым более скромно. За спиной у него и у других немецких представителей стояли английские офицеры. Кейтель держал себя с независимым видом, к пище едва притрагивался. Ему предстояло с минуты на минуту быть вызванным в зал заседаний и там, перед лицом всего мира, подписать документ, который навеки пригвоздит к позорному столбу германских милитаристов, — акт о безоговорочной капитуляции. Он сидел напыщенный, вытянув шею, с моноклем в глазу.

Жуков, союзники, Вышинский, Телегин и Соколовский ожидали в кабинете Жукова, рядом с залом, где должно было состояться подписание акта.

Я бывал не раз в этом кабинете и в зале исторического теперь дома в Карлсхорсте.

В одно из посещений обратил внимание на то, что в кабинете маршала отгородили толстыми шнурами письменный стол и кресло Жукова. Я спросил коменданта здания, почему так сделали? Он объяснил:

— Сюда приходит много посетителей и экскурсий и каждый норовит от кресла или стола Жукова отщипнуть хотя бы небольшую щепочку в качестве сувенира.

Комендант показал на «обглоданные углы» стола и кресла. Теперь они были покрыты лаком и особенно не выделялись.

— Вот мы и решили отгородить эту историческую мебель с целью спасения. Иначе растащили бы всю на сувениры. А вам можно зайти за ограждение, посмотреть все, как вы хотите.

Я воспользовался этим разрешением и даже посидел в кресле Жукова, представляя, что здесь происходило много лет назад. Слаб человек, щепочку я не отколол, но в кресле посидел с удовольствием.

Наконец, «наверху», в Москве, все утрясли и дали «указания». В 24 часа Жуков и союзники вошли в зал.

Я думаю, из-за проволочек у маршала было настроение подпорчено.

Он сел за стол. За его спиной были флаги СССР, США, Англии и Франции. За столами (как говорит Антипенко, буквой «П») сидели соратники Жукова и многочисленные представители печати. Среди них были и мои коллеги Симонов, Полевой и другие, каждый из них в своих статьях по-своему описали эти исторические минуты.

Я располагаю стенограммой, которая велась в тот вечер. Она короткая, но зато точно отражает происходившее.

Когда все заняли места, Жуков сказал:

— Господа!

Здесь в этом зале собрались по уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии — заместитель Верховного Главнокомандующего Красной Армии Маршал Советского Союза Жуков, по уполномочию Верховного Главного Командования экспедиционными силами союзников — заместитель Верховного Главнокомандующего экспедиционными силами союзников главный маршал авиации Теддер.

Присутствуют в качестве свидетелей:

Генерал-полковник американской армии Спаатс.

От французской армии — главнокомандующий французской армией генерал Делатр де Тассиньи и для принятия условий безоговорочной капитуляции от верховного главнокомандования вооруженных сил Германии прибыли уполномоченные верховного главнокомандования германской армии — фельдмаршал Кейтель, генерал-адмирал фон Фридебург, генерал-полковник Штумпф.

Их полномочия на право подписи Акта безоговорочной капитуляции проверены.

Я предлагаю приступить к работе и пригласить сюда уполномоченных представителей от немецкого верховного главнокомандования, прибывших для принятия условий безоговорочной капитуляции.

Жуков сделал паузу, дал возможность переводчикам перевести его слова.

Далее Жуков велел:

— Пригласите в зал представителей немецкого главнокомандования.

Их ввели. Кейтель старался быть спокойным. Картинно вскинул руку с маршальским жезлом, приветствуя присутствующих.

Но Жуков тут же поставил его на место, коротко приказал:

— Сядьте!

В стенограмме так и зафиксировано, не «Прошу садиться» или просто «Садитесь», а именно:

— Сядьте! Имеете ли вы на руках акт о безоговорочной капитуляции Германии, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Этот же вопрос задает на английском языке главный маршал авиации Теддер.

Кейтель глухо ответил:

— Да, изучили и готовы подписать.

Жуков встал и молвил:

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишите акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Кейтель резко встал, глаза его горели ненавистью. Но, встретив жесткий взгляд Жукова, он опустил взор и покорно пошел к его столу. Монокль выпал и повис на шнурке. Лицо фельдмаршала покрылось красными пятнами. С Кейтелем подошли Штумпф и Фридебург. Кейтель сел на краешек стула, вставил монокль и дрожащей рукой поставил подпись на пяти экземплярах акта.

Жуков четко сказал:

— Немецкая делегация может быть свободна.

Их вывели из зала.

Жуков продолжал:

— На этом, господа, позвольте заседание объявить закрытым.

Поздравляю главного маршала авиации Теддера, генерал-полковника американской армии Спаатса, главнокомандующего французской армии генерала Делатра де Тассиньи с победным завершением войны над Германией.

Вот уж действительно строевик до мозга костей! На его месте какой-нибудь политик растянул бы процедуру и речи на несколько часов. Жуков уложился в сорок минут: в 24.00 начал, в 0.43 минуты 9 мая 1945 года завершил.

Генерал Антипенко мне доверительно сказал:

— В своих мемуарах я об этом не пишу, а вам, для истории, расскажу. Вышинский для Жукова подготовил длинную речь, на нескольких страницах, ее маршал должен был произнести при открытии или при закрытии, точно не знаю, процедуры капитуляции.

Но Жуков «забыл» текст этой речи в сейфе, в своем кабинете. Я думаю, он поступил так умышленно — не любил маршал длинных политических излияний.

Текст стенограммы подтверждает предположение генерала Антипенко, в нем не сказано ни о вступительной, ни заключительной речи Жукова, зафиксированы только те слова, которые в действительности произносил маршал.

Вышинский, несомненно, доложил Сталину о самовольстве Жукова, и, кто знает, может быть, тогда зародилась у генсека мысль: пора маршала убирать или отодвигать на второй план (что и было сделано в 1945 году).

После официальной части начался банкет, в этом же зале, только теперь столы поставили буквой «Ш» (так сказал Антипенко).

Жуков словно оттаял. Обращаясь к присутствующим, он тепло поздравил всех с победой и предложил тост за советских воинов, за воинов союзных государств, за здоровье всех присутствующих.

Праздновали до 6 часов утра.

Жуков второй раз за всю войну плясал русскую, да так мастерски, что никто не ожидал от него такой лихости.

(Я говорю — второй раз, потому что Антипенко утверждает — впервые он видел такую пляску Жукова 19 ноября 1944 года, в день артиллерии).

Мне кажется естественным и необходимым документом для завершения этой главы полный текст «Акта о капитуляции».

Это последний документ войны, который был подписан героем моей трилогии, великим русским полководцем, маршалом Георгием Константиновичем Жуковым.

Акт о военной капитуляции германских вооруженных сил

8 мая 1945 г.

1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных Экспедиционных сил.

2. Германское Верховное Командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23.01 по центральноевропейскому времени 8-го мая 1945 года, остаться на своих местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзного Верховного Командования, не разрушать и не причинять ни-

каких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военнотехническим средствам ведения войны.

3. Германское Верховное Командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным Главнокомандованием Красной Армии и Верховным Командованием Союзных Экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными Нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае, если немецкое Верховное Командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Командование Красной Армии, а также Верховное Командование Союзных Экспедиционных сил предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

6. Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными.

Подписано 8 мая 1945 года в гор. Берлине.

От имени Германского Верховного Командования:
КЕЙТЕЛЬ, ФРИДЕБУРГ, ШТУМПФ

В присутствии: по уполномочию
Верховного Главнокомандования Красной Армии
Маршала Советского Союза Г.ЖУКОВА
по уполномочию Верховного Командующего
Экспедиционными силами Союзников
Главного Маршала Авиации ТЕДДЕРА

При подписании также присутствовали в качестве свидетелей: Командующий стратегическими воздушными силами США Генерал Спаатс Главнокомандующий Французской Армией Генерал Делатр де Тассиньи.

И, наконец настал день, когда в столице нашей Родины был издан последний приказ Верховного Главнокомандующего. Это был тот приказ, которого Жуков и мы, фронтовики, ждали всю войну, к которому шли долгих четыре года через бои, кровь, подвиги и страдания. И поэтому мне бы хотелось этот приказ также привести полностью.

Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту

8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, 30 артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской Флот!

Верховный Главнокомандующий,
Маршал Советского Союза
И.Сталин

9 мая 1945 года».

Страна ликовала. Народы Европы, в том числе и немецкий народ, наконец-то вздохнули свободно. Салютовала победителям Москва, салютовали себе и сами войска. В часы, когда был дан салют, стреляли не только орудия в Москве, стреляли все, у кого в руках было оружие, стреляли, кричали «Ура!», было всеобщее счастье Победы!

ИТОГИ СРАЖЕНИЯ ЗА БЕРЛИН ПОДВОДЯТ УЧАСТНИКИ БОЕВ И МАРШАЛ ЖУКОВ

В штабе 1-го Белорусского фронта (в городе Бабельсберге) с 9 по 21 апреля 1946 года была проведена военная конференция по обобщению опыта Берлинской операции.

Нет уже в живых ни одного из участников этой конференции. Тем дороже, мне кажется, суждения и оценки военачальников, еще возбужденных горячкой боев.

Я привожу лишь короткие выдержки из их выступлений, те, что относятся непосредственно к Жукову и к тем периодам Берлинского сражения, с которыми я знаком читателей.

Некоторые из участников конференции позже были удостоены звания маршалов, другие повышены в гене-

ральских званиях. В цитатах чины, которые они имели в день выступления.

Об особенностях подготовки и планирования Берлинской операции полно и детально говорил генерал армии Соколовский Василий Данилович, который был заместителем командующего 1-го Белорусского фронта и с первых дней участвовал в разработке плана операции.

Главной «изюминкой» замысла Жукова в Берлинской операции было уничтожение основных сил гитлеровцев в полевых условиях, чтобы они не отошли в Берлин и не создали там оборону, способную держаться долгое время.

Вот что говорил об этом Соколовский: «Нанести противнику удар на реке Одер такой силы, который не дал бы ему возможности затянуть борьбу за Берлин...

Я не буду пространно останавливаться на оценке общеполитической и общестратегической обстановки, которая сложилась к тому времени... Я только должен сказать, что 1-му Белорусскому фронту нужно было спешить, спешить и спешить, но с умом, организованно».

Торопиться было необходимо, но предстояло осуществить фронтальный удар — самый трудный, невыгодный и обычно требующий больше времени на подготовку, чем другие способы наступления.

В этих очень неблагоприятных условиях Жуков нашел такую форму лобового удара, которая соответствовала его общему замыслу: раздробить и разгромить главные силы врага по частям в полевых условиях, не дать им отойти в Берлин.

Соколовский так объясняет этот маневр Жукова: «...фронтальный удар на общем широком фронте с трех направлений сковывал сосредоточенную для прикрытия берлинского направления с востока группировку противника, дробил боевые порядки противника на отдельные, разобщенные между собой участки, нарушал взаимодействие и связь их, то есть преследовал цель сломить со-

противление противника в полосе прорыва на первом этапе операции».

Времени было в обрез, а перед началом операции, на правом фланге, на балтийском побережье, нависала мощная группировка немцев, готовая ударить по тылам 1-го Белорусского фронта и тем самым не только воспрепятствовать осуществлению замысла Жукова по овладению Берлином, но и свести на нет успехи, достигнутые в Висло-Одерской операции.

На то обратил внимание в своем выступлении начальник штаба 5-й ударной армии генерал-лейтенант Куцев А.М.

«Немецкое командование сосредоточивает большие силы и средства, используя особо трудные условия 1-го Белорусского фронта — его открытый правый фланг, проводит решительную операцию, но в результате умелого маневра и своевременного сосредоточения сил маршал Жуков в Померанской операции не только срывает план немецкого командования по разгрому войск 1 БФ, но и создает все условия будущей операции на Берлин с другими фронтами (2 БФ). Последний стратегический контрудар немцев в Померании был разбит...

Обычно перед всякой большой операцией оперативная пауза проходила относительно спокойно. В данной операции предшествующая оперативная пауза была насыщена не только ожесточенными боями на плацдармах, но фронт в период подготовки удара на Берлин проводил серьезную Померанскую операцию. Данное положение интересно тем, что быстрота перегруппировки значительных сил и средств с правого фланга (войск, участвовавших в Померанской операции) на плацдармы в районы г.Кюстрин была блестяще выполнена. Кроме того, за короткий период при большом расходе всех материальных средств в подготовительный период фронт их восполнил».

Снимая несколько армий с рубежа реки Одер и на-

правляя их для отражения удара из Померании, Жуков очень рисковал, потому что эта перегруппировка создавала выгодную ситуацию для гитлеровцев, они могли ликвидировать наши плацдармы на реке Одер.

Генерал Куцев говорил об этом:

«Немецкое командование, потеряв в районе города Кюстрин западный берег реки Одер, предпринимало все меры, чтобы сбить наши войска на восточный берег. Обстановка благоприятствовала немцам тем, что крепость Кюстрин была в их руках и притом еще с большим гарнизоном.

В течение 72 дней за плацдарм велись ожесточенные бои, отличавшиеся упорством войск, отличными примерами организации и проведения общевойскового боя на открытой местности и в крупном населенном пункте Кюстрин, во взаимодействии всех родов войск, с проведением наступательных и оборонительных боев. В боях за плацдарм особо ярко выразились методы ведения общевойскового боя — переход от обороны к наступлению в низших тактических единицах — батальон, полк.

Все действия противника, направленные к уничтожению наших войск на плацдарме и удержанию за собой г.Кюстрин, успеха не имели: только войсками 5-й ударной армии в боях за плацдарм взято в плен 9100 солдат и офицеров, убито 39600. Захвачено и уничтожено орудий 450, танков 260. Данные цифры свидетельствуют о характере боев».

Задержку на Зееловских высотах сам Жуков объясняет тем, что не была детально разведана глубина обороны противника и особенно система артиллерийского огня.

Генерал-полковник Чуйков считает:

«Мы не особенно хорошо знали позиции в лесистых районах за Зееловскими высотами. Наша авиация не могла детально выяснить позиции противника, подготовленные к обороне в лесных районах, и мы нарвались на сплошные полосы его обороны в глубине... К тому же еще наши

немощные средства войсковой разведки не давали возможности выяснить тактическую глубину противника, построения его боевых порядков, его резервы».

Высказывая обвинения в адрес разведки, генерал Чуйков «забыл», что он как командующий армией имел свой разведотдел, разведывательные подразделения, необходимое вооружение и специальную технику, и то, что он сам являлся организатором разведки в полосе наступления 8-й гвардейской армии.

Начальник разведки фронта генерал-майор Трусков Н.М. детально и убедительно изложил полную картину обороны и группировки войск противника, вскрытую всеми видами разведки, а генералу Чуйкову подсказал:

«...генерал Чуйков сказал, что ему якобы неизвестно, была ли вторая оборонительная полоса... необходимо напомнить, что сам генерал-полковник товарищ Чуйков еще до начала операции планировал артиллерийскую подготовку по второй оборонительной полосе, то есть по рубежу Зееловских высот. Об этом же он отдал приказ накануне операции. Выходит, что командующий 8-й гвардейской армии забыл о своих распоряжениях».

Критиковал генерал Чуйков и применение прожекторов:

«Есть замечание у меня в отношении прожекторов. Здесь Василий Иванович Казаков доложил, что с момента перехода в атаку 14 миллионов свечей зажглось и стало освещать путь к победе нашей пехоте и танкам. Цифра, конечно, астрономическая, но мы отлично знаем, что после 25-минутного артиллерийского налета такой мощности, как было на плацдарме, нельзя ничего было увидеть. Хотя бы вы тут зажгли 14 триллионов свечей, вы все равно ничего не увидите, потому что все поле закрывается стеной пыли, гари и всем, чем хотите. Василий Иванович, когда мы с вами сидели вот на этой высоте 81,5, когда засветились прожекторы, которые находились в 200—300 метрах от нас, мы их с вами не

видели и не могли определить, светят они или нет. Я считаю, что, если бы они (прожекторы) были поставлены на пассивных участках, они больше принесли бы там пользы с точки зрения обмана противника. Поскольку у нас научная конференция, по материалам которой мы будем учить свое поколение и сами /знать/ на будущее, я считаю необходимым сказать, что было, что прожекторные роты /понесли/ потери, сожгли много свечей, но реальной помощи войска от этого не получили».

Однако мнение генерал-лейтенанта Кущева о применении прожекторов совсем противоположное, он высказал его еще до выступления Чуйкова:

«...маршал /Жуков/ готовил удар ночью с применением большой массы прожекторов. Практика показала всю состоятельность этих мероприятий, проводимых командованием фронта. Показаниями пленных было установлено, что противник был введен в заблуждение — атаки ждал утром. Ночные действия наших войск с применением прожекторов внесли дезорганизацию».

О целесообразности применения прожекторов мнения разделились. Сам Жуков считал их использование оправданным:

«Это была картина огромной впечатляющей силы, и, пожалуй, за всю свою жизнь я не помню подобного зрелища!»

Маршал, наверное, запомнил, что дважды имел дело с «подсветкой» — первый раз ее применили японцы на Халхин-Голе в атаке против войск Жукова, в другой раз сам Жуков под Киевом использовал подсветку.

Мне кажется, объективно и правильно разрешает этот спор генерал-лейтенант Бахметьев Д.Д., начальник штаба 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта, присутствовавший на этой конференции:

«Хочется мне, товарищи, также остановиться на прожекторах и открытых фарах танков. Всем известен случай, когда 3-я гвардейская танковая армия атаковала про-

тивника севернее Киева и благодаря этому мы имели успех — своевременно овладели Киевом, и 6 ноября 1943 года был нам салют. Впоследствии я с командующим 3-й гвардейской танковой армией говорил о повторяемости этого приема. Он вспомнил старую побасенку о том, как один китайский полководец древних времен набрал 5000 баранов и привязал к ним пучки соломы, зажгли солому и пустили баранов на противника. Противник в панике разбежался, и полководец одержал победу. Когда противник пришел в себя, то собрал 10000 баранов и тем же способом пустил их на противостоящие войска. Однако они пропустили спокойно этих баранов и потом... употребили их на шашлык.

В данном случае и в Берлинской операции прожектора можно было применить один раз, но вводить этот принцип в систему нельзя. Если бы мы задумали атаковать вторично с включенными фарами, это была бы прекрасная цель для артиллерии противника. Противник был тогда напуган, он от нас всякой «пакости» ожидал и растерялся, а если противник не был бы напуган, то мы во всяком случае облегчили бы ему стрельбу ночью прямой наводкой по нашим танкам, по нашей артиллерии, по нашей пехоте».

Почти все участники конференции подтвердили, что удался полностью главный замысел Жукова — раздробить оборону противника и уничтожить главные силы в поле, не допустив их в город. При осуществлении этого замысла возникли трудности, особенно с вводом в бой танковых армий, а при обсуждении этой фазы сражения разгорелся горячий спор.

Командующий 2-й гвардейской танковой армией маршал бронетанковых войск Богданов С.А. сказал:

«Мы учитывали, что Берлинская операция не будет той операцией, в которой мы проходили бы по 60—110 км в сутки, как это было от Варшавы до Одера. Мы это совершенно ясно и четко представляли. Мы знали, прежде

всего, что сопротивление немецкой армии, немецкого населения будет не то, какое мы встречали, идя к Одеру, — это первое. Второе — что местность совершенно другая, что танки попадают от переднего края до Зееловских высот в исключительно тяжелые условия местности, что эта местность будет противником хорошо подготовлена.

В частных указаниях Маршал Советского Союза товарищ Жуков неоднократно указывал на эти особенности и говорил — имейте в виду, что это не Люблинская операция, это не Варшавско-Познаньская операция, это Берлинская операция, которая требует некоторых новых методов, новых форм. В силу особенностей Берлинской операции и темп наступления естественным образом должен был снизиться.

Товарищ Калинин в своем докладе говорил, что танковые войска на первом этапе действовали нерешительно, по шаблону, не было должного темпа. Если мы сравним в какой-либо степени Варшавско-Познаньскую операцию и данную, то мы поймем, что артиллеристы в Варшавско-Познаньской операции очень сильным, могучим, коротким огнем по существу разбили оборону, и пехота, если можно так выразиться, допрорывала, дочищала то, что не уничтожила артиллерия, и танковые войска вошли в открытые ворота.

В Берлинской операции мы понимали и маршал Жуков неоднократно говорил: «Возможно, что этого не будет». И действительно, когда начала наступать 5-я ударная армия и 8-я гвардейская армия, то происходит серьезная задержка и того успеха артнаступления, который мы предполагали, нет, что оборона у противника совершенно другая, что сама оборонительная полоса значительно глубже. Конечно, мы, танкисты, понимаем, что наша главная функция заключается в том, чтобы как можно скорее войти в прорыв... Как выполнялись задачи? К 18.00 16.4.45 года для командующих 5-й ударной и 8-й гвардейской армиями стало совершенно ясно, что пехота

не в состоянии полностью прорвать оборонительную полосу противника. Поэтому у командующего фронтом назрел момент вводить две танковые армии — полторы тысячи танков, для допрорыва, выигрывая во времени».

С мнением Богданова не согласился генерал-лейтенант Телегин К.Ф., член Военного совета 1-го Белорусского фронта, который знал замыслы и обстановку в Берлинской операции шире, чем командующий армией:

«С началом операции командующий и Военный совет все время подхлестывали и подталкивали армии вперед, потому что надо было перемолоть основные силы противника на главном рубеже обороны и не давать им оседать и организовывать оборону на промежуточных рубежах и, главное, не дать возможности собираться и организовываться в Берлине — не допустить стягивания в Берлин частей с севера, с запада. Документами теперь подтверждено, что Гитлер требовал двигать на Берлин 12-ю армию Венка с юго-запада, а с севера — группу Штейнера.

И тут совершенно не прав товарищ Богданов, объясняя причину ввода в бой 1-й и 2-й танковых армий, он пытался мотивировать это неспособностью пехоты прорвать оборону противника. Причину ввода я указал уже. Пехота, безусловно, была способна и дальше вести бои, но командование фронта не считало возможным терять ни одного часа, ни одного дня. Мы знали, что вывод танковых войск на оперативный простор осуществить будет почти невозможно. Было решено ввести все танковые войска, чтобы задавить противника массой техники, уничтожить максимум сил и средств его, деморализовать его и тем самым облегчить задачу взятия Берлина. Было совершенно ясно, что противник на подступах будет драться, не жалея сил. Если бы мы ждали, когда пехота прорвет оборону и создаст условия для ввода танков в прорыв, то ждать нам этого пришлось бы до выхода на Эльбу.

Да, мы считались с тем, что придется при этом понести потери в танках, но знали, что даже если потеряем и половину, то все же еще до 2 тысяч бронеединиц мы введем в Берлин, и того будет достаточно, чтобы взять его. Берлин был конечной стратегической целью операций Красной Армии в Великой Отечественной войне, и выход на Эльбу уже преследовал цель захвата пространства, заранее обговоренного на Ялтинской конференции. Все это было целиком оправдано ходом операции. Наши потери были большие. Но и результат их налицо. Уже с 18 апреля темп наступления возрос, а потери резко упали, в том числе и в Берлине. Да и общие потери фронта за операцию у нас меньше, чем за прошлую операцию, учитывая численность и боевой состав фронта.

Некоторые наши танковые начальники действовали нерешительно и исходили при этом из ошибочных рассуждений: «А с чем я приду в Берлин?»

Генерал Телегин в течение всей операции находился рядом с Жуковым, он знал все распоряжения маршала в динамике сражения:

«Я еще раз подчеркиваю: необходимо было в главной оборонительной полосе противника «перемолоть» большинство его сил и средств и обеспечить себе путь, свободную дорогу. Командующий фронтом ждал с нетерпением этого момента, когда же будет ясно, что у противника силы «перемолоты» и можно будет рваться вперед».

Мнение Телегина поддержал представитель Генерального штаба генерал-майор Платонов:

«Здесь раздавались голоса, что танковые армии 1-го Белорусского фронта: 2-я гвардейская танковая армия товарища Богданова и 1-я гвардейская танковая армия товарища Катуква были введены в сражение раньше времени. С этим нельзя согласиться. Обстановка на войне повелевает. Обстановка вызывала необходимость в первые же дни сражения ввести огромные массы всех

средств борьбы для того, чтобы нанести сокрушительный удар по противнику и как можно быстрее сломить его оборону. Только в этом смысле нужно рассматривать этот вопрос. Иначе нельзя было действовать. Когда пехота оторвалась от артиллерии, огромные массы танков должны были заменить артиллерию, чтобы продолжать давление на всю оборонительную полосу противника. Это сыграло колоссальную роль.

Генерал-полковник товарищ Чуйков говорит, что 8-я гвардейская армия после того, как преодолела все рубежи, уже, подходя к внешнему обводу берлинской обороны, встречала слабое сопротивление противника. Это не случайно. Почему не случайно? Потому, что огромная масса введенных средств борьбы за овладение главной оборонительной полосой и промежуточными рубежами сразу парализовала всю оборону противника. В этих условиях большая часть сил противника была уничтожена именно на этих рубежах.

Идея массированного применения всех сил и средств для того, чтобы быстрее сломить всю оборону противника и прорваться к Берлину, сумела себя оправдать. Только именно в таком свете следует рассматривать этот вопрос».

Противоположное мнение было у генерала Чуйкова, и высказал он его, как обычно, прямолинейно и нелицеприятно:

«...я считаю, что танковые армии в этот день не только не принесли пользу, а, наоборот, даже вред. Почему? Очень просто, товарищи. Плацдарм болотистый, как мы с вами отмечали, с каналами, с ручьями и т.д. Здесь дороги очень редкие и перекопанные, мосты взорваны, двигаться техника могла только по дорогам, свернуть вправо и влево не могла. Плацдарм был и без того перенасыщен техникой: артиллерией, танками НПП и проч., когда сюда врезались колонны танковых армий, перед противником была прекрасная мишень для того, чтобы бить

по танкам. Но танки не в состоянии были развернуться в мало-мальски удобный боевой порядок. Я считаю, что введение в бой в первый день танковых армий не совсем удачно, хотя бы и на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Тем более что пехота и наши танки, НПП и артиллерия не выдохлись в своем наступлении так, чтобы было нужно поддержать их танками. Ударная сила у нас была достаточная, настроение наступать было крепкое».

Танкистам действительно пришлось действовать в невыгодных для них условиях обстановки и местности. Однако возражения Чуйкова исходят из опыта прежних операций, а Берлинская отличалась от них своими особенностями, учитывая которые Жуков и действовал не шаблонно, не по старинке. Исходя из новых необычных условий, Жуков стремился осуществить свой замысел, для чего нельзя было допустить малейшей паузы в наступлении. Маршал вводил танковые армии в тактической зоне сознательно, хотя это не было предусмотрено ранее составленным планом. В этом и проявились находчивость и решительность Жукова, его полководческое искусство.

Генерал Соколовский понимал и разделял необычность решения маршала, он видел и конечный победный результат этих жестких и даже рискованных действий Жукова.

Был ли в этом риск, не рано ли ввели в бой танковые армии? Такие сомнения здесь, как вы помните, высказывались. Я считаю, что те товарищи, которые так думают, были не правы. Нужно было сохранить инициативу и быстро прорваться к Берлину. Задерживаться с вводом танковых армий нельзя было. Это было бы неверно. Неверно потому, что мы здесь неоправданно вынудили бы армии израсходовать свои резервы и вести затяжное медленное наступление, которое могло бы привести к потере инициативы, темпа и привести к выталкиванию противника вместо его дробления и уничтожения. Этим самым

противнику создавались бы благоприятные условия для организации планомерной, последовательной обороны с нарастающей плотностью на рубежах, которых, как вы видите, было подготовлено очень много. Иными словами, мы дали бы противнику козырь в руки для ведения затяжных оборонительных боев и позволили бы ему выиграть время для усиления обороны собственно Берлина.

Товарищ Чуйков считает, что решение на ввод танковых армий до преодоления второй полосы обороны было неправильным. Но ведь кроме второй полосы противник еще имел целую систему оборонительных полос включительно до Берлина. В этих условиях рассчитывать на создание благоприятных условий для ввода в прорыв танковых армий не приходилось. Необходимо было усилить удар общевойсковых армий ударом танковых армий, то есть нанести такой мощный удар, чтобы не допустить каких бы то ни было пауз в начале операции. Момент ввода в сражение танковых армий вполне отвечал обстановке. Сила нашего удара вынудила противника ускорить ввод своих резервов и по существу ослабить оборону Берлина. Мы же, введя танковые армии, сохранили в общевойсковых армиях резервы — целые корпуса для борьбы за Берлин в уличных боях и тем самым выиграли темп и стремительность маневра для окружения берлинской группировки противника и захвата самого Берлина».

На протяжении всего сражения Жуков поддерживал стремительный темп наступления, маршал не давал возможности противнику передохнуть, собраться с мыслями, бил гитлеровцев днем и ночью.

Этот предельный темп понимали и осуществляли войска, о чем свидетельствует генерал Соколовский:

«...все свои резервы противник израсходовал в течение первых четырех дней операции в основном в боях за главную полосу обороны, затем за вторую полосу и частично за тыловую полосу обороны.

Я должен здесь остановиться и подчеркнуть следующее: директива командующего фронтом Маршала Советского Союза Жукова к моменту выхода на рубеж Бернау требовала от войск стремительного ночного броска с тем, чтобы как можно быстрее ворваться в Берлин. Мы с командующим 2-й гвардейской танковой армией товарищем Богдановым получили эту директиву, когда уже было темно. Несмотря на незначительное время, оставшееся на подготовку войск к действиям, удалось в течение 2-х часов организовать крупные передовые отряды — усиленные бригады от каждого танкового корпуса, которые и рванулись ночью на Берлин. Если бы этого командующий фронтом не предусмотрел и если бы этого командующий армией, выполняя директиву командующего фронтом, не сделал бы, я глубоко уверен, что и 2-я гвардейская танковая армия, и 3-я ударная армия задержались бы наверняка на внешнем обводе берлинского УР и вынуждены были бы подтягивать силы и готовиться к серьезному наступлению. Нам это было тем более невыгодно, что местность в районе Берлина затрудняла действия наступающих войск, как вы знаете, там везде проходят так называемые «берлинские огороды» — поля орошения. Все нечистоты Берлина идут на орошение этих полей, и действовать здесь пехоте и танкам просто невозможно: все вязнет в эту жижу, в эту грязь. И только большой ночной бросок прямо по дорогам — «нахальный» бросок решил вопрос. Передовые отряды ночью с ходу ворвались в пригороды Берлина. Таким образом, избежали «удовольствия» драться и готовить операцию за внешний обвод Берлина».

Не напоминает ли вам этот «нахальный» бросок по дорогам последний рывок немцев на Москву, когда они, окружив наши армии под Вязьмой, считали, что оборонять Москву некому, и ринулись к столице по дорогам?

А Жуков тогда очень точно определил ход мыслей и намерение фельдмаршала фон Бока, и все, что оказалось под руками, ставил на дороги, и бил немцев меньшими силами, и в конце концов остановил их наступление.

В сражении под Берлином мы имеем возможность пронаблюдать, как трансформируется опыт полководца при его дальнейшей деятельности. Под Москвой Жуков уловил, понял рывок противника по дорогам, а под Берлином сам решил применить такой бросок. Под Москвой Жуков успел поставить все, что было в его распоряжении, на дороги. А под Берлином он такой возможности немцам не дал: в ходе боя, в течение двух часов, ночью были сформированы передовые отряды и, как говорит Соколовский, «нахально» по дорогам ворвались в Берлин!

Вот что значит полководческое мастерство и мгновенная реакция в ходе сражения! Жуков сделал ставку на высокий темп наступления и постоянно поддерживал этот стремительный темп.

Принять такое решение, имея перед собой мощную, хорошо оборудованную, глубокую оборону, может только полководец с выдающимися способностями. Ординарный военачальник на такое невероятное решение не способен. А Жуков не только решил расчленить, разгромить мощную оборону противника, но еще и осуществить это в предельно короткий срок, в высоком темпе!

Дилетанты и лжецы изошряются в выдумках о больших потерях в Берлинской операции. Это — напраслина. В Берлинской операции потери были меньше, чем во многих других стратегических операциях. 37610 человек из почти миллиона участников за 23 дня напряженных боев. Около 1600 в сутки. Каждого человека жалко — война шла к концу. Но все же надо признать: эти утраты минимальные. Я думаю, малые потери прежде всего определил стремительный жуковский темп сражения. Бои могли продолжаться долго, возможности у немцев для этого были: инженерное оборудование, количество войск, их

опыт и стойкость позволяли вести длительную оборону. Но Жуков не допустил этого и разгромил остатки гитлеровской армии в Берлине в кратчайший срок — взял огромный город за 9 дней!

Любопытные данные привел на конференции заместитель начальника санитарного управления фронта генерал-майор Плякин.

«...за Берлинскую операцию мы получили (в полевые госпитали) 141479 человек, из них — 89% раненых в боях и 11 % больных.

За операцию, т.е. с 15 апреля по 15 мая, возвращено в строй 30551 человек. По состоянию на 1 августа было возвращено в строй уже 102950 человек, что составляет 73% к общему числу санитарных потерь. Так как раненые оставались на излечении и после 1 августа (не отправлялись в глубокий тыл), то общий процент возврата в строй (вскоре) достигал 80%».

Ни один «оппонент» или очернитель Жукова никогда и нигде не приводил этих разоблачительных для них цифр, недоброжелатели ограничивались лишь бездоказательными утверждениями: Берлинская операция — неудача в полководческой деятельности Жукова, потери в ней огромны. Лживость и тенденциозность этих заявлений после всего вышесказанного очевидны, они просто плавают на поверхности.

Жуков на этой конференции не выступал, в апреле 1946 года он был уже в Москве, Сталин назначил маршала на должность главнокомандующего Сухопутными войсками.

Но незадолго до отъезда из Германии, с 27 ноября по 1 декабря 1945 года, Жуков провел в Группе советских войск военно-научную конференцию по изучению Варшавско-Познаньской операции 1-го Белорусского фронта.

На конференции присутствовало свыше 300 генералов и старших офицеров: командиры (некоторых) диви-

зий, корпусов, командующие армиями, представители Генерального штаба и академий.

В обсуждении доклада, который сделал начальник штаба группы войск в Германии генерал-полковник Малинин М.С., приняли участие 24 человека.

Итоги конференции подвел маршал Жуков. После анализа Варшавско-Познаньской операции и выступлений участников конференций Жуков подвел итоги всей войны и, что мне кажется бесценным, обобщил, объяснил и передал потомкам опыт своей личной полководческой деятельности. Этот раздел его доклада является собой нечто похожее на суворовскую «Науку побеждать».

По тексту выступления Жукова видно, что никто из работников штаба этот раздел для маршала не готовил, Жуков высказал свое личное мнение, изложил все «секреты» своей полководческой деятельности, заботясь только о том, чтобы они были восприняты новым поколением военачальников и послужили бы великому делу защиты Родины.

Жуков будто предчувствовал, что боевая деятельность его на этом завершается, он словно прощался с грохотом сражений, фронтовыми соратниками. Это выступление, на мой взгляд, является завещанием великого полководца, которое на четверть века (период опалы Жукова) было вычеркнуто из практики обучения не только войск, но даже из программ военных академий и училищ.

Это откровение Жукова уникально, и поэтому я считаю необходимым познакомить с ним читателей почти полностью, сократив лишь некоторые повторы и детали, касающиеся только Варшавско-Познаньской операции.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА УСПЕХ БОЯ, СРАЖЕНИЯ И ОПЕРАЦИИ

Я останавливаюсь на этих вопросах потому, что на протяжении всей войны я лично руководствовался ими при подготовке всех операций. Одновременно видел, что, когда к этим вопросам относятся формально, успеха в бою, в сражении и операции не было.

Что за вопросы? Эти вопросы не новые. Они всем известны, но я хочу подчеркнуть, что они являются главными вопросами при подготовке операции и на них нужно всегда обращать внимание с тем, чтобы наверняка получить успех.

Первое — это отличное знание противника, правильная оценка его плана действий, точная оценка сил, средств и возможности противника. Знание слабых и сильных сторон противника. Знание, на что противник способен и на что не способен, знание, на чем можно поймать противника. Вот это является содержанием первого вопроса — вопроса разведки.

Внимательное и всестороннее изучение противника при подготовке операции имеет решающее значение. Это достигается длительной, непрерывной и глубокой разведкой противника. Здесь уже докладывали, какими методами велась разведка у нас, тут мне нечего добавить. Я хочу обратить только ваше внимание на то, что особо важное значение при изучении переднего края и просматриваемой глубины обороны играет личное изучение участка самим командиром и самим командующим. Противника следует изучать наблюдением с КП и НП всех родов войск, всеми звеньями командного состава и служб наблюдения. Особое внимание необходимо обращать на подбор постоянных и отличных наблюдателей. Опытный и умный наблюдатель, ведущий наблюдение систематически,

может рассмотреть такие детали, по которым можно безошибочно распознать ложные и фактические действия противника. Часто сменяемые наблюдатели и малоподготовленные, как правило, дают только поверхностные результаты.

Не думайте, что это вопрос мелкий, что им можно пренебрегать в оперативной подготовке. Нужно всегда помнить, что игнорирование самых мелких вопросов при подготовке операций очень пагубно отражается на проведении операции и боя.

В этой операции противник длительное время изучался с воздуха, при помощи визуального наблюдения, фотографирования. Особое внимание уделялось тактической глубине обороны, инженерному оборудованию всех рубежей и резервам. Каждый род войск вел непрерывную разведку в своих собственных интересах.

Наконец, разведданные дополнялись опросом пленных и данными агентурной разведки, которая была заранее организована по особому плану в интересах предстоящей операции.

Не все командиры умеют самостоятельно разобраться в разведданных и правильно оценить противника. Некоторые командиры не умеют разгадать маневрирование противника с целью обмана. У нас был такой факт, когда разведчики и крупные командиры определяли наличие танков противника перед фронтом в два раза больше, чем их было на самом деле. С этими данными я не был согласен и считал своим долгом помочь разобраться и правильно оценить противника. Поэтому, я считаю, правильным будет, если в будущем командующий фронтом, командующие армиями, начальники родов войск и другие крупные начальники будут почаще встречаться со своими подчиненными и помогать им разбираться в противнике и более правильно его оценивать. Чем крупнее начальник, тем большими средствами распознавания про-

тивника он располагает, тем правильнее он может сделать вывод о противнике.

Мы проводили ряд специальных занятий перед операцией, и, как вам известно, вопросам оценки противника на этих занятиях уделяли большое внимание, это принесло большую пользу в ходе операции.

В ходе операции мы применили метод ориентировки командующих путем рассылки информационных сообщений, в которых давалась оценка противника командующим фронтом по вопросам, какой процесс переживает противник, где он слаб, где он силен, что от него можно ожидать, на чем его надо бить, чтобы лучше выполнить задачу. Эта ориентировка, как известно, принесла большую пользу и, как впервые практиковавшееся мероприятие, полностью себя оправдала.

В воспитании нашего высшего командного состава должно пройти красной нитью личное и непосредственное изучение обороны противника командирами всех степеней. При подготовке операции, боя командирам следует лично просмотреть участок переднего края, где организуется прорыв, и проверить, правильно ли докладывают нижестоящие командиры данные о противнике и его обороне. Еще раз обращаю ваше внимание на особую важность личного контроля командиров всех степеней в области разведки в период подготовки наступления.

Второй вопрос — это знание своих войск, тщательная и целеустремленная подготовка их к предстоящему бою и операции.

В первую очередь тщательная и глубокая подготовка командования и их штабов, с которыми нужно очень детально проработать обстановку, общую задачу, частные задачи, вопросы взаимодействия с соседями, со средствами усиления и с авиацией. Детально проработать методику операции и особенно отработать прорыв и бой в глубине, разработать варианты, как действовать в той или иной обстановке.

По опыту не только разбираемой нами операции, а и всех операций, которые мне пришлось готовить и проводить, я должен сказать, что без предварительной и тщательной подготовки командного состава и войск успеха в бою и операции не достигалось. Особо важное значение приобретает уяснение важности и ответственности за порученную задачу и тем более, если об этом с командирами говорит лично командарм или командующий фронтом.

В последнее время в метод подготовки операции стала прививаться форма, когда командующий собирает командиров полков и дивизий и рассказывает им значимость операции, как она будет проводиться, какими силами и что будет, если операция не удастся. Когда не знает командир этого и не ориентирован в этих вопросах, он и недостаточно ответственно готовится к предстоящей операции и бою. Я это лично прочувствовал и рекомендую этот вопрос также включить в вопросы, которые играют первостепенное значение в успехе операции.

Третий вопрос и крупнейший фактор, влияющий на успешность проведения операции, есть достижение оперативной и тактической внезапности. Внезапность достигается главным образом через два элемента — обман противника и стремительность действий.

В настоящей операции мы достигли не только тактической внезапности, но и оперативной внезапности. Вы видите, что противник при наличии возможностей не имел сильных оперативных резервов, он фактически не ожидал такой силы удара, какая ему была преподнесена.

В этой операции с целью обмана противника мы подготовили и провели план обмана. Особое внимание при этом было обращено на скрытие перегруппировок, которые совершались в подготовительный период. По своему опыту я считаю, что оперативный обман, да и план тактического обмана должны быть продуманы лично коман-

дующим фронтом и детально разработаны лично начальником штаба фронта. Почему именно командующим и начальником штаба? Потому что обман противника должен проводиться на широком участке и только в масштабе фронта, в масштабе Генерального штаба. Тактические элементы могут быть проведены в масштабе части, соединения и армии, но крупные мероприятия оперативного порядка должны проводиться в масштабе фронта, масштабе Красной Армии по утверждению Генерального штаба. Это делается для того, чтобы мероприятиями обмана одного фронта не повредить своим соседям. Я знаю несколько примеров, когда один фронт готовил удар здесь, а показывал сосредоточение своих войск с целью обмана противника на другом участке. Противник мог по его замыслу перебросить часть своих сил на угрожаемое направление, а на этом направлении, оказывается, сосед готовил настоящий удар. Он для себя сделал хорошо, он со своего фронта часть сил противника заставил перебросить к соседу, но соседу он сделал плохо, потому что сосед именно на этом направлении готовил прорыв. Следовательно, были проведены мероприятия обмана, выгодные для данного фронта, но невыгодные для соседа, а в целом невыгодные для Красной Армии.

В этой операции план обмана — план маскировки нам удалось осуществить, и, как показал опыт, мы достигли внезапности. Имеется много документов, я мог бы привести десятки и сотни показаний военнопленных офицеров и солдат, которые свидетельствуют, что немецкое командование не знало истинных намерений наших войск.

Второй элемент, стремительность проведения прорыва и операции в целом достигалась быстротой прорыва тактической обороны противника, стремительностью выхода в оперативную зону и быстротой разгрома резервов противника. Стремительность является главным, решающим средством против всех мероприятий противника, в

том числе против всех перегруппировок противника как из глубины, так и из других участков фронта. Стремительность — главное средство быстрейшего разгрома врага. Надо действовать настолько быстро, чтобы противник везде и всюду опаздывал. Этому нужно учиться, на этом нужно воспитывать наши войска. Наша техническая вооруженность позволяет нам осуществлять самые смелые и стремительные удары. Разбираемая операция с точки зрения стремительности близка к желаемому. Стремительностью действий, быстротой разгрома противника, высоким темпом продвижения войск мы достигли полной оперативно-тактической, а иногда и стратегической внезапности. Надо везде и всюду стремиться к тому, чтобы захватить противника врасплох и поставить его в тяжелое положение. Вы, как участники, переживали сами, когда наши опаздывания в начальный период войны со своими контрманеврами приводили к тому, что противник опережал нас. Противник везде оказывался на фланге и в тылу наших войск. Это очень неприятная штука, и она ведет к крупным поражениям. Наоборот, когда мы, пользуясь преимуществом стремительности, сами опережали противника, сами были у него на фланге и в тылу — это всегда приносило успех.

Четвертый вопрос — это точный расчет сил и средств для проведения операции.

Опыт показал, что нельзя ставить войскам непосильные задачи. Практика постановки непосильных задач, кроме потерь, истощения сил и подрыва воинского духа, ничего не дает. Мы в этом убедились неоднократно. Исходя из этого, Варшавско-Лодзинско-Познаньская операция, а позже и Берлинская операция были достаточно обеспечены средствами прорыва, средствами развития прорыва и преследования — резервами. Я лично считаю, что лучше реже проводить наступательные бои, операции, не истощаться мелкими боями, а копить силы, средства и, собрав их, проводить более солидные операции. Я

об этом говорю потому, что за войну я видел много таких генералов, которые ради активности часто проводят частные операции с мелкими целями. Они должны обязательно проявлять активность не в одном месте, так в другом, не в другом, так в третьем. Им все кажется, что этот выступ мешает, и если они захватят его, то будут командовать над противником. Впереди всегда кажется все выгоднее, этим нельзя увлекаться. Надо уметь остановить себя от соблазна, и, поскольку дело мы имеем с людьми, людей надо беречь, готовить к серьезным операциям с решительными и глубокими целями.

При подготовке наступательной операции с прорывом позиционной обороны особое внимание должно быть уделено артиллерии как главному и решающему средству разгрома системы огня обороны противника.

Я твердо убежден в том, что допущенные ошибки в расчетах и игнорирование артиллерии нельзя выправить ни героическим поведением пехоты, ни лихой атакой танков, ни ударами авиации.

Пятый вопрос — это самый сложный вопрос подготовки операции, это материальное обеспечение и подготовка тыла к обеспечению операции. Многие командующие не любят заниматься этими делами, многие командиры не любят заниматься тылом, но ведь известно, что у нас был сорван ряд операций по причине материальной необеспеченности и неподготовленности тыла.

Варшавско-Лодзинско-Познаньская операция в материальном отношении была подготовлена хорошо, и тыл справился со своей задачей. Но с выходом армий на линию Познань мы ощущали перебои в подвозе горючего и боеприпасов. Правда, это может быть потому, что мы перевыполнили план операции. Но современный тыл, поскольку он опирается на достаточно мощные средства подвоза, должен быть готов всегда к продолжению операции. Тем более непростительно нашим командирам тыловой службы, что они оказались недальновидными. Многие

наши армии имели специально приданные транспорты подвоза. Еще в период подготовки операции решением Ставки армии были укомплектованы штатными транспортными частями. К тому же мы заранее предвидели большую глубину операции и возможные трудности с подвозом благодаря отсутствию ж.д. мостов через Вислу. Тыловые работники не учли этого, и потребовалось Военному совету принять ряд срочных мер, чтобы подать горячее и боеприпасы наступающим войскам. Мы взяли 30—400 автомашин из танковых армий и заставили курсировать их из района Бромберг в Варшаву около 700 км. Войсковые транспорты усилили средства передвижения мотопехоты, и благодаря этим и другим мероприятиям мы вышли из создавшегося тяжелого положения.

У нас было достаточно времени для подготовки данной операции. Я считаю, что и в будущем ни при каких обстоятельствах неподготовленную операцию в материальном отношении проводить не следует. Общая обстановка может толкать Главное Командование на быстрейшее проведение операции. В этом случае командующий, организующий операцию, должен проявить мужество и доложить Ставке или высшей инстанции о неготовности операции.

Шестой вопрос — об артиллерии. Некоторым почему-то не нравится, что артиллерия считается богом войны. Я не понимаю ревности некоторых командиров. Это несерьезно. Мы не имеем права на ревность к другому роду войск. Все это наше — советское, все это наше — Красной Армии. Артиллерию надо знать хорошо и отводить ей решающее место. Всякая недооценка артиллерии ведет к излишним жертвам и к срыву задач.

В Варшавско-Лодзинско-Познаньской операции при прорыве мы имели плотность 210—230 стволов на 1 км фронта, из них 50 проц. — калибров 120 мм и выше и 50 проц. — калибров 76—82 мм.

Практика показала, что эти расчеты в основном себя

оправдали и их можно взять за основу при планировании и организации прорыва глубоко эшелонированной обороны.

Некоторые думают, что недостаток в артиллерии можно с успехом заменить снарядами. Это неверно, так как это заставит растягивать по времени артподготовку, а всякая растяжка дает время противнику на подтягивание к угрожаемому участку своих резервов и маневра средствами по фронту, дает время противнику на занятие тыловых позиций. Это в свою очередь передает в руки противника некоторые преимущества. Требование стремительности операции требует от артиллерии в минимум времени дать максимум огня. Только внезапные, сильные артиллерийские удары, которые ошеломляют своим ожесточенным огнем противника, ошеломляют его морально и физически, могут обеспечить нам крупные успехи, это не раз подтверждено опытом операций Красной Армии.

Красная Армия может позволить при операциях на прорыв усилить ударные армии одной, а иногда и двумя арtdивизиями прорыва. Мы имеем для этой цели достаточную артиллерию прорыва в резерве Ставки Верховного Главного Командования.

Я хочу обратить ваше внимание также на время атаки, умышленно связывая этот вопрос с артподготовкой. Атаку надо начинать, как показывает опыт ряда операций, во время артподготовки и каждый раз в новое время. К примеру, на 27, на 38, на 44-й минуте, чтобы противник не знал и не мог приспособливаться к режиму огня и атаки. Когда наши действия будут носить шаблонный характер, противник обычно привыкает и рассчитывает, что артподготовка кончается в равные минуты (скажем, 15.30 мин.), а затем начинается сопровождение и атака. Это неверно. Первый бросок на врага должен произойти в самый ожесточенный момент артподготовки. В это время надо пехоту поднять и бросить в атаку, чтобы

противник, будучи загнанным в траншеи, не мог бы наблюдать за движением нашей пехоты и танков и тем более не мог бы оказать какое-нибудь огневое сопротивление. Этому нужно натренировать войска в мирное время. Такой метод мы практикуем уже давно, с 1944 года. Первый раз мы его применили на Западном фронте, и он себя блестяще оправдал. Он был настолько внезапен для противника, как показывают пленные: «Мы не успели очухаться, как русские перепрыгнули через наши траншеи». В последующих операциях этот метод применялся много раз, по этому вопросу были данные войскам специальные указания. Но все же шаблон, ранее применяемый, оказался настолько сильной вещью, что ряд командиров, в том числе и артиллеристов, все еще стремятся его придерживаться. Дают противнику ясные обозначения, переносом огня первоначально по переднему краю, а затем резко убирая его в глубину, — начала броска нашей пехоты и танков на штурм.

Искусство замаскировать начало атаки является основным фактором всей боевой деятельности в умении осуществить первый бросок на противника.

Как показывает опыт атак, опыт артподготовки, — самым лучшим временем начала является предрассветное время. Когда противник сменяет ночную смену дневной, тогда нам выгодно под артогонь взять обе смены.

Я не имею времени, чтобы подробно остановиться на ночных действиях, но обращаю ваше внимание, что это очень важный вопрос. Война будущего, с точки зрения авиационного воздействия, артиллерийского воздействия, использования танков, во многом будет не похожа на эту войну. Я глубоко уверен, что основные действия будут перемещены на ночь. Новые достижения в области военной техники, включая сюда и атомную бомбу, заставят прекратить главные операции днем. Действия должны будут быть перенесены на ночь, а поэтому мы долж-

ны очень серьезно работать над приборами ночного наблюдения. В этой области у нас имеются уже неплохие достижения. К ночным действиям нужно готовить войска, штабы и нашу технику. Наши бойцы, командиры и штабы до дивизии включительно должны в основном жить, воевать и работать ночью. Сделать так, чтобы ночь для них была днем, а день ночью.

Опыт настоящей операции показал очень хороший результат от действия спаренных танковых армий, т.е. от действия двух танковых армий на одном операционном направлении. Очень трудно противнику преградить дорогу 1500—2000 танкам, для этого он должен сосредоточить много своих танковых дивизий, много артиллерийских средств, что не всегда удается при стремительных операциях или стремительном нажиме.

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ

Первое — это о фронтальном ударе.

Некоторые товарищи доказывали, что фронтальный удар — понятие скорей тактическое, чем оперативное, другие зачисляли фронтальный удар в национальное достояние, при этом наше русское, и не хотят фронтальный удар отдавать никому другому, так как Суворов и Драгомиров и другие русские полководцы будто бы не признавали всяких обходов, фланговых и других операций.

Товарищ Калинин также говорил, что наше техническое достижение, наше оперативное мастерство дает нам право считать фронтальный удар главным оператив-

ным фактором военного искусства Красной Армии. Я не согласен с этим, товарищи.

Прорыв — это не цель. Прорыв — один из важнейших этапов к достижению цели, а главная цель всегда достигается после прорыва.

Примером этого может явиться план Ставки Главного Командования (Жуков имеет в виду Варшавско-Познаньскую операцию. — *В.К.*). Вы видите — фронт прорывался на ряде участков в разных направлениях. Разве прорыв на отдельных участках являлся целью, нет — общая цель была гораздо глубже.

Вот вам цель — отсечь группировку, крупнейшую группировку, отсечь и изолировать ее. Целью данной операции было рассечь группировку, а затем, в зависимости от обстановки, идти на отсекаание этой группировки или развивать удар глубже с тем, чтоб занять исходное положение для выполнения основной стратегической цели — конечной цели войны.

Прорыв совершается не для прорыва, а для получения преимущества наших войск в маневре, с целью удара с менее выгодного для противника направления.

В Великой Отечественной войне, как вам известно, родился термин «свертывание фронта» методом косо-го удара, — я последнее добавляю от себя, потому что он фактически все время так шел. Вспомните Сталинградскую операцию, в цель которой входило окружение крупнейшей группировки, не только 6-й армии, но и частей, которые взаимодействовали с 6-й армией противника. После прорыва Красная Армия, получив открытый фланг, по существу, шла на свертывание фронта. Вначале были разгромлены группировки противника на флангах, и мы получили хороший ход для себя в тыл противника. Мы быстро зажали противника в тиски, а затем его добил Донской фронт. Фактически была вырезана полоса неприятельского фронта от Серафимовичей до Сталинграда, и, идя косым ударом как можно

глубже в тылу противника, мы получили оперативную свободу для наших фронтов. Освободившиеся силы и средства (Юго-Западный фронт) вышли на фланг и тылы противника и стремительно продолжали наступление в направлении Харькова. Разве это не является классическим образцом действий фланговых операций, операций, проводимых в тылу противника.

Мы не для фронтальных ударов механизуем армию, а для того, чтобы осуществлять маневр во фланг, в тыл, для того, чтобы упреждать противника в преследовании, для того, чтобы быстрее выходить к намеченной цели.

Мы отдаем должное фронтальным ударам. Для прорыва мы имеем многочисленную тяжелую артиллерию, тяжелые танки, тяжелые самоходные орудия и другие средства прорыва. Но посмотрите на оперативные цели Сталинградской операции, на оперативные цели Бобруйской операции 1944 года, на оперативные цели Кишиневской операции, на план зимней кампании 1945 года, о котором я докладывал. Наконец — Берлинская операция. Везде вы видите операции с решительной целью, методом окружения или разгрома противника при преследовании.

Следовательно, прорыв фронта есть не цель, а один из главнейших этапов современной операции.

Вопрос о том, является ли фронтальный удар понятием тактическим или оперативным? Я считаю, что поскольку при современном прорыве применяются соединения, выходящие за рамки тактического понятия, то фронтальный удар является понятием оперативного характера. Поскольку в прорыв вводятся войска, обычно выходящие из рамки тактических соединений, я считаю, нет оснований относить фронтальный удар к понятию тактическому.

Я хочу ответить на выступление тов.Енюкова. Видимо, некоторые товарищи недостаточно поняли целесообразность тех или иных мероприятий командования в ходе операции. Он сказал, что со средствами, которые имел

фронт, можно было дойти до Берлина. Конечно, Берлин не имел в этот период сильного прикрытия. На западном берегу р.Одер у противника были только отдельные роты, батальоны, отдельные танки, следовательно, настоящей обороны по Одери еще не было. Это было известно. Можно было пустить танковые армии Богданова и Катукова напрямик в Берлин, они могли бы выйти к Берлину. Вопрос, конечно, смогли бы они его взять, это трудно сказать. Но надо было суметь устоять против соблазна — это дело нелегкое. Командир не должен терять голову, даже при успехе. Вы думаете, тов.Чуйков не хотел бы выскочить на Берлин или Жуков не хотел взять Берлин? Можно было пойти на Берлин, можно было бросить подвижные войска и подойти к Берлину.

Но, товарищ Енюков, назад вернуться было бы нельзя, так как противник легко мог закрыть пути отхода. Противник легко, ударом с севера прорвал бы нашу пехоту, вышел на переправы р.Одер и поставил бы войска фронта в тяжелое положение.

Еще раз подчеркиваю, нужно уметь держать себя в руках и не идти на соблазн, ни в коем случае не идти на авантюру. Командир в своих решениях никогда не должен терять здравого смысла.

Так Георгий Константинович подвел итог своей боевой деятельности. Впереди ждали его мирные дни, в которых смерть подстерегала, пожалуй, более реально, чем на фронте.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Маршала Советского Союза Куликова В.Г.	3
Зима 1942 года	19
Окружение 2-й ударной армии	39
На той стороне после битвы за Москву	64
Очередной просчет Ставки и Жукова	79
Поворот на юг (ударна Кавказ)	83
На последнем рубеже	94
Немецкая разведка расширяет борьбу с Красной Армией	105
Великое сражение на Волге	117
На той стороне в дни Сталинградской битвы	153
Операция “Кольцо” Жуков помогает сталинградцам	170
На той стороне. В “Волчьем логове”	192
Операция “Искра”	205
Курская дуга	213
Вперед, к Днепру!	242

Тегеранская конференция	269
Жуков дарит Коневу маршальские погоны	280
На той стороне	305
Проскурово-Черновицкая операция	315
На той стороне	326
“Багратион”	333
Жуков выполняет особые задания	364
Шедевр военного искусства	381
На той стороне в период	
Висло-Одерской операции	407
На подступах к Победе	422
Движение, которого не было	448
Взятие Берлина	464
Рядом с Жуковым	496
Капитуляция. Жуков подписывает	
последний документ войны	505
Итоги сражения за Берлин подводят	
участники боев и маршал Жуков	524

Карпов В.

К 26 Жуков на фронтах Великой войны. — М.: Вече, 1996. — 560 с.

ISBN 5-7838-0025-2

Известный отечественный прозаик, ветеран Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза Владимир Карпов завершает этой книгой трилогию о выдающемся полководце России. Приуроченный к 100-летию со дня рождения Великого Маршала Победы, этот труд венчает собой многолетние изыскания, сбор и анализ документов, хранящихся в отечественных и зарубежных архивах. Все это позволило автору создать монументальное и величественное полотно, в центре которого — Георгий Константинович Жуков.

Владимир КАРПОВ
ЖУКОВ НА ФРОНТАХ
ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Ответственный за выпуск *С. Дмитриев*
Редактор *М. Галынский*
Корректор *Б. Тумян*
Художник *В. Крючков*
Верстка *Н. Ицук*

ЛР № 064614 от 03.06.96
Издательство «Вече»
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24

Подписано в печать 22.10.96. Формат 84х108 1/32.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 29,4. Тираж 15 000 экз.

Отпечатано с оригинал макета в типографии АО «Молодая гвардия». Зак.
67368. Адрес АО: 103030, Москва, Сушеvская, 21.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВЕЧЕ"
ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЯМ
ПОПУЛЯРНЫЕ СЕРИИ:**

Self-Help (Помоги себе сам)

**Книги, помогающие в вашей
повседневной жизни**

Лотос

Яркие женские любовные романы

Зона риска

**Серия остросюжетных российских
детективов**

Словари и энциклопедии

В помощь изучающим английский,
немецкий и французский языки, а также
всем, кто стремится к сокровищам
знаний

Великие тайны

Раскрытие загадок,
волнующих
человечество

